

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№8 2022 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

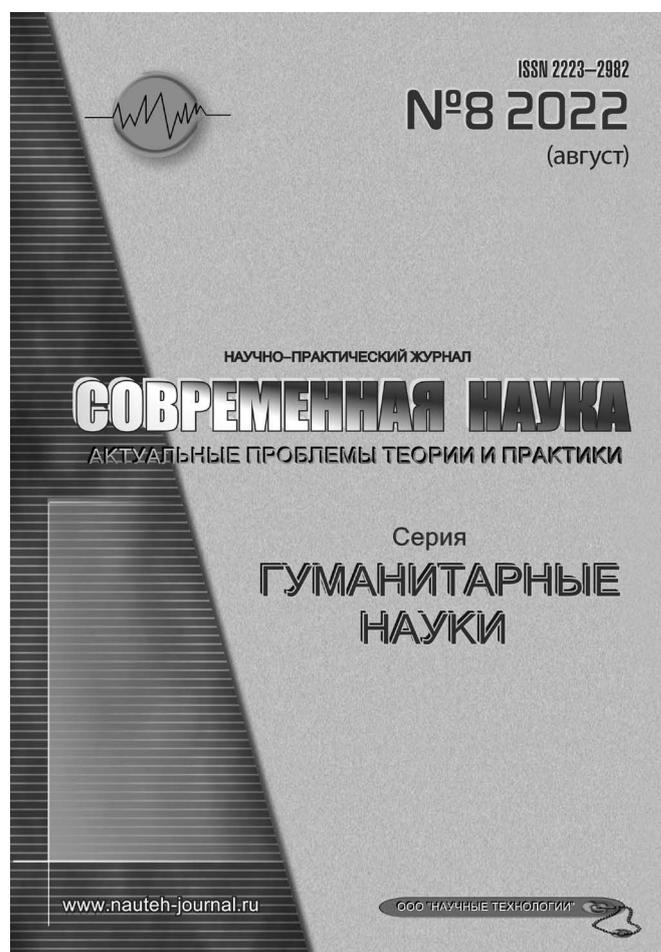
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 8 (август) 2022 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.08.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрушинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Ахмедов В.М. – Специфика российско-иранского взаимодействия в условиях кризиса в САР
Akhmedov V. – The specifics of Russian-Iranian interaction in the Syrian crisis 6

Савенко Е.Н. – Неподцензурная периодика советского периода как источник изучения социокультурной жизни сибирского региона
Savenko E. – Uncensored soviet periodicals as a source for the study of the social and cultural life of the Siberian region 11

Тинина З.П. – Мемуары И.Г. Тинина об учебном процессе в гимназиях Российской Империи
Tinina Z. – Memoirs of I.G. Tinin about the educational process in the gymnasia of the Russian Empire 16

Филиппова Н.П. – Негласный комитет и вопрос о малороссийском казачестве
Filippova N. – Secret committee and the question of the little Russian Cossacks 21

Хильченко М.В. – Масонство и политические институты: традиции и современность
Khilchenko M. – Freemasonry and political institutions: tradition and modernity 26

Чесухина В.Н., Шишарина А.Н., Гришанова Я.О. – Роль земства в развитии медицинского обслуживания населения в Васильсурском уезде в пореформенный период
Chesukhina V., Shisharina A., Grishanova Ya. – The role of the zemstvo in the development of health service in the population in Vasilsuru district in the post-reform period 32

Педагогика

Абазова Л.М., Кочесокова М.П., Гутаева Ж.Ж., Татарова Р.Х. – Методологические основы применения дистанционных образовательных технологий в работе с иностранными учащимися
Abazova L., Kochesokova M., Gutaeva Zh., Tatarova R. – Methodological basis of application of remote educational technologies in work with foreign students 35

Дмитриев В.А., Швецова О.Ю., Корчагина А.О. – Развитие познавательных способностей у детей старшего дошкольного возраста в процессе восприятия музыки
Dmitriev V., Shvetsova O., Korchagina A. – Development of cognitive abilities in children of the older preschool age in the process of music perception 40

Игнатова Е.М., Пивоварова Е.В., Санжарова И.Э. – Аспекты патриотического воспитания в преподавании перевода студентам-международникам (на материале текстов политического и медийного дискурса ФРГ)
Ignatova E., Pivovarova E., Sanzharova I. – Aspects of patriotic education in teaching translation to international relations students (based on the texts of the political and media discourse of Germany) 46

Китляева С.Д., Бадмаева В.И. – Обучение иностранцев письму и письменной речи
Kitlyaeva S., Badmaeva V. – Teaching foreigners writing and written speech 51

Лихачева Е.Ю. – Использование определенного алгоритма лексических упражнений при работе с профессионально направленной лексикой
Likhacheva E. – Using a certain algorithm of lexical exercises when working with professionally directed vocabulary 54

Мейер Л.Х., Динейкина Е.В. – Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке студентов неязыковых вузов

Meier L., Dineikina E. – The usage of modelled speech situations as a method of foreign language oral speech instruction in non-linguistic universities. . . . 58

Новгородцева Т.Ю., Бурдуковская А.В., Иванова Е.Н., Пегасова Н.А. – Методы и средства управления проектами в сфере образования
Novgorodtseva T., Burdukovskaya A., Ivanova E., Pegasova N. – Methods and means of project management in the field of education 62

Панкова Т.Н., Чухина А.А., Багаев И.З., Борисов Е.А., Снегирев Д.В. – Потенциал современных образовательных технологий: ресурсы, средства, сервисы
Pankova T., Chukhina A., Bagaev I., Borisov E., Snegirev D. – The potential of modern educational technologies: resources, tools, services 70

Пишкова Н.Е. – Толерантность как свойство образовательного процесса в воспитательном сегменте вузовского образования и ее формирование
Pishkova N. – Tolerance as a property of the educational process in the educational segment of higher education and its formation 75

Ткач Р.С., Ткач Е.Н., Звягина Г.В. – Развитие массового спорта в современном российском обществе как психолого-педагогическая проблема
Tkach R., Tkach E., Zvyagina G. – Development of mass sports in modern Russian society as psychological and pedagogical problem. 79

Чуднова О.А., Чвалун Р.В., Кизилова Н.И. – Роль образовательной среды в процессе обучения иностранному языку в вузе
Chudnova O., Chvalun R., Kizilova N. – The role of the educational environment in the process of foreign language teaching at the university 82

Ян Сюецзяо – Эффективные приёмы обучения русскому языку как иностранному, используемые в интернет-среде (на основе текстов публицистики)
Yang Xuejiao – Effective methods of teaching Russian as a foreign language used in the internet environment (based on public texts). 86

ФИЛОЛОГИЯ

Анисимова Е.С. – основные способы перевода английского причастия на русский язык в текстах авиационной тематики
Anisimova E. – The main Methods of translating the English participles into Russian in aviation related texts. 89

Болотова Е.А., Сагирьянц Е.С. – Простые предложения в аспекте теории речевых актов
Bolotova E., Sagiryants E. – Simple sentences in the aspect of the theory of speech acts. 94

Булычева В.А. – Репрезентация концепта «Огонь» посредством единиц универсального предметного кода в научно-фантастическом дискурсе
Bulycheva V. – Representation of the concept "Fire" by means of units of the universal subject code in science fiction discourse 99

Ван Лиана – Исследование функций дискурсивно-адресаций в лекторском дискурсе в сфере учебных лекций (на основе оригинальных материалов русского языка)
Wang Lina – Research of the functions of engagement markers in the lecturer's discourse in the field of educational lectures (based on the original materials of the Russian language) 101

Голикова Т.О. – Происхождение современных английских устойчивых выражений
Golikova T. – The origin of modern English set expressions. 107

Греховодов В.А. – Интерпретация знания «лояльность» в русскоязычном и англоязычном корпусах
Grekhovodov V. – Interpretation of knowledge "loyalty" in Russian and English corpora. 110

Гурова И.В. – О Брексите и других «-екзитах» в русском дискурсе
Gurova I. – On Brexit and other "-exits" in the Russian discourse 114

Захарова И.А. – Концепт «Красноярск» в языковой картине мира
Zakharova I. – The concept "Krasnoyarsk" in the linguistic worldview. 118

- Клюева Ю.С., Кузьминов В.Г., Швецов А.А.** – Слова и смыслы: современные подходы
Klyueva Yu., Kuzminov V., Shvetsov A. – Words and meanings: modern approaches121
- Новикова М.Г., Лебедева А.А.** – Поэзия и философия: загадочная близость
Novikova M., Lebedeva A. – Poetry and philosophy: a mysterious proximity128
- Островская К.З.** – Метаконцепт путь-дорога в народной волшебной сказке как выражение непреложного нравственного закона
Ostrovskaya K. – The metaconcept путь-дорога (way) in the folk fairy tale as an expression of an immutable moral law133
- Пэн Юньюй, У Хаотянь** – Исследование фольклорной культуры в произведениях И.А. Бунина на деревенскую тему с точки зрения лингвофольклористики
Peng Yunyu, Wu Haotian – Study of folklore culture in the works of I.A. Bunin on a village theme from the point of view of linguo-folkloristics137
- Русяева М.М., Баранова Н.А.** – Концепт «доверие» в дискурсе СМИ (на материале немецкого языка)
Rusyaeva M., Baranova N. – Concept "trust" in the media discourse (based on German language) ... 141
- Сабельникова Е.А.** – Анализ концепта «футбол» в современном англоязычном спортивном дискурсе
Sabelnikova E. – Analysis of "football" concept in modern English sport discourse.....145
- Садовникова И.И.** – Глаголы – синонимы эмоционального состояния человека в эвенском языке
Sadovnikova I. – Verbs are synonyms of a person's emotional state in the Even language.149
- Степанова Н.Н.** – Процесс переосмысления французской литературной традиции на рубеже XIX-XX вв.
Stepanova N. – Process of rethinking the French literary tradition at the turn of the XIX-XX centuries152
- Стройков С.А., Никитина И.Н.** – Лингвистическое исследование веб-сайта в качестве полисемиотического гипертекста
Stroykov S., Nikitina I. – A linguistic study of the website as a polysemiotic hypertext.....157
- Царапкин Я.В.** – Лексико-стилистические особенности текстов французских СМИ экономической тематики: проблема перевода
Tsarapkin Ia. – Lexical and stylistic features of the texts of the French economic media (translation problem)161
- Цатурян М.М., Саркисян М.А.** – Перевод как творческое познание подлинника и индивидуальный стиль переводчика
Tsaturyan M., Sarkisyan M. – Translation as creative knowledge of the original and the individual style of the translator.....166
- Цопанова Р.Г.** – Типы сказуемых в персидском и осетинском языках
Tsopanova R. – Predicate types in Persian and Ossetian languages171
- Червоный А.М., Мурашова Е.А.** – Логическая симметрия и языковая асимметрия обобщающих форм выражения субъекта в русском и немецком языках
Chervony A., Murashova E. – Logical symmetry and linguistic asymmetry of resumptive personal forms of subject expression in Russian and German175
- Шиянова А.А.** – Словообразовательные суффиксы имен прилагательных хантыйского языка (семантика и функционирование)
Shiyanova A. – Word-forming suffixes of Khanty adjective names (semantics and functioning)181

Информация

Наши авторы. Our Authors.....185

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....187

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА В САР

Ахмедов Владимир Муртузович

*К.и.н., с.н.с., Институт Востоковедения РАН
shamyarabist@gmail.com*

THE SPECIFICS OF RUSSIAN-IRANIAN INTERACTION IN THE SYRIAN CRISIS

V. Akhmedov

Summary: The Syrian crisis that has been lasting for more than 11 years determines the urgency of this article. Having been the partners in the field of the Syrian crisis Russia and Iran supported ruling regime in Syria. Both countries are deeply involved in the Syrian crisis and play a crucial role in its settlement. In view of this presented article is aimed to investigate the character of Russian-Iranian interaction in Syria. An author shows the rivalry between Moscow and Tehran for maintaining their control on the development of the current situation in Syria. He considers reviling the nature of Russian-Iranian disagreements and drawing the cooperation's perspectives for Russia and Iran to peacefully resolve the Syrian conflict, as well. An appropriate theoretical framework for this study was provided by the constructivist approach combined with comparative methodology. Thus helps to achieve composite study of the specific behavioral patterns for both countries in saving their interests in Syria and region. The special features of Russian and Iranian's ties with Syrian regime are shown in this article. The article determines main directions of Russian and Iranian's politics towards the Syrian crisis. The character of Russian-Iranian's disagreements and its causes in resolving the Syrian crisis are studied as well. The conclusion about no confrontational nature of the Russian-Iranian's differences regards resolution of the Syrian conflict and preserving partnership mode of Russian-Iranian ties was proved in this article. This article defines by its novelty and based on sources in Arabic and Iranian languages. The essences of this article have a practical dimension and might be used as assessments for Russian state's political institutions and useful supplements' in lecturing courses on the oriental studies.

Keywords: Syria, Russia, Iran, Arab countries, Middle East.

Аннотация: Актуальность данной статьи обусловлена длящимся более 11 лет кризисом в Сирии. Россия и Иран являются партнерами на поле сирийского конфликта и поддерживают правящий в САР режим. Они глубоко вовлечены в сирийский кризис и играют ключевую роль в его разрешении. В этой связи представленная статья направлена на выяснение характера российско-иранского взаимодействия в САР. Автор показывает соперничество между Москвой и Тегераном за контроль над развитием ситуации в САР. Он также стремится выявить природу российско-иранских разногласий и перспективы сотрудничества России и Ирана в мирном разрешении сирийского конфликта. Ведущим методом исследования данной проблемы служит конструктивистский подход с использованием элементов сравнительного исторического анализа. Это позволяет комплексно изучить особенности поведенческого стереотипа обеих стран с точки зрения защиты их интересов в САР и регионе. В статье раскрыта специфика отношений России и Ирана с сирийским режимом. Показаны основные направления политики России и Ирана в условиях кризиса в САР. Выявлены причины и характер разногласий Москвы и Тегерана в разрешении сирийского кризиса. На материале сирийской действительности проанализированы основные характеристики российско-иранского соперничества в САР. В статье обоснован вывод о неконфронтационном характере российско-иранских противоречий с точки зрения урегулирования сирийского конфликта и сохранения партнерского характера российско-иранских отношений. Статья отличается новизной, использованием широкого круга источников на арабском и персидском языках. Материалы статьи имеют практическую значимость в качестве справочного материала для российских внешнеполитических ведомств и могут быть использованы в курсе лекций по востоковедной проблематике.

Ключевые слова: Сирия, Россия, Иран, арабские страны, Ближний Восток.

Введение

Россия и Иран проводят сегодня активную политику на Ближнем Востоке, результаты которой оказывают заметное влияние на состояние баланса сил и систему безопасности в регионе. Обе страны расположены в одном геополитическом пространстве с Ближневосточным регионом. Развитие военно-политических процессов, эволюция силового баланса и проблем безопасности на Ближнем Востоке затрагивают жизненно важные интересы Москвы и Тегерана в Средней Азии и Закавказье и касаются вопросов их национальной безопасности. Сирийский кризис и происходящие вокруг него события находятся в центре ближневосточной по-

литики. Специфика отношений России и Ирана с САР оказывала заметное влияние на характер российско-иранского взаимодействия на Ближнем Востоке [23]. В течение последних десятилетий Дамаск занимал особое место в ближневосточной политике Москвы и Тегерана. Российские военные и гражданские специалисты помогли отстроить современную военную и гражданскую инфраструктуру САР. После распада СССР характер российско-сирийских связей изменился. Российско-сирийские отношения ограничивались в основном поставками российского оружия и запчастей к нему. Иран фактически заместил прежнее место России в Сирии. Тегеран прочно закрепился в социальной ткани сирийского общества. Иран активно действовал в торгово-эко-

номической и военной сферах [1]. Начавшийся на волне «Арабской весны» кризис в САР в марте 2011 г. был с обеспокоенностью встречен в Москве и Тегеране и внес определенные коррективы в характер российско-иранских отношений. Реакция на сирийские события заметно отличалась в России и Иране. До начала операции российских Военно-космических сил (ВКС) в САР в сентябре 2015 г. Москва ограничивалась в основном политической поддержкой сирийского руководства в ООН и на других международных площадках. Россия последовательно выполняла свои контрактные обязательства в отношении сирийского режима. В результате операции российских ВКС баланс сил в САР изменился в пользу правящего режима. Москва смогла установить практически полный контроль над воздушным пространством Сирии и обезопасить свои позиции в районе Средиземноморского прибрежного пояса с севера на юг. Россия вернула большую часть сирийской территории под контроль сирийского правительства. Москва исключила вопрос смены действующей власти в САР из переговорной повестки по Сирии [2]. С момента начала сирийских событий Исламская республика Иран (ИРИ) оказала мощную финансовую и военно-техническую поддержку сирийскому режиму. Тегеран способствовал удержанию власти в стране президентом САР Башаром Асадом и активно участвовал в борьбе с вооруженной оппозицией. Иран доставил в Сирию из Ливана, Ирака и Афганистана шиитские милиции, которые сражались на стороне правящего режима [11]. В целом, позиции Москвы и Тегерана в отношении событий в САР совпадали. Россия рассматривала Иран как своего союзника в Сирии. Тегеран связывал с Москвой успех осуществления своих планов в Сирии и на Арабском Востоке, в целом. На рубеже 2108-2019 гг. в развитии сирийского кризиса произошел ряд важных трансформаций. Они были вызваны ростом вооруженной конфронтации, усилением вмешательства внешних акторов, изменением регионального баланса сил. Ключевые участники конфликта скорректировали формат участия в сирийских событиях. Многие провели переоценку роли партнеров и оппонентов на поле сирийского урегулирования в контексте обеспечения собственных интересов и безопасности [24]. Россия и Иран сохранили свои позиции в САР. Новая ситуация поставила под вопрос абсолютное доминирование любого участника конфликта. Москва и Тегеран не могли теперь полагаться исключительно на фактор силы. Обе страны были вынуждены учитывать амбиции других крупных региональных и международных игроков в регионе. Преодоление сирийско-иранских разногласий и соперничества в САР особо значимо для обеспечения мирного политического транзита в Сирии и сохранения характера стратегического партнерства в российско-иранских отношениях. Изложенные выше положения объясняют причину избрания автором указанной темы исследования. Целью данной работы является выявление особен-

ностей сотрудничества Москвы и Тегерана в кризисной ситуации в САР. Достижение поставленной цели осуществлялось на основе оригинальной теоретической модели, адаптированной к ближневосточным реалиям. Ведущим методом исследования послужил конструктивистский подход с использованием элементов сравнительного анализа в рамках различных теорий международных отношений [28,25,20]. Предложенная тема исследования отличается актуальностью, новизной, имеет практическую значимость. В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось несколько научных трудов посвященных кризису в САР, политике России и Ирана в Сирии [8,3,6,19,27,1726,14,22]. Проблема российско-иранского взаимодействия, разногласий и соперничества между Москвой и Тегераном остается практически неисследованной. В тоже время, оценка российско-иранских отношений в Сирии с позиций исторического реализма способна дать адекватное объяснение динамике отношений между Дамаском, Москвой и Тегераном.

Природа и предпосылки российско-иранских разногласий

По мере развития сирийского кризиса различия между Москвой и Тегераном в подходах к его разрешению стали проявляться все заметнее. Москва не разделяла иранскую идею укрепления «оси исламского сопротивления» против Израиля. Россия не приветствовала действия Корпуса стражей исламской революции (КСИР) ИРИ по созданию в составе сирийской армии подразделений, личный состав которых индокринировался на религиозной основе [2]. Москва последовательно выступала за сохранение светского характера сирийских силовых структур. Россия отрицала саму возможность создания на сирийской территории конфессиональных анклавов. Россия играла основную роль в сирийских событиях. Москва была вынуждена считаться с присутствием на сирийской территории вооруженных отрядов под контролем Ирана. На рубеже 2021-2022 гг. крупные региональные игроки на поле сирийского конфликта были готовы применить силу для изменения сложившегося баланса сил в своих интересах. Москва оказалась втянутой в большую региональную игру с участием США, Израиля, Ирана и Турции. Сегодня в САР, по некоторым данным, находится до 80 иностранных баз и опорных пунктов [9]. Взаимодействие России и Ирана в САР представляло собой сложную мозаику противоречивых интересов в регионе Ближнего Востока. После участия ВКС России в сирийском конфликте Москва и Тегеран практиковали общий военно-политический подход в сирийском кризисе. Он основывался на достижении военного превосходства, освобождении захваченных повстанцами территорий, борьбе с вооруженной сирийской оппозицией. Достигнутые военные успехи формировали политические победы, которые служили укреплению

места и роли Москвы и Тегерана в сирийском кризисе. Укреплению российско-иранского сотрудничества способствовало общее видение целей и задач в борьбе с воинствующей оппозицией. При поддержке российской авиации и массированном наземном наступлении иранских сил, Москве и Тегерану достаточно быстро удалось очистить от вооруженных повстанцев прибрежные районы Сирии и установить контроль над восточными районами Алеппо [21]. Постепенно Россия и ИРИ приобрели необходимый опыт снижения напряженности в тактических вопросах в ходе совместных военных операций и смогли извлекать выгоду из особых отношений с сирийским режимом. Это улучшило способность двух стран справляться с потенциально конфликтными ситуациями, которые росли по мере развития сирийского кризиса. Несмотря на укрепление позиций правящего режима и некоторую политическую стабилизацию, Иран продолжал сталкиваться в Сирии и на Ближнем Востоке с рядом серьезных проблем [24]. В 2018-2020 гг. Израиль нанес около сотни ударов по военным объектам ИРИ в САР. Некоторые иранские политики считали, что между Москвой и Тель-Авивом, якобы, достигнуто понимание необходимости сокращения иранского военного присутствия в Сирии [4]. Тегеран испытывал растущее международное давление в вопросах вывода своих войск из Сирии. Во главе антииранской кампании стояли США, Израиль и Саудовская Аравия. Россия была связана особыми отношениями с Израилем и рядом арабских государств. Москва была не готова предоставить эффективную защиту ИРИ за счет связей с указанными ближневосточными странами. Это отрицательно сказывалось на российско-иранском сотрудничестве по сирийскому кризису.

Иран усиливает свое присутствие в САР

В последние годы роль Ирана в Сирии заметно возросла. Иран интегрировал часть шиитских милиций в формальные армейские структуры Сирии. Они влились в состав Дивизии республиканской гвардии (ДРГ) и 4-ой дивизии войск специального назначения САР [9]. В 2017 г. Башар Асад подписал специальный меморандум. В нем был формализован статус сирийских граждан, которые активно сотрудничали с Ираном в период кризиса [12]. Подконтрольные Ирану сирийские территории имели тенденцию к росту и были отмечены разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики [16]. В 2018 г. созданные Ираном Силы местной обороны (СМО) пополнились новыми боеспособными частями типа «ан-Найраб», «ар-Рида», «ар-Радван», «Сукур ад-Дахер», «Хан аль-Асаль», «Бригада 313», «Имам Зайюб аль-Абидин» [18]. Это нарушало ранее достигнутые в Гамбурге соглашения между Москвой и Вашингтоном. Однако данный факт не смущал Иран, и он продолжал наращивать силы этого подразделения за счет привлечения бойцов из

Ливана, Ирака и Афганистана [13]. В 2020 гг. ИРИ обновила статус СМО и они официально вошли в состав национальных вооруженных сил САР. Общий состав СМО составил свыше 170 тысяч человек [5]. В конце 2021 Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство новой военной базы в районе Абу Камаль на правом берегу Евфрата. Новую базу Иран рассматривал как свой стратегический плацдарм на востоке Сирии для осуществления планов по «стиранию» сирийско-иракской границы в этом районе страны. К середине лета 2021 Иран, по некоторым данным, располагал 277 опорными пунктами, укрепленными районами и базами в 12 провинциях САР [7]. С начала 2022 Иран в тесной координации с правящим режимом САР предпринял ряд мер по укреплению своих позиций в военной, политической, экономической, идеологической сферах жизни сирийского государства и общества. Сирийский режим с пониманием воспринял намерения ИРИ расширить сеть своих боевых ячеек в районах сирийского Курдистана, предварительно очистив их от влияния Рабочей партии Курдистана (РПК) и Сирийских демократических сил (СДС). В феврале 2022 Иран заметно расширил поставки различных видов вооружений и военной техники из Ирака в Сирию и Ливан. Одновременно Тегеран активизировал деятельность шиитских милиций на юге Сирии, прежде всего в районах Дерафа и Ас-Сувейда. В феврале 2022 г. сирийское правительство подписало с Ираном меморандум о сотрудничестве в сфере администрирования и управления людскими ресурсами в госсекторе сирийской экономики. Иран расширил объемы приобретения недвижимости в городских центрах САР. Активность Тегерана ведется в рамках проекта «шиитизации» местного населения и изменения демографии сирийского социума [29]. Таким образом, за последние несколько лет Иран создал прочные позиции в ключевых областях жизнедеятельности сирийского государства и общества. Это гарантирует Тегерану сохранение его позиций в САР в случае эвентуальной смены власти в процессе мирного транзита.

Российско-иранское соперничество в САР

Москва была вынуждена принять более решительные меры по укреплению своего влияния в САР. Россия инициировала серьезные перестановки в высших эшелонах управления четырьмя основными сирийскими спецслужбами. В тоже время Россия сталкивалась с известными сложностями в процессе проведения глубокой «зачистки» сирийских органов безопасности от сторонников Ирана. Москва испытывала острый недостаток в квалифицированных и проверенных кадрах, на замену отправленных в отставку офицеров. В этой связи Россия скорее могла осуществить частичные реформы паллиативного характера, заменяя уволенных офице-

ров «временщиками», которые никогда бы не могли занять высокие посты в сирийских силовых структурах без поддержки Москвы [10]. В сентябре 2020 г. в Сирии и России торжественно отметили 5-летие с начала участия ВКС России в сирийских событиях. За несколько месяцев до этого торжественного события в июле 2020 г. были подписаны российско-сирийские соглашения о сотрудничестве в различных сферах экономики. В рамках этих соглашений планировалось осуществлять работу по 40 новым проектам. Намечалось строительство нескольких электростанций. Осуществление реконструкции ряда объектов в энергетической инфраструктуре. Проведение разведочных работ в нефтяном и газовом секторах. Помимо этого был подписан специальный контракт на добычу и разведку нефти и газа на Средиземноморском побережье Сирии. Одновременно Дамаск заключил с Тегераном важное соглашение о военно-техническом сотрудничестве. По оценке сирийского президента подписанное соглашение имело стратегический характер и венчало собой годы совместной работы и сотрудничества Сирии и Ирана в ходе кризиса в стране. Москва в настоящее время обладает решающим словом в силовых структурах САР и имеет возможность вмешиваться на командном уровне в механизм принятия решений в армии и спецслужбах. Однако этот приоритет Москвы соотносится исключительно с влиянием Ирана на сирийские силовые структуры. Россия не располагала достаточным числом полевых сил и делала упор на ракетно-космическое вооружение, авиацию и артиллерию. Иран обладал большим числом формирований, которые сражались на земле. Практически в каждом подразделении находились советники из ИРИ и «Хизбаллы». Иран фактически «наводнил» сирийский социум, прежде всего военных, своими идейными и религиозными единомышленниками [15]. Строительство новой базы вызвало соперничество между ИРИ и РФ за контроль над районом Дейр эз-Зор. Осенью 2021 г. между российскими военными и шиитскими формированиями на северо-востоке САР возник конфликт из-за нескольких постов и укрепленных районов. Россия предложила Ирану передать их под контроль российских военных, в обмен на защиту от возможных воздушных ударов Израиля. Но Иран отклонил российские предложения. Позднее ИРИ была вынуждена уступить давлению Москвы. Однако, шиитские милиции успели укрепить эти районы, опасаясь атак коалиции и Израиля [29]. Активность Тегерана в САР проходит на фоне российской спецоперации на Украине и переговоров по ядерной проблеме ИРИ. Иран рассчитывает расширить сферу своего влияния в САР в случае затягивания российской спецоперации на Украине и возможного ослабления интереса Москвы к Сирии. В тоже время, динамика вооруженного конфликта в САР неизбежно ведет к объединению военно-политических усилий России и Ирана в САР. В действительности, российско-иранские

противоречия не носят конфронтационного характера. А 500-летняя история российско-иранских отношений предполагает сотрудничество по более широкому спектру тем, чем только «сирийский кризис». Подтверждением этого положения служит визит в Москву в июле 2022 г. президента Ирана И. Раиси и результаты его встречи с российским коллегой В.В. Путиным.

Заключение

Сегодня на Ближнем Востоке идет борьба за влияние между крупными региональными игроками в лице Израиля, Турции, Ирана. Политика этих государств мотивируется задачами капитализации силы, соображениями национальной безопасности, поисками возможностей переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. Исходя из указанных параметров, эти страны принимают решение о вооруженном вмешательстве в «слабые» ближневосточные государства типа, Сирии, Ливана, Ирака. Йемена, что облегчает им решение указанных задач. Нельзя исключать, что на каком-то этапе крупные региональные игроки могут допустить смену правящего сирийского режима и поставить под угрозу наши интересы в САР, которые полностью персонализированы нынешним сирийским руководством и лично президентом Башаром Асадом. К сожалению, Россия никак не может изменить природу арабо-израильско-иранских отношений, а, следовательно, скорректировать их сущностный характер в собственных интересах. А вот защитить свои интересы в Сирии и на Ближнем Востоке, Россия может и обязана. В отличие от Израиля, Турции, Ирана, которым жить в этом регионе и договариваться, Москва, в складывающейся международной обстановке, не может допустить даже в постановочном плане возможность смены власти в Сирии. В этих целях Россия должна приложить усилия для того чтобы консолидировать и укрепить достигнутые преимущества, даже если они не соответствуют предпочтениям Ирана, Турции, Израиля. Несмотря на циркулирующие слухи о сокращении российского военного присутствия в САР, Москва пока не собирается выводить свои войска из этой арабской страны и сохраняет проекцию силы на весь Ближний Восток. Сегодня в Тель-Авиве, Анкаре и Тегеране внимательно относятся к московским инициативам по Сирии. Москве требуется усилить подготовку личного состава сирийских Вооруженных сил и поставить им новые системы вооружений, чтобы придать Дамаску уверенности перед лицом Ирана, Турции и Израиля. Несмотря на успехи сирийского режима в борьбе с оппозицией сирийское руководство ясно отдает себе отчет, что добиться нормализации внутривосточного положения легче при содействии России и Ирана. В Дамаске ясно понимают, что перспективы мирного политического транзита в Сирии во многом зависят от характера взаимодействия между Москвой и Тегераном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов В.М.. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М., ИВ РАН., 2011., с. 207-219.
2. Ахмедов В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. Москва, ИВ РАН, 2018., с134-152.
3. Долгов Б.В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021, с.225.
4. Исса, Т. 01.12.2021. Куда ударят израильтяне? <https://www.aljouthouria.com/ar/news/625693/>. [На Арабском]. (Дата обращения 01.01.2022).
5. Карам, Ф. 06.04.2022. Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии. HYPERLINK "<https://aawsat.com/home/article/3577221/سوري-في-وسلحها-ميليشياتها-انتشار-نوسع-اران>"
6. HYPERLINK "<https://book.ivran.ru/authors?id=1729>" Матвеев И. А. HYPERLINK "<https://book.ivran.ru/book?id=5075&from=1061>" Сирия в конфликте. HYPERLINK "<https://book.ivran.ru/publishing?id=5>" Институт востоковедения РАН. Москва, 2020, 496 с.
7. Нааме, А. 10.28.2021. После «Аль-Имам Али»...Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. <https://www.arabi21.com/story/1394178/السورية-الزور-دير-شرق-ثانية-قاعدة-تبني-اران-علي-الامام-بعده>. [На Арабском]. (Дата обращения: 28.10.2021).
8. Akhmedov V.M. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG. 2022. p.707-725
9. Al-Modon..05. 04. 2018. How Iranian Militias are Integrated into Regime Forces, Newspaper. HYPERLINK "<https://bit.ly/2UXaKQV>" <https://bit.ly/2UXaKQV>, [In Arabic]. (Дата обращения, 08.06.2019).
10. Al-ModonOnline. 07.08.2019. Al-Mamluk and New Mukhabarat's Leaders: Russia takes Assad's Quota.. HYPERLINK "<https://bit.ly/2JpNfM>" <https://bit.ly/2JpNfM>, [In Arabic]. (Дата обращения, 12.08.2020).
11. Ansari, A, Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict. London: Royal United Services Institute. 2016. p. 6 - 8.
12. Al-Tamimi A.J. 03.05.2017. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis. HYPERLINK "<https://goo.gl/ngXYKc>" <https://goo.gl/ngXYKc>. [In Arabic]. (Дата обращения 13.06.2018).
13. Arabs 48. 11.07. 2017. The Russian-American "Hamburg Agreement" on Syria: Its Objectives and Implications. HYPERLINK "<https://goo.gl/hW4GAr>" <https://goo.gl/hW4GAr>. [In Arabic]. (Дата обращения 13.09.2018).
14. Fadai L.R. Russo-Iranian Relations and the Vienna Nuclear Agreement. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies. 2015, p. 16.
15. Hamou, A. 10. 05. 2020. Five Years after the Russian Military Intervention Iran's Influence in Syria is Growing. HYPERLINK "<https://syriadirect.org/news/five-years-after-the-russian-military-intervention-iran%e2%80%99s-influence-in-syria-is-growing-1/>" <https://syriadirect.org/news/five-years-after-the-russian-military-intervention-iran%e2%80%99s-influence-in-syria-is-growing-1/>. [In Arabic]. (Дата обращения 10.05.2020).
16. Hubbard, B., Kershner, I and Barnard. A. 02.19.2018. Iran, Deeply Embedded in Syria, Expands 'Axis of Resistance', New York Times, February 19, 2018. <https://www.nytimes.com/2018/02/19/world/middleeast/iran-syria-israel.html>. (Дата обращения 02.17.2019).
17. Juneau T. and Sam R. Iranian Foreign Policy Since 2001. Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 1ed, 2017, p. 242.
18. Juneau, T., Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. Mediterranean Politics, Vol. 25, No. 1, 2020, pp. 26–44.
19. Katzman K. Iran's Foreign and Defense Policies. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2019, p. 54.
20. Light, M. Foreign Policy Analysis. Contemporary International Relations. A Guide, ed. A.J.R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994, p.94
21. Omran for Strategic Studies. 26.12.2019. Challenges of the Syrian Opposition after the Loss of Aleppo and "Moscow Declaration," <https://goo.gl/2ZwVda>. [In Arabic]. (Дата обращения 02.17.2020).
22. Sadeghi, S.Sh., Kamran, L. The Analysis of the Islamic Republic of Iran's Implication towards the Syrian Crisis. The Institute of Contemporary Political Studies. Humanitarian and Cultural Studies. Tehran. 2014. Vol., 6. № 1. p. 73-94. [In Iranian].
23. Shaffer, B. Partners in Need. The Strategic Relationship of Russia and Iran. Wash., 2001, p.41-42.
24. Sinan, H. 03. 08.2019. Russia and Iran: Economic Influence in Syria, London: Chatham House, March 2019. <https://syria.chathamhouse.org/research/russia-and-iran-economic-influence-in-syria/>. (Дата обращения 04.17.2020)
25. Stephen M. Walt. International relations; One World, Many Theories. Foreign Policy. No 110. Spring, 1998, p.41.
26. Van Dam, N.. Destroying a Nation: The Civil War in Syria, I. B. Tauris, 2017, p.267
27. Vasiliev, A. Russia's Middle East Policy: From Lenin to Putin, Routledge, 2018, p.384.
28. Waltz K. Theory of International Politics. Reading. (Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company. 1979.
29. Aarabi21. 10.28.2021. After "Al-Imam Ali" ...Iran's building second base in the East of Deir Az-Zor in SAR. <https://www.arabi21.com/story/1394178/السورية-الزور-دير-شرق-ثانية-قاعدة-تبني-اران-علي-الامام-بعده>. [На Арабском]. (Дата обращения: 28.10.2021).

© Ахмедов Владимир Муртузович (shamyarabist@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ ПЕРИОДИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Савенко Елена Нальевна

К.и.н., в.н.с., Государственная публичная
научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук
helensav@ngs.ru

UNCENSORED SOVIET PERIODICALS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF THE SIBERIAN REGION

E. Savenko

Summary: The author's historiographical analysis has shown that the significance of uncensored periodicals for the study of local and provincial history has been underestimated to date. The purpose of the article is to reveal the information potential of uncensored periodicals published in Siberia and to characterize the possibilities of their use in historical and regional studies. The work is based on a significant body of self-published newspapers and magazines published in Siberia, which the author has identified. The information content and thematic peculiarity of the unauthorized Siberian press of the Soviet years are characterized in the article. The possibilities of the use of this unique source in the study of regional history of the Soviet period are shown and evaluated.

Keywords: source base, uncensored periodicals, unauthorized press, samizdat, samizdat press, Siberia.

Аннотация: Проведенный автором историографический анализ показал, что до настоящего времени значение несанкционированных периодических изданий для изучения локальной, провинциальной истории недооценено. Цель статьи – раскрыть информационный потенциал изданной в Сибири неподцензурной периодики и охарактеризовать возможности ее использования в историко-региональных исследованиях. Работа базируется на значительном корпусе выявленных автором самоизданных газет и журналов, вышедших в свет в Сибири. В статье охарактеризовано информационное наполнение и тематическое своеобразие несанкционированной сибирской прессы советских лет. Показаны и оценены возможности применения этого уникального источника при изучении региональной истории советского периода.

Ключевые слова: источниковая база, неподцензурная периодика, несанкционированная печать, самиздат, самиздатская пресса, Сибирь.

Введение

Периодическая печать традиционно занимает важное место в системе исторических источников. Однако нелегальная периодика долгое время привлекалась отечественными исследователями лишь при изучении дореволюционной истории России. Неподцензурная пресса советского периода до начала 90-х гг. XX в. была вне поля зрения российских историков. Интерес к несанкционированной печати проявляли исключительно зарубежные авторы. Ими опубликовано множество работ, в которых самиздат рассмотрен как альтернативная информационная система, форма политического инакомыслия в СССР, параллельная культура. Интерес иностранных исследователей вызывает не только феномен советского самиздата в целом, но и неподцензурная пресса [1]. За рубежом созданы антологии и библиографические указатели советской самиздатской периодики [2; 3]. Обстоятельному рассмотрению подвергнуто содержательное наполнение газет и журналов, наиболее ярко отражавших характер выходившей в Советском Союзе несанкционированной печати [4; 5; 6; 7; 8]. В новом тысячелетии появились зарубежные электронные ресурсы, аккумулирующие информацию о самиздатской

прессе СССР. На сайте университета Торонто, например, размещена база данных «Советская самиздатская периодика», которую подготовила профессор Анна Комароми [9]. Некоторые из изданий оцифрованы и представлены в полнотекстовом виде. Обзор многих самиздатских журналов содержит созданный в 2021 г. веб-блог итальянских исследователей-славистов Клауди Пьералли и Марко Саббатини «Свободные голоса в СССР» [10].

Объектом исследования отечественных ученых неподцензурная печать советских лет стала только после кардинальных социально-политических преобразований в стране. В 1990-е гг. началось активное библиографирование самиздатской периодики [11; 12; 13; 14; 15]. В первую очередь внимание исследователей было сосредоточено на неформальных общественно-политических периодических изданиях, ставших прообразом постсоветской независимой прессы. Библиографирование неподцензурной периодики продолжается и в XXI в. Историк русской фантастики И.Г. Халымбжа выпустил в свет библиографический справочник, в котором представлена аннотированная информация о более чем 300 любительских фэнзинах [16]. Иркутский журналист В.В. Скращук, проследивший этапы восстановления

анархистского движения на территории бывшего СССР, составил каталог периодических изданий анархистов. Наряду с информацией о постсоветской анархистской прессе в него вошли сведения о неподцензурных газетах и журналах, выпускавшихся приверженцами этого идейно-политического течения в годы так называемой «поздней перестройки» (1987–1991 гг.) [17]. Особого внимания заслуживает каталог периодики самиздата, изданный научно-информационным и просветительским центром «Мемориал» [18]. В нем представлены сведения о 302 периодических самиздатских изданиях, выходивших на территории Советского Союза в 1956–1986 гг. Тематический спектр газет и журналов, включенных в это справочное издание, разнообразен. В их числе издания диссидентских сообществ, периодика различных национальных движений и религиозных течений, журналы литературных кружков, неформальных арт и рок групп. Следует также отметить монографию Русиной Ю.А., которая наряду с анализом огромного количества самиздатских документов разных жанров уделила большое внимание уральской литературной и публицистической самодельной периодике [19]. Предпринята попытка систематизировать сведения о неподцензурной периодике, изданной в сибирском регионе. Составлен список сибирской несанкционированной газетно-журнальной прессы, включающий более 200 названий периодических изданий [20].

Можно уверенно констатировать, что к настоящему времени накоплена обширная информационная база о несанкционированной прессе советского периода. Уникальные нецензурированные материалы самиздатских газет и журналов стали частью источниковой базы современных исследований. Они позволяют под новым углом рассмотреть разнообразные стороны жизни советского социума: изменения в политическом процессе России, тенденции развития альтернативной культуры, особенности литературных направлений и т.д. Однако большинство научных работ базируется на самиздатской периодике, опубликованной в столичных городах России. Региональный пласт неподцензурной прессы менее изучен и недостаточно востребован отечественными исследователями.

Информационный потенциал сибирской неподцензурной периодики

В ходе проведенных исследований автором статьи выявлена информация о 206 неподцензурных периодических изданиях, опубликованных в Сибири в 1920–1990 гг. Многие из этих изданий не сохранились. Остались лишь косвенные данные об их существовании. Но благодаря архивистам, библиотечным и музейным работникам, частным коллекционерам значительная часть несанкционированной периодики дошла до наших дней.

Тематический спектр несанкционированной сибирской прессы разнообразен. Более 53% изданий составляют общественно-политические газеты, журналы, информационные бюллетени различной идеологической направленности. Наиболее раннее издание подобного рода – повстанческая газета «Голос Народной армии», выпускавшаяся в Тобольске в 1921 г. участниками антибольшевистского Западносибирского крестьянского восстания. Газета, выходящая под лозунгом «Вся власть народу, долой коммунизм!», носила явно выраженный антикоммунистический характер [21]. В ней публиковались статьи о причинах повстанческого движения, подробные сводки событий на охваченной восстанием территории, стихи и песни участников крестьянского восстания. Информационная насыщенность издания оценена исследователями. Газета является важным источником изучения военно-политического и идейного противоборства в Сибири в период гражданской войны. К сожалению, «Голос народной армии» – практически единственное сохранившееся неподцензурное общественно-политическое издание начального периода становления советской государственности.

Основная часть региональной несанкционированной общественно-политической периодики в количестве 100 изданий вышла в свет во второй половине 1980-х гг. Это свидетельствует о всплеске гражданской активности населения региона, произошедшем в период так называемой «перестройки». Диапазон политической ориентации этой прессы чрезвычайно широк. Она представлена изданиями анархистов, кадетов, национал-патриотов, новых марксистов, многочисленной общедемократической и социал-демократической периодикой. Наряду с программными документами разнообразных политизированных организаций региона на страницах газет и журналов публиковались сообщения о деятельности этих объединений, критические статьи о проводимых в стране реформах, материалы о злоупотреблениях отдельных местных руководителей, письма читателей. Многие издания имели специальные рубрики, в которой приводилась информация о событиях и мероприятиях конкретного административного центра. Например, машинописный «Информационный бюллетень Иркутского отделения Сибирской правозащитной ассоциации «Вена-89»» содержал рубрики «Дела житейские», «Дела милицейские», «Хроника текущих событий». Новосибирская неподцензурная газета «Память» регулярно печатала информационные материалы о проводимых патриотическими организациями мероприятиях. Издававшийся в Новосибирске в 1988 г. «Информационный бюллетень о деятельности неформальных организаций города» публиковал сообщения о деятельности оппозиционных объединений и проводимых неформальными группами мероприятий: митингах, собраниях и т.д. Большое место информационным материалам отводил «Вестник Общества защиты Байкала». На его

страницах публиковались отчеты о деятельности этого объединения, а также сообщения о пикетах, митингах, учредительных конференциях неформалов. Огромную роль в формировании общесибирского неподцензурного информационного поля сыграл «Пресс-бюллетень СиБИА», который в 1989-1990 гг. размножался на ротопринтере в Прибалтике по созданному в Новосибирске оригинал-макету. В нем размещались сообщения о работе различных неформальных объединений Сибири, о значимых социально-политических событиях в регионе: о преследованиях «неформалов», о митингах, забастовках, голодовках. Широкий спектр информации, помещенной в общественной-политической самиздатской прессе, делает ее ценным источником изучения развития социальной жизни региона, трансформации умонастроений сибиряков.

Неподцензурная сибирская периодика содержит ценную информацию о религиозном ландшафте региона, о настроениях верующих различных конфессий, о их борьбе за свободу вероисповедания. Число религиозных изданий, вышедших в Сибири невелико. Выявлена информация лишь о 7 журналах. Но содержание их достаточно информативно. Большой охват тем, например, был присущ машинописным журналам новосибирской общины адвентистов седьмого дня «Бросаемые бурей» (1965–1970) и «Сеятель» (1972–1974). В них публиковались статьи на библейские темы, истории из жизни верующих и заметки о различных семейных ситуациях с духовными выводами, рассказы для детей и юношества. На страницах машинописного «Информационный листок барнаульской гонимой Церкви евангельских христиан-баптистов», который выпускался в 1971 г. для обнародования «фактов глумления и преследования за веру», приводились сведения о жизни местной общины ЕХБ, сообщения о нарушениях законодательства о свободе вероисповедания, о борьбе верующих за свои права [22].

Несомненный интерес для исследователей представляют самодельные сибирские литературно-художественные альманахи и журналы советского периода. На их долю приходится 25% неподцензурной периодики Сибири. В отличие от самиздатской общественно-политической периодики основная часть литературно-художественной прессы (30 изданий из 50) увидела свет до середины 1980-х гг. Анализ ее содержания позволяет говорить о том, что долгое время литературный периодический самиздат был площадкой не только для творческого самовыражения, но и для высказывания альтернативных точек зрения на злободневные социальные проблемы. Например, студенты Каменского педагогического техникума причинами создания в 1934 г. журнала «Новое пламя» называли «несоответствие газетной информации действительности» и желание «показать теперешнюю жизнь, как в городе, так и деревне» [23, л. 34].

Ярко выраженный политический компонент присутствовал в рукописном журнале «Белые тени», создателем которого был студент Томского университета Владимиром Крамаренко. На его страницах были помещены очерк о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем, заметка: «Несогласие и гражданское неповиновение в США» [24]. Ознакомление с подобными материалами дает дополнительную, неотредактированную информацию о настроениях части сибирского социума в определенный исторический период.

Периодика самиздата позволяет более обстоятельно проанализировать тенденции развития литературного процесса в сибирском регионе, изучить становление сибирских авторов, чей творческий путь начинался в неподцензурном пространстве. Один из примеров подобного формирования – судьба ныне известного русского писателя, президента Русского ПЕН-центра Евгения Попова. В 1962 г. в шестнадцатилетнем возрасте будущий литератор был исключен из комсомола за выпуск в Красноярске самодельного литературного журнала, который он называет «предтечей МетрОполя» [25].

Материалы самиздатской прессы – важный источник информации о круге чтения некоторых слоев населения. Многие самодельные журналы содержали отзывы о произведениях, заинтересовавших издателей. Например, постоянная рубрика альманаха «Литературные тетради», который издавали в 1981–1982 гг. участники иркутского неформального литературного общества «Вампиловское книжное товарищество», называлась «Мы читаем». Выходили самодельные критико-библиографические и информационные периодические издания, содержавшие информацию о популярной литературе фантастического жанра. Примеры подобной сибирской неподцензурной периодики – журнал «Прометей» (Тюмень, 1988–1989), информационный бюллетень «Голос неба» (Новосибирск, 1989).

Неподцензурная периодика содержит уникальный материал о субкультурных сообществах сибирской провинции. На страницах многих любительских фэнзинов регулярно публиковались сведения о мероприятиях, проводимых «толкиенистами» – представителями популярной в конце 1980-х гг. молодежной субкультуры. Красноярский клуб любителей фантастики «Вечные паруса», например, выпустил в 1990 г. газету «Палантир», посвященную «Хоббитских Игрищам».

Самодельная пресса помогает воссоздать картину развития музыкальной контркультуры в регионе. По нашим подсчетам в Сибири вышло в свет 39 неподцензурных периодических изданий, посвященных андеграундной музыке. Основную часть этой прессы составляли рок-журналы, которые отражали значимые события рок-движения, информировали о жизни различных му-

зыкальных коллективов. Машинописный «Вестник новосибирского рок-клуба», который провозглашался «полномочным представителем, глашатаем» созданного в 1985 г. неформального объединения, публиковал обозрения концертной деятельности местных рок-групп и интервью с их лидерами [26]. В новосибирском журнале «Магазин», который редакция позиционировала как издание, «освещающее творческие процессы в городе», печатались обзоры рок-фестивалей, статьи о сибирских рок-музыкантах, тексты рок-песен [27]. Журнал «АОР», являвшийся «пульсом омского рока», информировал читателей о новых и легендарных группах города, публиковал отзывы о выступлениях андеграундных коллективов, произведения неформальных литераторов [28]. Не менее информационно насыщены были и другие сибирские рок издания.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констати-

ровать, что сибирская периодика самиздата является важным источником изучения широкого круга проблем. Информационная ценность региональной неподцензурной прессы заключается как в разнообразии публикуемых сведений, так и в их уникальности. Самиздатские газеты и журналы освещали события, не получившие адекватного отражения в официальной прессе и публиковали материалы, не подвергшиеся цензуре. Отмечая положительные характеристики самодеятельной прессы, следует, однако, обратить внимание и на присущий ее публикациям субъективизм. Освещение тех или иных событий в самиздате несет на себе отпечаток личностного авторского восприятия. В связи с этим информация, опубликованная в самоизданиях нуждается в сопоставлении со сведениями других источников: архивными документами, воспоминаниями, перепиской и т.д. Использование неподцензурной периодики в сочетании с комплексом других материалов позволит воссоздать целостную картину социокультурного развития сибирского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Schreiber E. The rise and fall of the soviet underground press // *Communication Quarterly*. 1978. V 26. No3. Pp. 32-39. doi:10.1080/01463377809369301
- Своими силами: антология независимой журналистики, 1987-1988 гг. / [сост. Роман Редлих]. Франкфурт-на-Майне: Посев, сор. 1989. 120 с.
- Новая периодика и самиздат на территории Советского Союза, 1987-1991: Кат. кол. /Zsgest. u. bearb. Von Elena Schemkowa. Бремен, 1992. 428 с.
- Reddaway P. *Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union: The Unofficial Moscow Journal, a Chronicle of Current Events*. New York: Amer. heritage press, 1972. 499 p.
- Cohen S. *An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union, from Roy Medvedev's Underground Magazine Political Diary*. New York: W.W. Norton & Company, 1982. 376 p.
- Hopkins M. *Russia's Underground Press: The Chronicle of Current Events*. New York: Praeger, 1983
- Duncan P. The fate of Russian nationalism: the samizdat journal *Veche* revisited // *Religion in Communist Lands*. 1988. V.16. No 1. Pp. 36-53. doi:10.1080/09637498808431347
- Komaromi A. *Modernism and the Samizdat Journal 37 // Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / ed. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman*. Stanford, CA: Stanford Slavic Series, 2014. Vol. 46. P. 366-391
- Soviet Samizdat Periodicals: uncensored texts of the Late Soviet Era : [база данных] / University of Toronto Libraries (UTL). URL: <https://samizdat.library.utoronto.ca/> (дата обращения 28.06.2022)
- Vocilibere in URSS. Letteratura, arti, pensiero indipendente in Unione Sovietica e gli echi in Occidente (1953-1991) URL: <https://www.unipi.it/index.php/unipieventi/event/6346-voci-libere-in-urss> (дата обращения 4.07.2022)
- Богданова М. Самиздат и политические партии Сибири и Дальнего Востока. Москва: Панорама, 1991. 32 с
- Суетнов А. Самиздат: библиографический указатель. Москва, 1992. 4.1- 2. 247 с.
- Самиздат и новая политическая пресса: по материалам коллекций Москвы и Санкт-Петербурга / сост. Е. Струкова и др. М.: СПб., 1993. 426 с
- Без цензуры: периодика «самиздата» до и после распада СССР в фондах российской национальной библиотеки / Сост.: А.С. Асватуров, М.А. Семенова. СПб: 1999. 59 с.
- Кушнир А. Золотое подполье. Полная иллюстрированная энциклопедия рок-самиздата. История. Антология. Библиография. (1967- 1994). Н. Новгород: Деком, 1994. 366 с.
- Харитонов Е.В. Фантастический печатный самиздат 1966- 2006 гг. СССР. СНГ. Россия. Москва: Рос. гос. б-ка для молодежи, 2015. 54 с.
- Скрацук В.В. Периодические издания анархистских организаций бывшего СССР (1987-2014 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 117 с.
- Каталог периодики самиздата. 1956-1986 / А. Комароми, Г. Кузовкин. Москва: Международный Мемориал, 2018. 165 с.
- Русина Ю.А. Самиздат в СССР. Тексты и судьбы. Санкт-Петербург: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. 204 с
- Савенко Е.Н. Свободное слово: очерки истории самиздата Сибири (1920-1990 гг.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2017. 478 с.
- Голос Народной армии. 1921. № 1-34 // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1545
- Информационный листок барнаульской гонимой Церкви евангельских христиан-баптистов // Собрание документов самиздата. Т. 15. Б.м., 1977. АС № 1063.

23. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. Р-2. Оп.7. Д. 18265
24. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1026. Оп. 5. Д. 2337.Лл. 25–36.
25. Попов Е. «Настоящее мое место в русской литературе определил, конечно же, «МетрОполь» // Ревизор.ru. URL: <https://rewizor.ru/literature/interviews/evgeniy-porov-nastoyashchee-moe-mesto-v-russkoy-literature-opredelil-konechno-je-metropol/> [дата обращения 14.06.2022]
26. Рок вестник (Новосибирск) // Выставка – Музей «Русское Подполье. Осколки». URL: https://vk.com/doc252919073_441243180?hash=FtfoGnlKBqA8P1G4wGlcMlgU4ENL6kYcc1G1UDEqtg&dl=BiCFp5C4UdsgyC6REIWяY3MqP1MF0c9xZ6PVq6Gnb9gc[дата обращения 18.06.2022]
27. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-11970. Оп. 1. Д. 83.
28. АОР. 1990. № 1. URL: https://drive.google.com/file/d/1zVodWe8J8-RT0KlhkxRQ_Cm0hA5XvaT/view [дата обращения 18.06.2022]

© Савенко Елена Нальевна (helensav@ngs.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕМОУАРЫ И.Г. ТИНИНА ОБ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В ГИМНАЗИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Тинина Зоя Павловна

*К.и.н., доцент, Волгоградский государственный
институт искусств и культуры
zoiatinina@mail.ru*

MEMOIRS OF I. G. TININ ABOUT THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE GYMNASIA OF THE RUSSIAN EMPIRE

Z. Tinina

Summary: The purpose of this study is to substantiate and formulate the problem associated with the presence or absence of the discipline "Foreign language (English)" in the programs of educational institutions of the Russian Empire through the prism of the memories of the specified author. To achieve this goal, the historical method was used, which allows, through a comparative analysis, to get acquainted with the educational process of the Sofia Russian classical gymnasium based on the testimony of a direct eyewitness. As a result of the work, conclusions were drawn that in the programs of Russian gymnasiums of the 19th century. English was not taught, which contradicts some other contemporary research on the subject. This proves the relevance of the work, which indirectly has a polemical character. The article proves the need to attract additional historical sources that verify the opinion of researchers about the place of the discipline "English" in the curricula of Russian gymnasiums of the 19th century.

Keywords: memoirs, Russian gymnasium, Russian language, English language, Russian culture, training program, Sofia, Bulgaria, Russian emigrants of the first wave, Russian Orthodox Church.

Аннотация: Целью данного исследования является обоснование и постановка проблемы, связанной с наличием или отсутствием дисциплины «Иностранный язык (английский)» в программах учебных заведений Российской империи сквозь призму воспоминаний указанного автора. Для достижения поставленной цели использовался исторический метод, позволяющий путём сравнительного анализа познакомиться с учебным процессом Софийской русской классической гимназии на основе свидетельств непосредственного его очевидца. В результате работы были сделаны выводы о том, что в программах русских гимназий XIX в. английский язык не преподавался, что противоречит некоторым иным современным исследованиям по данному вопросу. Этим доказывается и актуальность работы, которая косвенно имеет полемический характер. В статье доказывается необходимость привлечения дополнительных исторических источников, верифицирующих мнение исследователей о месте дисциплины «Английский язык» в учебных программах русских гимназий XIX в.

Ключевые слова: мемуары, русская гимназия, русский язык, английский язык, русская культура, учебная программа, София, Болгария, русские эмигранты первой волны, русская православная церковь.

Предметом изучения данной статьи является учебный процесс русских гимназий, отражённый в мемуарах И.Г. Тинина (19.06.1923–08.07.2007) (рис. 1) «Бытие. Исход. Второзаконие» [6; 7; 8].

Мемуарист родился в семье русских эмигрантов первой волны в городе Дреново и учился в русской классической гимназии в городе Софии (Болгария) с 1929 по 1941 г., т. е. более чем через декаду после падения Российской империи.

Иван Григорьевич Тинин писал свои мемуары «Бытие. Исход. Второзаконие» в конце 90 гг. XX в., в перестроечное время страны, а опубликовал их в 2001 г. в издательстве Волгоградского государственного университета города Волгограда. На сегодня они стали раритетом и редкостью в российской историографии.

Несмотря на значительный отрезок времени между падением Российской империи и обучением в русской гимназии Ивана Тинина за рубежом, мемуарист свиде-

тельствует, что он учился по учебным программам, которые формировались русскими эмигрантами первой волны для своих детей по образу и подобию соответствующих учебных программ канувшей в лету Российской империи.

Вместе с тем, незаслуженно забытые мемуары вызывают интерес в качестве исторического источника, в данном случае, по проблематике обучения русских гимназистов за рубежом в 20–40 гг. XX в. иностранным языкам по аналогии с подобным обучением в Российской империи ещё в XIX в.

В сущности, сам этот факт не вызывает сомнения и вполне исторически оправдан. Поводом для обращения к данному, казалось бы, само собой разумеющемуся событию, стало умозаключение Ю.Н. Рост, защитившей в 2007 г. диссертацию по культурологии. Исследователь утверждает, что в учебных заведениях Российской империи в первой половине XIX в. изучался английский язык. Основанием так думать стали её сведения об определён-

ных кругах российского общества, в которых интересовались этим языком ещё в конце XVIII в. [4]. Мемуарист же, скрупулёзно перечисляя изучаемые им языки, не представил в своём списке английский в качестве дисциплины для русских гимназистов [6, с. 35, 38]. Общеизвестный консерватизм в системе российского образования даёт повод полагать, что временная разница между обучением Ивана Тинина в третьей декаде XX в. и XIX в. в России, в том числе первой его половины, в данном случае не существенна. Мемуары И.Г. Тинина вполне могут быть привлечены в качестве исторического источника для изучения выявленной проблематики, поскольку умозаключение Ю.Н. Роста может восприниматься сегодня только как не доказанная гипотеза.

Для достижения этой цели впервые введены в научный оборот мемуары И.Г. Тинина «Бытие. Исход. Второзаконие», как исторический источник по ряду гуманитарных вопросов в русских гимназиях, в том числе, по вопросу изучения в них иностранных языков. В совокупности решений этих вопросов на основе материалов впервые введённого в научный оборот выше названного источника, определяется научная новизна данной статьи.

История жизни автора выше названных мемуаров начинается с его рождения в Болгарии в городе Дреново, в семье русских эмигрантов первой волны, мелкопоместного дворянина Григория Ивановича Тинина-Никулина [1882–1943] и его супруги Анны Александровны Лавровой [1880–1977]. О происхождении мемуариста из высших слоев общества свидетельствует наличие родового

герба, представленного на рис. 2.

Факт его рождения и жизнедеятельности в Болгарии до 1955 г. повлиял на дальнейшую судьбу Ивана, обучавшегося в солнечной стране сначала в русской классической гимназии в городе Софии.

После окончания гимназии (в 1941 г.) Иван Тинин поступил в Софийский университет имени святого Климента Охридского, а на третьем курсе обучения в университете он перевёлся на заочное отделение, и с 1 сентября 1944 г. пошёл на службу в Болгарскую армию в составе 3 Украинского фронта под руководством генерала Толбухина. В Болгарии была такая возможность – учиться заочно и одновременно воевать. Иван Григорьевич по этому поводу отпустил несколько шуток в своих воспоминаниях [9; 10, 25–48].

Любовь к России, русским традициям и православной культуре Иван унаследовал, прежде всего, от своих родителей. Мать водила его в детстве и отрочестве на службу Русской православной церкви в Софии, а отец, приучал сына к мировой культуре, почитаемой ещё в дореволюционной России. Об особой любви к Русской православной церкви мемуарист вспоминает так: «Отношение моё к церкви особое. Оно вошло в меня, как говорится, с молоком матери. С матерью я ходил по праздникам в храм, причащался, молился иконам, которые были у нас и в доме... Три иконы которые моя мать вывезла из России, сейчас находятся у меня дома. Я вернул их на Родину» [6, с. 50–51]. Любовь к русской православной культуре постепенно укреплялась в нём и в процессе

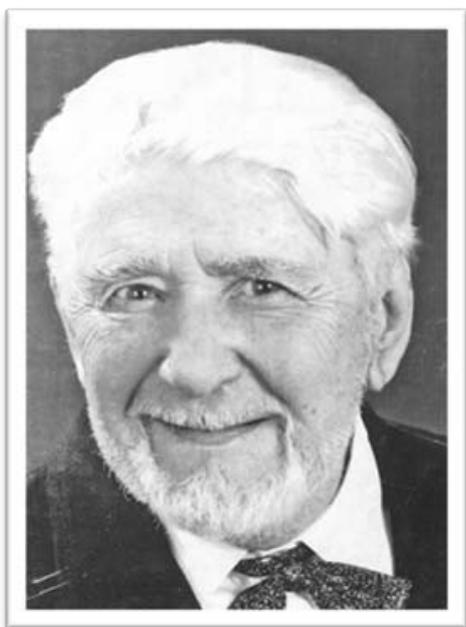

Рис. 1. Тинин И.Г. Без даты. Фото формата А4. Ксерокопия // ГАВО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д.130. Л. 1.

Рис. 2. Герб рода Микулиных /Тининых – Никулиных/. Дата не указана // ГАВО. Ф.Р- 1191. Оп. 1. Д. 29. Л. 35.

учёбы в русской гимназии в столице Болгарии, которая, к слову, существует и по сей день. Сегодня в ней учатся дети не только потомков русских эмигрантов, но и дети Болгарии, которые изучают русскую культуру. И. Тинин пишет: «Будучи гимназистами, мы каждое воскресенье всей гимназией по классам ходили в церковь на литургию. И вот мой друг Мишка Цыбулевский как-то сказал мне: «Слушай, Ванька, чего нам три часа просто стоять. Давай попросимся прислуживать в алтаре». Мы попросились, и нас взяли» [3; 6, с. 50–51].

Григорий Иванович, стараясь развивать своего первенца по традициям русской дворянской семьи, приобщил его к оперному искусству. «Однажды, когда я уже был гимназистом, - вспоминает И. Г. Тинин, - мой отец сказал мне: «Ты не можешь считаться умным и образованным, если не слушал опер “Тоска”, “Травиата” или “Фауст”. И вот каждое воскресенье он покупал мне билет на оперный спектакль в Народную оперу (так называлась государственная опера в Болгарии) на дневной сеанс. Я сперва ходил с отцом на эти спектакли с большой неохотой... Но потом незаметно это вошло в мою привычку, и я сам ходил на спектакли, сам покупал дешёвые билеты и даже прихватывал с собой парочку друзей» [6, с. 47–48].

Русская культура буквально окружала детей русских эмигрантов первой волны в Софии, как в гимназии, так и в Софийском университете имени святого Климента Охридского. В частности, в гимназии дети изучали русский язык как дисциплину, на нём преподавалась русская литература. Процветал также в юношеской среде русских эмигрантов русский гимназический и студенческий фольклор.

О долгожительстве и жизнеспособности студенческого фольклора, русских песен автор вспоминает: «Непонятно, как сохранялся гимназический и студенческий фольклор, как он тщательно передавался из поколения в поколение. Уже, будучи студентами Софийского университета имени Климента Охридского, мы пели русские студенческие песни, которым, наверное, было без малого сто лет... В России когда-то каждый университет имел своего небесного покровителя... Санкт-Петербургский университет имел покровителя Исаакия, Киевский – святого Владимира, Московский – праздновал Татьянин день... Мы сегодня знаем о Татьянинном дне как празднике всех студентов..., но я хочу показать... студенческую песню..., которую сегодня не найдёшь ни в одном из сборников... Вот вам песенка, очевидно, киевских студентов:

От зари до зари,
До ночной до поры
Все студенты по улицам шляются.
Они курят и пьют,
На начальство плюют
И ещё кое-чем занимаются.

Припев:
Через тумбу, тумбу раз,
Через тумбу, тумбу два, занимаются.
А Владимир святой
С колокольни большой
Сверху смотрит на них, ухмыляется.
Он и сам бы не прочь
Провести с ними ночь,
Да на старости лет не решается
Припев.
Но соблазн был велик,
И отчаялся старик.
По ступенькам вниз
Он спускается.
Он и курит и пьёт,
На начальство плюёт
И ещё кое-чем занимается.
Припев.
А на утро Гавриил
Небесам доносил,
Чем Владимир святой занимается.
В небесах был совет,
И решил комитет,
Что Владимир святой исключается.
Припев.
У студентов был совет,
И решил комитет,
Что Владимир святой принимается.
Припев» [6, с. 36–38].

Наряду с шаловливыми гимназическими и студенческими играми и песнями, унаследованными из жизни учащейся молодёжи ещё Российской империи, мемуарист вспоминает и о серьёзных уроках, например, русского языка [6, с. 35–38].

Продолжая вспоминать своё обучение в Софийской русской гимназии, Иван Григорьевич пишет: «С первого класса мы изучали французский язык и начинали говорить по-французски... В старших классах гимназии мы уже изучали семь языков вместе с французским: немецкий, русский, болгарский, латынь и греческий. Седьмой язык изучался по трём направлениям: как древнеболгарский, древнерусский и как церковно-славянский, который мы учили на уроках Закона Божьего» [6, с. 38; 7; 8].

При сравнении умозаключения диссертанта Ю.Н. Роста [4] относительно английского языка со свидетельствами И.Г. Тинина о его гимназическом обучении, диссертант априори становится оппонентом мемуаристу, поскольку последний вообще не упоминает об этом языке как об учебной дисциплине для гимназистов. Одновременно с этим мемуарист констатирует, что программы русской классической гимназии в Софии 20–40 гг. XX в. формировались эмигрантами первой волны для своих детей в соответствии с учебными программами

гимназий Российской империи XIX в. Эта информация ему была известна ещё в отрочестве из разговоров родителей и его эмигрантского окружения в Болгарии [6, с. 35, 38]. Не доверять данному свидетельству, у нас нет никакого основания.

Таким образом, гипотеза Ю.Н. Роста о том, что английский язык преподавался в первой половине XIX в. на том основании, что уже в конце XVIII в. имелся кулуарный интерес у отечественной элиты к этому иностранному языку, представляется несостоятельной. Косвенным подтверждением подобной несостоятельности могут быть и архивные материалы XIX в. по образовательной проблематике, хранящиеся в государственных архивах Российской Федерации, в том числе в Синодальном архиве [1; 2; 11, 200; 12].

Итак, мемуары И.Г. Тинина в полной мере можно отнести к одному из исторических источников по гуманитарному образованию в русских классических гимназиях Российской империи XIX в., в том числе и по изучению

иностраных языков, например, английского языка.

Отсутствие данного языка в учебных программах выше названной софийской русской гимназии даёт право предположить, что с учётом идентичности её учебных программ с подобными программами в некогда Российской империи английский язык не преподавался, по крайней мере, в российских гимназиях XIX в.

Для полного решения этой проблемы и объективно представления о судьбе английского языка в учебных заведениях Российской империи XIX в., необходимо привлечь дополнительное количество источников, оставленных детьми русских эмигрантов первой волны, которые, так или иначе, отразили в своих мемуарах особенности обучения в русских школах, гимназиях и университетах за рубежом. Необходимо также изучить архивные материалы государственных архивов Российской Федерации, отразивших учебный процесс гимназий в Российской империи XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Департамент народного просвещения. Синодальный архив. Ф 733. Оп. 1. Д. 20. «По Санкт-Петербургскому учебному округу». 1802–1821. 2 л.; Д. 28. «По Московскому учебному округу». 1802–1821. 1 л.; Д. 39. «По Казанскому учебному округу». 1802–1821. 1 л.; Д. 49. «По Харьковскому учебному округу». 1802–1821. 1 л.; Д. 56. «По Дерптскому учебному округу». 1802–1821. 2 л.; Д. 62. «По Виленскому учебному округу». 1802–1821. 2 л. // Тинина З. П. Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX века. Монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 284 с. – С. 237. – Текст непосредственный.
2. Комиссия духовных училищ. Синодальный архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 3. «Об учреждении уездных и приходских училищ по епархиям к Петербургскому округу приписанных. 1808–1809». 24 л.; Д. 8 «Об открытии здешней С-Петербургской семинарии и при ней уездного училища. 1808–1809». 19 л. ... // Тинина З.П. Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX века. Монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 284 с. – С. 240. – Текст непосредственный.
3. Жизнь, чудеса и заветы архиепископа Серафима (Соболева) / Девичий монастырь Покрова Пресвятой Богородицы г. Софии, кв. Княжево. София, 2001. 204 с. – Текст непосредственный.
4. Рост Ю.Н. Преподавание английского языка в российских учебных заведениях в первой половине XIX века // Автореферат диссертации на соиск. учёной степени кандидата культурологии: специальность 240001 – теория и история культуры. – Москва – 2007, - 25 с. – Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. – file://C:/Users/1/Desktop/autoref-prepodavanie-angliiskogo-yazyka-v-rossiiskikh-uchebnykh-zavedeniyakh-v-pervoi-polovine-xix-v.pdf - Текст: электронный (дата обращения: 01.07.2022); Рост Ю.Н. Преподавание английского языка в российских учебных заведениях в первой половине XIX века. – Дисс на степень кандидата культурологии, специальность ВАК РФ 24.00.01. – 2007. – 217 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/prepodavanie-angliiskogo-yazyka-v-rossiiskikh-uchebnykh-zavedeniyakh-v-pervoi-polovine-xix-v> – Текст электронный (дата обращения: 01.07.2022).
5. Святитель Серафим (Соболев) / Житие: Подвиги и чудеса. – Москва: Изд-во «Трим». – 1993. – 80 с.; Архиепископ Серафим Соболев. Новое учение о Софии премудрости Божией / Напечатано с благословения Председателя Русского Архиерейского Синода Блаженнейшего Антония Митрополита Киевского и Галицкого. – София – Болгария: издание «ЕТ Кирилла Маринова». – 1997. – 524 с.
6. Тинин И.Г. Бытие. Исход. Второзаконие (история глазами очевидца)». Династия Тининых и их с ними. Воспоминания. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 388 с. – Текст: непосредственный.
7. Тинин И.Г. Бытие. Исход. Второзаконие (история глазами очевидца)». Династия Тининых и их с ними. Воспоминания. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 388 с. // ГКУ ВО ГАВО. – Ф. Р-1191. – Оп. 1. – Д. 1. – Текст: непосредственный.
8. Тинин И.Г. Бытие. Исход. Второзаконие (история глазами очевидца)». Династия Тининых и их с ними. Воспоминания. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 388 с. – [Электронный ресурс]: Режим доступа – сайт: www.tininfamily.ru. – Текст: электронный. (дата обращения: 01.07.2022).
9. Тинина З.П., Родионова О.И. О войнах и не только XX века в архивных материалах И.Г. Тинина // Народное слово о войнах за Россию в XX веке: Коллективная монография / Ред. кол. З.П. Тинина, И.С. Петрова [и др.]. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2017. – 210 с. Приложения. – С. 23–30. – Текст непосредственный.

10. Тинина З.П. Великая Отечественная война в лицах (по материалам личных фондов ГКУ ВО ГАВО) // Великая Отечественная война (1941–1945) в документах и памяти народа: сб. статей: 75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / Отв. ред. А.И. Коломыткин; отв. сост. И.С. Петрова [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. – 465 с. – Текст непосредственный.
11. Тинина З.П. Самодержавие и русская православная церковь в первой четверти XIX в. Монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 284 с. – Текст непосредственный.
12. Тинина З.П. Особенности национальной политики при Александре I. Национальная политика Александра I. Режим доступа: <https://elec-master.ru/repair-services-etc/osobennosti-nacionalnoi-politiki-pri-aleksandre-1-nacionalnaya-politika-aleksandra-i.html> (дата обращения 15.03.22). – Текст электронный. (дата обращения: 01.07.2022).

© Тинина Зоя Павловна (zoiatinina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ И ВОПРОС О МАЛОРОССИЙСКОМ КАЗАЧЕСТВЕ

Филиппова Наталья Павловна

*К.и.н., доцент, Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова
nathaliePF@mail.ru*

SECRET COMMITTEE AND THE QUESTION OF THE LITTLE RUSSIAN COSSACKS

N. Filippova

Summary: The article is devoted to the problem of finding ways to solve the peasant question in the government circles of the Russian Empire at the beginning of the XIX century. By the example of consideration of the issue of finding Cossack rights by the peasants of Little Russia (Malorossiya) at the meeting of the Secret committee (Neglassnyi komitet) on October 26, 1803, the consistent but cautious desire of its participants to find optimal approaches to solving the peasant question, including through a expansion rights estates, is shown.

Keywords: the history of Russia in the first half of the XIX century, domestic politics of Alexander I, Secret Committee, peasant question, Little Russia, Cossacks.

Аннотация: Статья посвящена проблеме поиска путей решения крестьянского вопроса в правительственных кругах Российской империи начала XIX в. На примере обсуждения вопроса о получении крестьянами Малороссии казачьих прав на заседании Негласного комитета 26 октября 1803 г. показано последовательное, но осторожное стремление его участников найти оптимальные подходы к решению крестьянского вопроса, в том числе путем постепенного, поэтапного расширения прав сословий.

Ключевые слова: история России первой половины XIX в., внутренняя политика Александра I, Негласный комитет, крестьянский вопрос, Малороссия, казачество.

Одним из самых заметных проявлений реформаторских устремлений правящей элиты Российской империи в первой половине XIX в. стали возникновение и деятельность Негласного комитета. Фактором, объединившим образованных представителей аристократии вокруг великого князя Александра Павловича, была общность политических убеждений и признание необходимости преобразований в государстве. Вступление на престол в марте 1801 г. нового императора трансформировало дружеский кружок во влиятельный неформальный орган, который дублировал, а в некоторых вопросах подменял формально существовавший Непременный совет как центр принятия важнейших политических решений.

Ход обсуждения вопросов высшего государственно-порядка запечатлел в так называемых «Протоколах Негласного комитета» на французском языке один из самых активных его участников граф П.А. Строганов [11; 12; 13]. Первые отдельные фрагменты переводов «протоколов» на русский язык содержались в трудах историка генерала М.И. Богдановича, их широко использовали в историографии советского и современного периодов [1]. Полная публикация этих рукописей на французском языке, выполненная великим князем Николаем Михайловичем в ходе изучения биографии П.А. Строганова, позволила сделать этот уникальный источник доступным последующим исследователям истории России начала XIX века [10]. Но при этом его богатое содержание полностью не исчерпано как отечественными, так и за-

рубежными исследователями.

В частности, большой интерес для понимания, как самого феномена правительственного реформаторства Российской империи, так и механизма принятия и реализации политических решений имеет такой, незначительный, на первый взгляд, эпизод, как обсуждение в Негласном комитете вопроса об «отыскании казачества» крестьянами Малороссии, который обсуждался на заседании 26 октября 1803 г. [13, л. 67–71]. К моменту заседания, о котором пойдет речь, некоторые из задуманных молодыми друзьями проектов уже были реализованы (реформирование коллежской системы и создание министерств, преобразование Сената, реформа системы образования), другие находились на стадии обсуждения [16]. В силу объективных причин сами заседания Негласного комитета уже не были столь регулярными как в предыдущие два года, так как после образования министерств в 1802 г. сотрудники императора заняли высокие управленческие должности: П.А. Строганов стал товарищем министра внутренних дел, А.А. Чарторыйский – товарищем министра иностранных дел, В.П. Кочубей был назначен на пост министра внутренних дел. Реформаторские взгляды молодых друзей оставались неизменными, а уже накопленный политический опыт позволял в узком кругу единомышленников осмыслить не только, то что, надо делать, но и то, как это следует делать.

Заседание 26 октября 1803 г. было посвящено, казалось бы, частному вопросу провинциальной жизни

огромной страны. Отметим, что протокол, составленный П.А. Строгановым, достаточно краткий, он резюмирует мнения членов комитета и не содержит уточняющих сведений или пояснений. Но этот вопрос был порожден важнейшей проблемой, которую объективно приходилось решать реформаторам. Как от доктринальных установок перейти к практической реализации планов по отмене крепостного права в стране с огромным разнообразием социально-экономических, природно-географических и религиозно-этнических факторов?

Одним из своеобразных регионов Российской империи была Малороссия. В отечественной гуманитарной традиции существуют различные трактовки географических рамок этого исторического региона, многообразие которых осложняется политическими факторами и разрывом единства историографических подходов в последние десятилетия на постсоветском пространстве. Можно согласиться с мнением Т.Ф. Литвиновой, что «в исторической литературе существуют определенные разногласия по поводу территориальной характеристики Левобережной Украины. Относительно конца XVIII – первой половины XIX века, останавливаясь при необходимости на районировании Украины, исследователи очерчивали в качестве Левобережья территорию бывшей Гетманщины, впоследствии Киевского, Черниговского, Новгород Северского наместничеств. С 1796 г. – Малороссийской губернии, с 1802 г. – Черниговской и Полтавской, или добавляли к данной территории и Харьковскую губернию» [7, с. 36].

При этом надо отметить, что до эпохи правления Николая I для современников границы Малороссии не включали соседнюю Харьковскую губернию, составляющую особый регион – «Слободскую Украину», «Слобжанщину», вошедшую в состав Малороссийского генерал-губернаторства только в 1835 г. Современный украинский исследователь В.В. Кравченко отмечает отсутствие общей идентичности между «малороссами» и «слобжанами»: «Между украинскими казацкими регионами долгое время сохранялось политическое соперничество и взаимное противостояние, вызванное определенными обстоятельствами политической жизни. <...> Недаром еще в конце XVIII – начале XIX века патриоты Малороссии высмеивали претензии слобжан именоваться казаками, презрительно называя их гречкосеями и чумаками. Действительно, политическая автономия Слобжанщины была намного уже, чем соседней Гетманщины, а зависимость от российского правительства, соответственно, больше» [5, с. 7].

Значительная часть населения Черниговской и Полтавской губерний, как впрочем, и Слободской, по традиции относилось к казачеству, хотя его юридический статус, как и других групп военно-служивого населения прошлой эпохи на данной территории не

был полностью определен. Фактически на территории, окончательно потерявшей автономный статус в 1782 г., когда на нее были распространены общие принципы имперского административно-территориального деления, в Гетманщине проживала многочисленная группа населения, составившая к началу XIX в. особое сословие, которое в официальных документах именовалось малороссийским казачеством, но не было объединено в особое войско. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. границы Российской империи расширились, и военное значение местного казачества уменьшилось. «Если у малороссийской сословной группы, официально признанной свободными казаками, сохранился, быть может, от всех прежних прав, вольностей, традиций лишь один воинственный дух, то нельзя того же сказать о злосчастных потомках вольных казаков, так или иначе не доказавших права на включение в реорганизованное Румянцевым сословие малороссийских казаков и попавших в крепостную зависимость», – писал известный дореволюционный исследователь этого региона Н.В. Стороженко [15, с. 34].

Несмотря на то, что малороссийские казаки утратили уже множество своих свобод и привилегий, их положение нельзя было сравнивать с тяжким, бесправным положением крепостных крестьян. Поэтому значительная часть сельского населения Черниговской и Полтавской стремилась «отыскивать» свои утерянные казачьи права, что облегчало миграцию на территории соседних, относительно слабозаселенных в тот момент, регионов (Харьковской и Екатеринославской губерний, Земель войска Донского), где крепостное право еще только оформлялось. Этим стремлениям способствовало появление указа Павла I «О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно малороссийским законам» от 30 ноября 1796 г. и коронационного манифеста Александра I от 15 сентября 1801 г., который подтверждал дарованные в предшествующие царствования льготы [8; 9].

Отсутствие точных указаний к производству дел по поводу «отыскания» Малороссами казачества и все возрасставшее количество исков побудило местные власти обратиться в столицу за разъяснениями для установления единообразия в решении подобных вопросов. В частности, прокурор Черниговской губернии обратился к Сенату с запросом о том, следует ли руководствоваться при принятии решения и документами из компутов (списков реестровых казаков, составленных в 1783 г. – прим. автора) и свидетельскими показаниями жителей или же довольствоваться чем-то одним. Сенат указом от 2 июля 1803 г. предписал при разрешении исков о казачестве руководствоваться одним из двух: или справками или устными показаниями, данными под присягой, пояснив о неприменении срока десятилетней давности при возбуждении подобных исков. Н.С. Стороженко вполне

справедливо указывал, что разъяснение Сената о неприменении десятилетней давности к искам о казачестве существенно увеличило их число: «Малороссийский генерал-губернатор князь А.Б. Куракин доносил, что по силе указа Сената о не отношении по делам ищущих вольности людей десятилетней давности, малороссийский народ, будучи подстрекаем тамошними юристами, целыми селениями поднялся на подачу просьб об отыскании казачества, и многие из них вообразили, что подав просьбу, можно уже и не слушаться помещиков» [15, с. 35].

Можно предположить, что именно этот июльский указ Сената, вызвавший «большое возбуждение» в малороссийских губерниях, как со стороны помещиков, так и со стороны крестьянства, и явился поводом к обсуждению этого вопроса в Негласном комитете. На заседании 26 октября 1803 г. он собрался в полном составе, присутствовали П.А. Строганов, А.А. Чарторыйский, В.П. Кочубей и Н.Н. Новосильцев, председательствовал по традиции император Александр I. Изучение протоколов свидетельствует, что позиции членов Негласного комитета по конкретным вопросам совпадали не всегда. Не стало исключением и заседание, о котором идет речь. По мнению императора, проблема «отыскания» крестьянами Малороссии казачьих прав должна была решаться в русле уже начатых им преобразований. Поэтому в ходе заседания Негласного комитета 26 октября 1803 г. Александр I высказался против отмены вышеупомянутого указа Сената, как это предлагал Непременный совет, так как это шло вразрез с его планами эмансипации крестьян в общероссийском масштабе.

П.А. Строганов связывал дело о малороссийских казаках с политическим правом, которое не может «предлежать давности». Человек, указывал он, от рождения получает право на свободу и на собственность, которую он приобрел своим трудом (если только по какой-либо причине или уговору он не должен ее отдать): «У нас крестьяне не суть свободны и не имеют собственности и матерности. Поэтому переход к естественному состоянию, т.е. к свободе и праву собственности необходим». Однако П.А. Строганов полагал, что нельзя неожиданно перейти от одного состояния к другому, не могут «древние законы влиять на политические права и заменять их». Это правило должно распространяться на дело о казаках Малороссии, которые имеют, конечно, свои права на казачье состояние, т.е. на свободу, хотя «отыскание» такого состояния подвержено трудностям и влечет большие неудобства [10, с. 233]. Открыть поселянам такую дорогу отыскания прав, по мнению П.А. Строганова, может быть очень опасным и иметь негативные последствия. Так, например, поселяне могут оставить свое хозяйство, чтобы заниматься исками, решение по которым сложно принять в связи с давностью дела и отсутствием письменных источников и доказательств. Кроме того, занимаясь

исками, привыкнув к тяжбе и ябедничеству, они могут остаться без ресурсов и обеднеть, чего хотелось бы избежать. Другими словами, судебные разбирательства могут иметь «чувствительные и пагубные последствия» для благосостояния этих людей. «Они же должны войти в общую массу всех наших поселян, о состоянии коих столько пекутся. Всякое общество при удобном случае может восстановить свои утраченные права, оно имеет также право ожидать от своего правительства решения вопроса о пользовании преимуществами без каких-либо неудобств. Оно может сказать правителю: вот мое право неотъемлемое, я должен пользоваться им; но пекись о том, чтобы мне возратить его таким образом, чтобы оно не служило к большому моему вреду» [10, с. 233].

П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев и А.А. Чарторыйский высказались против отмены указа Сената, который имел определенные правовые основания, и предлагали найти решение, которое успокоит крестьян и помешает им оставить полевые работы, чтобы заняться, возможно, бесплодным «отысканием» своих прав. П.А. Строганов полагал, что в данном случае надо изыскать такой способ действия, при котором поселяне не были бы вынуждены заниматься этим делом, а правительство само озабочилось бы утверждением их казачьего звания на «лучших и обоюдных сторонах полезнейших правилах» [10, с. 234]. С возражениями выступил В.П. Кочубей, имущественные интересы которого, как крупного землевладельца Полтавской губернии, этот вопрос затрагивал непосредственно. Он высказал особое мнение, отличающееся от суждений императора Александра I и остальных сотрудников. По его заявлению, с 1783 г., когда Малороссия встала в один ряд с другими провинциями империи, для нее не могло существовать никаких особых прав и поэтому нет никаких препятствий к тому, чтобы просто аннулировать указ Сената.

Все присутствующие сошлись на том, что сам вопрос возник в связи с ошибкой, допущенной изначально Г.Р. Державиным, уволенным незадолго до заседания (7 октября 1803 г.) с должности министра юстиции и генерал-прокурора Сената, который дал этому делу ход, а не приостановил его. После обсуждения вопроса император согласился с необходимостью «успокоить умы» и распорядился, чтобы сотрудники комитета в деталях ознакомились с делом и представили свои соображения в наилучшем виде на следующем заседании. В последующих протоколах нет записи о продолжении обсуждения вопроса об «отыскании» крестьянами Малороссии казачьих прав. Возможно, намеченное заседание не состоялось или по какой-то причине не было зафиксировано.

Тем не менее, обсуждение в Негласном комитете этого вопроса не прошло бесследно. Его итогом стало разъяснение Сената в новом указе от 3 декабря 1803 г., согласно которому указ от 2 июля был неверно истол-

кован местным населением вследствие ложных представлений о том, кто имеет право именоваться казаком и претендовать на это звание. Издавна звание казаков делилось на разные степени, у которых и права были различны. Сенат пояснял, что с 1765 г. свободными считались те казаки, которые были известны как реестровые или выборные. Прочие, т.е. «казаки-подпомощники» и «казаки-подсуседки», равно как и наемники выборных казаков таковыми не считались. Согласно указу 3 мая 1783 г., который юридически закрепил крепостное право на существовавших тогда на территории бывшей Гетманщины Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств, выборные казаки зачислялись в реорганизуемое казачье сословие в соответствии с реестровыми списками 1782 г. «Поэтому Сенат считал подлежащими рассмотрению лишь иски о казачестве выборных казаков или их потомков, потерявших, почему-либо свободу». При таком толковании все иски такого рода приурочивались к третьей ревизии 1782 г. и указу 1783 г., так как до этого времени, по мнению Сената, «вольного человека укреплять за собой никто никакой выгоды не имел, потому, что переход по Малороссии был свободен, отчего и случаи к отысканию вольности могли быть очень редки» [15, с. 36].

Кроме того, Сенат дал подробную инструкцию, которой надо было руководствоваться при рассмотрении исков об «отыскании» казачества: «Отыскивающий казачества должен был составить иск, предъявить соответствующие письменные документы о том, что он происходит от предка, служившего казаком и состоявшего в реестре выборных казаков, или так называемом компуте, и таковым числился до самой ревизии 1782 года, но при оной, или в последующее затем время, в числе владельческих подданных написан для укрепления несправедливо». Доказательства сему должны были быть ясными и достоверными, а двенадцать свидетелей из числа дворян, казаков, помещиков или мещан должны были под присягой подтвердить казачье происхождение просителя. Если при рассмотрении иска оказывалось, что проситель по ревизии 1782 г. числился ещё казаком и был закреплён после этой ревизии, то поветовые суды должны были делать немедленно распоряжение об освобождении из крепостной зависимости, хотя бы со стороны владельца и был заявлен протест» [6, с. 209]. Такое разъяснение Сената позволило сократить количество исков об «отыскании казачества», поданными местными властями, и способствовало уменьшению напряженности в регионе.

Эта проблема, поставленная на повестку дня в Негласном комитете, перекочевала из века предыдущего и не могла иметь простого решения, в том числе и потому, что процесс интеграции окраинных территорий в юридическую систему Российской империи еще не был окончательно завершен. При этом можно предпо-

ложить, что в Малороссии, как и в целом ряде других регионов огромной страны, шел сложный процесс взаимодействия двух социально-экономических тенденций. Применительно к Полтавской и Черниговской губерниям Т.Ф. Литвинова определила его следующим образом: «Оформление крепостнической системы в украинских регионах проходило одновременно с ее разложением. Отсюда для всех социальных групп, и в большей степени для дворян помещиков и крепостных крестьян, возникла проблема, так сказать, двойной адаптации. Кроме того, формирование крепостнического строя здесь сопровождалось, хотя и медленными, модернизационными процессами» [7, с. 18].

Вопрос об «отыскании» казачьих прав, как часть проблемы юридического и социального статуса военно-служивого населения окраин Российской империи, был порожден уникальными исторически сложившимися традициями и был для властей сложным для разрешения. С одной стороны, военно-стратегические потребности, с другой – необходимость поддержания стабильности в обширных регионах, требовали признания особого статуса целых групп населения. Это привело к существованию вплоть до начала XX в. в России такого социально-политического феномена, как казачество в позднимперский период. Но его формирование как особого привилегированного сословия входило в противоречие с задачей успешной инкорпорации в состав правящего сословия землевладельческих элит окраинных территорий. В ходе заседания Негласного комитета 26 октября 1803 г. их интересы ясно выразил В.П. Кочубей. Уроженец Малороссии, он решительно выступил против признания особых прав и привилегий местного населения, связывая свои собственные интересы и интересы себе подобных представителей местного дворянства с общеимперской унификацией положения всех групп податного сословия.

В тоже время надо признать, что дискуссия, возникшая на заседании 26 октября 1803 г., позволяет сделать вывод о том, что колебания императора Александра I и его соратников по Негласному комитету свидетельствуют, как бы это не парадоксально звучало, о серьезности их намерений, связанных с отменой крепостного права. Они надеялись, что эта реформа, как и другие намечаемые ими преобразования, должна укрепить империю, а не стать причиной нарастающих конфликтов и противоречий. Основанное, как на доктринах века Просвещения, так и на растущем политическом опыте, их понимание того, что даже абсолютной власти просвещенного монарха недостаточно для одномоментного изменения существующих в огромной стране правовых норм и социальных традиций, соответствовало реалиям российской действительности.

В спорах исследователей о том, насколько серьезны-

ми были реформаторские планы императора Александра I и его сторонников из числа бюрократии и дворянства в отношении крепостного права, наиболее убедительной представляется позиция М.М. Сафонова о том, что Александр I имел свою «крестьянскую программу», которую он намеревался реализовать на протяжении всего царствования [14]. Подтверждением этому является и скрупулезное исследование дворянских проектов крестьянской эмансипации начала XIX в. осуществленное А.Н. Долгих [2; 3; 4]. Обсуждение в Негласном комитете 26 октября 1803 г. вопроса об «отыскании» крестьянами Малороссии казачьих прав, как и другие его заседания, свидетельствуют о последовательном, хотя и осторож-

ном, стремлении его участников найти оптимальные подходы к решению крестьянского и связанных с ним других сословных вопросов. Позицию императора и его единомышленников по Негласному комитету сформулировал вполне разделяющий ее Ф.-С. Лагарп, писавший, что вопрос «о крепостном праве, это вопрос, который очень легко решают в кабинете, но с величайшим трудом в действительной жизни. Во всяком случае, вопрос этот должен быть решаем постепенно, без шума и тревоги, а главное, без малейшего посягательства на права собственности» [17, с. 49–50]. Этим путем, методом проб и ошибок, власти Российской империи в итоге пришли к крестьянской реформе 1861 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб.: тип. Ф. Сушинского, 1869. Т. 1. 539 с.
2. Долгих А.Н. Александр I и дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в первой четверти XIX в. // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 279–284.
3. Долгих А.Н. Вопрос об освобождении владельческих крестьян в политике Александра I в 1801–1803 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 40–45;
4. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике самодержавия в конце XVIII – первой половине XIX в.: В 2 т. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета, 2006. Т. 1. 308 с.; Т. 2. 356 с.
5. Кравченко В.В. Харківський університет в першій половині XIX століття // Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. Харків: Фолю, 2004. 750 с.
6. Лисниченко А.И., Шило Н.И. Малороссийские казаки в войнах XIX века // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 4. Краснодар; Киев: Эдви, 2010. 340 с.
7. Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 386 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXIV. № 17594.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXVI. № 20011.
10. Романов Н.М. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I: В 3 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. Т. 2. 488 с.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 10.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 11.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12.
14. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII – XIX вв. Л.: Наука, 1988. 249 с.
15. Стороженко Н.В. Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVIII и в начале XIX века. Киев: тип. Университета св. Владимира, 1898. 104 с.
16. Филиппова Н.П. Негласный комитет и проблема реформирования России: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 23 с.
17. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. Т. 1. 408 с.

© Филиппова Наталья Павловна (nathaliePF@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАСОНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Хильченко Мария Викторовна

Преподаватель, Российский университет дружбы
народов, г. Москва
Kristina.myfoto@yandex.ru

FREEMASONRY AND POLITICAL INSTITUTIONS: TRADITION AND MODERNITY

M. Khilchenko

Summary: The article is devoted to the problem of the Masonic ideas' influence on the modern political systems' institutional design in developed countries.

The research goal is to present the empirical study results of the possible influence by the Masonic lodges on the structure and formation principles of political institutions in England, France and the United States.

The study objectives are to examine the Masonic influence on the political institutions' formation in England, France and the United States with the historical context and national specifics.

The research subject is the Masonic systems of England, France and the USA.

Keywords: Masonic systems, political institutions, government, political traditions, modern Freemasonry.

Аннотация: В статье рассматривается влияние принципов масонских лож Англии, Франции и США в их связи с институциональным дизайном современных политических институтов. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на материалах Великих масонских лож Англии, Франции и США, размещенных на официальных сайтах данных масонских организаций. В статье использована авторская методика сопоставительного анализа влияния принципов масонства Англии, Франции и США на структуру политических институтов с помощью метода сопоставительного анализа. В статье представлены результаты частотного анализа полученных данных.

Ключевые слова: масонские системы, политические институты, государственное управление, политические традиции, современное масонство.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что понятие «масонство» и связанные с ним мифы стали почвой для различных антинаучных конспирологических теорий, а также манипуляций общественным сознанием во многих странах мира. Наиболее широкое на данный момент определение понятию «масонство» дано в словаре М. Вебстер: «масонство, учения и практики тайного братского и исключительно мужского ордена Свободных и Принятых Масонов, крупнейшего мирового тайного общества: оценки всемирного членства масонства в XXI веке варьируется от 2 до 6 миллионов человек [7, с.110].

Масонство является исторически британским феноменом, распространенным первоначально в Англии. Данное происхождение тайного общества во многом обусловило формирование его ценностных и идеологических установок, перенятых от гильдий каменщиков и строителей соборов средневековья. С упадком строительства соборов некоторые ложи рабочих каменщиков начали принимать почетных членов, чтобы поддержать численность ставшей невостребованной профессии.

По мнению исследователей, именно из этих первоначально сугубо профессиональных тайных союзов разви-

лось современное «символическое или умозрительное» масонство, которое, в частности, в XVII и XVIII веках приняло обряды и атрибуты древних религиозных орденов и рыцарских братств [9, с.33]. Следует отметить, что первая масонская Великая ложа была основана именно в Англии в 1717 году: «в день святого Иоанна, 24 июня 1717 года, четыре лондонских ложи, существовавшие некоторое время, собрались в таверне «Гусь и Гридирон» на кладбище Святого Павла, объявили себя Великой ложей и избрали Энтони Сейера своим Великим магистром» [11]. В 1721 году Великая Ложа опубликовала свою первую книгу правил - Книгу конституций масонства - и собиралась ежеквартально, строго протоколируя свои собрания.

Ложа быстро распространила свою власть за пределы Лондона, поскольку ее членами были политики, финансисты, а также представители аристократии. Изначально закрытый, тайный характер масонства, связанный с преследованием со стороны римского католицизма, стал, пожалуй, основным фактором, стимулировавшим мифы и теории заговора, связанные с влиянием масонов на политические процессы и институты. В условиях глобального развития информационных технологий, способствующего практически мгновенному распространению любой, в том числе заведомо ложной, информации, теории «глобального заговора», «Римского клуба» и

прочие антинаучные концепции зачастую основаны на популистском и крайне примитивном представлении о масонстве и его влиянии на политическое пространство в жизни человечества.

Масонство в Великобритании и его влияние на политические институты

Помимо Великой Ложи, основанной в 1717 году, в Лондоне появилась конкурирующая Великая Ложа (1751). Первоначальными ее членами были ирландские масоны, которые утверждали, что являются более древним объединением масонов.

Поскольку в начале XVII века действующие масонские ложи в Британии начали принимать членов, не являющихся мастерами, как «принятых» масонов, эта практика привела к коренному переходу от гильдии оперативных ремесел к спекулятивной философской школе. Первая Великая Ложа, возникшая в Лондоне в 1717 году, приняла конституцию, определяющую ее полномочия и отношения с подчиненными ложами и отдельными масонами. Конституция была составлена Великим Магистром Джорджем Пейном в 1720 году и принята Великой Ложей в 1721 году. Она была пересмотрена преподобным Джеймсом Андерсоном и напечатана в виде книги как «Конституция Андерсона» в 1723 году. Конституции Андерсона настолько идеально соответствовали масонским идеям правления, что их приняли в ирландских и шотландских Великих ложах. При условии того, что в Великобритании не существует конституции как единого кодифицированного документа, такое стремление к упорядочиванию иерархии, принципов и функций масонов стало образцом для подражания в других странах, имевших связь с Британской империей. То есть, институциональное влияние на структуру политических институтов зарубежных стран со стороны английских масонов вполне очевидна и характерна в основном для бывших английских колоний [8].

В настоящее время в Великобритании действует Объединенная Великая Ложа Англии, имеющая свой электронный ресурс, на котором размещены требования к кандидатам, процедура поступления и иная информация, касающаяся деятельности Ложи. После многих лет переговоров две великие ложи в Англии объединились 27 декабря 1813 года, чтобы сформировать Объединенную Великую ложу Англии. Этот союз привел к значительной стандартизации ритуалов, процедур и регалий. В XIX веке в Британии и в ее колониях существовало уже 647 лож. В начале XX века было основано 2800 лож несмотря на то, что часть членов вышла из их состава и уехали из страны, когда независимые Великие ложи были сформированы в Канаде и Австралии в 1900 году [2, с.3].

За три года после Первой мировой войны было соз-

дано более 350 новых лож, а за три года после Второй мировой войны появилось около 600 новых лож. Во многих случаях основателями были военнослужащие, которые хотели сохранить дух товарищества, возникший во время своей военной службы, и искали центр спокойствия в сильно изменившемся мире. 14 июня 1967 года в Королевском Альберт-Холле праздновалось 250-летие Великой Ложи. Центральным событием торжества стало вступление в должность Великого магистра Его Королевского Высочества герцога Кентского, который до сих пор занимает эту должность. 10 июня 1992 года более 12 500 масонов и гостей собрались в Earls Court в Западном Лондоне, чтобы отпраздновать 275-ю годовщину Великой Ложи. Впервые пресса и телевидение присутствовали на собрании Великой Ложи, и это событие было показано в телевизионных выпусках новостей по всему миру. Трехсотлетие Великой Ложи в июне 2017 года отмечалось стильно в течение всего года, кульминацией которого стало Особенное собрание Великой Ложи в Королевском Альберт-Холле, на котором председательствовал Великий Магистр, Его Королевское Высочество герцог Кентский, и на нем присутствовали представители 136 суверенных Великих Лож со всего мира. В настоящее время Великая Ложа имеет свой сайт в Интернет, на котором в открытом доступе предложены различные материалы, касающиеся деятельности данной организации.

Интересно, что по словам Найджела Браун, великого секретаря Объединенной Великой Ложи Англии, «масонство — это нерелигиозная и неполитическая организация, и обсуждение политики и религии на собраниях ложи запрещено» [1, с.2]. Тем не менее, несмотря на данное современное правило, традиционные масонские идеи остаются весьма заметными в дизайне политических институтов Великобритании.

Идеи английского масонства о «духе товарищества», который приводит к различным неформальным связям между людьми, как правило, занимающими высокое общественное положение, в том числе в государственных органах, позволяет говорить о том, что масонские структуры фактически являются прототипом неформальных политических сетей как горизонтального, так и вертикального порядка.

Неформальные практики принятия политических решений также проявляются в том, что вся сфера политики в Великобритании регулируется обычным (основанном на обычае), некодифицированным праве: начиная от полномочий премьер-министра, которые не зафиксированы ни в одном из государственных документов, заканчивая неформальными практиками английского парламентского лобби. В принципе, если расширить данный тезис, то лобби как специфический политический институт ведет свое начало от масонских идей о «духе това-

рищества» и принципа иерархии масонской ложи, когда спорные вопросы между членами решает Великий Магистр [12].

С точки зрения современной терминологии можно также дополнить роль масонства в политических неформальных практиках с позиции формирования специфической информационной сети: рекомендации масонской ложи для ее членов, которым необходимо наладить контакт друг с другом, имели как в прошлые века, так и в настоящее время имеют немаловажное значение.

Современное масонство в Британии активно использует информационные ресурсы для продвижения своих идей и пополнения членства: Объединенная Великая Ложа имеет свой официальный сайт и страницы в социальных сетях. Таким образом, особенностью английского масонства на национальном уровне можно считать распространение неформальных практик принятия решений при сохранении строгой неформальной иерархии в политической сети горизонтального и вертикального типа.

Масонство в США и его влияние на политические институты

По свидетельствам историков, первая масонская ложа в Америке была основана собранием, представляющим свободных жителей Пенсильвании в 1682 году. Эта первая структура была пересмотрена в 1683 году, а также в Хартии привилегий 1702 года, которая стала основным законом провинции. По мнению исследователей, «этот основной закон был основан на согласии управляемых; эта власть должна принадлежать закону, а не человеку. Этот кодекс в его окончательной форме был мягким и гуманным для того времени. Тюрьмы были преобразованы в рабочие и исправительные учреждения. Все законопослушные люди, которые «признали единого Всемогущего и вечного Бога Творцом, Опекуном и Правителем мира», должны были иметь право поклоняться Богу по своему усмотрению» [13]. Поэтому колониальные хартии, непосредственные предшественники конституций штатов и федерации США, в институциональном отношении являются отражением масонских идей, в том числе – о политическом представительстве и религиозной терпимости. Данный тезис подтверждается тем, что в Америке Бенджамин Франклин выпустил переиздание «Конституции Андерсона» в Филадельфии, в 1734 году для использования американскими масонами. Связь между идеями американских масонских лож и институциональным дизайном политической системы США прослеживается также и в том, что «правительство», созданное для масонского братства в соответствии с Конституцией 1723 года, было фактически федеральной системой. Подчиненные ложи сохранили контроль исключительно над делами местных лож в соответствии

с набором подзаконных актов, принятых ими самими, а Великая ложа управляла общими делами ордена [10].

Более того, в статье XXXIX документа Великой Ложи были установлены принцип избрания должностных лиц и обеспечения элементарных средств защиты избирательных бюллетеней и выборов от нежелательного влияния [3]. Как полагают некоторые исследователи, «невозможно с уверенностью сказать, сколько принципов будущего американского управления заложено в масонских конституциях. Однако кажется разумным предположить, что, поскольку масоны были организованы в группы или ложи в очень ранний период цивилизованного общества, они могли создать некоторые из них и, несомненно, способствовали их совершенствованию» [4]. С данным утверждением нельзя не согласиться, поскольку происхождение этих основных демократических принципов правления не так важно, как тот факт, что они были обнаружены и применялись после 1734 года на территории, ставшей Соединенными Штатами. Более того, самые первые идеи объединения английских колоний, несомненно, были выдвинуты именно масонами как мера защиты от враждебных индейцев, голландцев в Новом Амстердаме, французов в Канаде и, в меньшей степени, от испанцев во Флориде.

Такие предлагаемые союзы носили региональный характер, а их эффективность зависела от степени опасности, которую испытывали колонисты. Конфедерация Новой Англии была образована в 1643 году, но через несколько лет перестала функционировать. В 1697 году Уильям Пенн, основатель масонской ложи в Америке, созвал конференцию двенадцати губернаторов колоний; они обсуждали создание общей армии, валюты и монетного двора, но единственным определенным шагом было создание почтовой системы под руководством генерального почтмейстера для Северной Америки.

Другие предложения об образовании союза были сделаны в 1698 и 1701 годах, но никаких действий не последовало. В 1722 году Дэниел Кокс, первый провинциальный великий магистр Новой Англии, изложил план союза в предисловии к своим «Описаниям Каролины», который поразительно напоминал схему, представленную Франклином на Олбанской конвенции. Бенджамин Франклин, конечно, не оставил потомкам прямых свидетельств того, что он использовал конституцию масонства в качестве модели для плана Олбани, но, поскольку он опубликовал «Конституцию Андерсона» в 1734 году и служил Великим магистром Великой провинциальной ложи Пенсильвании, можно предположить, что он был знаком с масонской конституцией.

Тот факт, что он назвал совет представителей нескольких колоний Великим советом и что совет представителей масонских лож называется Великой ложей,

является косвенным свидетельством того, что масонство влияло на его мышление. Когда в 1783 году был подписан Парижский договор, положивший конец Войне за независимость, значительная часть территории Соединенных Штатов в пределах, установленных договором, была политически неорганизованной. Когда началась война, американцы только начинали проникать вглубь страны; с окончанием войны оккупация западных земель поставила перед нацией серьезную проблему. Соединенные Штаты, только что вышедшие из колониального статуса, сами были метрополией до того, как у них появилось национальное правительство. Северо-западный указ от 13 июля 1787 года установил прецедент для создания и принятия новых штатов в союз на основе полного равенства. Масоны были знакомы с этой концепцией равенства, потому что новые масонские ложи всегда создавались наравне с другими ложами в братстве.

Такого рода политика обозначена в заключительном заявлении церемонии конституции в Конституциях Андерсона 1723 года следующим образом: «И эта Ложа, будучи полностью сформированной таким образом, должна быть зарегистрирована в книге Великого Магистра, и его Приказом сообщается другим» [5]. Конституция Соединенных Штатов, написанная Конституционным конвентом 1787 года, была изучена многими специалистами в области управления, и они в значительной степени согласны с тем, что ее фундаментальные концепции включают в себя: народный суверенитет, ограниченное правительство, местное управление, принцип самоуправления, примат национального правительства в федеральной системе, разделение властей, верховенство судебной власти посредством судебного надзора и индивидуальные права, защищаемые конституционными положениями. Первый Конгресс, избранный в соответствии с Конституцией, состоял из нескольких масонов. Известно, что в сенате из двадцати шести членов двенадцать были масонами: Оливер Элсуорт, Джеймс Ганн, Уильям С. Джонсон, Сэмюэл Джонстон, Руфус Кинг, Джон Лэнгдон, Ричард Генри Ли, Джеймс Монро, Роберт Моррис, Уильям Патерсон, Джордж Рид, Филлип Шайлер.

На первоначальном этапе формирования американских лож противодействие масонам росло. Аболиционисты, такие как Джон Браун, выступали против масонов, часто выступающих за рабство. Видные деятели, в том числе Джон Куинси Адамс, бывший президент и бывший масон, и издатель Гораций Грили присоединились к широко распространенной критике масонства. Будущий президент штата Вермонт, Миллард Филлмор назвал масонские ордена не чем иным, как «организованной изменой». В 1832 году антимасонская партия выдвинула этого единственного кандидата в президенты, и он получил голоса выборщиков штата Вермонт.

Американские масоны также обвинялись в участии

в зарубежных военных авантюрах. В 1850 году группа американских масонов и ветеранов войны с Мексикой вторглась на Кубу, чтобы поднять восстание против испанской короны. Группа не смогла закрепиться и отступила, понеся тяжелые потери. Позже ее лидеров судили в Новом Орлеане за нарушение законов США о нейтралитете.

Многолетнее братство и секретность группы традиционно служили средством исключения, а не включения новых членов. Сегодня репутация американских масонских лож поддерживается связью со «Священством» (Shriners), родственной братской группой, известной своей благотворительной и медицинской деятельностью. Революционное, а иногда и жестокое прошлое масонов теперь отошло в историю, поскольку масонские ложи есть в каждом штате и фактически представляют из себя достаточно безобидного участника американской социальной жизни. Даже с его неоднозначным прошлым трудно представить американский масонский орден в качестве современного очага социального или политического конфликта.

По итогу исследования возможных связей, которые могут существовать между масонством и институциональным дизайном США, необходимо подчеркнуть особо важные фундаментальные принципы, установленные для управления масонским братством в его старейших сохранившихся документах, присутствуют в Конституции 1789 года; многие из лидеров развития федерального союза были масонами; эволюция идеи бесплатной государственной школьной системы, поддерживаемой государством, была поддержана многими масонами; политика приема новых штатов в состав федерации на основе полного равенства со старыми находит свое отражение в масонстве в создании новых лож, равных во всех отношениях положению, занимаемому старыми ложами; ряд людей, оказавших влияние на Конституцию 1789 года, были масонами, хорошо осведомленными в масонской философии, практике и организации; масоны занимали многие влиятельные должности в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти в начальный период становления системы государственного управления США.

Все перечисленные выше принципы позволяют прийти к выводу, что исследователи в области истории и государственного управления зачастую недооценивают влияние масонства на формирование правительства Соединенных Штатов, а также влияние на эволюцию американской демократии.

Французское масонство и его влияние на политические институты

Согласно традиции, восходящей к 1777 году, первая

масонская ложа во Франции была основана в 1688 году Королевским ирландским полком, который вслед за Яковом II Английским отправился в изгнание, под названием «La Parfaite Égalité» Сен-Жермен-ан-Лэ. Историки считают такое событие вероятным, но его нельзя доказать или опровергнуть окончательно. То же самое можно сказать и о первой ложе английского происхождения «Amitié et Fraternité», основанной в 1721 году в Дюнкерке.

Первая ложа, существование которой исторически достоверно, была основана англичанами в Париже «около 1725 года» в основном состояла из ирландцев и якобитов изгнанников. Вполне вероятно, что именно эта ложа в 1732 году получила официальные патенты от Великой ложи Лондона. В 1728 году масоны решили признать Филипа Уортона, первого герцога Уортона (1698-1731), «гроссмейстером масонов во Франции». Уортон находился в Париже и Лионе с 1728 по 1729 год, а в 1723 году уже стал гроссмейстером Великой лондонской ложи. Его назначение на пост французского гроссмейстера до преобразования «Великой лондонской ложи» в «Великую ложу Англии» в 1738 году рассматривается некоторыми историками как отправная точка для французского масонства и декларация его независимости от британского масонства. Если существование гроссмейстера во Франции засвидетельствовано в 1728 году, только десять лет спустя, после собрания представителей всех «английских» и «шотландских» лож, была сформирована первая Великая Ложа Франции (Grande Loge de France, 24 июня 1738 года).

Именно эта Великая Ложа дала начало французским масонским структурам, которые существуют до сих пор. После этой декларации 1729 года и признания трех великих лож Британии, установила международные отношения со всеми великими ложами Содружества. Таким образом, семь канадских великих лож, а также шесть великих лож Австралии и Новой Зеландии согласились обменяться гарантиями дружбы с Великой Ложей Франции.

С другой стороны, в Европе и Соединенных Штатах французская ветвь масонства столкнулась с сильным соперничеством местных структур. В 1937 году Великая Ложа была признана 62 послушниками, в том числе 12 европейскими Великими ложами и 36 американскими. Для сравнения: в 1939 году 37 иностранных великих лож признали Великую Ложу Франции, в том числе восемь американских и шесть европейских великих лож. После Второй мировой войны, между 1952 и 1964 годами, создание около двадцати лож во Франции было связано с присутствием солдат НАТО, что способствовало сотрудничеству Великой Ложи Франции с Американскими ве-

ликими ложами.

В 2007 году Объединенная Великая Ложа Англии организовала первую встречу всех Великих Магистров всех Великих Лож, признанных регулярными в Европе, причем следующая встреча всех секретарей тех же Великих Лож была проведена в Париже. С 2002 года Великая Ложа Франции распространила свое признание на Латинскую Америку, укрепила свои позиции в Африке, в Индийском океане и создала две ложи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В настоящее время французское масонство присутствует и действует во всем мире. На африканском континенте Великая Ложа Франции присоединилась к Конференции Великих Лож Африки [6]. На официальном сайте организации дана исчерпывающая открытая информация о деятельности данной структуры.

Как и другие модернизированные формы масонства, французское масонство восходит к реформированным шотландским ложам восемнадцатого века, но оно процветало со времен Французской революции и, возможно, больше, чем какая-либо другая национальная организация, восприняло просветительские принципы революции. Хотя изначально они поддерживали деистическую философию, к 1860-м годам более радикальные элементы стали нетерпеливыми ко всем теистическим формам и пытались заменить их доктриной научного позитивизма. В результате произошел практически полный разрыв между Великой Ложей Франции и традиционными структурами масонства в Великобритании.

Ключевыми отличиями французского масонства является приоритет научного знания над мистическими ритуалами, радикально республиканский взгляд на политические институты, а также практически полный отказ от традиционных для английского масонства неформальных практик принятия решений. Исследователи полагают, что в настоящее время во Франции начат процесс децентрализации местного самоуправления [9, с. 869], который также является одним из основных во французских масонских ложах.

Проведенное исследование позволяет заключить, что масонские ложи Англии, Франции и США имеют не только сходства, но и отличия, которые кроются в расстановке приоритетов миссии масонства. Наиболее заметный исторический масонский «след» можно определить в основополагающих принципах политической системы США, однако все истоки современной западной демократии в ее адаптированном для государственного управления виде отражены в идеях английского традиционного масонства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киясов С.Е. Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2019. № 1. С.1-9.
2. Киясов С.Е. Масоны северо-американских колоний накануне войны за независимость // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2008. № 4. С. 1-4.
3. Grand Lodge of Washington. URL: www.freemason-wa.org (дата обращения: 21. 10.2020)
4. Grand Lodge District of Columbia. URL: www.dcgrandlodge.org (дата обращения: 19.10.2020)
5. Grand Lodge of California. URL: www.freemason.org (дата обращения: 17.10.2020)
6. Grande Loge Nationale Française. URL: <https://www.glnf.fr/> (дата обращения: 15.10.2020)
7. László Vári. Hungarian Masonic lodges abroad. In book: Kilwinning 2020. P.107-116.
8. Carter J.D. Masonry in US History -- through 1846. Background, History and Influence to 1846. URL: <http://web.mit.edu/dryfoo/Masonry/Essays/jdcarter.html> (дата обращения: 14.10.2020)
9. Corliss Ch. Masonic writings. In book: A Primer of the Psychoanalytic Theory of Herbert Silberer. 2018. P.32-42.
10. Lipson D.A. Freemasonry in Federalist Connecticut, 1789-1835. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1dsq> (дата обращения: 03.10.2020)
11. United Grand Lodge of England. URL: <https://www.ugle.org.uk/> (дата обращения: 12.10.2020)
12. Freemasonry in Côte d'Ivoire, a brief history of the current issues. Interview with Francis Akindès. Francis Akindès, Interview by Marie Miran-Guyon. In Afrique contemporaine. 2017. Volume 263-264. Issue 3-4. P. 325 – 338.
13. Washington Post. How an abduction by the mysterious Freemasons led to a third political party — the nation's first. The bizarre history of the Anti-Masonic Party. URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2018/10/21/how-an-abduction-by-mysterious-freemasons-led-third-political-party-nations-first/> (дата обращения: 17.10.2020).

© Хильченко Мария Викторовна (Kristina.myfoto@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

РОЛЬ ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВАСИЛЬСУРСКОМ УЕЗДЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

THE ROLE OF THE ZEMSTVO IN THE DEVELOPMENT OF HEALTH SERVICE IN THE POPULATION IN VASILSURU DISTRICT IN THE POST-REFORM PERIOD

**V. Chesukhina
A. Shisharina
Ya. Grishanova**

Summary: The article deals with the problems of medical care for the rural population of Russia before the transformations of Alexander 2, since this issue was transferred to the care of local authorities - the county zemstvo. In the short period of work of the Zemstvos, certain successes were achieved, but there were even more unresolved problems, since the development of medical care required more and more funds. In Vasilsky Uyezd, two districts were created, the districts were headed by doctors with higher medical education, medicine was free, and the poor were provided with free medicines. Medical care for the population, assistance to the disabled and the elderly were important areas of activity for the zemstvo authorities in Russia in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: medical care, zemstvo medicine, epidemic control, water supply, veterinary medicine, quality of life.

Чесухина Вера Николаевна

старший преподаватель, Нижегородский
государственный инженерно-экономический
университет г. Княгинино
chesukhina@mail.ru

Шишарина Анастасия Николаевна

Преподаватель, Нижегородский государственный
инженерно-экономический университет г. Княгинино
lustra-alisa@rambler.ru

Гришанова Яна Олеговна

старший преподаватель, Нижегородский
государственный инженерно-экономический
университет г. Княгинино
janin_g@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы медицинского обслуживания сельского населения России до преобразований Александра 2, поскольку данный вопрос передавался на попечение местных органов - уездное земство. За короткий срок работы земств были достигнуты определенные успехи, но и не решенных проблем становилось еще больше, так как развитие медицинского обслуживания требовало все больших средств. В Васильском уезде - было создано два участка, во главе участков стояли врачи с высшим медицинским образованием, медицина была бесплатна, малоимущих обеспечивали и бесплатными лекарствами. Медицинское обслуживание населения, помощь инвалидам и старикам являлись для земских органов власти в России в конце XIX в начале XX века важными направлениями их деятельности.

Ключевые слова: медицинское обслуживание, земская медицина, борьба с эпидемиями, водоснабжение, ветеринария, качество жизни.

Медицинское обслуживание сельского населения на протяжении многих лет считается острой проблемой. Особенно остро это вопрос стоял в России до преобразований Александра 2. С появлением земской системы управления этот вопрос передавался на попечение местных органов. Само понятие земской медицины неразрывно связано с отменой крепостного права и продолжившимися «великими реформами», положившими основу новой модели управления, направленной на решение конкретных проблем в том числе и с медицинским обслуживанием населения [6].

Этой проблеме уделялось особое внимание в трудах таких авторов как, А.В. Петров, О.С. Киценко, Страшун И.Д., Френкель З.Г., Яковенко Е.И., Волобуева М.М. и другие.

Становление земской работы в уездах шло сложно,

трудностей было много. Среди них – новизна самого дела, его масштабы, плачевное состояние дел, передаваемых в ведомство земств, сложности в работе лиц разных сословий, образования, культуры. Земство, однако было ближе к населению чем прежние власти, что способствовало плодотворности его работы.

На уездное земство в обязательном порядке перелажались функции, осуществлявшиеся до 1864 года приказом общественного призрения и больничным советом [7].

До введения земства масса населения не знала в сущности никакой врачебной помощи. Созданные в 1864 году и начавшие работу в 1865 году земские органы власти в Васильском уезде, постановили пригласить одного врача, акушерку и 4-х фельдшеров, одного из них для лечебницы в Спасском.

За короткий срок работы земств были достигнуты определенные успехи, но и не решенных проблем становилось еще больше, так как развитие медицинского обслуживания требовало все больших средств. Так в 1872 году, выступая на первом съезде земских врачей, председатель губернской земской управы Аверкиев отметил, что Василь имеет больницу в плачевной состоянии. Ввиду этого уездное земство решило построить новую земскую больницу [1].

В Васильском уезде - было создано два участка, во главе участков стояли врачи с высшим медицинским образованием. Один участок размещался в городе Василь, другой в уезде, при них были созданы 8 амбулаторий, заведующими были фельдшеры с средним медицинским образованием. При амбулаториях созданы аптеки, с отпуском лекарств без платы. Врач объезжал участки раз в месяц в определенные дни. Больниц и врачей было явно недостаточно для такого большого уезда. Земством было принято решение улучшить работу городской больницы, увеличить оклады врачам и штатным медицинским работникам, состоящим на государственной службе, пополнить число врачей, своевременно приобретать медикаменты.

Благодаря стараниям земства медицина стала доступна многим.

Таблица 1.

Состояние земской медицины в Васильсурском уезде в конце 19 века [2,3,4]

Васильская земская медицина	1888 г.	1900 г.
Число врачебных участков	2	5
Число врачей	2	5
Больниц и лечебниц	2	5
Приемные покои	1	-
Среднее население в тысячах жителей	60,6	32,7
Число кроватей	неизвестно	54
Число получивших врачебную помощь в тысячах жителей	неизвестно	43,8

Из таблицы видно, что нагрузка на одного врача в 1888 году составила 30,3 тысяч пациентов в год, а в 1900 году она уже составила 8,76 тысяч пациентов, что говорит о определенных успехах, но все равно нагрузка на одного врача была огромна, что сказывалось и на качестве оказания медицинской помощи.

Для решения этих проблем требовались не малые денежные средства и поэтому траты земского бюджета на медицину постоянно растут, как видно из таблицы 2.

Из данной таблицы видно, что с каждым годом земство тратило денег на медицину все больше. Замечательно то, что с самого начала земство приняло решение о бесплатном медицинском обслуживании, малоимущих обеспечивали и бесплатными лекарствами. Сеть больниц была устроена так, чтобы крестьяне ехали к ним не далее, чем за 15 верст.

На земскую медицину возлагались и функции общественного призрения, то есть обеспечения всем необходимым неимущих слоев населения. Поэтому в бюджете Васильурского земства была и эта статья расходов, которая представлена в таблице 3.

Таблица 3.

Расходы земства на общественное призрение в рублях и процентном отношении к бюджету [2,3,4]

1882	1885	1895
7500	450	700
0,7	0,74	0,7

Земство уделяло внимание и профилактической работе в борьбе с эпидемиями, прежде всего оспой, тифом, а также с детскими инфекционными заболеваниями: корью, скарлатиной, дифтеритом [5].

В 1876 году умерло на 100 жителей – 3,79 чел., в том числе от оспы 0,26, от скарлатины и кори 0,11, дизентерии – 0,27. Всего население в этом году в уезде было 101382, законнорожденных – 5923, незаконнорожденных – 59, число умерших было всего 3844 человека. В уезд для работы с эпидемиями приезжал губернский врач, который консультировал местных врачей и совместно составлялся план профилактических мероприятий, главным из которых было проведение бесплатной массовой вакцинации населения и пропаганда здорового образа жизни [1].

Земство обратило внимание на санитарное состояние деревень, где зачастую пили недоброкачественную воду. Для решения этой проблемы был приглашен из Нижнего Новгорода гидротехник для изыскания запасов качественной воды. Земство выделяло деньги и на строительство питьевых колодцев, проектировало проведе-

Таблица 2.

Ассигнования земства на медицину в тысячах рублей и процентном отношении к бюджету [2,3,4]

1867	1870	1875	1880	1885	1890	1895	1900
2,2	4,1	9,4	11,0	18,5	13,7	16,1	17,8
6,3	7,6	15,7	19,0	23,6	17,6	18,0	14,0

Расходы земства на ветеринарию в тысячах рублей [2,3,4]

1866	1870	1875	1880	1885	1890
-	-	-	-	0,2	0,3

ние водопровода в городе Василе [1].

В штате земских больниц появляются санитарные врачи, которые вели статистику, следили за условиями работы рабочих на промышленных предприятиях. В период сезонных работ на Волге устраивали лечебно-профилактические пункты. С 1910 года земства стали вести работу с пьянством [8].

Вполне закономерно, что расходы на земскую медицину росли. Благодаря земству население начало осознавать необходимость и пользу врачебной и санитарной помощи.

С введением земского самоуправления на земство был возложен и ветеринарный контроль. В 1861 году на всю губернию было три ветеринара. Начало ветеринарной земской деятельности в Васильском уезде было положено в 1873 году, когда пригласили на службу одного ветеринарного врача и фельдшера. Но помощь их была непостоянна, она зависела от собрания, от случайного настроения гласных, еще неуверенных в пользе ветеринарного дела. В 1887 г. Васильское земство совсем упразднило ветеринаров. И только когда губернское земство ввело закон от 3 июня 1879 года, который обязывал содержать ветеринарных врачей, в уезд снова

приехал врач. С этого момента ветеринарный врач должен был лечить животных по просьбе населения. С 1911 г. в уезде уже работали три ветеринарных врача.

Медицинское обслуживание населения, помощь инвалидам и старикам являлись для земских органов власти в России в конце 19 в начале 20 века важными направлениями их деятельности. За короткий срок по инициативе местных органов управления удалось обеспечить сельское население Васильсурского уезда квалифицированной и что очень важно бесплатной медицинской помощью, и бесплатными медикаментами. Это сказалось на качестве жизни населения и сокращении смертности. Финансирование местных проектов шло только за счет местного бюджета, собираемого за счет земского налога. Недоимки по этим сборам были не велики, так как люди знали за что платят: за содержание инвалидов и стариков, за медицинскую помощь, за услуги ветеринарных врачей, за строительство дорог и мостов и многое другое.

Земская медицина послужила основой создания системы здравоохранения при советской власти. Современная система медицины, с ее ориентацией на нужды сельских жителей, основана на принципах земской системы здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нижегородский сборник. Т. 5 / Нижегородский губернский статский комитет; Под ред. А.С. Гациского. Н. Новгород, 1875. - 360 с.
2. Денежный отчет Васильской уездной управы. Н. Новгород: Типография Нижегородского Губернского правления.
3. Смета и раскладка с объяснительной запиской Васильской уездной управы. Н. Новгород: Типография Нижегородского Губернского правления.
4. Журналы собрания Васильской уездной управы. Н. Новгород: Типография Нижегородского Губернского правления.
5. Волобуева М.М. Земские врачи в конце XIX – начале XX вв. // Успехи современного естествознания. 2009. № 9. С. 103-105;
6. Петров А.В., Киценко О.С. Земское законодательство и проблемы земско-общественной медицины в России второй половины XIX — начала XX вв. // Волгоградский научный медицинский центр, Волгоградский государственный медицинский университет, кафедра истории и культурологии Выпуск 1 (49). 2014 // Вестник ВолгГМУ
7. Страшун И.Д. Полвека земской медицины (1864-1914) / Очерки истории русской общественной медицины. - М., 1965. - С.114.
8. Френкель З.Г. В новой Ладогe. Очерки истории русской общественной медицины: М., 1965. с. 264.

© Чесухина Вера Николаевна (chesukhina@mail.ru), Шишарина Анастасия Николаевна (lustra-alisa@rambler.ru), Гришанова Яна Олеговна (janin_g@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ

METHODOLOGICAL BASIS OF APPLICATION OF REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN WORK WITH FOREIGN STUDENTS

L. Abazova
M. Kochesokova
Zh. Gutaeva
R. Tatarova

Summary: The article is devoted to the study of the methodological foundations for the use of distance learning technologies in working with foreign students. The authors indicated the relevance and significance of the research topic. The study analyzes various active, intensive and integrative methods of teaching Russian as a foreign language, their various modifications, clarifies their advantages and disadvantages as a component of the instrumental and methodological model of teaching, argues the resource support for each of them.

The thesis is argued that in search of an actual instrumental and methodological model of teaching Russian as a foreign language, it is necessary to involve (form and create potential for development) the general motive of the personality of a foreign student, as a subject of educational activity - cognitive interest.

The authors come to the conclusion that the audiovisual method should be used as a methodological basis for the use of distance learning technologies in working with foreign students.

Keywords: distance learning, Russian as a foreign language, audiovisual teaching method, interactive teaching methods, foreign language communicative competence, digital technologies.

Абазова Людмила Мухамедовна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
abazova.ludmila@mail.ru

Кочесокова Мадина Петровна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
madina_kochesokova@mail.ru

Гутаева Жансурат Жуашовна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
gutaevazhanna@mail.ru

Татарова Рамета Хамидбиевна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»
tatarova-rameta@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению методологических основ применения дистанционных образовательных технологий в работе с иностранными обучающимися. Авторами обозначена актуальность и значимость темы исследования. В рамках исследования анализируются различные активные, интенсивные и интегративные методы преподавания русского языка как иностранного их различные модификации, уточняются их достоинства и недостатки как компонента инструментально-методологической модели обучения, аргументируется ресурсное обеспечение каждого из них.

Аргументируется тезис о том, что в поисках актуальной инструментально-методологической модели обучения русскому языку как иностранному, необходимо задействование (формирование и создание потенциала для развития) генерального мотива личности иностранного обучающегося, как субъекта образовательной деятельности – познавательного интереса.

Авторы приходят к выводу о том, что в качестве методической основы применения дистанционных образовательных технологий в работе с иностранными обучающимися должен использоваться аудиовизуальный метод.

Ключевые слова: дистанционное обучение, русский язык как иностранный, аудиовизуальный метод обучения, интерактивные методы обучения, иноязычная коммуникативная компетенция, цифровые технологии.

Введение

На современном этапе развитие системы образования в качестве одной из ключевых задач определяется подготовка квалифицированного специалиста, обладающего устойчивой иноязычной профессиональной коммуникативной компетенцией. Подтверждая данный тезис, К.В. Рожкова и С.Ю. Роцин акцентируют на том, что владение одним или несколькими иностранными языками сегодня – это жизненная необходимость, такая же как умение водить автомобиль,

компьютерная или финансовая грамотность. Без этого, фактически невозможно стать профессионально востребованным в современном обществе [11]. Устойчивая и постоянно развиваемая профессиональная иноязычная компетенция не только позволяет молодым соискателям повысить свои зарплатные ожидания при поиске работы, как в нашей стране, так и за рубежом [16], но и способствует формированию прогресс-ориентированной карьерной стратегии [4]. Из этого следует, что одной из главных задач педагогического сообщества является аргументированное и соответствующее реалиям време-

ни выстраивание и развитие инструментально-методологической модели обучения, каждый из компонентов которой позволит получить достаточно высокий результат при подготовке иностранного обучающегося к практико-ориентированной коммуникации на русском языке.

На наш взгляд, такая модель должна, с одной стороны, обладать признаками (качествами) универсальности (возможности использования в группе обучающихся вне зависимости от уровня и изначальной русскоязычной подготовки); проблемности (активизация когнитивных функций и развитие познавательной деятельности иностранных обучающихся); ориентации на практику (адаптация получаемых знаний к профессиональным практическим ситуациям, поэтапное снижение уровня теоретизации образовательного материала); интерактивности (активное взаимодействие преподавателя русского языка как иностранного и обучающихся вне зависимости от формата обучения, их ценностных систем, выявление и активизация межличностного пространства взаимопонимания, углубления мотивации совершенствования, овладение смыслами предмета взаимодействия). С другой стороны, в приоритете преподавателя русского языка как иностранного всегда должен оставаться принцип мотивации, в отсутствие которого, даже та инструментально-методологическая модель, которая выстроена в соответствии с указанными принципами, будет практически бесполезной.

Материалы и методы

Как отечественные, так и зарубежные ученые и практикующие педагоги сходятся во мнении о том, что источником познавательного интереса обучающихся может выступить тот метод обучения, а, следовательно, и тот инструмент (технология), который соответствует их микросоциальному запросу [10, 17]. Целесообразно говорить об определенной группе методов и, соответственно, технологий обучения, способных выступить в качестве универсальной (применимой в условиях очного, смешанного и дистанционного формата обучения) альтернативы (альтернатив) русскоязычного образования, функционал которой будет ориентирован на сравнительно более эффективное формирование и дальнейшее развитие всех компонентов иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, а именно языковой (грамматическая, лингвистическая), речевой (прагматическая, стратегическая, дискурсивная) и социокультурной (социолингвистическая, лингвострановедческая) компетенциями [13].

В настоящее время в образовательных организациях высшего образования при обучении русскому языку как иностранному чаще всего используются активные, интенсивные и интегративные методы преподавания и их

различные модификации, что, в частности, обусловлено переходом от знаниевой к [digital-] компетентностной парадигме образования [6]. Как совершенно справедливо отмечает Н.Н. Самчик, их главным достоинством является то, что они формируют положительную мотивацию обучающихся, способствуют активному развитию речи, памяти, творческого мышления [12].

Среди доминирующих в практике преподавания русского языка как иностранного последних лет являлся прямой метод (англ. direct method), ориентированный на изучение именно разговорного языка, т.е. используемого в повседневной жизни. Основной задачей реализации данного метода является введение иностранного обучающегося в мир русского языка. Достоинством данного метода является отказ от использования родного языка, индуктивное изучение грамматики, направленность на звуковой образ. Таким образом, обучающийся в достаточно короткий срок овладевает устной речью (при условии того, что он постоянно находится в русскоязычной среде), однако, в пределах ограниченного круга коммуникаций, к примеру, в рамках микросоциума. Значительно более серьезным недостатком рассматриваемого метода является то, что системные грамматические знания не формируются и речевые навыки оказываются непрочными, что приводит к большому количеству ошибок в речи. Данный анти-эффект усиливается в условиях автономного и (или) дистанционного формата обучения, когда контроль результатов обучения снижен.

Одновременно с этим, вследствие трансформации прямого метода стали появляться его модификации, в большей степени применимые в условиях дистанта. Так, при обучении русскому языку как иностранному стали использовать так называемые активные методы обучения (англ. active training methods), основу которых составляет принцип тьюторской интеракции, иными словами, life-взаимодействия преподавателя и обучающегося как равных субъектов педагогического процесса (например, через платформы Zoom, Microsoft Teams, Skype, Hangouts Meet, GoToMeeting и другие). Среди достоинств данных методов – активизация мышления, интенсивная деятельность обучающихся на протяжении всего учебного процесса, а также мотивированность и самостоятельность в решении поставленных задач. К активным методам обучения традиционно относят аудилингвальный (англ. audiolingualism) и аудиовизуальный (англ. audiovisual), являющиеся ключевыми в обучении русскому языку как иностранному в дистанционном и (или) смешанном форматах.

Литературный обзор

Создателями этих методов являлись ведущие лингвисты и психологи П. Губерина, П. Риван, Г. Мишеа. Основной целью их использования является овладение как

разговорным, так и профессионально-ориентированным русским языком на основе исключения из обихода родного языка.

Применение первого метода в обучении русскому языку как иностранному обуславливается тем, что овладение им связано с изучением русской культуры, язык – это система знаков общения, а единица общения – предложение. Л.Н. Анипкина, А.Б. Берестнева, И.М. Фишер и другие авторы отмечают, что применение аудиolingвального метода актуально для: отработки навыков аудирования, коррекции фонетических трудностей, закрепления навыков говорения, формирования навыков ознакомительного и изучающего чтения, а также письма, к примеру, при написании изложений [1, 2]. Однако, в условиях применения данного метода для целей дистанционного обучения русскому языку как иностранному, целесообразно учитывать основные принципы (направления), среди которых следующие: на начальной ступени обучения необходимо развивать устную речь, и только после этого, приступать к чтению; важно начинать со звуковой системы и системы предложений; лексика в конкретном случае играет исключительно вспомогательную роль; содержание обучения – грамматика в виде структур, которые воспринимаются на слух; неоднократное повторение учебного материала. Таким образом, очевидно, что аудиolingвальный метод скорее актуален для очного обучения или дистанционного life-обучения (т.е. самообучение, особенно, если иностранный студент – первокурсник, в конкретном случае может оказывать анти-эффект). В качестве примеров ресурсного обеспечения занятий можно привести такие подкасты, как: Russian Progress, Comprehensible Russian Podcast, Russian Podcast, Learn Russian with Dasha, Slow Russian, Speaking Russian – для начального уровня (A1-A2); Travel MBA (бизнес-контент), «История в лицах», «Учители человечества», Monday Karma, Arzamas, «Лекториум» – для обучающихся с уже сформированными навыками общения на русском языке (B1-B2).

Результаты

Приведенный тезис доказывается тем фактом, что аудиolingвальный метод предполагает использование исключительно слухового канала для восприятия и осмысления информации. В процессе его применения происходит неоднократное прослушивание и воспроизведение единиц текста [7]. Однако, важно принимать во внимание, что устная речь имеет приоритетное значение. В ходе освоения учебной информации происходит понимание русскоязычной речи, а также формирование ее отдельных речевых элементов. Обучающийся запоминает основные языковые единицы и клишированные фразы, используемые в разговорной речи. Данные предложения являются фундаментом для устного воспроизведения или восприятия информации на слух. В

конкретном случае, как отмечают А.А. Глузман и А.И. Мезенцева, обучающиеся лишь заучивают целые диалоги, коммуникативные ситуации, тогда как лишь пятая часть занятия отводится на объяснение основ грамматики, лексики и фонетики [5], что в условиях дистанционного обучения, безусловно, неприемлемо. Соответственно, аудиolingвальный метод целесообразно рассматривать как вспомогательный и рекомендован для отработки уже изученного материала.

В свою очередь, особенностью аудиовизуального подхода является возможность применения фактически всех дистанционных образовательных технологий, ориентированных на слуховое и зрительное восприятие информации одновременно, что в значительной степени способствует формированию иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. При данном методе обучения речь сопровождается соответствующей визуализацией: водкастами, аутентичным видеоконтентом (новости, документальные фильмы, интервью, блоги и проч.), кино, адаптивными видео (DaiFive, Dmitry Puchkov, Bridget Barbara, Gazgolder LIVE, Chuck Review, Khan Academy Russian и так далее). Стоит сказать, что рассматриваемый метод был актуален еще в прошлом веке. Так, известный российский педагога, лингвист А.Н. Щукин выделял в своих работах следующие преимущества применения данных ресурсов в процессе обучения русскому языку как иностранному: воссоздание языковой среды на всех этапах обучения; реализация дидактического потенциала наглядности; реализация обучения с учетом индивидуальных особенностей иностранных обучающихся; использование аналитических и имитативных способностей студентов для более полной мобилизации их внутренних резервов; создание благоприятных условий для контроля формируемых навыков и умений, а также обеспечение самоконтроля [15]. Данные характеристики аудиовизуального метода не потеряли своей актуальности и в наши дни, но механизм применения данного метода с развитием дистанционных образовательных технологий в определенной мере изменился. Таким образом, аудиовизуальный метод вполне может стать актуальной альтернативой для обучения иностранных студентов русскому языку, причем не только в формате дистанта, но и в условиях автономного или смешанного.

Обсуждение

Кроме того, нельзя не сказать о том, что в современных образовательных организациях высшего образования все более часто применяются интенсивные методы обучения русскому языку как иностранному. Основным их преимуществом является возможность преодоления психологического барьера при освоении русского языка. Такие методы позволяют максимально быстро обучить языку за счет использования интеллектуальных

резервов личности иностранного студента. Т.Ю. Карзанова, Э.Д. Ткач, Е.А. Шмелева и другие авторы отмечают, что интенсивные методы обучения предполагают [7, 14]: во-первых, использование общеинтеллектуальных приемов и методов, которые создают обширную и прочную языковую базу; во-вторых, разработку личностно-ориентированных и профессиональных упражнений и задач, которые побуждают к коммуникативной деятельности; в-третьих, наилучшую организацию кооперативного взаимодействия иностранных обучающихся между собой и преподавателем. Кроме того, авторами отмечается, что в процессе применения интенсивных методов на занятиях по русскому языку как иностранному традиционно используются приемы активизации обучения, которые непосредственно связаны с аудиовизуальными и мультимедиа инструментами (технологиями) обучения, способствующие повышению познавательного интереса студентов в процессе самостоятельной работы.

Особую роль в преподавании русского языка как иностранного в последние несколько лет стали выполнять интерактивные методы обучения, подразумевающие использование таких дистанционных технологий, как слайды, анимация, life-текст, подкасты, водкасты, 3D-анимации, 3D-презифайлы, платформенные решения со всем их функционалом. В традиционном понимании, их сущность заключается в том, что в процесс обучения русскому языку как иностранному вовлекаются все субъекты педагогического процесса. В ходе освоения учебной информации происходит «корпоративное» объединение обучающихся при выполнении профессиональных ролей, контролируемое преподавателем. Стоит сказать, что современные технологии позволяют реализовать классический функционал интерактивных методов обучения, в связи с чем их также целесообразно рассматривать как альтернативу работы в условиях дис-

танта, однако, лишь при условии life-коммуникативного взаимодействия с преподавателем. Одновременно с этим, как отмечают В.В. Вязовская, Л.Г. Кузьмина, Ж.В. Петросян и другие авторы, к приоритетным задачам данных методов обучения можно отнести развитие навыков самостоятельного поиска учебной информации, моделирования и выработки правильных решений, а также умений работать в команде [3, 8]. Так, в ходе организации обучения русскому языку как иностранному, как в очном, так и дистанционном формате могут быть реализованы такие способы и приемы интерактивного обучения, как мозговой штурм, деловые игры, мастер-классы, совместный просмотр видеоматериалов или прослушивание аудиозаписей с последующим разбором и анализом и иные классические варианты.

Заключение

В целом, проведенное исследование позволяет заключить, что в качестве методической основы применения дистанционных образовательных технологий в работе с иностранными обучающимися должен обязательно использоваться аудиовизуальный метод с использованием общедоступных и, при этом, задействующих познавательный интерес студентов ресурсов (инструментов, технологий), тогда как иные методы обучения могут рассматриваться как дополняющие. При этом, еще раз хотелось бы акцентировать внимание на важности сбалансированного подхода преподавателя русского языка как иностранного к подбору и отбору методологического и, как следствие, инструментально-технологического комплекса, т.е. формирования индивидуальной педагогической модели организации и реализации образовательного процесса, соответствующего реалиям времени и обстоятельствам, в которых находится современное российское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анипкина Л.Н. Аудиолингвальный метод преподавания русского языка как иностранного // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 1А. С. 174-181.
2. Берестнева А.Б., Фишер И.М. Аудиолингвальный и аудиовизуальные методы обучения иностранному языку // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2016. №1(16). С. 26-29.
3. Вязовская В.В., Данилевская Т.А., Трубочанинова М.Е. Интернет-ресурсы в обучении русскому языку как иностранному: ожидания VS реальность // Русистика. 2020. №1. С. 69-84.
4. Гармонова А.В., Щеглова Д.В. Образовательные стратегии и профессиональные ориентиры современных российских магистрантов. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020. – 36 с.
5. Глузман А.А., Мезенцева А.И. Генезис иноязычной подготовки обучающихся высших гуманитарных образовательных организаций // Гуманитарные науки. 2021. №2 (54). С. 56-65.
6. Епишева О.С. Современные мультимедийные технологии обучения иностранному языку в разрезе цифровизации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 83-86.
7. Казакова Ю.В., Доронина Е.Г. Начальный курс русского языка как иностранного. – Челябинск: ЮУрГУ, 2020. – 114 с.
8. Карзанова Т.Ю. Традиционный и интенсивный типы обучения в современной методике преподавания РКИ // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №1. С. 351-353.
9. Кузьмина Л.Г., Петросян Ж.В. Информационно-методическая поддержка преподавателя в условиях дистанционного обучения иностранным языкам //

- Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. №5. С. 699-705.
10. Моисеева И.Ю., Миначева Д.В. Анализ поведенческих и речевых тенденций: на материале аудиовизуального текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 284-288
 11. Рожкова К.В., Рошин С.Ю. Вознаграждается ли знание иностранного языка на российском рынке труда? – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019. – 31 с.
 12. Самчик Н.Н. Интерактивность в дистанционном обучении русскому языку как иностранному // БГЖ. 2021. №1 (34). С. 240-242.
 13. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дисс. ... докт. пед. наук: 13.00.02. – Москва, 1992. – 528 с.
 14. Ткач Э.Д., Шмелева Е.А. Интенсивные методы обучения пути реализации коммуникативных технологий на занятиях по русскому языку как иностранному в военном ВУЗе // ВВО. 2020. №3 (24). С. 69-73.
 15. Шукин А.Н. Методика краткосрочного обучения русскому языку как иностранному. – М.: Русский язык, 1984. – 126 с.
 16. Liwiński J. The wage premium from foreign language skills // Empirica. 2019. № 46. pp. 691-711.
 17. Sánchez-Caballé A., Gisbert M., Esteve F. Integrating Digital Competence in Higher Education Curricula: An Institutional Analysis // Educar. 2021. №57(1). pp. 241-258

© Абазова Людмила Мухамедовна (abazova.ludmila@mail.ru), Кочесокова Мадина Петровна (madina_kochesokova@mail.ru), Гутаева Жансурат Жуашовна (gutaevazhanna@mail.ru), Татарова Рамета Хамидбиевна (tatarova-rameta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ

DEVELOPMENT OF COGNITIVE ABILITIES IN CHILDREN OF THE OLDER PRESCHOOL AGE IN THE PROCESS OF MUSIC PERCEPTION

**V. Dmitriev
O. Shvetsova
A. Korchagina**

Summary: Cognitive abilities are the qualities and properties of a person that determine the effective mastery of any type of activity. A priority place in the structure of cognitive abilities belongs to the ability to create images, reflect the properties of objects, the ratio of leading features, parts, situations. The authors believe that cognitive abilities develop most successfully in the process of music perception, since perception as a process is associated with comprehension and awareness of the phenomena of the surrounding world. The purpose of the study was to identify and experimentally test a set of methods aimed at developing cognitive abilities in older preschool children in the process of music perception. The article discusses the specifics of the development of cognitive abilities in children of senior preschool age, and proposes a set of methods that contribute to the development of cognitive abilities in the process of music perception. Approbation of a set of methods on the basis of MADOU DS No. 37 in Nizhnevartovsk confirms their effectiveness. The results of the study can be used to improve the educational process in preschool educational institutions.

Keywords: cognitive abilities, development, perception of music, complex of methods, senior preschool age, educational process.

Дмитриев Владислав Алексеевич

*К.п.н., профессор, ФГБОУ ВО «Нижневартровский
государственный университет»
dmitriev1802@mail.ru*

Швецова Ольга Юрьевна

*К.культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Нижневартровский
государственный университет»
O.Y.N.rus@yandex.ru*

Корчагина Анастасия Олеговна

*музыкальный руководитель, МАДОУ ДСН№37; ФГБОУ ВО
«Нижневартровский государственный университет»
89227818737@mail.ru*

Аннотация: Познавательные способности представляют собой качества и свойства личности, обуславливающие эффективное овладение каким-либо видом деятельности. Приоритетное место в структуре познавательных способностей принадлежит способности к созданию образов, отражению свойств предметов, соотношению ведущих признаков, частей, ситуаций. Авторы полагают, что наиболее успешно познавательные способности развиваются в процессе восприятия музыки, поскольку восприятие как процесс связан с осмыслением и осознанием явлений окружающего мира. Цель исследования заключалась в выявлении и опытной проверке комплекса методов, направленных на развитие познавательных способностей у детей старшего дошкольного возраста в процессе восприятия музыки. В статье рассматривается специфика развития познавательных способностей у детей старшего дошкольного возраста, предложен комплекс методов, способствующих развитию познавательных способностей в процессе восприятия музыки. Апробация комплекса методов на базе МАДОУ ДСН№37 г. Нижневартовска подтверждают их эффективность. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования образовательного процесса в дошкольных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: познавательные способности, развитие, восприятие музыки, комплекс методов, старший дошкольный возраст, образовательный процесс.

Период дошкольного детства – время, когда происходит формирование фундамента будущей личности и во многом определяется её дальнейшее развитие. Очень важно, чтобы в этот период со стороны семьи и общества был обеспечен весь комплекс необходимых и возможных условий, способствующих этому процессу. Одним из наиболее необходимых условий развития принято считать познавательную активность ребенка. Дошкольному возрасту свойственен ускоренный темп накопления знаний. В это время происходит формирование речи и расширение кругозора ребенка, а одним из главных условий готовности ребенка к результативному обучению является общий уровень развития

его познавательных способностей. Совершенствование познавательных способностей в период дошкольного детства закладывается во всем многообразии видов деятельности, включая художественно-эстетическую составляющую. За счет успешного приобретения необходимых знаний, практического опыта и осознания собственных возможностей, у ребенка пробуждается жажда новых знаний, инициатива и стремление к творчеству.

Процесс музыкального развития является одной из важнейших основ совершенствования интеллектуальных способностей ребенка. Определяющим фактором и движущей силой воспитания личности и дальнейшего

развития интеллекта является познавательный интерес. Значение музыкального развития детей в этот период сложно переоценить. Именно в процессе знакомства с музыкой у них совершенствуется мышление, происходит формирование эмоциональной сферы, развитие творческих способностей, чувства прекрасного и понимания сути красоты не только в искусстве, но и вообще в жизни.

Желание и умение познавать новое относятся к категории общих способностей детей. Уровень их развития определяется качествами и свойствами личности, которые позволяют эффективно овладевать различными новыми видами деятельности. Фактически это весь комплекс сенсорных, интеллектуальных и творческих способностей. Умение познавать является необходимым условием, без которого было бы невозможным формирование умственных способностей, инициативы и самостоятельности ребенка. Многие психолого-педагогические исследования, посвященные познавательным возможностям детей, рассматривают их в виде сочетания сенсорных и мыслительных способностей, которые основаны на проявлениях общей любознательности и активной тяги к более глубокому изучению мира. Одним из основных приоритетов и ключевых понятий творческого познания является способность понимать и создавать образы, соотносить ведущие признаки и отображать свойства предметов во взаимосвязи с их частями и ситуациями. Перечисленные способности являются индивидуальной особенностью каждого человека, ориентированной на познание окружающего мира. На их развитие влияют различные условия и факторы, а весь комплекс выработанных умений и способностей формирует общую успешность познавательной деятельности. [1, с. 917].

Л.С. Кудинова подчеркивает важность индивидуального подхода к процессам развития способностей детей-дошкольников к познанию. Эта работа должна вестись с учетом индивидуальных особенностей каждого ребенка и его интереса к познавательной деятельности. По мнению Л.С. Кудиновой, педагог должен выстроить для каждого ученика персональную схему развития и оценить перспективы дальнейшего совершенствования его индивидуальных способностей к познанию [2, с. 214].

Восприятие музыки тесно связано с развитием познавательных процессов. Ответы на вопросы после слушания музыкального произведения требуют от детей активной умственной деятельности, что проявляется в умении делать первые обобщения и сравнения. Познавательное значение музыки заключается в том, что она отражает жизненные явления, обогащающие малышей новыми представлениями; расширяет кругозор, предоставляет возможность увидеть и понять красоту окружающей среды, лучше понять природу. Успех раз-

вития познавательных способностей, обеспечивающих процесс восприятия музыки детьми, в существенной мере определяется применяемыми методами обучения. Интонационное восприятие музыки – фундамент формирования базовых способностей, необходимых в разных видах музыкальной деятельности [3, с.23]. Кроме общедидактических методик музыканты-исследователи разработали особые методы, которые основаны на интонационной природе музыки, и эффективно помогают совершенствовать музыкальное восприятие детей. В качестве примера можно привести метод С.Д. Давыдовой и Н.Г. Тагильцевой, заключающийся в сопоставлении собственных эмоций слушателя с художественными; метод Л.В. Горюновой, основывающийся на создании художественного контекста; метод поисковых ситуаций Н.А. Ветлугиной, базирующийся на побуждении учащихся к активным творческим действиям в процессе экспериментально-познавательной деятельности; метод сопереживания Н.А. Ветлугиной и А.А. Мелик-Пашаева, использующий для создания элементов контекста сознания получаемые слушателем впечатления при восприятии произведений искусства; метод контрастного сопоставления произведений О.П. Радыновой; метод Л.В. Горюновой, основывающийся на создании собственных композиций, а также метод активизации творческих действий и осознания образности музыки на основе уподобления и сравнения характера звучания музыкальных произведений автора О.П. Радыновой. Внедрение в практику занятий проблемных форм работы обусловлено объективными факторами познавательной деятельности, отражающими противоречивый характер процесса познания, и специфическими чертами музыкального обучения. Анализ музыкальных занятий, с точки зрения развивающего воздействия проблемного обучения, позволяет выявить диалогическую взаимосвязь приемов музыкальной деятельности и основных структурных элементов проблемного обучения: и те, и другие предполагают активную аналитико-синтезирующую работу [4, с. 141]

В рамках исследуемых проблем целесообразно более детально рассмотреть следующие методы и способы развития познавательных способностей:

1. Предложенный О.П. Радыновой метод контрастных сопоставлений. Данная методика позволяет повысить заинтересованность детей, стимулирует эмоциональную восприимчивость, способствует развитию воображения и художественно-образного мышления. Младшему возрасту свойственны наиболее отчетливые контрастные сопоставления. В процессе взросления учеников в обучении используются произведения с менее выраженной контрастностью образов. На основе постепенного усложнения формируется умение различать смену настроений в различных музыкальных формах (двухчастных и трехчастных), жанрах музыки и

элементах музыкального языка. В процессе сравнения характера двух произведений или определения близких по настроению произведений различных видов искусства, дети руководствуются обобщениями, целостными представлениями, и учатся использовать аппарат сопоставления «макроуровней». В это время рекомендуется сфокусировать внимание ребенка на более мелких деталях и отдельных единицах музыкальной речи, пояснить суть сравнения «микроуровней» Это поможет ученику научиться различать интонации и контрасты настроения различных музыкальных тем, фраз и разделов формы, и более детально ознакомиться с выразительными средствами музыки. Использование предложенного метода позволяет улучшить заинтересованность и обострить слуховое внимание учащихся, повысить глубину и дифференциацию процесса восприятия.

2. Метод уподобления и сравнения образности, эмоционального настроения и звучания музыки, предложенный О.П. Радыновой. Его целью является активизация творческих способностей учащихся, развитие у них умения осознавать музыкально-художественные образы и выражать собственные впечатления от прослушанных композиций. Эта задача реализуется при помощи двигательных, словесных и прочих разновидностей уподобления характеру музыки, при использовании которых происходит определенная «подстройка» звучанию и эмоциональной составляющей произведения, формируется умение выявлять и выражать содержание музыкального языка. Чтобы успешно применять метод художественного уподобления, нужно сформировать у детей соответствующую творческую распознавательную установку и научить их различать и выражать эмоции, отражающие характер и образность музыкального материала. В арсенале педагога должно быть множество различных средств уподобления характеру музыки – от словесных и вокальных, до мимических, тактильных, тембровых, инструментальных и универсальных полихудожественных форм сравнения и анализа произведений.
3. Разработанный Л.В. Горюновой метод художественного контекста. Эта методика обучения нацелена на формирование музыкальной культуры ребенка с привлечением смежных видов искусств и анализа различных жизненных ситуаций. Этот несвойственный основным программам занятий художественный контекст помогает сформировать у детей творческое отношение к окружающему миру, научиться понимать его эстетику во всей глубине взаимосвязей. Знакомство с интересными фактами из истории, редкими природными явлениями, вехами в развитии культуры и особенностями других видов искусств обогащает кругозор

учащихся и помогает им лучше понимать содержащийся в музыкальных произведениях контекст, связанный с различными реалиями окружающей жизни. В арсенал средств реализации этого метода педагогом может включаться знакомство с произведениями писателей поэтов и живописцев, а также анализ различных жизненных событий [5].

4. Предложенный Н.А. Ветлугиной метод побуждения детей к творчеству и практическим действиям на основе поисковых ситуаций. Автор метода выделила несколько основополагающих и необходимых условий успешного формирования творческих способностей. При обучении детей нужно создавать для них различные поисковые ситуации – выдавать специальные творческие задания, в процессе выполнения которых они смогут накапливать опыт восприятия и исполнительства. Поисковые ситуации – эффективный инструмент обучения и совершенствования способностей детей к музыкальному творчеству. Н.А. Ветлугина выделила несколько основных этапов практического применения разработанного ей метода:
 - этап развития творческих способностей учеников (создание простейших произведений, приобретение опыта частичного сочинительства);
 - этап изучения основных процессов творчества (переход от частичных самостоятельных сочинений к простым композициям);
 - этап самостоятельного творческого процесса (от авторского замысла до воплощения его в готовом произведении) [6].

В соответствии с перечисленными методами мы имеем возможность оценивать познавательные способности старших дошкольников, применяя следующие критерии:

- наличие интереса, заинтересованности ребенка в занятиях музыкой;
- готовность и стремление к прослушиванию музыкальных произведений;
- способность понимать характер и содержание музыки;
- умение сосредотачиваться и вслушиваться в музыкальный материал;
- глубокое восприятие музыки, наличие начальных навыков понимания музыкальной речи;
- стремление детей к отражению прослушанной музыки и настроения в элементах собственного творчества.

Успешность развития познавательных способностей анализировалась посредством сравнительного анализа данных о результатах выполнения детьми порученных педагогами заданий. В работе были использованы положения инновационной программы воспитания и обуче-

ния дошкольников «От рождения до школы», в создании которой приняли участие Н.Е. Веракса, Т.С. Комарова и М.А. Васильева. При оценке эффективности проверяемых методов развития музыкально-познавательных способностей детей старшего дошкольного возраста нами применялась групповая форма работы. В процессе занятий детям поручали изучить соответствующий программе музыкальный материал и выполнить порученные творческие задания. Предназначенный для прослушивания репертуар выбирался в соответствии с учетом тематической направленности и разнообразием жанров, учитывающим возрастной потенциал дошкольников. Кроме того, при подборе музыки для занятий особое внимание уделялось художественности и доступности произведений.

Применяя метод контрастных сопоставлений, мы старались внести в занятия элементы проблемности, и за счет этого добиться большей глубины и дифференцированности процесса восприятия. К примеру, детям предлагалось сравнить два контрастных произведения одного жанра – народную плясовую «Ах, вы, сени» и спокойную колыбельную «Танечка, баю-бай» российского композитора В. Агафонникова. Либо написанный для детей «Марш» С. Прокофьева и детскую песню «Лошадка» М. Раухвергера; композиции П.И. Чайковского «Болезнь куклы» и «Новая кукла»; «Итальянскую польку» Сергея Рахманинова и фрагмент из балета «Гаянэ» – «Танец с саблями» Арама Хачатуряна; миниатюру для рояля М. Мусоргского «Избушка на курьих ножках» и детскую песню «Осень» из цикла П.И. Чайковского. В процессе сравнения двух предложенных произведений с учетом их характера и близости по настроению, дети опирались на собственное обобщенное впечатление о музыкальных и художественных образах.

Выполняя второе задание, дети должны были прослушать и сравнить два музыкальных произведения с одинаковыми названиями, после чего назвать замеченные сходства и отличительные черты. В качестве тестовых заданий для прослушивания предлагались одноименные произведения «Марш» С. Рахманинова и Дж. Верди; «Вальс», П.И. Чайковского и С. Майкапар; пьесы «Шарманка» из фортепианного цикла Д. Шостаковича и «Шарманщик поёт» из «Детского альбома» П.И. Чайковского, и другие подобные музыкальные «пары».

Как правило, детям удавалось успешно различать смену настроения и характера музыки, и подробно описывать замеченные сходства и различия прослушанных произведений. Так, после знакомства с сочинениями «Дед Мороз» (им предложили для прослушивания одноименную песню В. Витлина и пьесу Р. Шумана), дети определили характер песни как «спокойный, добрый и ласковый», а пьеса Р. Шумана была определена по настроению как «тревожная, злая, сердитая и страшная». Неотъемле-

мыми составляющими метода уподобления характеру звучания музыкальных произведений являются компоненты цветового и словесного сопоставления.

В первом случае в начале занятия мы раздавали детям наборы карточек различных цветов – красного, желтого, синего и белого. После прослушивания произведения детям нужно было показать карточку цвета, который, по их мнению, наиболее точно соответствовал характеру звучания музыки. В качестве тестового музыкального материала мы использовали на занятии музыкальные фрагменты из таких произведений: «Болезнь куклы» П.И. Чайковского (преобладающий ответ детей – карточка синего цвета), «Шутка» Иоганна Себастьяна Баха (желтый), «Мелодия» Кристофа Глюка (белый), «Веселый крестьянин» Р. Шумана (желтый), «Пляска птиц» Н. Римского-Корсакова (красный), «Грустная песня» Г. Свиридова (синий), «Лето» из цикла «Времена года» Антонио Вивальди (красный). Данное задание детям очень понравилось. Многие из них с удовольствием объясняли, почему выбрали тот или иной цвет, и даже приводили примеры. Например, на «Шутку» И. Баха ребенок показал желтый цвет и сказал «как будто цыпленок идет», а на «Веселый крестьянин» Р. Шумана дети предположили, что «скачет лошадка» и тоже выбирали желтый цвет.

При словесном уподоблении детям давалось задание попытаться подобрать эмоциональное и выразительное определение, соответствующее характеру прослушанной музыки, после подобрать из нескольких рядов предложенных наиболее похожее по настроению стихотворение. Для прослушивания мы выбрали отрывки таких произведений: сочинения «Осенняя песнь» П.И. Чайковского, концерта «Зима» А. Вивальди, «Дед Мороз» Р. Шумана, «Старый замок» М.П. Мусоргского, и др. Список предложенных для уподобления стихов включал отрывки из известных и подходящих по тематике отрывки из поэзии А.С. Пушкина, Н. Жукова, Е. Тараховской, А. Плещеева, В. Трутневой, С. Заяицкого и Н. Жукова. Детям удавалось без особых сложностей определять и описывать наиболее выразительные моменты музыкальных произведений. Они находили очень образные сравнения: «в этом месте как будто с деревьев листочки падают», «было слышно как журчали ручейки», «постукивают капли дождика», «чирикают птички», «началась плохая погода», «клоуны танцуют веселый танец». Также, продолжая описывать прослушанную музыку, дети придумывали для неё достаточно точные и образные характеристики: «она светлая», «спокойная», «веселая», «очень радостная», «грустная», «тревожная», «мечтательная».

Используя при организации занятий **метод художественного контекста**, мы предлагали детям такое задание: постараться нарисовать картинку на тему прослушанного произведения, после чего в процессе беседы – подобрать к прослушанной музыке примеры из

жизни. При выполнении первого задания детям предлагалось прослушать на выбор одно из произведений предложенного списка. В него входили: «Грустная песня» (Г. Свиридов), «Белка» (Н.А. Римский-Корсаков), «Вальс - шутка» (Д. Шостакович), «Детская полька» (М.И. Глинка), «Песня Жаворонка» (П.И. Чайковский). После прослушивания проводилась беседа с детьми о том, что они услышали, какой характер у музыки почувствовали, какое настроение. После, дети начали рисовать – «переносить» музыку на листы бумаги. Рисунки отличались разнообразием. Например, после прослушивания «Грустной песни» Г. Свиридова ученики рисовали серое небо, тучи, грозу, грустное выражение лица. Дети отнеслись к заданию с большим интересом, эмоционально представляли то, что изобразили и обосновывали, почему нарисовали именно такую картинку. При выполнении данного задания дети имели возможность понять, как одинаковые события могут отображаться различными видами искусств, а также какими художественными приемами можно пользоваться, описывая явления окружающего мира средствами музыки или живописи.

При выполнении второго задания с детьми проводилась беседа о прослушанной музыке. Нужно было подобрать конкретные примеры из жизни, например, что может делать человек в этой музыке или какая погода может отражать это произведение. При построении беседы с детьми использовалась форма вопросов и ответов. Для обсуждения были предложены следующие темы:

1. Чувства, которые может передавать музыка?
2. О чём способно рассказать музыкальные произведения?
3. При помощи каких художественных средств музыка «разговаривает» с людьми?

В ходе занятий предлагалось прослушать несколько произведений. Например, фрагменты концертов цикла «Времена года» Антонио Вивальди, «Океан море синее» Н. Римского-Корсакова, «Итальянскую польку» С.В. Рахманинова, «Шествие гномов» Г. Грига, «Веселый крестьянин» Р. Шуман, а также отрывки пьес из «Детского альбома» П.И. Чайковского. Участвовавшие в беседах дети живо выражали свои эмоции и активно высказывались о прослушанных музыкальных произведениях. К примеру, после знакомства с «Итальянской полькой» С.В. Рахманинова сразу несколько детей описали музыкальную тему словами – «как будто лошадка скачет», и в связи с этим приводили примеры из своей жизни, как вместе с родителями посещали ипподром и учились кататься на лошадях. Некоторые дети приводили такие примеры: «начался маленький дождь и мы всей семьёй выбежали на улицу и очень радовались», «моя маленькая сестра прыгает на кровати», «мы играли в догонялки, я убежал» и т.д. Дети вели себя очень энергично, в их действиях была видна заинтересованность в выполнении задания, про-

слеживался активный эмоциональный отклик.

Применяя **метод поисковых ситуаций** мы использовали такие задания: детям нужно было сочинить танцевальную миниатюру (в свободной пляске комбинаций из 4-6 движений), инсценировать сюжетную песню. При выполнении первого задания была организована работа над художественными образами. Детям предлагается самим придумать танец, и использовать всё своё воображение и умение входить в образ, чтобы максимально точно передать характер героя музыки движением. На начальном этапе мы применяли простые этюды и понятные образы – просили ребенка показать грустного зайца, весёлого клоуна, хитрую лисичку или падающую снежинку. После демонстрации образов дети должны были принять участие в танцевальной импровизации с забавным сюжетом – например, «Бабочки», «Веселые скоморохи», «Зайцы и морковь» или «Таинственный лес». В качестве музыкальной основы для танцевальных миниатюр мы брали такие произведения, как «Птички летают» Л. Банникова, «Скачут лошадки» (Н. Потоловский), «Вальс» (А. Гречанинов), «Дождик» (Е. Макшанцев), «Песнь Снеговика» (М. Минков), «Наседка и цыплята» (Т. Ломов). Проводивший подобные занятия педагог должен обладать умением увлечь и заинтересовать детей образным рассказом о явлении или ситуации, которые они смогут воссоздать и передать в своём импровизированном танце.

В процессе выполнения второго задания нужно было инсценировать одну из русских народных песен с понятным сюжетом и детально прописанным развитием. К примеру, «Я с комариком плясала», В первой части занятия дети под руководством педагога знакомятся с текстом песни, определяют характеры и настроение героев. После этого происходило обсуждение и выбор интонаций и приёмов, которые способны помочь детям как можно точнее выразить характер песни и образы действующих в ней персонажей. Например, на одном из занятий мы предложили для инсценировки русскую народную песню «Два веселых гуся». Чтобы создать подходящую обстановку, пришлось использовать элементарную декорацию – высокую ширму. Детей за ней не видно, и зато зрители могут наблюдать поднятые вверх руки «актеров». Одев на них яркие красные или оранжевые перчатки, можно достичь символического сходства с героями песни. С распределением ролей сложностей чаще всего не возникало – два мальчика обычно с удовольствием изображали гусей, а одна из девочек бабуся. В начале инсценировки мальчики располагаются за ширмой, девочка – сбоку от неё. Всё дальнейшее – результат детской фантазии. Как правило, дети отлично выполняли задание, причем даже те участники импровизации, которым обычно очень сложно удаются роли с текстом. Инсценировка помогла детям в непринужденной игровой форме усовершенствовать свои навыки

восприятия музыкального материала и элементарного коллективного творчества. Все задания были встроены в игровую деятельность и предполагали не только активность детей в качестве слушателей, но и развитие их музыкально- ритмических способностей. В целом, дети адекватно воспринимали все задания, активно отвечали на вопросы педагогов и участвовали в импровизациях, позволяли друг другу выговориться и не перебивали других участников занятий.

В результате проведенного исследования мы сделали вывод: предложенный комплекс методов развития познавательных способностей оказался эффективным. Диагностика на контрольном этапе показала, что восприятие музыки является незаменимым средством совершенствования познавательных способностей у старших дошкольников. Зафиксирован значительный рост показателей. Положительной динамике способствовали детально рассмотренные в работе творческие задания и игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранник Н.В. Познавательные способности детей дошкольного возраста как психолого-педагогическая проблема / Н.В. Баранник. // Молодой ученый. 2015. – № 24 (104). – С. 916-919. – URL: <https://moluch.ru/archive/104/24585/> (дата обращения: 19.12.2021).
2. Кудинова Л.С. Теоретические основы формирования познавательной активности детей дошкольного возраста средствами игровых технологий / Л.С. Кудинова // Вестник Тамбовского университета. – 2016. – № 6. – С. 213-216.
3. Дмитриев В.А., Швецова О.Ю. – Воспитание музыкального слуха и культура интонирования музыканта-исполнителя // Культура и искусство. – 2017. – № 8. – С. 23 - 33.
4. Дмитриев В.А., Швецова О.Ю. Проблемно-аналитический подход при освоении содержания музыкальных произведений // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Нижневартовск, 12 ноября 2019 года) / отв. ред. Д.А. Погonyшев. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2019. 720 с. С. 141-143.
5. Горюнова Л.В. Урок музыки – урок искусства: Кн. для учителя / Горюнова Л. В., Маслова Л. П. – М.: Прометей, 1989. – 101 с.
6. Ветлугина Н.А. Музыкальное развитие ребенка / Н.А. Ветлугина. – М.: Просвещение, 2008. – 415 с.

© Дмитриев Владислав Алексеевич (dmitriev1802@mail.ru), Швецова Ольга Юрьевна (O.Y.N.rus@yandex.ru),
Корчагина Анастасия Олеговна (89227818737@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ПЕРЕВОДА СТУДЕНТАМ-МЕЖДУНАРОДНИКАМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО И МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ФРГ)

ASPECTS OF PATRIOTIC EDUCATION IN TEACHING TRANSLATION TO INTERNATIONAL RELATIONS STUDENTS (BASED ON THE TEXTS OF THE POLITICAL AND MEDIA DISCOURSE OF GERMANY)

E. Ignatova
E. Pivovarova
I. Sanzharova

Summary: This article postulates, due to the current foreign policy situation, the need to integrate elements of patriotic education into the process of teaching German-Russian translation to future specialists in the field of international relations. The principle of a critical approach to the source text is especially emphasized, the result of which should be a translation adapted to the needs and value system of the recipients, as well as not entering into dissonance with their cultural, historical self-consciousness and linguistic world view. Analyzing the rhetoric, as well as the functional and stylistic features of the political and mass media discourses in Germany, the authors argue the expediency of implementing specially developed unique translation strategies towards anti-Russian content. The role and task of the translator is determined, at the same time, by the attitudes and expectations of the target audience. The article presents fact-based material that clearly illustrates the stereotypical and unfriendly communication methods of the German media, and describes the didactic methods of their semantic neutralization.

Keywords: patriotic education, competence of civic consciousness, political and media discourse, anti-Russian rhetoric, linguistic world view, translation strategies.

Игнатова Евгения Михайловна

К.филол.н., доцент, МГИМО МИД России (Москва)
e.ignatova@my.mgimo.ru

Пивоварова Елена Вячеславовна

К.филол.н., доцент, МГИМО МИД России (Москва)
e.pivovarova@my.mgimo.ru

Санжарова Ирина Эдуардовна

старший преподаватель, МГЛУ (Москва)
irina.sanzharova@yandex.ru

Аннотация: В данной статье постулируется обусловленная актуальной внешнеполитической обстановкой необходимость интеграции элементов патриотического воспитания в процесс преподавания немецко-русского перевода будущим специалистам в сфере международных отношений. Особо акцентируется принцип критического подхода к исходному тексту, результатом которого должен стать перевод, адаптированный под потребности и систему ценностей реципиентов, а также не вступающий в диссонанс с их культурным, историческим самосознанием и языковой картиной мира. Анализируя риторичность, а также функционально-стилистические особенности политического и масс-медийного дискурсов Германии, авторы аргументируют целесообразность имплементации специально разработанных уникальных переводческих стратегий в отношении антироссийского контента. Роль и задача переводчика определяется, при этом, установками и ожиданиями целевой аудитории. В работе представлен фактологический материал, наглядно иллюстрирующий стереотипность и недружелюбие коммуникационных приемов немецких СМИ, и описаны дидактические методы их семантической нейтрализации.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, компетенция гражданственности, политический и медийный дискурс, антироссийская риторика, языковая картина мира, переводческие стратегии.

Взаимодействие инокультурных языковых сообществ

Обучение иностранному языку выходит за рамки формирования исключительно лингвистических компетенций. Преподаватель в данном случае является проводником в менталитет и культуру иного народа, история которого насчитывает века, а то и тысячелетия. Изучая иностранный язык, мы учимся уважать представителей данного социума, их культурные традиции и обычаи. В процессе межкультурной коммуникации происходит взаимообогащение не только языков, но и многих сфер жизни общества.

Обучая иностранному языку, преподаватель одновременно воспитывает в обучающихся толерантность и уважение к другой культуре, прививает умение критически, но вместе с тем дипломатично относиться к присутствующей иноязычному сообществу риторике.

Воспитательный аспект преподавания иностранного языка предполагает формирование у студентов вуза мировоззрения, идейной убежденности, системы нравственных и этических ценностей, а также инициативности [6, с. 21]. Курс обучения общественно-политическому переводу при этом является центральным в подготовке специалистов по межкультурной коммуникации, одина-

ково хорошо ориентирующихся в тенденциях зарубежных и отечественных масс-медиа и в двустороннем политическом дискурсе.

Воспитательный характер масс-медиа и политического дискурсов

Инокультурное языковое сообщество представляет собой не просто набор иных лингвокультурологических компетенций, свойственных иной языковой общности. В первую очередь речь идет об идеологической составляющей, ином политическом и медийном дискурсе. Именно это имеет первостепенное значение в контексте специфики преподавания языка профессии. Занимаясь переводом текстов общественно-политической тематики на материалах СМИ, мы постоянно сталкиваемся с особенностями освещения и интерпретации тех или иных исторических и политических событий. Риторика СМИ представляет собой барометр внешнеполитической атмосферы, в которой, как нельзя четко, прослеживается динамика двусторонних отношений со всеми подъемами и спадами.

Масс-медиа и политический дискурс имеют ярко выраженную воспитательную и педагогическую составляющую, поскольку способствуют социализации личности [5, с. 282].

Концептуальная и языковая картины мира

В процессе социализации у индивида формируется образ и модель мира, определенное отношение и восприятие действительности. А язык представляет собой инструмент, с помощью которого происходит концептуализация мира человеком [8, с. 35]. Задача переводчика сложна еще и потому, что он действует на границе разных языковых картин мира.

Преподавание иностранного языка, и в частности перевода в вузе, имеет целью не только развитие у обучающихся компетенций и навыков, необходимых для их беспрепятственного и полноценного функционирования как языковая личность в инокультурной среде, но и подготовку специалистов по межкультурной коммуникации, посредников между отличающимися друг от друга концептуальными картинами мира, готовых нести достойную службу в интересах своей Родины и вносящих таким образом свой посильный вклад в установление взаимопонимания между народами.

Критический взгляд vs цензура

В контексте все более напряженной мировой политической обстановки, а подчас и вовсе враждебного отношения к предпринимаемым нашим государством действиям на международной арене, особую актуальность приобретает необходимость критического подхода к

представляемой на исходном языке (ИЯ) информации. Ареал сфер, охватываемых нами в процессе языковой подготовки переводчиков, обширен: уровень обиходного общения, институты гражданского общества, СМИ, политические и партийные структуры.

Речь ни в коем случае не идет о цензуре или идеологизированном подходе к выбору исходных текстов (ИТ). Напротив, специалисты-международники должны, если не обязаны, иметь полное представление о традициях, мнениях и подходах, сложившихся в отношении РФ, ее населения, культуры, внутренних и иностранных делах в партийно-политическом и медийном дискурсе зарубежного государства.

Тот факт, что в зарубежном политическом дискурсе преобладает преимущественно негативная информация о России и ее политике, а СМИ зачастую некорректно трактуют и преподносят события, связанные с РФ, заставляет задуматься о необходимости ответных действий [4, с. 111]. И выражаться это должно, на наш взгляд, не только в готовности полемизировать, но и в выработке определенной переводческой стратегии.

Место перевода в структуре человеческой деятельности

Перевод предназначен для обеспечения межкультурной коммуникации и представляет собой средство межкультурного сближения народов [1, с. 6]. Переводческая деятельность носит посреднический характер и, по признанию ведущих переводоведов, общественное предназначение перевода заключается в обеспечении такой опосредованной двуязычной коммуникации, которая максимально приближалась бы к одноязычной [7, с. 20-21]. Реалии, события и процессы в мировой политике новейшего времени, однако, заставляют, по нашему мнению, взглянуть на роль переводчика несколько шире. Переводчик, на наш взгляд, это не всегда просто «невидимое промежуточное звено» в процессе порождения вторичного текста, он же – переводной текст (ПТ). Используя иные физические метафоры, можно сказать, что переводчик в определенных ситуациях языкового общения берет на себя функцию *фильтра* или *адаптера* (см. раздел «Практические рекомендации и примеры» ниже).

Формирование компетенции гражданственности при обучении переводу

Таким образом, от переводческой деятельности неотделимы компетенция гражданственности и социальная ответственность. Это необходимо прививать обучающимся по направлению «Международные отношения» в процессе преподавания иностранного языка.

Залогом успешного выполнения специалистами-

международниками одной из важнейших задач, а именно – защита и отстаивание интересов своего государства, является развитие следующих компетенций и качеств:

- наличие активной гражданской позиции и чувства долга и ответственности перед государством и обществом;
- знание культуры и истории своего государства и уважение к историческому прошлому своей страны;
- осознание себя как представителя своего государства, гордость за свою национальную принадлежность;
- причастность к современным общественным процессам [3, с. 153-154].

Ниже в данной статье мы на конкретных примерах продемонстрируем, каким образом данные элементы могут находить свое выражение при осуществлении переводческой деятельности.

Российские политики о важности патриотического воспитания

Умение аргументированно полемизировать с иностранными оппонентами – часть патриотического воспитания, которому уделяется сегодня большое внимание на самом высоком уровне. Выступая на заседании Российского организационного комитета «Победа», Президент России Владимир Владимирович Путин подчеркнул, что патриотическое воспитание должно стать органичной частью жизни нашего общества. "Любовь к родине, дух искренности и сплоченности ... это и есть патриотизм. И он воспитывается в том числе на примерах бескорыстия и беззаветной преданности своему делу. Это и освоение космоса, и индустриализация, достижения культуры нашей, науки - все это наше национальное достояние. И в основе всего этого люди, что совершали открытия и трудовые подвиги, создавали великие произведения искусства", - сказал президент [10].

Не должны оставаться в стороне и мы, работники высшей школы, занятые подготовкой специалистов-международников, которые призваны в недалеком будущем отстаивать интересы России на международной арене и в межгосударственных отношениях, так как это имеет непосредственное отношение к укреплению национальной безопасности. На фоне насаждаемого, прежде всего, США и подхватываемого находящимися в их политической и экономической зависимости странами ЕС образа России, как мирового агрессора, необходимо воспитывать в будущих дипломатах и журналистах приверженность общечеловеческим ценностям, принципам международного права, демократии и прав человека, а также развивать умение конструктивно продвигать позицию руководства страны, не поддаваясь нападкам и голословным обвинениям иностранных партнеров, преследующих, не в последнюю очередь, цель ослабить

позиции России в мировой политике и экономике, противостоять политике двойных стандартов, являющейся в последнее время, к сожалению, все более характерной чертой международно-правового дискурса.

Выступая на традиционной встрече с первокурсниками МГИМО МИД РФ, министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров предупредил будущих дипломатов, с какими трудностями им придется столкнуться на международной арене, где Россию, как сильного геополитического игрока не хотели бы видеть, используя политику сдерживания. «Используются различные инструменты сдерживания, санкции, информационные войны, нацеленные на то, чтобы извратить наши принципиальные подходы к различным международным проблемам и опорочить наш курс в международных делах», - подчеркнул глава российского внешнеполитического ведомства [9]. В этой связи перед преподавателями иностранного языка стоит задача воспитать и развить в будущих международниках качества, свойства и компетенции, которые позволили бы им проводить ответственную, самостоятельную, ориентированную на национальные интересы внешнюю политику.

Социальная ответственность переводчика и ее реализация

Одним из главных факторов, влияющих на стратегию перевода в коммуникативных отношениях триады «автор текста оригинала (исходного текста – ИТ) – переводчик – получатель текста перевода (переводного текста – ПТ)», является получатель переводного текста. Поэтому успех перевода во многом зависит от прагматической адаптации ПТ, от четкого представления переводчика о том, для кого и с какой целью выполняется перевод [2, с. 213].

Задача и роль переводчика, занятого в сфере международных отношений, подчинена, на наш взгляд, двум основным социальным парадигмам: с одной стороны, переводчик, как посредник в процессе межкультурной коммуникации, призван обеспечить адекватную, то есть равноценную по содержанию и форме, передачу ИТ средствами ПЯ, с другой стороны, переводчик – при наличии соответствующего социального заказа – может или должен уметь взять на себя функцию своеобразного «адаптера», сглаживающего агрессивный тон и стиль ИТ с неизбежной утратой изначально заложенной степени регулятивного воздействия. Это извечная дилемма в переводоведении, а также в контексте воспитательного аспекта преподавания перевода. Конечно, в большинстве случаев переводческий выбор ориентируется на потребности, запросы или ожидания реципиента. В универсальной ситуации, то есть при отсутствии критериев целевой аудитории, мы предлагаем компромиссное решение – симбиоз двух подходов к интерпретации содержания и формы ИТ, по сути – расширенный перевод.

Суть данного подхода заключается в следующем: в качестве основного варианта предлагается т.н. адаптивный перевод, т.е. интерпретация обозначений лиц, предметов, явлений, качеств или событий в соответствии с общепринятыми в политическом дискурсе России традициями. В данном случае переводчик прибегает к помощи различных трансформаций. Второй вариант, оформленный как примечание, сноски, комментарий или вставка, представляет собой дословный перевод, передающий риторику и функционально-стилистические особенности ИТ.

Практические рекомендации и примеры

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих способ т.н. «комбинированного» подхода к переводу текстов политического и медийного дискурса ФРГ и других немецкоязычных стран, в которых наше государство, а также предпринимаемые нашими союзниками и внешнеполитическими партнерами действия являются объектами резких, не сдержанных и далеких от норм дипломатического общения комментариев:

Russland feiert Jahrestag der *Krim-Annexion*. (tagesschau.de, 16.03.2019) – В России отмечают годовщину *вступления / принятия республики Крым в состав РФ* – события, именуемого на Западе аннексией.

Ob *das scheindemokratische System Wladimir Putins* das Ende von dessen derzeitiger Präsidentschaft 2024 Überleben wird, bleibt abzuwarten. (Westfalen-Blatt, 29.07.2019) – Время покажет, сохранится ли созданная Владимиром Путиным система отношений, критикуемая западными СМИ как *недостаточно демократическая*, и после 2024 года, когда закончится его президентский срок.

В некоторых случаях наиболее подходящим переводческим решением будет нейтрализация отрицательной коннотации, заложенной в ИТ (*prorussische Separatisten – ЛНР и ДНР*):

Nahe der Stadt Horliwka im Osten der Ukraine haben *Regierungstruppen* und *prorussische Separatisten* damit begonnen, Gefangene auszutauschen. (Der Spiegel, 29.12.2019) – В районе Горловки на востоке Украины начался процесс обмена пленными между *ЛНР и ДНР*, с одной стороны, и *украинскими силовиками*, с другой стороны.

В рассматриваемом выше предложении мы сочли необходимым изменить также и очередность упоминания участников события, а нейтральное слово *Regierungstruppen* перевели выражением, наиболее типичным для данного контекста и в большей степени соответствующим нашей картине мира.

Еще один пример, где, на наш взгляд, является адек-

ватным и оправданным применение способа нейтрализации:

Bei den Kommunalwahlen in Russland erreichen die Kandidaten von *Putins Kreml-Partei* praktisch überall die Mehrheit. (Süddeutsche Zeitung, 09.09.2019) – На муниципальных выборах в РФ кандидаты *от Единой России* практически во всех округах набрали большинство голосов.

Предвосхищая возможную критику в попытках цензуры и пренебрежения принципами максимально приближенного к стилю ИТ перевода, хотелось бы отметить, что в обоих данных ваших примерах мы допускаем также вариант использования соответствующих эпитетов, передающих в определенной степени, однако, в более дипломатичной форме, риторику носителей ИЯ: *сампровозглашенные ЛНР и ДНР, правящая партия* Единая Россия.

Адаптация под принятые у нас исторические традиции необходима также при переводе следующего предложения:

Russland und die meisten anderen Nachfolgestaaten der Sowjetunion feiern *das Ende des Zweiten Weltkriegs* am 9. Mai. (Die Welt, 09.05.2015) – 9 мая в России, как и в большинстве республик бывшего СССР, отмечают *победу в Великой отечественной войне*.

В ряде случаев в одном предложении мы можем прибегнуть к обоим способам перевода – к нейтрализации и к комбинированному методу:

Seit neun Jahren führt *der Herrscher in Damaskus*, Bashar al Assad ungestört *einen Vernichtungsfeldzug gegen sein eigenes Volk*. (Der Tagesspiegel, 14.03.2020) – В течение 9 лет *президент Сирии* Башар Асад, *незаслуженно обвиняемый в уничтожении собственного народа*, ведет борьбу с *террористическими группировками* на территории страны.

Практически ругательными и уничижительными стали в немецкоязычном политическом и медийном дискурсе выражения «Russland-Versteher» и «Putin-Versteher». Таких ярлыков удостоивается всякий немецкий политик, который выступает за улучшение отношений с РФ и проявляет даже малейшее понимание с проводимой российским лидером политикой. Так, например, австрийское издание «Die Presse» не гнушается употреблением данного эпитета по отношению к целой федеральной земле ФРГ Саксония, правительство которой требует скорейшей отмены введенных против РФ санкций: «Das Land der Putin-Versteher» - под таким заголовком опубликована очередная статья, посвященная внешней политике (Die Presse, 23.08.2019). Считаем целесообразным и в данном случае прибегнуть к использованию перевод-

ческих трансформаций: «Саксония за сближение с Россией» или менее нейтральный перевод: «Саксония симпатизирует Путину».

Заключение

Использование описанных выше приемов позволяет, с одной стороны, полноценно передать риторику ИТ, что немаловажно для создания у адресата перевода адекватного представления о господствующих в стане оппонентов и потенциальных партнеров по переговорам

мнениях и взглядах, с другой стороны, это продиктовано необходимостью деликатного отношения к патриотическим чувствам соотечественников. Не допустить эскалации настроений, сглаживать проявления враждебности, – нельзя недооценивать возлагаемые на переводчика социально-политические функции! Терпимость к чужому мнению и уважение чести и достоинства своих сограждан – основные качества, стоящие в центре воспитательного аспекта при преподавании иностранного языка и перевода, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтеев С.В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения : учеб. пособие / С.В. Евтеев; под общ. ред. А.Л. Семенова. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России ; каф. нем. яз. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 185 с.
2. Евтеев С.В., Чигашева М.А. Средний читатель переводного текста: кто он? / С.В. Евтеев, М.А. Чигашева // Вестник ТвГУ. Серия Филология. — 2018. — №2. — С. 214-220.
3. Игнатова Е.М. К вопросу о формировании компетенции гражданственности у студентов-международников при работе с иноязычными СМИ / Е.М.Игнатова // Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен: матер. междунар. научн.-практич. конф. Санкт-Петербург, 22-24 ноября 2018 г. / под ред. Г.В.Ковалевой. — СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2018. — С. 152-156.
4. Игнатова Е.М. Патриотическое воспитание студентов бакалавриата по направлению подготовки «международные отношения» в рамках обучения иностранному языку / Е.М. Игнатова, А.М. Ионова // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: матер. междунар. науч.-практич. конф. Санкт-Петербург, 23-25 ноября 2017 г. / под ред. Г.В. Ковалевой. СПб: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. — С. 110-112.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Королева Н.Е., Сахапова Ф.Х., Чернова Н.А. Воспитательный аспект в преподавании иностранного языка в вузе // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LXXIII-LXXIV междунар. науч.-практ. конф. № 3(72). – Новосибирск: СибАК, 2017. – С. 19-23.
7. Латышев Л.К. Технология перевода. – Москва: Академия, 2005. – 320 с.
8. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с.
9. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО МИД России https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/70vQR5KJWVmR/content/id/3767796
10. Стенограмма заседания Российского организационного комитета «Победа» <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-11-12-2019.html>

© Игнатова Евгения Михайловна (e.ignatova@my.mgimo.ru), Пивоварова Елена Вячеславовна (e.pivovarova@my.mgimo.ru), Санжарова Ирина Эдуардовна (irina.sanzharova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ ПИСЬМУ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

TEACHING FOREIGNERS WRITING AND WRITTEN SPEECH

**S. Kitlyeva
V. Badmaeva**

Summary: The article deals with the issues of teaching the written activity of students of the preparatory faculty. The importance of using lowercase letters is noted as one of the main stages that develop not only fingers, but also thinking, memory, assimilation of new information. The purpose of this work is to consider some of the issues that arise when teaching writing, as well as to share my experience in using certain types of written tasks that contribute to the development and formation of writing skills and abilities at the initial stage of learning.

Keywords: skills and abilities, written activities, Russian language, lowercase letters.

Китляева Светлана Дмитриевна

*К.и.н., доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста
Svetamar08@yandex.ru*

Бадмаева Валентина Исиновна

*старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста
Badmaeva-vi@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы обучения письменной деятельности слушателей подготовительного факультета. Отмечается важность использования строчных букв как одного из основных этапов, развивающих не только пальцы, но и мышление, память, усвоение новой информации. Целью данной работы является рассмотрение некоторых вопросов, возникающих при обучении письму, поделиться своим опытом использования отдельных видов письменных заданий, способствующих развитию и формированию письменных навыков и умений на начальном этапе обучения.

Ключевые слова: навыки и умения, письменные виды деятельности, русский язык, строчные буквы.

Обучение иностранных слушателей подготовительного отделения письму и письменной речи – «результату выражения мыслей при помощи системы письма определенного языка» [5, с. 15], конечно же, представляет определенные трудности. Цель наших занятий – научить слушателей писать русские тексты так, как они их пишут на своем родном языке. К реализации данной цели мы идем поэтапно. На факультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан нашего университета, занятия проводятся в группах по 11-16 человек. Это, в большинстве своем, уже взрослые, сформировавшиеся люди, различающиеся по своим психическим характеристикам, религиозным верованиям, разницей в возрасте и среде воспитания. В начале обучения, безусловно, всем слушателям бывает очень трудно: чужая страна, чужой язык, психологическая нагрузка. К трудностям адаптации в не родной стране и среде, возникают, естественно, и трудности при обучении русскому языку, их условно можно определить таким образом: сложность графики, орфографии, ударения, необходимость перекодировки с звукового в графический вид.

Второй год занимаемся со слушателями - носителями арабского языка и арабской письменности. Им, на наш взгляд, более других трудно переходить со своей графической системы на русскую, особенно, если они не владеют больше никакими языками, кроме своего родного. Техника русского письма, очень сильно отличается от письменных знаков их родного языка. От привычного движения руки слева направо, от ведения записей в тетради, от начертания самих графических значков. Ведь

здесь необходимы новые навыки и умения правильно пользоваться письменными принадлежностями, координировать движения рук, правильно изображать буквы, слоги, слова, писать буквы с нужным наклоном, прерываться, писать с заглавной буквы, остальные буквы слов рисовать определенной высоты и ширины, равномерно располагать, правильно соединять их, учитывая то, что некоторые звуки ребята произносят впервые [п], [в], [ж]. [2]. (Один наш студент, после первого месяца обучения, рассказывал: «я с детства любил рисовать и эти новые буквы я просто рисовал, долго не понимая их значения, но я привык к тому, что у меня в тетрадях, всегда был порядок, поэтому я, в первые дни, стремился к чистоте, к красоте, к одинаковым размерам букв, подгонял их, т.е. наводил эстетическую красоту, все это делалось мной механически, а потом уже стал понимать и принимать их»). И это только начальный этап освоения слушателями иностранным письмом.

Следующим непростым этапом является изучение правил орфографии, то есть правильно определять звуковой и буквенный состав слов, письменное оформление высказывания (составление предложений, ответы на вопросы и др), комментировать их описание, затем – совершенствование устной речи, т.е. оформление деловой документации, писем, сочинений. Всё это позволяет осмысленно переводить единицы речи в графические знаки (перекодировка), придавая письму характер сознательной деятельности. Она будет включать в себя следующее: а) правильное соотношение звука и буквы; б) соблюдение определенных правил правописания.

Есть ребята, которые, будучи у себя дома, пытались самостоятельно изучать русский язык, начиная читать и писать по урокам, выставленным на различных образовательных сайтах в Интернете. Эта практика не всегда оказывает положительное действие, потому что они смотрят на печатную графику, не обращаясь к другим графическим значкам-строчным, и изображают все это на наших уроках. Им трудно заставить переучить себя произносить правильно некоторые звуки, которые они самостоятельно выучили и привыкли к своему пониманию и произношению, писать строчные буквы вместо, уже привычных им, печатных, к которым они уже приновились. На наших занятиях мы отрабатываем навыки прописных и строчных букв. Многие из ребят сопротивляются этому, ведь начертание у них разное, но, тем не менее, усваивают и учатся графически исполнить эти «трудные» буквы с соединениями и прочими сложностями.

Здесь также можно отметить, что многие слушатели, стесняются произносить вслух слова, которые пишут, несмотря на то, что в первые дни обучения, я прошу их произносить. Сложности вызывают произношение некоторых букв (ы, р, л, х, ш), мало пишут (ошибаются при написании: и-у, ц-с, м-т), тем самым усложняя процесс обучения, смущаются от того, что путают буквы. При таком подходе хорошего результата добиться сложно. Конечно же, им потребуется гораздо больше времени для его достижения. При этом страдают слуховое восприятие, произношение, а это значит - не будет никакой взаимосвязи между тем, что написать, как произнести, уловить на слух, увидеть и узнать слово в тексте. В группах мы работаем с прописями, которые мы подбираем в книжных магазинах, в интернете или сами рисуем для каждого слушателя. Как и везде, есть молодые люди, которые быстро обучаются и переходят от прописей к обычным тетрадкам, чем огорчают остальных ребят, но и стимулируют тем самым их для ускоренного обучения пока еще чуждой им графической системы. Хотя, безусловно, современные технические возможности позволяют иностранным гражданам освоить язык с помощью всевозможных средств. Интернет многофункционален, помогает преподавателям и слушателям преодолеть проблемы, возникающие при изучении языка. Это и сообщения в групповых чатах (WhatsApp, Viber, Telegram и т.д.), которыми обмениваются преподаватели со своими слушателями. Для того, чтобы откорректировать уровень обучающихся, стараюсь «полезно использовать контрастирующие упражнения» [3, с. 146-147]. Используем на уроках различные типы упражнений, рекомендованные в пособии Г.И. Дергачевой, О.С. Кузиной, Н.М. Малашенко.

Да, конечно, есть слушатели, которые спрашивают, почему нельзя писать печатными буквами, для чего осваивать строчные. В этом случае, мы им отвечаем, что есть некоторые изменения в написании строчных

и печатных, они могут их не узнать на письме, а также, считаем это важным в своей работе, что наряду с техническим прогрессом, идя с ним в ногу со временем, мы всё равно должны уметь писать строчные буквы. Умение писать от руки является одним из основных элементов жизни человека. Ведь письмо взаимосвязано с нашими познавательными (когнитивными) способностями (психические процессы в человеческом организме, которые направлены на приём и обработку информации, а также на решение задач и генерирование новых идей), помогающими автоматически активировать нейронные цепи, в свою очередь стимулируют деятельность мозга, т.е. эти способности развивают не только пальцы, но и мышление, память, усвоение новой информации. [6] Эта система должна быть направлена на активизацию мыслительной деятельности, носить проблемный характер, учитывать будущую специальность обучающихся и реалии родной для них культуры. [4.с.251]

Используя компьютер при записи какого-либо материала, мы можем записать все слово в слово. Но это бездумное копирование не развивает память. А те, кто пишет от руки, фиксирует самые важные тезисы, осмысливая услышанное и анализируя информацию по ходу её получения. Благодаря этому она лучше запоминается. Когнитивные способности даже укрепляют различие почерков. У каждого человека вырабатывается свой собственный почерк, при этом не имеет значения, учился ли он каллиграфии или это искусство ему незнакомо. Таким образом, любая буква может быть написана различными способами, но мы всегда можем опознать её. Возможность вычленять смысловые единицы необходимо, особенно при начальном обучении. Различные научные исследования подтверждают, что умение писать тесно связано с умением читать. Письмо вместе с другими предметами, которые включены в учебную программу подготовительных курсов, представляют собой виды речевой деятельности, и западание одного вида приводит к проблемам в формировании навыков в рамках другого вида.

Когда человек пишет текст сам, ручкой или пером, он сочетает зрительную память с моторной памятью, что ускоряет навыки чтения, а это, в свою очередь, тесно связано с навыками аудирования и разговорной речи. Тот, кто не научился обычному письму, не может в полной мере использовать свою сенсомоторную память. Распознавание букв и весь процесс чтения и понимания текста замедляются. Письмо и чтение помогают друг другу.

Также важно это выполнять грамотно. На начальном этапе проводим упражнения, где необходимо произносить слова хором, цель - закрепление фонетических норм, развитие фонетического слуха обучающихся и тренировка их слухопроизносительных навыков. При

введении звуков необходимо учитывать неразвитость фонетического слуха обучающихся к отсутствующим в их языке звукам, сопоставлять звуки языков, опираться на языковой опыт учащихся [5, с. 169].

Также проводим различные виды диктантов у слушателей. Считаем, что важнейшей задачей диктанта является закрепление в памяти обучающихся звукобуквенных отношений установление прочных связей между зрительным и звуковым образом слов и словосочетаний. Слуховой диктант – это один из надежных способов контроля усвоения звукобуквенных отношений и орфографии. Поэтому он является как средством обучения, так средством и контроля. В слуховой (объяснительный, выборочный) диктант включаем только те элементы, которые мы со слушателями уже отработали ранее, несложные и недлинные слова и слоги, чтобы его содержание не представляло трудностей для слушателей.

Часто проводим словарные диктанты. На наш взгляд, это один из сложных, но важных видов заданий при изучении любого языка (родного и неродного), в ходе которых слушатели воспринимают на слух слова, а затем воспроизводят их в письменном виде. Перед тем, как начать выполнять словарный диктант, постепенно подводим их к этому - проводим работу над каждым словом: записываем, читаем, раскрываем значение слов (можем использовать фото, картины, фрагменты картин), рассматриваем варианты правильного написания. Таким образом, даем возможность обучающимся осмысливать, понимать и использовать для выражения мыслей,

информации все усваиваемые языковые и неязыковые знаковые средства во все новых и многочисленных контекстах. Л.С. Выготский особенно подчеркивал, что обогащение слова смыслом составляет основной закон динамики значений [1, с. 347].

Обучение РКИ на этапе довузовской подготовки, как нам кажется, самый важный процесс в получении высшего образования иностранных студентов в России. Здесь они впервые встречаются с носителями этого загадочного, красивого языка. Обучение на данном этапе отличается специфическими особенностями, которые включают предельно краткие и жесткие временные параметры (от 6-7 месяцев). Выполнение различных видов письменных заданий, таких как: переписывание упражнений, составление вопросов к прочитанному тексту, составление небольших диалогов или текстов, необходимы, так как, наряду с развитием навыков письменной речи, они способствуют развитию чтения, говорения, аудирования. Письменная речь тесно связана с развитием нашего мышления, памяти, она помогает нам структурировать наши мысли.

Считаем, что мы, задачу поставленную правительством РФ о приоритетном проекте «Экспорт образования» выполняем, привлекая иностранцев, обучая их русскому письму и русской речи на нашей кафедре.

Русский язык - «великий и могучий», обладает богатейшими средствами, которые мы, преподаватели кафедры, стараемся донести до наших слушателей, любыми доступными в образовательном учреждении способами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. - М., 1982. - Т. 2. - 504 с
2. Гагарина, Е.Ю. Трудности в изучении русского языка арабскими студентами / Е.Ю. Гагарина // Глобальный научный потенциал. – СПб.: ТМБпринт. – 2020. – № 11(116). – С. 207–209 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://globaljournals.ru>.
3. Дергачева Г.И., Кузина О.С., Малашенко Н.М. и др. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе. 3-е изд. М.: Русский язык, 1989. 192 с.
4. Китляева С.Д. О некоторых особенностях преподавания русского языка иностранным гражданам// Актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию кафедры РКИ - МПГУ 20 мая 2021 г. Под общей редакцией С.А. Вишнякова. Москва, 2021. с.248-252.
5. Морозов В.Э. Культура письменной научной речи. М.: Икар, 2008. 268 с.
6. P. Mueller, D. Oppenheimer «The Pen Is Mightier Than the Keyboard: Advantages of Longhand Over Laptop Note Taking». Онлайн-публикация на сайте журнала Psychological Science от 23.04.2014. Mueller and Oppenheimer (2014).pdf (hendrix.edu)

© Китляева Светлана Дмитриевна (Svetamar08@yandex.ru), Бадмаева Валентина Исиновна (Badmaeva-vi@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО АЛГОРИТМА ЛЕКСИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ РАБОТЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНО НАПРАВЛЕННОЙ ЛЕКСИКОЙ

Лихачева Евгения Юрьевна

*Аспирант, ГОУ ВО «Московский государственный
областной университет»; Преподаватель, колледж
телекоммуникаций ФГБОУ ВО «Московский технический
университет связи и информатики»
missis.lixachewa@mail.ru*

USING A CERTAIN ALGORITHM OF LEXICAL EXERCISES WHEN WORKING WITH PROFESSIONALLY DIRECTED VOCABULARY

E. Likhacheva

Summary: This article provides a brief overview of the main types of modalities of students, emphasizes their importance when working with the vocabulary of the specialty. The author draws attention to the fact that it is necessary to consider individual psychological characteristics at various stages of work, as they help students to facilitate the process of perception of new information. The features of their use when working with vocabulary are described. The main components included in the exercise system are indicated. When creating a set of exercises, important criteria are highlighted on what it should be based for 2nd year students. Examples of lexical exercises based on the text of the specialty using these strategies are given.

Keywords: leading modality, professionally oriented vocabulary, work with text in the specialty.

Аннотация: В данной статье делается краткий обзор на основные виды модальности студентов, подчеркивается их важность при работе с лексикой специальности. Автор обращает внимание на то, что необходимо на различных этапах работы учитывать индивидуальные психологические особенности, так как они помогают студентам облегчить процесс восприятия новой информации. Описываются особенности их использования при работе с лексикой. Указываются основные компоненты входящие в систему упражнений. При создании комплекса упражнений выделяются важные критерии на чем он должен базироваться для студентов 2 курсов. Приводятся примеры лексических упражнений, составленных на основе текста по специальности с использованием данных стратегий.

Ключевые слова: ведущая модальность, профессионально ориентированная лексика, работа с текстом по специальности.

На сегодняшний день подготовка высококвалифицированных специалистов технической направленности является первостепенной задачей колледжей, которые будут не только востребованы в своей области, но и способны осуществлять коммуникацию с использованием профессионально-направленной лексики.

Поэтому перед преподавателем встает первостепенная задача в постоянной и тщательной отработке нового лексического материала в различных видах упражнений. Для начала стоит обратиться к Федеральному государственному образовательному стандарту среднего профессионального образования, в котором прописывается не только 9 ключевых компетенций, знания и умения выпускника колледжа, которыми он должен овладеть на достаточно высоком уровне, но и количество ЛЕ и аудиторные часы на их отработку. Несмотря на постоянный рост требований к выпускникам колледжей, количество аудиторных часов увеличивается незначительно. Чтобы выйти из этого положения, некоторые колледжи отводят какую-то часть часов вариативной части, вводя новый предмет «Основы технического перевода документации». На саму же дисциплину ОГСЭ.03 «Иностранный

язык» так и остается 2 академических часа в неделю, что существенно затрудняет полноценную отработку лексики специальности.

А если обратиться к содержанию рабочей программы дисциплины, то можно проследить, что 1200 ЛЕ, которые необходимо усвоить студентам за весь курс – из них 80% составляют термины, аббревиатуры и сокращения и 20 обще употребляемая лексика, часть которой проходить на первом курсе. В связи с этим возникают трудности при отработке и активизации лексики в речь.

Следуя из всего выше сказанного, можно определить актуальность нашей статьи, которая видится в том, что, необходимо создать определенный алгоритм упражнений, который поможет быстро и качественно отработать лексический материал если учитывать как студенты воспринимают информацию (модальность).

Комплекс упражнений, составленный с учетом их модальности будет направлен на отработку изучаемого материала, но и освежит уже изученное с учетом узких временных рамок.

В связи с тем, что рекомендованные учебники не отвечают всем методическим аспектам при работе с лексикой, и не учитывают неоднородный уровень студентов в группах, а многим язык дается с трудом, то при составлении упражнений мы опирались на сильные стороны студентов, посредством чего они лучшего всего воспринимают информацию.

В данной области работали следующие ученые: К. Роджерс, Бетти Лу Ливст, С. Спрингер, которые с учетом индивидуально психологических особенностей восприятия личности, разделяли всех на пять групп:

- визуалы (через картинки, виды, изображения);
- аудиалы (через звуки);
- кинестетики (через чувства);
- дискретны (через логику);
- смешанная группа.

В своих работах ученые отмечали, что если брать во внимание индивидуальные психологические особенности при работе с новым материалом, то это существенно облегчит его усвоение, так как студент будет опираться на ту модальность, которая наиболее развита у него.

Поэтому перед составлением упражнений, среди студентов был проведен письменный тест на определение этой особенности, в последствии на основании этого составлялись упражнения с учетом лексики в рамках темы, психологических особенностей и уровня обучающихся.

Обратимся к параметрам и видам упражнений. С практической точки зрения само понятие упражнение, в исследования С. К. Фоломкиной, предполагался как некий способ управления деятельностью мыслительных операций студентов [5, с.18-22].

Следуя ее типологии упражнения должны были обладать такими параметрами как:

- определенным местом в системе;
- сколько тратиться на него времени;
- обладание цели и какую речевую задачу, оно должно решить;
- приобретение конечного результата;
- содержание вербальный и невербальный материал;
- определённый алгоритм работы;
- обладание языковой формой и содержанием [1, с.47-55].

Можно выделить наиболее используемые виды упражнений: учебные, коммуникативные и аутентичные упражнения [3, с.34-56].

Чаще всего на уроках иностранного языка использовались учебные и коммуникативные, так они помогают активизировать мыслительную деятельность студентов,

снизить трудности в усвоении ЛЕ и плавно выводить их в речь с уже заданной «опорой».

Упражнения на основе текста по специальности выстраивались для направления: 11.02.11 «Сети связи и системы коммутации», студентов 2 курса и основывались на следующих принципах:

1. Упражнения должны обладать четкой целью, отвечать задачам обучения при работе с текстом по специальности в области информационных технологий и стимулировать процесс формирования необходимых умений и навыков [Программа..., 2021];
2. Овладение терминологической лексикой, связанной со сферой информационных технологий, которая преимущественно осваивается студентами II-IV курсов, должно соблюдать два этапа обучения. Первый этап – изучение обще употребляемой лексики на первом курсе обучения, второй этап – терминология с учетом обще употребляемой лексики.
3. Учитывать индивидуально психологические особенности восприятия информации студентами.
4. Система упражнений по обучению студентов в области информационных технологий направлена на умения извлекать из специализированных текстов профессионально-значимую информацию и в дальнейшем использовать изученные лексические единицы в профессиональной коммуникации.

Сделаем обзор каждого этапа обучения. В течение первого этапа осуществляется «повторение и систематизация языковых знаний, навыков и умений, приобретенных учащимися в процессе обучения в школе», работа и отработка новой обще употребляемой лексики, изучение новых грамматических конструкций и повторение пройденных, систематическая работа, направленная по формированию текстовой компетенции на основе художественных текстов, данный этап заканчивается дифференцированным зачетом и сдачей главы художественного произведения.

На втором этапе работы, начиная со второго курса мы постепенно переходим к обучению профессионально ориентированному чтению, где учим студентов правильно работать с текстом по специальности, извлекать нужную информацию, вычленять ЛЕ, находить уже изученные в тексте, применяя их в обиходе своей речи в монологических и диалогических высказываниях. На данном этапе при работе с лексикой целесообразно использовать языковые материалы. Данный этап обучения характеризуется «ярко выраженной прагматической ориентацией, увеличением объема приобретаемых профессионально-значимой информации, а также в расширении реестра иноязычных навыков и умений в разных

видах речевой деятельности» [Программа..., 2021]. В течение второго этапа обучения работы с текстами по специальности должен произойти перевес в сторону увеличения речевых и условно-речевых упражнений с постепенным вводом упражнений на развитие умений высказывания на базе прочитанного с учетом уже изученных терминологических высказываний.

Первостепенной нашей задачей было проанализировать учебные пособия для специалистов в области информационных технологий, которые рекомендованы Министерством образования, а так как специально для колледжей нет разработанных учебных пособий для данных специальностей, то рекомендуется брать учебные пособия Вузов, именно Ю.В. Бжиская «Английский язык. Информационные системы и технологии» для 2 курса и И.А. Беседина «Английский язык для инженеров компьютерных сетей» для 3-4 курсов. Проанализировав данные пособия, можно сделать следующие выводы: не разработан необходимый терминологический минимум для специалиста в области информационных технологий, нет нужных аббревиатур, тематика не всегда перекликается с профессиональными дисциплинами и модулями, лексические единицы не совсем соответствуют уровню владения языком студентов, отсутствует четкая система разнообразных упражнений на отработку новых ЛЕ, практически нет речевых упражнений, полностью отсутствует аудирование, что является на наш взгляд огромным минусом, так как многие термины трудны в своем произношении.

Если ли же обратиться к принципу междисциплинарных связей, то изучение терминологии в данном курсе стоит разделить на три раздела: Hardware, Software and Networks. К сожалению, многие темы в данных учебниках не располагают необходимой текстовой информацией, что заставляет преподавателя тратить больше времени на поиски нужной текстовой и аудио информации для отработки нужной терминологии и выведению ее в речь.

Остановимся более подробно на самом комплексе упражнений и работе с ними. В какой последовательности происходит выполнение различных упражнений зависит от этапов овладения лексическим материалом. На первом этапе осуществляется выполнение языковых упражнений, которые помогают учащимся закрепить новые слова. Второй этап предполагает тренировочные упражнения, направленные на различные манипуляции с лексикой и доведение до автоматизма использование лексики. На завершающем этапе предлагаются коммуникативные, речевые упражнения, совершенствующие лексические навыки в составе речевых умений.

Особенность представленной типологии упражнений выражается: – в использовании многообразия разноуровневых упражнений с учетом ведущей модально-

сти и индивидуальных возможностей; – в использовании индивидуальных стратегий обучения, чтобы развивать и стимулировать учебно-познавательные, коммуникативные потребности, качественно и количественно расширять и совершенствовать знания лексики, навыки и умения. В качестве наглядного примера мы приведем схему, которая отражает индивидуальные стратегии в упражнениях и определяет уровень овладения коммуникативной компетенцией: – в необходимом количестве заданий для автоматизирования навыка употребления ЛЕ; – в системности выполнения различных видов упражнений: информационные упражнения помогают осмыслить, сохранить и актуализировать ЛЕ. Выполнение их происходит только после тренировочных упражнений. Операционные и мотивационные типы используются на этапе контроля и имеют большее значение, чем остальные.[4]

Первый этап (предтекстовый) – упражнения содержат коммуникативные установки для изучения текста и воспроизведение информации, что актуализирует часть лексики в соответствии с тематикой.

Например:

– *Какие ПО вы чаще всего переустанавливаете и почему? Используется ли вы средства защиты при работе с сетями? Какое самое безопасное подключение к сети и почему?*

Второй этап – предполагает развитие рецептивного аспекта лексического навыка при чтении текста. В процессе чтения отрабатывается восприятие и дифференциация лексической единицы по различным признакам, а также воспроизведение ее во внешней и внутренней речи:

– *Прочитай данные фразы из текста с учетом правил связывания и сцепления. -(В)*

Третий этап – Контроль понимания текста. Основной целью данного этапа упражнений, будет показать учащимся какие формы, значения и функции может приобретать одна и та же лексическая единица в зависимости от контекста

– *Озаглавьте текст, используя предложенные заголовки. -(В)*

– *На основе прочитанного, составьте план: внешние и внутренние устройства, модификации компьютеров, цели и задачи их, аудитория для которой они разработаны. -(Д)*

Четвертый этап – Информационная переработка и преобразование текста. На данном этапе на основе языкового материала необходимо выразить собственное отношение к содержанию текста.

– *Выбери из текста слова и словосочетания, которые помогут тебе описать одну из последних модификаций компьютера. (К)*

Упражнения на лексическую и грамматическую трансформацию.

– Подбери из списка к выделенному слово синонимом или антонимом(А) - Переделайте предложения в косвенную речь (А)

Пятый этап – Воспроизведение собственного высказывания. На завершающем этапе используются коммуникативные и речевые упражнения, направленные на дальнейшее формирование продуктивного навыка.

– Охарактеризуйте VPN на основе прочитанного текста. За счет чего данное соединение является самым безопасным? аргументируйте ваш ответ. (Д) – Подготовьте вопросы по тексту. (В)

Представленные выше упражнения иллюстрируют насколько можно разнообразить работу с лексикой, и опираясь на ведающую модальность снизить трудно-

сти в усвоении материала в рамках отведенного аудиторного времени. А также психологически подготовить студентов к восприятию лексики специальности, так как если учитывать психологические особенности в работе, то студенты не будут испытывать напряжения, чувства нежелания работать с трудными аспектами лексики. Поэтому в работе на уроках иностранного языка мы сначала постепенно вводили данные виды упражнения комбинируя их с обычными упражнениями, в качестве эксперимента. В последствии на некоторых этапах стали полностью использоваться данный алгоритм упражнений, когда студенты уже привыкли к разноплановой деятельности с лексическим материалом. Веди при работе с профессионально направленной лексикой чем больше трудностей получится снять, тем быстрее и эффективнее пойдет процесс овладения лексическим материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслыко, Е.А., Бабинская, П.К. Настольная книга для преподавателя иностранного языка [Текст] / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская. — Минск: Высшая школа, 2001. - 522 с.
2. Отчет о результатах самообследования (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский технический университет связи и информатики» колледж телекоммуникаций). – М., 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.bmstu.ru/content/image/files/582/otchet_samoobsl.pdf (дата обращения: 03.10.2021).
3. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций [Текст] / Е.Н. Соловова. – М.: Просвещение, 2002. – 239 с.
4. Трещёва М.Г. Методика расширения активного словаря на основе художественных текстов по домашнему чтению студентов третьих курсов языковых вузов/ дис.канд. пед. наук: М., 2007.- 156с.
5. Фоломкина, С.К. Текст в обучении иностранным языкам [Текст] / С.К. Фоломкина // Иностранные языки в школе. – 1989. – №5. – С.18-22.

© Лихачева Евгения Юрьевна (missis.lixachewa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

THE USAGE OF MODELLED SPEECH SITUATIONS AS A METHOD OF FOREIGN LANGUAGE ORAL SPEECH INSTRUCTION IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

**L. Meier
E. Dineikina**

Summary: The article gives review on the relevance and methodological foundations of the use of modelled speech situations in foreign language oral speech instruction. The authors analyzed the main types of modelled speech situations. Particular attention is paid to the importance of role play in dialog speech skills development.

Keywords: speech situation, modelled speech situation, speech activity, foreign language oral speech instruction, methods of foreign language teaching.

Мейер Лариса Хамитовна

к.с.н., старший преподаватель, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России
lara_m2013@mail.ru

Динейкина Екатерина Владимировна

преподаватель, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России
dineikina_katia@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются актуальность и методологические основы использования учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. Авторы проанализировали основные типы и виды учебно-речевых ситуаций. Особое внимание в статье уделяется месту ролевых игр в обучении диалогической речи.

Ключевые слова: речевая ситуация, учебно-речевая ситуация, речевая деятельность, обучение устной речи на иностранном языке, методика преподавания иностранного языка.

Говорение – это чрезвычайно многоаспектное и сложное явление в жизни человека, это один из видов человеческой деятельности, в результате которой возникает его продукт – высказывание. Высказывание может быть монологическим и диалогическим. Говорение является продуктивной частью устного вербального общения и тесно связано с другой составляющей устного общения – слушанием.

Подходя к вопросу о развитии у студентов устной речи на иностранном языке, нужно, прежде всего, иметь в виду различие между устной речью и речью разговорной. Стремясь развить у учащихся устную иноязычную речь, некоторые преподаватели тренируют их как в чтении иноязычных текстов вслух, так и в воспроизведении этих текстов по памяти. Но в таком случае студенты обучаются лишь книжной речи, их устная речь не является разговорной. Кроме того, их устная речь (говорение), носит пассивный характер (они читают и воспроизводят то, что создано другими), тогда как для речи характерна продуктивно-творческая активность [1]. Чтение вслух лишь способствует культуре устной речи, непосредственно она развивается лишь путем слушания иноязычной речи и собственного говорения. Точно также и заучивание диалогов и монологов с последующим их воспроизведением лишь способствует развитию разговорной речи, для устного же овладения разговорной речью требуется тренировать учащихся в самостоятель-

ных высказываниях творческого характера в специально подготовленных учебно-речевых ситуациях.

Учебно-речевые ситуации представляют собой безграничное сочетание и комбинирование различных структурных элементов, которые отбираются в зависимости от задач обучения. Поэтому можно выделить различные типы и виды учебно-речевых ситуаций, обладающие специфичной структурой.

Все учебно-речевые ситуации можно поделить на реальные и воображаемые. К числу реальных относятся такие ситуации, которые являются характерными для данной возрастной, социальной или профессиональной группы. Ведущим признаком такой ситуации является «Я – роль». Реальные ситуации невозможно смоделировать, это естественные ситуации, которые каждый день возникают в процессе обучения. Например, знакомство преподавателя с новой группой, с новыми студентами, обсуждение повседневных проблем, прочитанного и услышанного и т.д.

Предпочтение отдаётся воображаемым ситуациям, которые предполагают выход за пределы занятий, личного опыта и возрастной группы. Студентам присваивается определённое имя, род занятий, местонахождение здесь и сейчас. Например:

- Вы в незнакомом городе и не знаете, как вам добраться до... / You are in a foreign city and don't know the way...
- Ваш сосед по общежитию – иностранец, вы хотите больше узнать о нём/ней... / Your neighbor in a campus is a foreign student; you want to know more about him/her...
- Вы работаете в аптеке и помогаете клиенту.... / You are helping a customer in a pharmacy...
- Вы проводите собеседование для потенциального сотрудника... / You are interviewing a potential employee...
- Вы – пациент и хотите узнать больше о побочных действиях лекарства... / You are a patient and you want to know the side-effects of the drug

Искусственно создаваемые на занятии ситуации можно разделить на вероятные и невероятные. Вероятными ситуациями для учащихся являются те, в которых они действуют за пределами занятия. В них могут принимать участие их близкие и родные люди, друзья, в них проигрываются различные обстоятельства. Вероятные ситуации способствуют овладению социальными аспектами общения.

Невероятные ситуации сближают студентов с нестандартными, уникальными в своем роде обстоятельствами. Они ставят участников в непривычные для них условия.

Учебно-речевые ситуации можно моделировать различными способами: с помощью наглядности, словесного описания, инсценирования. К ролевой игре методика преподавания иностранного языка идёт уже давно. В настоящее время идея использования ролевого поведения получила подкрепление со стороны теории, которая получила название «теория ролей», разработанной социологами и социопсихологами [2, 3]. Сторонники данной теории считают, что связь личности с окружающей средой проявляется в том, что личность исполняет несколько социальных ролей: например, в семье – роль родителя, вне семьи – роль учителя, врача и т.д. Эти роли в обществе определяют речевое/неречевое поведение человека. От человека в роли родителя ожидают участия в воспитании детей; от него же в роли врача – заботы о здоровье пациентов и т.д.

Ролевая игра – это речевая, игровая и учебная деятельность одновременно. С точки зрения студентов, ролевая игра – это игровая деятельность, в процессе которой они выступают в определённых ролях. Учебный характер игры ими часто не осознаётся. С позиции преподавателя, ролевую игру можно рассматривать как форму обучения диалогическому общению. Для преподавателя цель игры – формирование и развитие речевых навыков и умений студентов. Ролевая игра управляема,

её учебный характер чётко осознаётся преподавателем.

Игровая ситуация обладает большими возможностями в практическом, образовательном и воспитательном отношениях [4, 5]. Она способствует расширению сферы общения. Это предполагает предварительное усвоение языкового материала в тренировочных упражнениях и развитие соответствующих навыков, которые позволят студентам сосредоточиться на содержательной стороне высказывания. Поэтому ролевой игре следует отводить достойное место на всех этапах работы над темой.

Примеры ролевых игр:

1. План города. Цель: активизация навыков и умений вопросно-ответного взаимодействия с использованием различных форм вопросительных, утвердительных высказываний и техники расспроса, а также всевозможных по содержанию и структуре реплик реакций.

Ход игры: участники игры образуют пары. Каждый из играющих получает вариант плана города, на котором указаны какие-либо достопримечательности. Задавая друг другу вопросы, играющие устанавливают названия улиц, местоположение достопримечательностей. Они должны также описать дорогу к этим местам от заданной исходной точки.

2. Уикэнд. Цель: активизация навыков и умений дискутирования, обсуждения, аргументирования, объяснения, убеждения на иностранном языке.

Ход игры: участники игры разрабатывают маршрут за город и план проведения уикэнда. Каждая группа обсуждает и представляет свой план. Условия, которые должны быть учтены, могут быть различными (определение суммы денег, мест для посещения, выбор транспортных средств, спортивного инвентаря для игр на природе и т.п.).

3. Восстановление рассказа. Цель: формирование связного монологического или диалогического текста и активизация соответствующих навыков и умений.

Ход игры: каждый участник получает карточку с одним предложением из определённого рассказа. Ему не разрешается показывать предложение кому-нибудь или записывать его, он должен запомнить это предложение (на это даются две минуты). Затем преподаватель собирает все карточки и зачитывает каждое предложение. Играющие прослушивают их, а затем каждый из них в соответствии с логической последовательностью по очереди называет своё предложение.

4. Реклама. Цель: практика иноязычного общения в форме дискуссии по заданной теме.

Ход игры: каждая пара играющих получает какое-либо рекламное объявление. Играющие должны обсудить его содержание, выяснить, какие свойства и качества рекламируемого товара являются наиболее привлекательными для покупателя.

5. Один день в Москве (Лондоне, Нью-Йорке). Цель: активизация монологической речи в предлагаемой ситуации и практика порождения связного развёрнутого высказывания, синхронного с речемыслительной деятельностью.

Ход игры: играющим задаётся ситуация: экскурсия по городу. Каждому обучаемому или группе предлагается сначала назвать достопримечательности города, затем выбрать те из них, которые они хотели бы посмотреть в течение одного дня, а также объяснить свой выбор.

Речевые ситуации создаются различными способами:

1. Путем ссылки на реальные жизненные факты, отношения, обстоятельства, события, например, день рождения, прошедшие праздники, выходные и т.д.
2. С помощью зрительной наглядности: картины, фото, предметы, имитация действий самими участниками ситуации, рекламные издания.
3. На основе словесного описания (Представьте себе..., О чем вы думаете, когда слышите, видите...)
4. С помощью слуховой наглядности в виде звукового фона, какого-либо события (например, скрип колес или то, что вы слышите в квартире, за окном и т.д.)
5. С помощью текста, дающего представление о предмете речи.

Создание интересных, эффективных учебно-речевых ситуаций – это творчество, методический поиск преподавателя. При этом эффективнее использовать реальные ситуации общения, когда обсуждаются близкие студентам, волнующие их темы, когда они высказывают свои мысли, делятся впечатлениями. Содержание речи преподавателя вызывает у студентов желание говорить и слушать высказывания товарищей.

Интерактивное обучение на основе мультимедийных программ позволяет более полно реализовать целый комплекс методических, дидактических, педагогических и психологических принципов, делает процесс обучения более интересным и творческим. Используя компьютер, можно организовать на уроке индивидуальную, парную и групповую формы работы.

Важно использовать также аудио и видео приложения в вопросе развития у студентов умений дистанци-

онного аудирования, то есть восприятия и понимания аудиотекстов в условиях опосредованного общения.

Речевые ситуации рассматриваются как модель жизненных ситуаций, в которых студенты определенного возраста много и охотно говорят то, что требует от них соответствующая возрасту программа обучения иностранному языку. В некоторых речевых ситуациях люди общаются почти автоматически. Речевая ситуация должна быть адекватной реальной ситуации общения; предельно ясной для студентов; воспитывать у них внимательное отношение к сотоварищам, чувство коллективизма, инициативности; должна стимулировать мотивацию к изучению иностранных языков; вызывать у студентов интерес к заданию и желание хорошо его выполнить. Предлагая ситуации общения, необходимо учитывать уровень языковой подготовки студентов[6].

Речевые ситуации способствуют также закреплению лексических единиц и грамматических структур. Нельзя забывать и о том, что в общении участвуют не абстрактные субъекты, исполняющие какие-либо роли и осуществляющие совместную деятельность, а живые люди, личности со всеми присущими им свойствами.

На различных этапах урока возможно также применение ситуативных иллюстраций, которые помогают активизировать речевую деятельность студентов. По картинкам можно поговорить, выбирая из накопленного в памяти материала то, что требуется для беседы в данной ситуации. Студенты сами становятся действующими лицами. Каковы рекомендации к такому виду работы? Например, рассмотреть картинку, с тем, чтобы представить себе ситуацию, в которой будет протекать беседа; постараться вспомнить отдельные реплики, которые можно использовать в беседе в данной ситуации. Студент сам определяет структуру диалога для данной конкретной ситуации. Главное условие общения – не бояться ошибок, не бояться плохой оценки.

Практика показывает, что речевые ситуации близкие к реальной жизни помогают повысить эффективность занятия, активизировать речевую деятельность студентов, повысить их интерес к языку. Преподавателю следует уметь пользоваться возможностью варьировать ситуации для разных студентов, в зависимости от их интересов, языкового уровня, будущей специальности. Таким образом, использование речевых ситуаций на занятиях иностранного языка позволяет придать речи студентов характер естественной речевой коммуникации, последовательно усложнить и разнообразить учебно-речевые действия и обеспечить повторяемость усвоенного лексико-грамматического материала, одним словом, активизировать речевую деятельность студентов по всем аспектам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путина О.Н., Балакин С.В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022, № 1, С.6.
2. Mead G.H. Mind, self and society. – Chicago, 1934. – P.135-144.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. – Издательство Э, 2021. – 256 с.
4. Сергеева О.Е. К вопросу об условиях обучения речевому общению на иностранном языке в неязыковых вузах // Гуманитарный вестник, 2015. С.3.
5. Антипова Л.А., Стадильская Н.А. Драматизация как инновационный подход к формированию иноязычной компетенции // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4.С.10.
6. Динейкина Е.В., Кузнецова Н.В. Организация процесса профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в неязыковом вузе в рамках многоуровневого подхода // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020.Т. 5. №5, С.663

© Мейер Лариса Хамитовна (lara_m2013@mail.ru), Динейкина Екатерина Владимировна (dineikina_katia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

METHODS AND MEANS OF PROJECT MANAGEMENT IN THE FIELD OF EDUCATION

T. Novgorodtseva
A. Burdukovskaya
E. Ivanova
N. Pegasova

Summary: One of the important areas of management activity is the project. The article highlights the basic concepts, characterizes the main areas of project management and provides a classification of projects in the field of education. There are three groups of project management methods: non-formalized, formalized and mixed. The expediency of using tools for project management in educational activities is described. To achieve high-quality results, it is advisable to use appropriate methods and means at each stage of its implementation. Typical projects in the field of education are educational, innovative, social and grant projects, a brief description of which is given in the article. Each of the listed projects has specific features, which are presented in the form of requirements. The paper proposes a generalized model for managing projects implemented in the field of education, which will allow, on the one hand, to carry out high-quality project management at its various stages, on the other hand, to increase the overall efficiency of the event. Approbation of the proposed model took place during the implementation of the career guidance project "And I was there!" within the framework of the Science Week of the Department of Physics and Mathematics, Natural Science and Technology Education of the Pedagogical Institute of the Irkutsk State University. Based on the results of the project, a decision was made on the expediency of holding this event annually.

Keywords: project management, decision support methods, tools, generalized model of project management in education.

Новгородцева Татьяна Юрьевна

к.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
nfyz-31@mail.ru

Бурдуковская Анна Валерьевна

к.ф.-м.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
buran_baikal@mail.ru

Иванова Елена Николаевна

к.п.н., ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
iittoi@mail.ru

Пегасова Наталья Арнольдовна

к.п.н., ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
pegasova2003@mail.ru

Аннотация: Одним из важных направлений управленческой деятельности является проект. В статье выделены базовые понятия, дана характеристика основных направлений управления проектом и приведена классификация проектов в сфере образования. Выделены три группы методов управления проектами: неформализованные, формализованные и смешанные. Описана целесообразность применения инструментальных средств для управления проектами в образовательной деятельности. Для качественного достижения результатов целесообразно использовать соответствующие методы и средства на каждом его этапе его реализации. Типовыми проектами в сфере образования являются образовательные, инновационные, социальные и грантовые, краткая характеристика которых приведена в статье. Каждый из перечисленных проектов имеет специфические особенности, которые представлены в виде требований. В работе предлагается обобщенная модель управления проектами, реализуемыми в сфере образования, которая позволит, с одной стороны, осуществлять качественное управление проектом на различных его этапах, с другой стороны, повысить в общем эффективность проведения мероприятия. Апробация предложенной модели прошла при реализации профориентационного проекта «И я там был!» в рамках Недели науки отделения физико-математического, естественнонаучного и технологического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». По результатам проекта принято решение о целесообразности ежегодного проведения данного мероприятия.

Ключевые слова: управление проектами, методы поддержки принятия решений, инструментальные средства, обобщенная модель управления проектами в сфере образования.

Одним из важных аспектов современного мира является проектная деятельность. Залогом успешной реализации проекта является применение эффективных методологий работы. Грамотное построение процесса управления проектом напрямую влияет на стабильность процесса его разработки и реализации. Методы и инструменты управления проектами позволя-

ют более четко определить цели, основные этапы, необходимые ресурсы, сроки выполнения проектов, а также оперативно вносить корректировки.

В работах, посвященных управлению проектами, выделяют следующие базовые понятия: проект, жизненный цикл проекта, управление проектом, проектный менедж-

Таблица 1.

Характеристика основных направлений управления проектом

Направление управления проектом	Характеристика
Качество	Организация мероприятий для обеспечения постоянного контроля, чтобы была гарантирована то, что проект отвечает установленным требованиям
Стоимость	В условиях ограниченности бюджета проекта требуется планирование и контроль таким образом, чтобы фактический расход был пропорционален запланированному
Команда	Создание ролевой модели проекта и условий, чтобы команда работала эффективно
Риски	Процесс регистрации и анализа рисков, разработка и внедрение стратегии реагирования
Коммуникации	Комплекс действий по обеспечению сбора и распределения проектной информации
Время	Так как проект ограничен по времени, важной задачей является оптимизация работ

Таблица 2.

Классификация проектов в сфере образования

Классификационные признаки	Тип проекта	Сущность
1	2	3
По доминирующей в проекте деятельности	Исследовательские проекты	Направлен на научно-исследовательскую деятельность обучающихся. Основное содержание таких проектов: актуальность, цели и задачи, гипотеза, анализ полученных результатов.
	Поисковые проекты	Направлены на поисковую деятельность обучающихся. Результатом работы является найденная информация.
	Творческие проекты	Предполагают свободный подход к реализации. Результатом является продукт литературного или изобразительного искусства.
	Ролевые проекты	Заключаются в том, что между участниками распределяются роли, происходит имитация ситуации, определенной в рамках проекта, усложняющейся вымышленными ситуациями.
	Информационные проекты	Основаны на сборе и дальнейшей обработке информации о каком-то объекте или явлении.
	Практико-ориентированные проекты	Результат таких проектов обозначен с самого начала, способный решать социально-значимые проблемы на практике.
По предметно-содержательной области	Монопроекты	Реализуются в рамках одного учебного предмета или области знания.
	Межпредметные проекты	Затрагивают несколько областей знаний, позволяющих решить поставленную проблему.
По характеру координации	Непосредственные	Руководитель выполняет свои управленческие функции, направляя работу участников реализации проекта.
	Скрытые	Руководитель выступает как участник проекта, который подсказывает или помогает решать поставленные задачи.
По характеру контактов	Внутренние или региональные	Реализация таких проектов происходит внутри страны (внутри одной дисциплины, школы, региона, страны).
	Международные	Реализация проектов на территории разных стран.
По количеству участников проекта	Личностные	Разработчик проекта является единственным его участником.
	Групповые	Два и более участников.
	Краткосрочные	Реализуются в рамках 4-6 уроков. Особенность таких проектов в том, что координация осуществляется на уроке, а основная работа предполагает внеклассную деятельность.
	Долгосрочные	Реализуются в течении месяца или нескольких месяцев.

жмент [3,4,6].

Как правило, управление проектом осуществляется в различных направлениях, а именно управление качеством, стоимостью, командой, коммуникациями и временем.(табл. 1).

Вопросам классификации проектов посвящены работы [1, 2]. Анализ работ позволил выделить группы признаков классификации проектов, реализуемых сфере образования (табл.2).

Методы управления позволяют эффективно решать и контролировать весь процесс реализации проекта, являются составной частью методов принятия управленческих решений. Существуют различные классификации методов [5, 7]. В статье применена следующая классификация: неформализованные, формализованные и смешанные методы управления проектами.

С целью эффективной организации процесса управления проектом целесообразно применение инструментальных средств:

- специализированное программное обеспечение по управлению проектами – используется для создания графиков реализации проектов, отслеживания хода и реализации работ, управления материально-техническими и человеческими ресурсами, своевременное внесение изменений, прогноз технико-экономических показателей; заблаговременное выявление проблем, связанных с реализацией проекта; документирование хода, прогнозов и результатов работ;
- общее программное обеспечение – обработка текстовой, числовой, графической информации;
- социальные сети; мессенджеры; платформы дистанционного взаимодействия – онлайн-платформы для обеспечения дистанционной коммуникации между людьми, организация коммуникации участников в режиме реального времени, видеоконференции;
- web-сервисы – создание форм обратной связи, групповая работа в режиме онлайн.

В образовательной сфере реализуются чаще всего четыре вида проектов: образовательные, инновацион-

Таблица 3.

Характеристика типов образовательных проектов

Тип проекта	Характеристика
Исследовательские	Направлен на научно-исследовательскую деятельность обучающихся. Основное содержание таких проектов: актуальность, цели и задачи, гипотеза, анализ полученных результатов
Информационные	Основаны на сборе и дальнейшей обработки информации о каком-то объекте или явлении
Творческие	Предполагают свободный подход к реализации. Результатом является продукт литературного или изобразительного искусства
Игровые	Организационная структура такого проекта определена с самого начала, заранее распределяются роли и взаимоотношения участников реализации
Практические	Результат таких проектов обозначен с самого начала, способный решать социально-значимые проблемы на практике

Таблица 4.

Характеристики социальных проектов в системе образования

Характеристика	Пояснение
Инновационность	Разработка и реализация проекта направлена на создание новых объектов и преобразования реальности
Технологичность	Разработка проектов основывается на существующих социально-культурных практик и имеет четко определенную последовательность действий
Универсальность	Проектные разработки входят в основу всех видов деятельности
Комбинаторность	Наличие различных вариантов решения проблемы комбинированием способов проектирования

Таблица 5.

Типы грантов

Тип гранта	Сущность
Гранты для общей поддержки	Благотворительная помощь, оказываемая для поддержки основной деятельности
Капитальные гранты	Благотворительная помощь направленная на капитальные затраты
Частичные гранты	Благотворительная помощь с привлечение дополнительного финансирования

ные, социальные и грантовые.

Образовательные проекты должны отвечать требованиям: решение конкретной социально-значимой проблемы; детальная проработка проекта; исследовательская деятельность обучающихся; получение продукта, соответствующего поставленной цели.

Инновационные проекты предполагают внедрение новых или улучшение уже имеющихся разработок. Инновационная деятельность в системе образования основывается на следующих принципах: непрерывности образования; опережающего развития; проектирования инновационного развития образования; открытости образования и общественного участия; стратегического инвестирования.

Основные требования, предъявляемые к инновационным проектам: направленность на решение актуальных проблем современного образования; реалистичность и практическая значимость проектных действий; наличие четких и конкретных критериев оценки образовательной и социальной эффективности проекта.

Социальные проекты предполагают практическую деятельность, направленную на решение социально-значимых потребностей, положительное развитие социальной ситуации. В таблице 4 приведены характеристики социальных проектов.

Требования, предъявляемые к социальным проектам: участники реализации проекта должны иметь реальный опыт в исследуемой сфере; проект должен решать социально значимые проблемы общества; реалистичность бюджета проекта; конкретность и достижимость предполагаемых результатов; жизнеспособность; финансовое обоснование.

Грантовые (соревновательные) проекты направлены на привлечение финансирования, направленного на благотворительность.

В таблице 5 приведены основные типы грантов.

Требования, предъявляемые грантовым проектам: актуальность и социальная значимость; мероприятия, проводимые в рамках реализации проекта, должны соответствовать его целям, задачам и планируемым результатам; проект должен быть уникальным и направлен на инновации; запланированные расходы должны соответствовать ожидаемым результатам; реалистичность и адекватность бюджета проекта, обоснование планируемых расходов; обоснованность перспектив развития.

Формальная модель управления проектом в образовательной сфере имеет вид:

$$M = \{S_i; R_{ij}; T_{ik}\}$$

где S_i – этап проекта $i = \overline{1;4}$; S_1 – инициация, S_2 – планирование, S_3 – реализация, S_4 – завершение;

R_{ij} – j -ое инструментальное средство, используемое, $j = \overline{1;m}$, m – общее количество инструментальных средств;

T_{ik} – k -ый методы управления проектом, применяемый на i -ом этапе, где $k = \overline{1;n}$, n – общее количество методов.

На основании формальной модели управления проектом построена графическая модель в образовательной сфере (рис. 1).

Предложенная в статье модель использована при разработке и реализации профориентационного проекта «И я там был!». Основные цели и задачи проекта: ознакомить студентов с возможностью продолжения образования по программе магистратура на отделении физико-математического, естественнонаучного и технологического образования (ФМЕНИТО) Педагогического института Иркутского Государственного Университета; получение ответов на актуальные вопросы, возникающие при принятии решения о поступлении в магистратуру.

В процессе реализации проекта выполнено: разработка социологической анкеты и проведение анкетирования среди студентов бакалавриата с целью изучения значимости предложенного мероприятия; разработка сценария проведения мероприятия; разработка викторины «Самый умный»; формирование состава участников, включая студентов бакалавриата отделения ФМЕНИТО, руководителей направлений подготовки по магистерским программам отделения ФМЕНИТО, выпускников магистратуры.

При реализации проекта использована предложенная обобщенная модель управления проектом в сфере (табл. 6).

Результаты социологического анкетирования (рис. 2) показали, что 53,6% респондентов планируют поступать в магистратуру, 42,9% не определились с выбором вуза, 85,7% частично или не владеют информацией о программах подготовки в магистратуре.

Регистрация участников проводилась дистанционно с использованием «Анкеты-заявки участника» (рис. 3).

Информационное письмо, положение о мероприятии и анкета-заявка участника размещены на образовательном портале Иркутского государственного университета (рис. 4).

Викторина «Самый умный» разработана с использо-

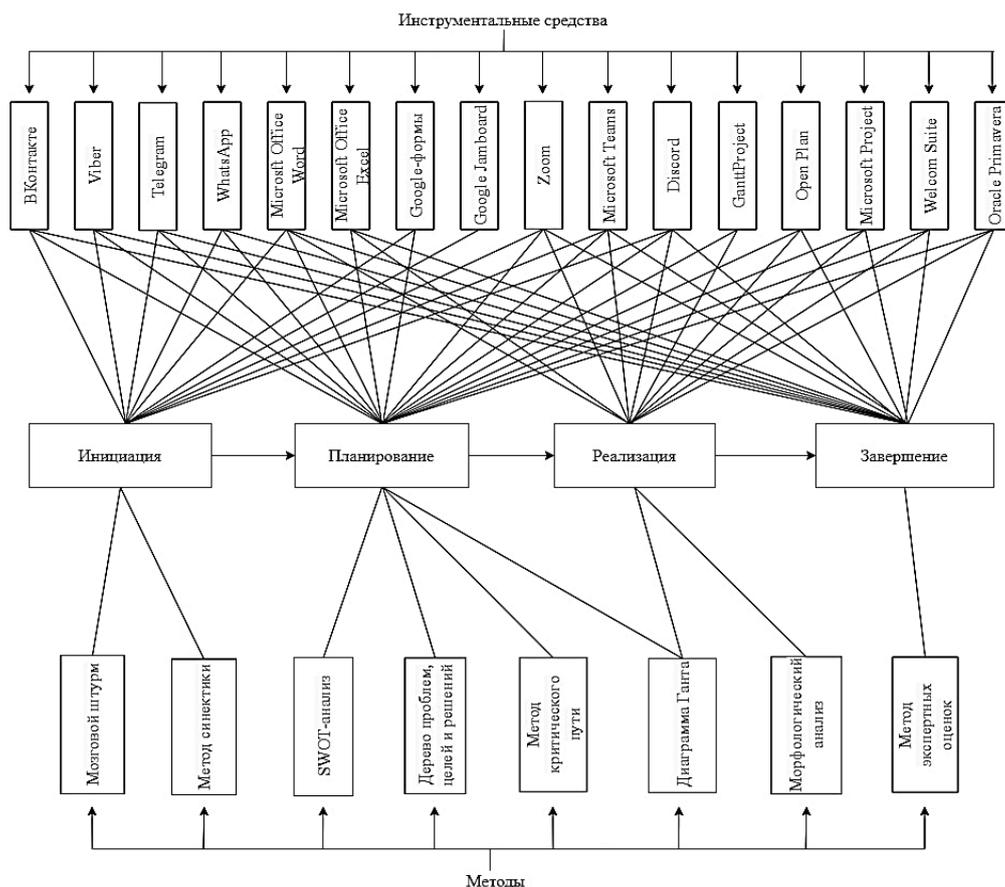

Рис. 1. Обобщенная модель управления проектом сфере образования

Таблица 6.

Реализация проекта

Этап проекта	Методы	Инструментарные средства	Результат
Инициация	Метод мозгового штурма Метод ассоциаций	VKontakte Google Chrome Microsoft Office Word	Идея проекта Положение проекта
Планирование	Диаграмма Ганта	VKontakte GanttProject Google Forms educa.isu.ru Quizizz Google Chrome Microsoft Office Word	Паспорт и карта проекта Календарный план Социологическая анкета Сценарий Разработка викторины «Самый умный» Информационное письмо
Реализация	Диаграмма Ганта	Zoom Google Chrome Quizizz VKontakte educa.isu.ru Google Forms Microsoft Office Word	Регистрация участника Проведение мероприятия Викторина «Самый умный»
Завершение	Метод экспертных оценок	Zoom Quizizz VKontakte Google Forms Microsoft Office Word	Рефлексия реализации проекта Награждение участников проекта и победителей викторины

Социологический опрос "Профессиональное самоопределение студентов"

Описание

Планируете ли Вы поступать в магистратуру? *

Да

Нет

Не знаю

Планируете ли Вы продолжить образование в вузе, в котором сейчас обучаетесь? *

Да

Нет

Не знаю

Рис. 2. Социологический опрос

Анкета-заявка участника

Описание

ФИО *

Развернутый ответ

Курс *

Краткий ответ

Номер группы *

Краткий ответ

Какой вопрос Вы бы хотели задать выпускникам магистратуры?

Рис. 3. Анкета-заявка участника мероприятия «И я там был!»

портал ИГУ

Время на сервере: 22:44:28 Русский (ru)

on-line встреча студентов бакалавров с выпускниками магистерских программ ФМЕНИТО

Личный кабинет / Мои курсы / Педагогический институт / Отделение ФМЕНИТО / Кафедра информатики и методики обучения информатике / on-line встреча студентов бакалавров с выпускниками магистерских программ отделения ФМЕНИТО

Объявления

Информационное письмо

Рис. 4. On-line встреча студентов бакалавров с выпускниками магистерских программ ФМЕНИТО

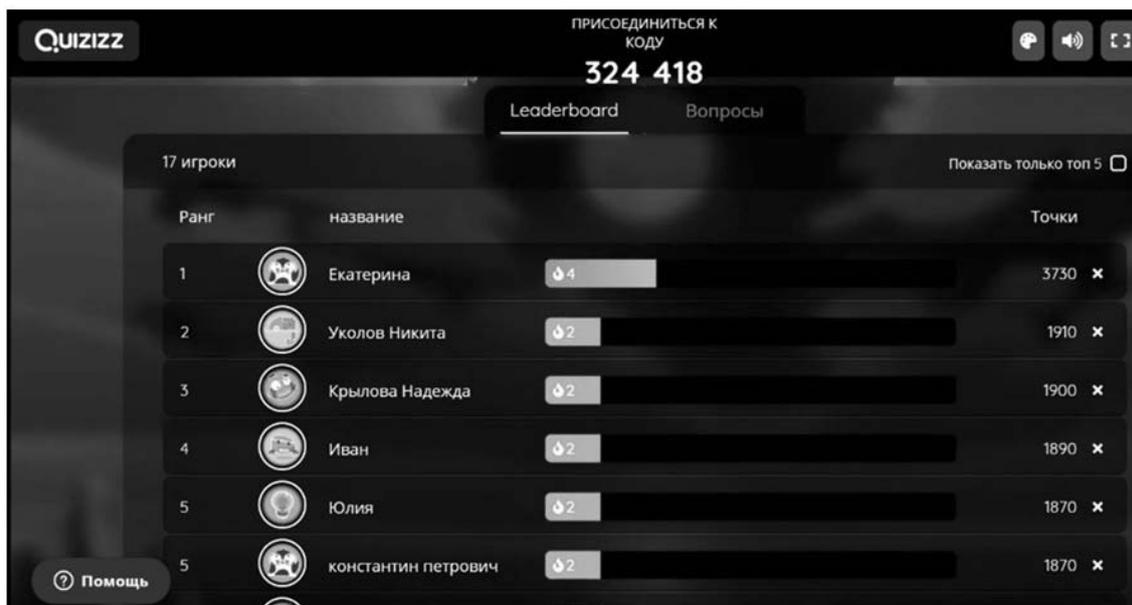

Рис. 5. Фрагмент проведения викторины «Самый умный»

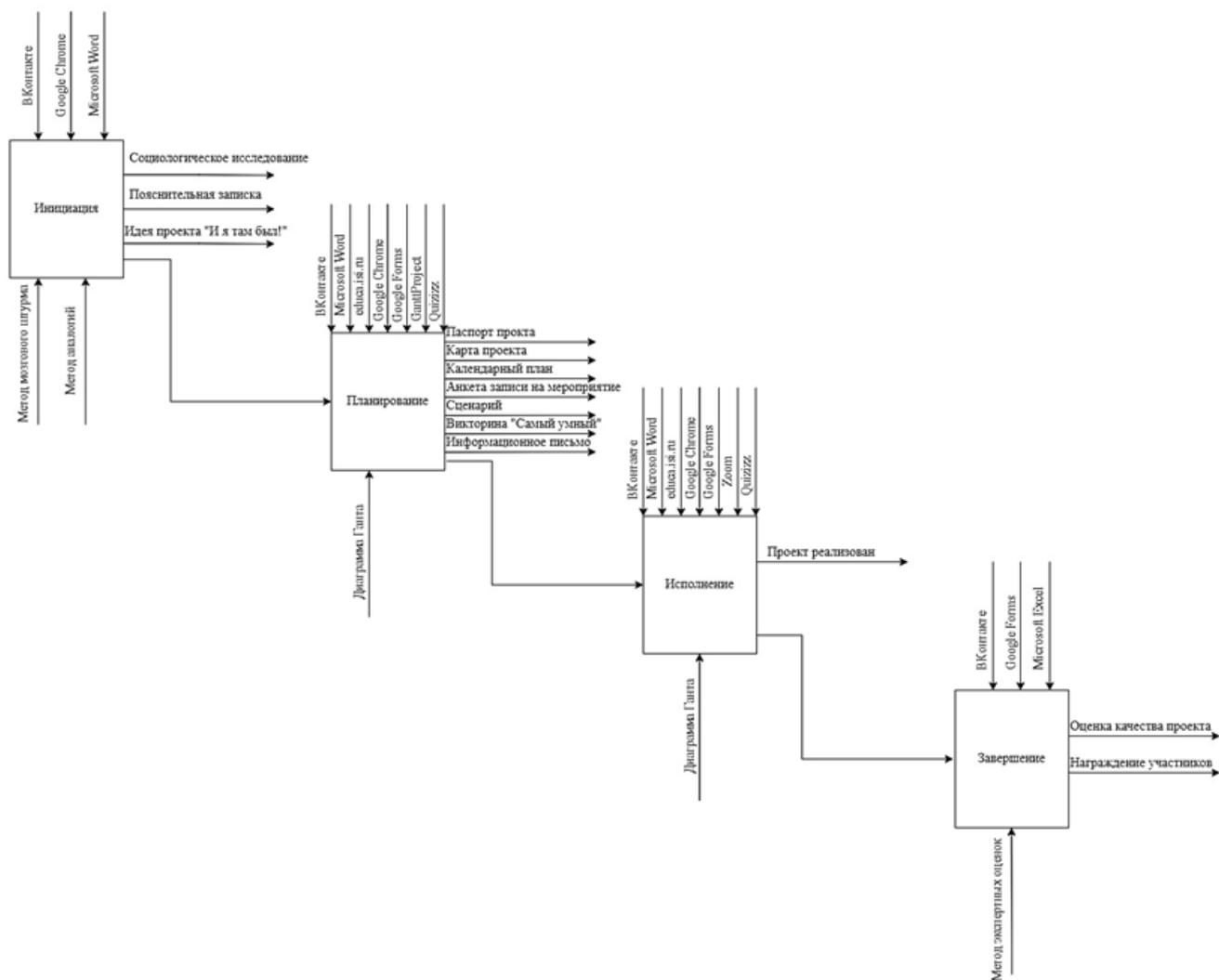

Рис. 6. Функциональная схема процесса реализации проекта «И я там был!»

Анкетирование по оценке качества проведенного мероприятия "И я там был!"

По 5-ти бальной шкале оцените показатели, что представлены ниже (1 – «очень плохо», 2 – «плохо», 3 – «удовлетворительно», 4 – «хорошо», 5 – «отлично»).

На сколько Вы остались удовлетворены проведенным мероприятием? *

1 2 3 4 5

Оцените мероприятие в целом? *

1 2 3 4 5

На сколько полученный результат соответствовал Вашим ожиданиям? *

Рис. 7. Анкета оценки качества проекта «И я там был!»

ванием веб-ресурса Quizizz и проходила в режиме реального времени, тематика вопросов – история педагогики (рис. 5).

Реализация проекта осуществлялась в дистанционном формате с помощью программы для онлайн конференций Zoom. В целом процесс реализации проекта представлен в виде функциональной схемы (рис.6).

Оценка качества реализованного мероприятия оце-

нивалась с использованием опроса респондентов (рис. 7).

Обобщенная модель управления проектом в образовательной сфере позволила обосновано применить методы поддержки принятия решений, программное обеспечение и таким образом существенно повысить эффективность разработки и реализации проекта. Администрацией отделения ФМЕНИТО рекомендовано ежегодное проведение данного мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов В.В., Электронный учебник по дисциплине: «Менеджмент» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?dir=1&tutindex=3&index=65&layer=1 – Загл. С экрана (Дата обращения: 21.04.2022).
2. Боронина Л.Н. Основы управления проектами : учебное пособие / Л.Н. Боронина, З.В. Сенук ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. — 112 с. — ISBN 978-5-7996-1416-4.
3. Мазур И.И. Управление проектами / И.И. Мазур, В.Д. Шапиро и Н.Г. Ольдерогге – М.: Омега-Л, 2005. – 664 с.
4. Мартин П., Тейт К. Управление проектами: пер. с англ. / П. Мартин, К. Тейт – СПб.: Питер, 2006. – 224 с.
5. Методы принятия управленческих решений [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Г.А. Демин; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 1,58 Мб; 88 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/demin-metody-prinyatiya-upravlencheskikh-reshenij.pdf>. – Загл. с экрана. (дата обращения: 22.04.2022).
6. Попов Ю.И., Яковенко О.В. Управление проектами / Ю.И. Попов, О.В. Яковенко – М.: ИНФРА-М, 2011. – 208 с.
7. Учебное пособие по курсу «Методы принятия управленческих решений»: / Сост.: Д.А. Воробьева, И.Н. Меркулова, И.С. Новиков // ФГОБУ ВО «Саратовский ГАУ». – Саратов, 2017. – 103 с.

© Новгородцева Татьяна Юрьевна (nfyz-31@mail.ru), Бурдуковская Анна Валерьевна (buran_baikal@mail.ru), Иванова Елена Николаевна (iimoi@mail.ru), Пегасова Наталья Арнольдовна (pegasova2003@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: РЕСУРСЫ, СРЕДСТВА, СЕРВИСЫ

THE POTENTIAL OF MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES: RESOURCES, TOOLS, SERVICES

T. Pankova
A. Chukhina
I. Bagaev
E. Borisov
D. Snegirev

Summary: Universities all over the world are increasingly embracing cloud technology. Qualitative characteristics, features and benefits, including the provision and support of access to a wider network of software resources, pay-as-you-go; self-service capability; operational agility, mobility of essential services and supporting services, introduction of flexible management techniques and centralization of resources. However, the risks that entail not using modern technologies range from security problems to a lack of support from the providers of these cloud services. The aim of the paper is to analyse the potential of modern educational technologies, to consider the advantages and disadvantages of integrating existing digital learning tools and teaching resources into a holistic development system, to review them and to assess the difficulties encountered. The results of the analysis highlight that security, privacy and reliability are key determinants of the reluctance to use modern educational technologies.

Keywords: higher education, digital literacy, digital technologies, modern educational technologies, educational environment, professional skills.

Панкова Татьяна Николаевна

К.филол.н., доцент, Воронежский государственный университет
pankova@rgph.vsu.ru

Чухина Анастасия Александровна

К.и.н., доцент, Северный государственный медицинский университет (Архангельск)
chuhina.anastasia@yandex.ru

Багаев Ибрагим Зазаевич

Северо-Осетинский государственный университет (Владикавказ); Главный специалист-эксперт, Министерство образования и науки РСО-Алания (Владикавказ)
ibragim.bagaev@gmail.com

Борисов Егор Александрович

Старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск)
egor_aleksandrovich93@mail.ru

Снегирев Дмитрий Владимирович

Старший преподаватель, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева
antiminc@mail.ru

Аннотация: Университеты всех стран мира всё активнее предпочитают облачные технологии. Качественные характеристики, свойства, особенности и преимущества, включающие предоставление и поддержку доступа к более широкой сети ресурсов программного обеспечения, оплату по результатам работы; возможность работы в режиме самостоятельного автономного обслуживания; оперативность функционирования, мобильность основных служб и поддерживающих сервисов, внедрение гибких техник управления и централизация ресурсов. Вместе с тем, риски, приводящие к отказу от использования современных технологий, варьируются от проблем безопасности до отсутствия поддержки со стороны поставщиков этих облачных сервисов. Цель работы – проанализировать потенциал современных образовательных технологий, рассмотреть преимущества и недостатки интегрирования существующих цифровых инструментов обучения и ресурсов преподавательской деятельности в целостную систему развития, сделать их обзор и провести оценку возникающих трудностей. Результаты анализа показывают, что безопасность, конфиденциальность и степень надежности являются ключевыми факторами, определяющими нежелание использовать современные образовательные технологии.

Ключевые слова: высшее образование, цифровая грамотность, цифровые технологии, современные образовательные технологии, образовательная среда, профессиональные навыки.

Введение

Высшие учебные заведения, наряду с остальными, всё ещё прилагают усилия для того, чтобы в полной мере осознать, что такое цифровизация, и пыта-

ются найти оптимальные способы максимизации преимуществ, таких как: повышение уровня вовлеченности обучающихся, соединение традиционной аудитории с виртуальным пространством и улучшение процесса обучения студентов [13, с. 3500]. Недавний глобальный

кризис, и, в частности, текущая ситуация с пандемией, потребовал серьезной реформы высшего образования [19, с. 215]. Во многих образовательных учреждениях уже произошел определенный сдвиг, хотя он был осуществлен достаточно оперативно и в настоящее время рассматривается вопрос о доработке процессов, оценке и внесении соответствующих улучшений [3, 4, 6, 7, 8, 9].

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной деятельности в современном образовании, и использование таких технологий, например, инструменты компьютерно-опосредованного общения (*computer-mediated communication tools/CMC*), предметно-ориентированные средства обучения, смартфоны, игровые планшеты, электронные предметные учебные пособия, интерактивные доски, стационарные/мобильные видеоконференции, мобильные приложения/компьютерное программное обеспечение теперь даже предполагаются в рамках официальной образовательной среды [18].

Помимо этого, среди других цифровых образовательных инструментов, системы управления обучением (LMS), такие как *Moodle* и *Blackboard*, хотя они уже используются, недавно приобрели популярность в качестве основных инструментов в области образования. LMS помогают создавать, внедрять и поддерживать полностью цифровые формы образования, а также предоставляют значимый опыт электронного обучения для пользователей таких систем [20, с. 253]. Системы управления обучением (LMS) предоставляют множество преимуществ и возможностей для преподавателей, облегчая отслеживание прогресса и успеваемости обучающихся, и студентов, интегрируя социальный опыт обучения в стратегию обучения [1]. Эффективное и действенное использование таких технологий зависит от предварительных навыков, таких как цифровая грамотность и информационная грамотность [21, с. 31].

Кроме того, другие авторы утверждают, что системы управления обучением (LMS) не только предоставляют контент обучающимся и позволяют: 1) распространять знания, 2) оценивать компетентность обучающихся, 3) документировать достижения обучающихся, но также способствуют своевременной и продуманной коммуникации между обучающимися и преподавателями и обеспечивают поддержку социальных онлайн-сообществ. В целом, мы полагаем, что в контексте высшего образования развитие набора компетенций, позволяющих эффективно и результативно использовать цифровые технологии, является критически важным условием для успеха студентов и развития навыка обучения на протяжении всей жизни [12, 15].

Роль учебной среды увеличилась благодаря современным цифровым технологиям и онлайн-ресурсам [5,

с. 79], поскольку они существенно изменили способы обучения студентов и методы преподавания педагогов. Процесс обучения может быть более эффективным, если в образовательной среде максимально учитываются потребности обучающихся и особенности стилей обучения [2, с. 34]. Поэтому учебная среда должна быть достаточно гибкой, вариативной, адаптированной и достаточно универсальной, а мультимедийные технологии должны быть тщательно подобраны для эффективного обучения.

Мультимедийное обучение можно описать как одно-временное представление вербальной и графической информации. Исследователи провели множество разнообразных научных наблюдений, чтобы изучить влияние мультимедиа на многие аспекты обучения [17, с. 100280]. В настоящее время принципы мультимедиа были распространены на различные учебные среды, такие как: 1) компьютеризированные учебные среды, 2) веб-среды обучения [8, с. 100], 3) виртуальные учебные среды, 4) дополненные учебные среды, 5) аугментированные среды обучения (расширенные, усиленные) [16, с. 240].

В дополнение к эмпирическим исследованиям, проверяющим и обосновывающим принципы мультимедийного обучения в различных учебных средах, многие обзорные и мета-аналитические работы также представляют собой ценный материал для определения текущего состояния этой области, фокусируясь на самой разнообразной тематике. Например, недавние аналитические обзорные исследования в основном были посвящены вопросам развития оперативной памяти, когнитивной нагрузке, отслеживанию движений глаз, а также тенденциям анализируемой сферы [17, с. 100279].

Интеграцию технологий в процесс обучения часто называют технологически ориентированным обучением (*technology-enhanced learning*). В специальной литературе концепция обучения с использованием технологий называется по-разному: компьютеризированное обучение, обучение на основе веб-технологий, мобильное обучение, обучение на основе дополненной реальности, обучение на основе виртуальной реальности [11, 14]. Многие современные технологии, включая мобильные устройства, Web 2.0, AR и VR, все чаще используются в учебном процессе, чтобы улучшить процесс обучения за счет использования их уникальных возможностей. Например, AR и VR используются в 96% университетов Великобритании и 79% колледжей Великобритании для обеспечения качественного практического обучения студентов [14].

AR используется для обогащения реального мира виртуальными объектами путем представления дополнительной информации без снижения достоверности физического мира. AR может помочь студентам легче понять различные сложные предметы, такие как хими-

ческие реакции, которые трудно наблюдать в реальном мире. Кроме того, AR позволяет обучающимся устанавливать связь между реальной жизнью, отображая и управляя виртуальными элементами поверх физических объектов.

В то же время VR описывается как искусственная среда, созданная с помощью программного обеспечения, чтобы предоставить пользователям возможность думать в совершенно иной ситуации. VR как среда обучения обеспечивает виртуальное пространство для достижения результатов обучения, стимулируя обучающихся к поиску возможностей в безопасной и контролируемой среде. Кроме того, VR может обеспечить безопасный образовательный опыт, устраняя из учебного процесса опасные материалы или любые возможные ошибки, которые могут причинить вред студентам. Учитывая такие особенности, учебные среды VR более полезны для обучения по сравнению с традиционными образовательными средами, включая стационарные компьютеры и демонстрацию слайдов [17].

Когнитивная теория мультимедийного обучения (Cognitive Theory of Multimedia Learning/CTML) объясняет процесс, происходящий в сознании обучающихся во время осмысленного восприятия мультимедийной информации. Она построена на трех предположениях: 1) двухканальность, 2) ограниченная мощность и 3) активная переработка информации. Согласно двухканальному принципу, существует два различных канала для работы с информацией: визуальный/графический и слуховой/вербальный. Визуальный/графический канал проходит через глаза, включая информацию, отображаемую на экране, в то время как слуховой/вербальный канал проходит через слуховые каналы [10, с. 20].

Предположение об ограниченной емкости подразумевает, что каждый канал имеет ограниченную способность обрабатывать информацию, аналогично теории когнитивной загруженности и оперативной памяти. Некоторые исследователи утверждают, что большинство людей могут хранить до семи единиц информации в своей рабочей памяти в определенный момент времени [10, с. 22]. Люди с активными метакогнитивными стратегиями могут увеличить диапазон управления своими ограниченными когнитивными ресурсами. Третий способ – активная обработка информации, когда человек активно включается в процесс обучения. Этот процесс состоит из трех этапов. Он начинается с выбора нескольких отдельных фраз и изображений. Затем выбранные данные организуются в мысленные интерпретации и интегрируются с существующей информацией из долговременной памяти. Поскольку объем рабочей памяти ограничен, исходя из вышеупомянутого предположения, обучение затрудняется, когда этот предел превышен. Чтобы избежать перегрузки памяти и снизить когнитивную нагрузку,

учебные планы должны быть разработаны с учетом когнитивных процессов человека. Известно двенадцать принципов мультимедийного обучения, разделённых на три типа обработки тестов обучающимися: внешняя обработка, базовая обработка и генерирующая обработка. Эти типы обработки аналогичны внутренней, внешней и генеративной когнитивной нагрузке.

Существует пять основных принципов снижения избыточной когнитивной нагрузки: 1) когерентности, 2) сигнализации, 3) избыточности, 4) пространственной непрерывности, 5) временной смежности.

Согласно принципу когерентности, наилучшее усвоение мультимедийного материала происходит в том случае, если избегать интересного, но неактуального содержания, поскольку оно не способствует процессу обучения. Он может помешать обучающимся построить *ментальные модели* для восприятия информации. *Принцип сигнального обучения* предполагает, что обучение протекает лучше, когда в обучающий материал добавляются звуковые элементы, знаки, дополнительные гиперссылки, поясняющие подсказки. Выделения, подсветка, подчёркивание, стрелки и другие индикаторы могут привлечь интерес обучающихся. *Принцип избыточности* предполагает, что люди лучше усваивают знания на основе анимации с закадровым комментарием, чем анимации с закадровым и экранным текстом, поскольку их внимание отвлекается при демонстрации информации с закадровым, анимационным и экранным текстом. *Принцип пространственной непрерывности* касается фактического пространства между представленными словами и изображениями. Он предполагает, что для лучшего усвоения материала они должны находиться физически близко друг к другу. В противном случае обучающийся пытается найти связанный текст и изображения, чтобы установить связь, что вызывает когнитивную нагрузку. *Принцип временной смежности* предполагает одновременное, а не последовательное представление соответствующего повествования и анимации.

Следующие три принципа управления внутренней когнитивной нагрузкой – это *принципы сегментирования, предварительной подготовки и модальности*. Принцип сегментирования предполагает, что обучающиеся могут усваивать материал более эффективно, пока он поступает меньшими порциями. Принцип также утверждает, что, если обучающийся контролирует свою скорость мультимедийного обучения, он будет учиться лучше. Этот принцип также называют «*пользовательским темпом*». Если мультимедийное обучение идет в системном темпе, это может привести к тому, что обучающемуся будет сложнее понять материал полностью и увидеть причинно-следственную связь между одним шагом и следующим. Согласно *принципу предварительного обучения*, обучение может быть улучшено, если

ключевые понятия и основные характеристики будут даны до начала обучения. Обучающимся может потребоваться время для мысленного построения причинно-следственной модели в мультимедийном обучении, особенно если содержание является довольно сложным. Предварительное обучение помогает справиться с такими требованиями к основной обработке, предоставляя ключевые элементы и характеристики. *Принцип модальности* предполагает, что люди лучше усваивают информацию, когда она подается в виде повествования, а не в виде текста на экране, потому что при подаче информации в виде повествования используются два канала.

Остальные четыре принципа помогают обучающимся минимизировать когнитивную нагрузку, а именно: принципы мультимедиа, персонализации, озвучивания и визуализации. Исходя из принципа мультимедийности, люди усваивают информацию более глубоко, когда подвергаются воздействию как слов, так и изображений, чем просто слов, потому что они соединяют их мысленно. Слова могут быть либо напечатаны, либо произнесены, но не одновременно. Принцип персонализации указывает на то, что разговорный стиль способствует более эффективному обучению, чем формальный.

Следовательно, разработчики учебных материалов должны избегать использования академического языка на начальных этапах обучения, насколько это возможно. Принцип голосового сопровождения предполагает, что обучающиеся лучше усваивают материал, когда он произносится человеческим, а не машинным голосом. Последний, но не менее важный принцип встраивания изображения заключается в том, что добавление изображений лекторов при представлении учебного материала не означает, что результаты обучения улучшатся. Лучше использовать соответствующие анимации и визуальные эффекты вместо того, чтобы показывать «говоря-

щую голову» преподавателя.

Как известно, использование образовательных технологий на занятиях и совершенствование педагогических навыков, развитие цифровой компетентности – все это влияет на общую интеграцию образовательных технологий в образование. Поэтому важно не только изучить влияние навыков цифровой и информационной грамотности на образование, но и одновременно уделить внимание изучению интенции пользователей к освоению цифровых технологий и их преимуществ: оплату по результатам работы (*pay-as-you-go services*); возможность работы в режиме самостоятельного автономного обслуживания (*self-services*); оперативность функционирования, мобильность служб/сервисов, внедрение гибких техник управления и централизация ресурсов: удобная для оперативного внесения изменений (*agile services*).

Полученные результаты показывают сложную взаимосвязь между навыками грамотности и цифровыми технологиями среди сотрудников и студентов университетов. Как следует из приведённых в исследовании данных, *информационная грамотность* оказывает прямое и значительное влияние на намерение использовать цифровые технологии; в то время как, в отличие от наших ожиданий, *цифровая грамотность* не воздействует напрямую на намерение использовать цифровые технологии. Однако это воздействие опосредовано через потенциал ожидаемых результатов и потенциал ожидаемых усилий. Авторы предполагают, что для понимания изменений, происходящих в среде высшего образования, необходимо уделять больше внимания переосмыслению принципов и стратегий, чтобы стимулировать мотивацию каждого человека к использованию цифровых технологий в среде высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбилек, Е.А. Особенности подготовки материалов для дистанционного курса / Е.А. Акбилек, Н.В. Бхатти, О.А. Горбачева // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2020. – № 3. – С. 41. – EDN PEUFMQ.
2. Актуализация профессиональной мобильности современных специалистов через компетентностную модель выпускника / Н.С. Варфоломеева, Т.Н. Панкова, А.В. Варушкина, И.З. Багаев // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2022. – № 1. – С. 29-35. – DOI 10.18137/RNU.V925X.22.01.P029. – EDN QVGYFW.
3. Каведуке, Н.Д. Организация активного отдыха студентов вуза физической культуры с помощью занятий компьютерным спортом / Н.Д. Каведуке, А.А. Макаров, Е.А. Космина // Физическая культура студентов: сборник материалов 70-й Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, 09 июня 2021 года. – Санкт-Петербург: Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, 2021. – С. 31-35. – EDN ZDPKDC.
4. Кузаева, М.Р. Информационные технологии, надежность и защита данных в системах автоматизации / М.Р. Кузаева, А.Л. Золкин, М.С. Чистяков // Организационно-экономические и инновационно-технологические проблемы модернизации экономики России: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 28–29 июня 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 100-108. – EDN WFTTQH.

5. Онлайн обучение английскому языку: изменения в парадигме системы образования / Т.Н. Панкова, З.Р. Абдуллаева, А.Р. Еферова, Т.С. Куприянова, С.Л. Григорьев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 4. – С. 75-79. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.04.29
6. Оценка психоэмоционального статуса и анализ уровня тревожности у студентов первого курса медицинского университета / А.С. Утюж, В.А. Загорский, А.В. Юмашев [и др.] // Роль науки в развитии общества: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х частях, Пенза, 18 марта 2016 года. – Пенза: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2016. – С. 148-157. – EDN VOPUSV.
7. Роль психогенных коннотаций в формировании эмоционального статуса студентов стоматологического факультета и пути его коррекции / А.В. Юмашев, А.С. Утюж, О.И. Адмакин [и др.] // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. – № 2(19). – С. 207-210. – EDN YYYUVV.
8. Barnett R. University challenge: Realising utopias in the twenty-first century //Transformation of the University. – Routledge, 2022. – P. 111-124.
9. Bockshecker A., Ebner K., Smolnik S. Technology-Enhanced Learning Environments and Adaptive Learning Systems—Development of Functionality Taxonomies. – 2022.
10. Çeken B., Taşkın N. Multimedia learning principles in different learning environments: a systematic review //Smart Learning Environments. – 2022. – Т. 9. – №. 1. – С. 1-22.
11. Chen C.Y., Yang Y.H. Investigation of the effectiveness of common representational formats in online learner-paced software training materials //Innovations in Education and Teaching International. – 2020. – Т. 57. – №. 1. – С. 97-108.
12. Enbeyle W., Ogunmola G.A., Amin R. COVID-19: A Catalyst for Technology-Enhanced Learning (TEL)—An Empirical Validation of the Efficacy of Learn from Home in Higher Education Students //International Journal of Virtual and Personal Learning Environments (IJVPLE). – 2022. – Т. 12. – №. 1. – С. 1-15.
13. Gupta R., Seetharaman A., Maddulety K. Critical success factors influencing the adoption of digitalisation for teaching and learning by business schools //Education and Information Technologies. – 2020. – Т. 25. – №. 5. – С. 3481-3502.
14. Hamilton D. et al. Immersive virtual reality as a pedagogical tool in education: a systematic literature review of quantitative learning outcomes and experimental design //Journal of Computers in Education. – 2021. – Т. 8. – №. 1. – С. 1-32.
15. Individual learning path for future specialists' development / E.A. Levanova, I.F. Berezhnaya, E.V. Krivotulova [et al.] // TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics. – 2019. – Vol. 8. – No 4. – P. 1384-1391. – DOI 10.18421/TEM84-40. – EDN TVJOWQ.
16. Lai A.F., Chen C.H., Lee G.Y. An augmented reality-based learning approach to enhancing students' science reading performances from the perspective of the cognitive load theory //British Journal of Educational Technology. – 2019. – Т. 50. – №. 1. – С. 232-247.
17. Li J., Antonenko P.D., Wang J. Trends and issues in multimedia learning research in 1996–2016: A bibliometric analysis //Educational Research Review. – 2019. – Т. 28. – С. 100282.
18. Nurmatovich D.S. et al. The Role of Modern Technologies in the Learning Process //Journal of Ethics and Diversity in International Communication. – 2022. – Т. 1. – №. 8. – С. 6-9.
19. Skulmowski A., Rey G.D. COVID-19 as an accelerator for digitalization at a German university: Establishing hybrid campuses in times of crisis //Human Behavior and Emerging Technologies. – 2020. – Т. 2. – №. 3. – С. 212-216.
20. SWOT Analysis Method Application in Assessing the Effectiveness of Moodle Platform / N.L. Kharchenko, A.Z. Izmailov, N.S. Lutsenko [et al.] // ACM International Conference Proceeding Series : 13, Virtual, Online, 14–17 января 2022 года. – Virtual, Online, 2022. – P. 253-257. – DOI 10.1145/3514262.3514292. – EDN BFWTTT.
21. Swot analysis of moodle platform application in the assessment of foreign language knowledge / S. Usov, M. Safonov, L. Sorokina, E. Akbilek // ACM International Conference Proceeding Series : 4, Virtual, Online, 19–22 июля 2020 года. – Virtual, Online, 2020. – P. 31-34. – DOI 10.1145/3416797.3416835. – EDN QATAVY.

© Панкова Татьяна Николаевна (pankova@rgrph.vsu.ru), Чухина Анастасия Александровна (chuhina.anastasia@yandex.ru), Багаев Ибрагим Зазаевич (ibragim.bagaev@gmail.com), Борисов Егор Александрович (egor_aleksandrovich93@mail.ru), Снегирев Дмитрий Владимирович (antiminc@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ

Пишкова Наталья Евгеньевна

*старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
nepishkova@yandex.ru*

TOLERANCE AS A PROPERTY OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE EDUCATIONAL SEGMENT OF HIGHER EDUCATION AND ITS FORMATION

N. Pishkova

Summary: The article raises the question of the formation of such a significant aspect of the life of the modern university space as tolerance. Tolerance is considered not as a set of ready-made norms, rules and ways of behavior, but as a creative active process that forms a special field of communication between all participants in the relationship. A group of students stands out especially for whom the use of digital technologies in life support is a professional prerogative. It is noted that this group of students is isolated from traditional methods of communication in favor of electronic resources. Due to the peculiarities of the indicated group of specialties, in order to adequately fit them into the integral educational process, it is necessary to build a special communication field, which takes into account the peculiarities of students' individual educational attitudes. It is noted that teachers who lead non-core disciplines in this course should be co-opted into the general field of communication by adding special content to the content of their subject that goes beyond the scope of a specific discipline, through which the desired communicative field is formed. The resolution of a large number of contradictions in the course of higher education, the priority of the "knowledge" approach to the detriment of the "activity" impoverishes the possibilities of higher education in its fundamental functions.

Keywords: tolerance, education at the university, information and digital technologies, constructive contradictions, field of communication.

Аннотация: В статье поднимается вопрос формирования такого значимого аспекта жизнедеятельности современного вузовского пространства, как толерантность. Толерантность рассматривается не как набор готовых норм, правил и способов поведения, а как творческий активный процесс, формирующий особое поле коммуникации между всеми участниками взаимоотношений. Особенно выделяется группа студентов, для которых использование цифровых технологий в обеспечении жизнедеятельности является профессиональной прерогативой. Отмечается, что данная группа студентов оказывается обособленной от традиционных способов коммуникации в пользу электронных ресурсов. В силу особенности обозначенной группы специальностей для их адекватного вписывания в целостный образовательный процесс необходимо выстраивать особое коммуникационное поле, в котором учтены особенности индивидуальных образовательных установок студентов. Отмечается, что преподаватели, ведущие непрофильные дисциплины на данном курсе, должны быть кооптированы в общее поле коммуникации через добавление в содержание своего предмета особых, выходящих за рамки конкретной дисциплины контентов, через посредство которых формируется искомой коммуникативное поле. Разрешение большого количества противоречий в ходе вузовского обучения, приоритет «знаниевого» подхода в ущерб «деятельностному» обедняет возможности вузовского образования в его основополагающих функциях.

Ключевые слова: толерантность, воспитание в вузе, информационно-цифровые технологии, конструктивные противоречия, поле коммуникации.

Наблюдающееся тотальное обострение противоречий самого разного масштаба и форм реализации жизненных стратегий людей в современном мире, о котором открыто говорят представители разных научных направлений, и что очевидно, для самых простых обывателей, не могут не затронуть такую сферу человеческой цивилизации, являющуюся по определению ключевой, как образование. Буквально: решение задач выживания человеческого сообщества требует выработки таких стратегий мышления и деятельности, которые позволяли бы если не полностью купировать данные противоречия, то хотя бы переводить их в плоскость обсуждения и возможности мирного разрешения [4]

Ощущаемый сегодня в мире дефицит консенсуса, компромисса, взаимоприятия отличных точек зрения, выносит на повестку старый, в определенной степени слегка потускневший в последние годы, термин «толерантность» (от лат. *Tolerantia* — терпение, снисходительность). В темпоральном режиме современность представлена уникальным смешением поколенческих страт, которого не было в истории. Успехи медицины и в целом — технологический прорыв в различных областях жизни, привели человеческое сообщество к ситуации, когда классические способы передачи опыта от старших к младшим перестали быть эффективными. Данное смешение предъявило практически всем образовательным

системам требования и вызовы, справляться с которыми адекватно пока мало кому удается. Бесконечный поиск новых форм организации системы передачи опыта только засоряет поле коммуникации между людьми и усложняет решение ключевой задачи — обеспечения преемственности, поступательного развития и накопления позитивных знаний об устройстве мира в целом и человеческой цивилизации в частности. В данной статье мы попробуем обосновать возможность построения адекватной коммуникативной среды в образовании студентов педагогических вузов, специализирующихся на изучении информационных технологий. Мы будем отталкиваться от понятия «толерантность», но не в классическом его представлении, как обязательного элемента дискурса, присущего более развитой части общества, более опытной, образованной, то есть в нашем случае профессорско-преподавательскому составу, а в представлении развития толерантности у студентов вуза, переводя по сути их из объекта воздействия в субъект деятельности. Особенность студентов педагогического направления данной группы специальностей связана с их предрасположенностью к использованию в бытовой и образовательной жизни современных цифровых технологий, иногда в ущерб базовым человеческим ценностям. Родившиеся в эпоху технологического скачка молодые люди, оказались жестко детерминированы наличием в их жизни огромного числа различного рода технологических устройств, с одной стороны облегчающих жизнь, но с другой стороны лишаящих их многого из человеческого опыта общения с себе подобными. Можно сослаться на книгу Нобелевского лауреата К. Исигуро «Клара и Солнце», который с проческой ясностью описывает современное поколение детей, называя их «форсированными детьми», с расширенными возможностями усвоения разнообразных знаний, но испытывающих фрустрации различного рода, связанные с отсутствием умений и навыков жить в человеческом общежитии. С учетом того факта, что данная группа молодежи в ходе образования готовится к профессиональной деятельности, непосредственно связанной с установлением отношений с другими людьми, только в результате которых возможна вменяемая коммуникация, проблема «научения» их навыкам толерантности актуальна и злободневна. Данная проблема особенно актуальна для отечественной педагогики, поэтому естественна мысль высказанная В. Талановым: «Воспитание культуры терпения (толерантности) и согласия должно стать одной из центральных тем образования наступившего века» [5]. На наш взгляд толерантность как процесс достаточно подробно описана в литературе, но с одной существенной оговоркой, толерантность в отечественной образовательной матрице выглядит как односторонний, с заранее определенным направлением путь от одного полюса (преподаватели) к другому (студенты), что, во-первых: невозможно по определению и во-вторых: существенно обедняет данное понятие и, как

следствие, сам процесс им описываемый. Другими словами, толерантность представлена с позиции студентов в традиционно-нормативном аспекте, как нечто самим собой обусловленное явление. Кризис современного образования поставил такую норму, когда группа преподавателей по умолчанию является экспертной и референтной группой для студентов, определенной как носители устоявшейся и незыблемой истины, под вопрос. Глобальное расширение информационной базы, ее доступность, позволяют студентам без усилий с их стороны использовать для саморазвития практически ничем не ограниченный ресурс знаний. Доступность информации формирует у молодых людей то, что мы можем обозначить как «кнопочное или кликовое сознание», имея в виду сформировавшуюся с детских лет потребность получать готовые ответы на вопросы минуя стадию рефлексивной обработки материала. Такие потоки информации сегодня называются шумом, внутри которого сильные сигналы, несущие в себе важную и значимую часть сообщения растворяются до неразличимости [6]. Желание нажать кнопку гаджета становится своего рода искушением, преодолеть которое на занятиях, на которых необходимо концентрировать внимание на достаточно длинном временном отрезке, становится преобладающим.

Российская система образования переживает своего рода ренессанс в своем воспитательном сегменте, связано это с тем, что при переходе на новые стандарты обучения воспитание, как имманентный аспект системы, был практически элиминирован из поля зрения участников процесса и фактически оказался на периферии интересов как студентов, так и преподавателей. Можно сослаться в связи с этим на высказывание Х. Арндт [1], в известной статье «Личная ответственность при диктатуре», автор с горечью рассуждает об игнорировании немецким обществом после первой мировой войны вопросов морали и воспитания, что впоследствии привело к цивилизационной катастрофе не только немецкое общество, но мир в целом. Считалось, что выделять воспитание личности как самостоятельный и крайне важный аспект образовательного процесса не обязательно, в силу его естественной имманентности он будет осуществляться автоматически. На практике оказалось все совершенно иначе, образовательная среда вуза оказалась ущербной и неполноценной если в ней отсутствовали элементы взаимоотношений между людьми прямо не связанные с процессом обучения конкретному предмету. Не готовой к принятию на себя высвобожденной творческой энергии молодежи оказалась система дополнительного образования, существовавшая в предыдущий период как один из основных факторов социализации подрастающего поколения. Тотальная коммерциализация досуга молодежи оставила за рамками вовлеченности значительную категорию молодых людей, нуждающихся в сопровождении своих личностных устремлений

и предпочтений. Сегодня этот факт никем не оспаривается и на самом высоком уровне описанная проблематика признана актуальной и насущной. На специальности высшего образования, крайне популярные сегодня, связанные с развитием информационно-цифровых технологий, приходят ребята, как правило, с уже сформированным отношением к электронным ресурсам как неотъемлемой частью их жизненного пространства. Однако умения и компетенции использования различного рода гаджетов у них сформированы крайне однобоко и утилитарно, фактически большинство из них пассивные пользователи готовых разработок. Другими словами, их вовлеченность в современность оказывается ущербной с точки зрения проявления авторского начала. В связи с этим многие студенты, столкнувшись с различного рода конфликтными ситуациями, требующими продуктивного решения, обращаются не к традициям общественного устройства, не к педагогам или сверстникам, а к привычному для себя электронному формату, ищут выход в виде готовой подсказки обезличенных ресурсов. Как итог стратегии поведения подобного рода у студентов формируется устойчивая установка на такой тип мышления, который ориентируется не столько на вписывание себя в целое, сколько на расчленение этого целого на отдельные, ограниченные друг от друга элементы отношений. Детерминированность поведения формируется в данном возрастном сегменте очень устойчиво и разрушить ее извне крайне сложно. Именно об этом говорит философ М. Мамардашвили [3], настаивая на том, что для того, чтобы двинуться вперед, чтобы быть готовым к приему новых знаний, умений и навыков, чтобы научиться видеть в Другом не врага, а бесконечный ресурс для саморазвития, необходимо «разрушить» устоявшиеся поведенческие паттерны и выйти в нулевую точку развития. Несомненно, главная возможность формирования культуры толерантности располагается непосредственно в содержании изучаемых в вузе учебных дисциплин, и большинство преподавателей используют кафедру не только для трансляции содержания своего предмета, но и для «сшивания» общего образовательного пространства в нечто целое. Тем не менее подобная практика явно не в полной мере удовлетворяет запросам общества и самой личности на формирование коммуникативных компетенций, связанных с более широким содержанием всей совокупности жизненных проявлений молодых людей. Для будущих педагогов, специалистов в области информационно-цифровых технологий не менее, а скорее даже более важными становятся компетенции, напрямую не связанные с их вузовской специализацией. Но чтобы у студентов возник устойчивый интерес к знаниям, лежащим за пределами их профессиональных интересов, необходимо создать рядом с полем притяжения привычных им технологий такой объект, или формат, или интеллектуальный продукт, который бы вбирал в себя значительную часть избыточной энергии, производимой растущим организмом для обеспечения

жизнедеятельности. Создание такого параллельного профессионально-нормативному сегмента возможно, как оказалось, только на пути интеграции усилий преподавателей, ведущих разные учебные дисциплины у конкретных студенческих групп. Для подобной работы в системе образования существует термин «междисциплинарность», который не в полной мере отвечает задаче формирования толерантности у обучающихся. Данный термин связан скорее с интеграцией конкретного учебного материала различных учебных дисциплин с целью создания преемственности их содержания. При таком подходе преподаватели не выходят за рамки своих предметов настолько, чтобы связи их предметных содержаний отличались взаимопроникновением [2].

Мы предположили, что существует необходимость не просто междисциплинарного взаимодействия содержания учебных предметов в процессе усвоения материала, но важным становится формирование поля обучения, конгруэнтного всем преподавателям цикла, но не совпадающего по содержанию ни с каким-либо конкретным учебным предметом. Для этой цели был организован обучающий семинар для преподавателей, задачей которого было выработать приемлемый для них общий контент, который они в обязательном порядке включали в содержание своего, узко профессионального предмета, таким контентом может стать любое интеллектуально действие, выходящее за рамки учебного норматива, например элементы музыки, поэзии, мифов или других форм культуры. Выбранный совместно и обговоренный контент ненавязчиво внедрялся в практику преподавания учебных дисциплин в виде дополнительного элемента обучения и в силу его общей природы становился связующим звеном между различными учебными дисциплинами. На практике оказалось, что большинство преподавателей вуза, призванных транслировать своим поведением образцы толерантного подхода, цепко держатся за мнимые границы своего предмета и демонстрируют пресловутый «предметоцентризм», что не способствует получению от них студентами навыков толерантного, терпимого отношения к иному виду знания или к уважительному восприятию Другого. После проведения учебно-тренировочных занятий, большинству преподавателей удалось согласовать общие точки содержательного контента, которые они включили в содержание своих дисциплин. Таким образом, у студентов появилась дополнительная связь с отличным от профессиональных направлений подготовки контентом, позволявшая им находить в различных по форме и содержанию учебных фрагментах то общее, что в определенной степени способствовало выстраиванию целостной картины профессиональной деятельности в преломлении через дополнительную мотивацию. Для студентов стал одновременно откровением и в тоже время позитивным сигналом тот факт, что несмотря на различия, представления преподавателями некоего условного образца,

эталона толерантности в самых различных ситуациях в процессе усвоения учебного материала способствует не только расширению общего образовательного горизонта, но и помогает более качественному овладению конкретным учебным материалом. Это отмечали и сами преподаватели, для которых данный подход оказался возможностью представить свой предмет во всеобщей взаимосвязи с целым.

Толерантность как явление социального мира непосредственно связано с ключевым понятием педагогического процесса таким как «воспитание», и следует отметить, что это не какая-то региональная и даже национальная проблема, например, ООН еще в 1995 году приняла документ, названный «Декларация принципов терпимости», в котором сделана попытка раскрыть сущность представленного нами понятия, в нем в частности

говорится: «толерантность означает... правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Толерантности способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести, убеждений» [7]. Воспитание толерантности сегодня важнейшая задача всех причастных к педагогическому процессу субъектов, это не декларативное заявление, а требование времени. Нарастающим как снежный ком клубок противоречий как в общении молодых людей между собой, так и в отношениях «студент — преподаватель», усложняется проявившимися противоречиями между преподавателями различных дисциплин. Нахождение таких средств и методов которые позволили бы сформировать, обозначить поле совместного уважительного существования всех субъектов образовательного процесса, творческая и нужная задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арентд, Ханна. Личная ответственность при диктатуре. В сб. Ответственность и суждение. / Пер. С англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Инст. Гайдара, 2014. - 352 с.
2. Добреньков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. - М.: ИНФРА-М, 2003. - 381 с.
3. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. - М.: Прогресс-Традиция, 2008. - 304 с.
4. Попков В.А., Коржув А.В. Теория и практика высшего профессионального образования: Учеб. Пособие для системы дополнительного педагогического образования. - М.: Академический Проект, 2004. - 432 с.
5. Таланов В. Педагогика толерантности// Высшее образование в России. М., 2001. №5. С.41.
6. Талев, Насим. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Насим Талев; Пер. С англ. Н.Караева. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. - 768 с.
7. Цит. по кн.: Гершунский Б.С. Толерантность в современном мире // Педагогика. М., 2000. №2. С.15.

© Пишкова Наталья Евгеньевна (nepishkova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ МАССОВОГО СПОРТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

DEVELOPMENT OF MASS SPORTS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY AS PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

R. Tkach
E. Tkach
G. Zvyagina

Summary: Mass sports enable people to improve their health, improve physical development, physical fitness, and actively relax. Mass sports of the Russian population is one of the priority social tasks of the state. The growth in the involvement of the population in sports corresponds to the tasks associated with the need to overcome the current situation of deteriorating health, the physical development of the population, and the lag in the use of modern innovative sports technologies. The development of mass sports in modern Russian society is considered in the article as a psychological and pedagogical problem. In this regard, research interest lies in the field of topical issues of the psychology of motivation, attitude, self-attitude, manifestations of the value-semantic and emotional-volitional spheres of the personality, the development of values and semantic formations of the personality involved in sports. According to the authors, in order to increase the level of involvement of Russians in mass sports, it is necessary to organize a special complex work using innovative technologies aimed at changing attitudes towards sports, developing Russians' ideas about a healthy lifestyle.

Keywords: mass sports, modern Russian society, sports activities, population, healthy lifestyle.

Ткач Роман Сергеевич

К.п.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Ткач Елена Николаевна

*К.псих.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
elenat3004@mail.ru*

Звягина Галина Валерьевна

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Аннотация: Массовый спорт дает возможность людям укрепить здоровье, улучшить физическое развитие, физическую подготовленность, активно отдохнуть. Занятия массовым спортом российского населения – это одна из приоритетных социальных задач государства. Рост вовлеченности населения в спорт соответствует задачам, связанным с необходимостью преодоления сложившейся ситуации ухудшения здоровья, физического развития населения, отставания в использовании современных инновационных спортивных технологий. Развитие массового спорта в современном российском обществе рассматривается в статье как психолого-педагогическую проблему. В связи с этим исследовательский интерес лежит в области актуальных вопросов психологии мотивации, отношения, самоотношения, проявлений ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сферы личности, развития ценностей и смысловых образований личности занимающихся спортом. По мнению авторов, для повышения уровня вовлеченности россиян в занятия массовым спортом необходимо организовывать специальную комплексную работу с применением инновационных технологий, направленную на изменение отношения к занятиям спортом, развитие представлений россиян о здоровом образе жизни.

Ключевые слова: массовый спорт, современное российское общество, спортивные занятия, население, здоровый образ жизни.

Спорт представляет собой обобщенное понятие, которое обозначает одну из важных составляющих физической культуры общества. Спорт существует как форма соревновательной деятельности и специально организованной практики подготовки человека к соревнованиям. От физической культуры спорт отличается именно тем, что в нем имеется обязательная соревновательная компонента. Спортсмен всегда сравнивает свои достижения в физическом совершенствовании с успехами других спортсменов в соревнованиях. Занятия физической культурой в отличие от спортивных занятий направлены на личное совершенствование, поддержание здоровья, хорошей физической формы, работоспособности.

Современный спорт подразделяется на два направ-

ления: массовый и спорт высших достижений [7, 8, 12].

Массовый спорт дает возможность огромному количеству людей совершенствовать свои физические качества и двигательные возможности, укреплять здоровье и продлевать долголетие.

Значимость массового спорта обусловила его изучение в контексте междисциплинарного подхода, вследствие чего такие научные дисциплины (области научного знания) как экономика, социология, психология, менеджмент, маркетинг и другие исследуют различные стороны и аспекты этого явления [1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 11].

Сложное соотношение, взаимодополнение и взаимовлияние оздоровительных, досуговых, компенсатор-

ных, социализирующих и других функций требует детального изучения места и значения массового спорта и вовлеченности в него российского населения.

Занятия различными видами массового спорта ориентированы на решение разных актуальных стратегических задач: укрепить здоровье, улучшить физическое развитие, физическую подготовленность, активно отдохнуть. Это связано с решением ряда частных задач: повысить функциональные возможности отдельных систем организма, скорректировать физическое развитие и телосложение, повысить общую и профессиональную работоспособность, овладеть жизненно необходимыми умениями и навыками, приятно и полезно провести досуг, достичь физического совершенства.

Необходимо отметить, что задачи массового спорта во многом повторяют задачи физической культуры, но реализуются спортивной направленностью регулярных, систематических тренировок.

Феноменология массового спорта определяется рядом особенностей:

- спортсмены испытывают сильные эмоциональные переживания;
- для достижения результатов необходимо совершенствоваться через регулярную подготовку;
- спортсмены способны выдерживать разнообразные физические и психические нагрузки;
- появляется понимание социальной значимости занятий спортом (ответственность за честь коллектива, города, чувство гордости, переживание идентичности, эмоциональный подъем);
- занятия игровыми видами спорта формируют командный дух, умение продуктивно взаимодействовать, поддерживать других членов спортивной команды.

Следует подчеркнуть, что массовый спорт является своеобразным промежуточным звеном между физкультурой и спортом высших достижений, а также профессиональным спортом. Можно утверждать, что массовый спорт охватывает различные виды соревновательной активности, которые не направлены на достижение высших спортивных результатов или материальных (финансовых) выгод.

Массовый спорт является своеобразной формой досуга, которая включает отдых, оздоровительную рекреацию, развлечение определенного содержания. Значимость массового спорта проявляется в решении задач, направленных на сохранение и упрочение здоровья, физическое совершенствование. Безусловно, массовый спорт является пространством социальной интеграции и адаптации разных людей, которые имеют определенные проблемы в физическом развитии и социальном

функционировании.

Оценкой успешности спортивно-массовой работы являются количественные показатели процента занимающихся и разделения их на возрастные группы, а также степень удовлетворенности населения организацией услуг в этой сфере.

Занятия массовым спортом российского населения – это одна из приоритетных социальных задач государства. Согласно имеющимся статистическим данным, представленным в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года [10], в 2019 году показатель вовлеченности россиян в систематические занятия спортом составил 43%. По данным, полученным в 2019 году, в возрастной группе от 3 до 29 лет занималось спортом 84% населения, в группе от 30 до 54 лет – 29 %, в группе от 55 до 79 лет – 12%.

Рост вовлеченности населения в спорт соответствует задачам, связанным с необходимостью преодоления сложившейся ситуации ухудшения здоровья, физического развития населения, отставания в использовании современных инновационных спортивных технологий.

В настоящее время в России сохраняется невысокий уровень вовлеченности населения в занятия массовым спортом. Национальным проектом «Демография» предусмотрено увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55 % в 2024 году. Ежегодный прирост вовлечения в систематические занятия физкультурой и спортом планируется увеличить с 3,0 млн. чел. в 2019 году до 5,0 млн. человек в 2024 году.

Мы рассматриваем развитие массового спорта в современном российском обществе как психолого-педагогическую проблему. В связи с этим наш исследовательский интерес лежит в области актуальных вопросов психологии мотивации, отношения, самоотношения, проявлений ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сферы личности, развития ценностей и смысловых образований личности занимающихся спортом.

Статистические данные комплексного наблюдения за 2019–2021 годы свидетельствуют о том, что большая половина россиян в возрасте 15 лет и более считают себя способными вести активный образ жизни. Люди в возрасте 15–29 лет в основном склонны к активной жизни (90,3% в 2021 г.), но 13,1% опрошенных не имеют интереса и желаний вести активный образ жизни, причем наиболее часто это люди трудоспособного возраста, что в определенной степени объясняется высокой занятостью, работой и семейными делами.

Следует отметить, что возрастной фактор оказывает существенное влияние в вовлеченность россиян занятиями физической культурой и спортом.

Анализ статистических данных комплексного наблюдения позволяет выявить наиболее значимые причины, по которым люди, способные вести активный образ жизни, тем не менее не занимаются спортом. Доля респондентов, отмечающих недостаточность близко расположенных мест для занятий и их высокую стоимость, имеет тенденцию к сокращению, что свидетельствует о повышении инфраструктурной и ценовой доступности спортивных услуг. Вместе с тем, нехватка времени и субъективное отсутствие желания заниматься спортом может свидетельствовать о недостаточно эффективной пропаганде здорового образа жизни, необходимости активизации распространения информации среди населения о реализуемых различными структурами, в том числе государственными, муниципальными, программами по развитию массового спорта, привлечению к спортивным мероприятиям.

Анализ имеющихся статистических данных показывает, что основная причина отказа от спортивных занятий – отсутствие времени у респондентов различного

возраста. Исключение составляют лица старше трудоспособного возраста, которые не занимаются спортом в связи с отсутствием желания. Происходит снижение доли опрошенных, которые не занимаются спортом в связи с высокой стоимостью занятий и отсутствием близости мест для занятий. Данная тенденция свидетельствует о положительном эффекте принятых мер по повышению доступности массового спорта.

Несмотря на все принятые меры по популяризации массового спорта и повышению доступности занятия физической культурой, по всем группам российского населения прирост занимающихся спортом недостаточный. Таким образом, для повышения уровня вовлеченности россиян в занятия спортом необходимо организовывать специальную комплексную работу с применением инновационных технологий, направленную на изменение отношения к занятиям спортом, развитие представлений россиян о здоровом образе жизни, стимулировать представителей разных категорий населения к занятиям физической культурой и спортом, оказывая влияние на развитие ценностно-смысловой сферы и эмоционально-волевой сферы личности, а также способствовать изысканию возможностей по поиску времени на спортивные занятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.П. Модернизация законодательства в сфере физической культуры и спорта: целесообразность и обоснованность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №8 (22): в 2-х частях. Ч. 1. С. 35.
2. Восколович Н.А. Междисциплинарный подход в оценке развития современной сферы услуг // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 5. С. 80-92.
3. Восколович Н.А. Проблемы вовлечения российского населения в занятия спортом // Интеллект. Инновации, Инвестиции. 2020. № 3. С. 31-41.
4. Восколович Н.А. Социально-экономические аспекты развития массового спорта в России // Аудит и финансовый анализ. 2016. №5. С. 388-394.
5. Восколович Н.А. Специфика формирования доступности платных потребительских услуг в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2012. № 3. С. 3-11.
6. Кузнецов П.К. Массовый спорт в современной России: социальные факторы воспроизводства и развития: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. Санкт-Петербург, 2013. – 255 с.
7. Плесснер Г. Функции спорта в индустриальном обществе // Социология спорта. 2018. № 2. С. 190-206.
8. Переверзин И.И., Сулов Ф.П. О структуре современного спорта высших достижений и социально-правовом статусе спортсменов-профессионалов // Теория и практика физ. культуры. 2002. №5. С.57.
9. Самыгин С.И., Самыгин П.С. Массовый спорт и его роль в социализации современной молодежи // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 42-45.
10. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/fbd10bc84e3cd5a09285ea3bdb786454b0925dc/
11. Уколова Г.Б., Моругина П.Ю. Физическая активность и ее роль в формировании здорового образа жизни // The Scientific Heritage. 2019. Т. 2. №34 (34). С. 61-62.
12. Юдина А.А. Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в современном российском обществе // Педагогическое образование и наука. № 3, 2013. С. 35-39.

© Ткач Роман Сергеевич, Ткач Елена Николаевна (elenat3004@mail.ru), Звягина Галина Валерьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

THE ROLE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT THE UNIVERSITY

**O. Chudnova
R. Chvalun
N. Kizilova**

Summary: The purpose of this study is to determine the degree of educational conditions influence on the process of mastering a foreign language in a higher educational institution. Within the framework of this goal, it is necessary to identify the key factors influencing the educational environment through its analysis. The study identifies key methods and approaches to the formation of educational conditions. In particular, the elements that are typical for the development of a foreign language at the university are analyzed: social, subject, subjective, technological.

Keywords: educational environment, components of the educational environment, foreign language teaching, educational process.

Чуднова Ольга Алексеевна

ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»
chudnova08@mail.ru

Чвалун Роза Владимировна

ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»
chvalun_roza@mail.ru

Кизилова Наталья Игоревна

ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»
natali0403_87@mail.ru

Аннотация: Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить степень влияния образовательных условий на процесс освоения иностранного языка в высшем учебном заведении. В рамках поставленной цели необходимо выявить ключевые факторы влияния образовательной среды посредством её анализа. В ходе исследования выявляются ключевые методы и подходы к формированию образовательных условий. В частности, анализу подвергаются элементы, характерные для освоения иностранного языка в университете: социальный, предметный, субъектный, технологический.

Ключевые слова: образовательная среда, компоненты образовательной среды, обучение иностранному языку, образовательный процесс.

Введение

В теоретическом и практическом аспектах высшего образования не последнюю роль играют условия, при которых гражданин осваивает профессиональные знания и навыки. Учитывая сегодняшние социально-экономические обстоятельства, в том числе и распространение коронавируса, есть необходимость в повышении образовательных стандартов.

На сегодняшний день процесс обучения иностранному языку вышел на новый уровень. Это обусловлено изменениями в международных отношениях, использованием инноваций в процессе образования и т.д. Так как практически любая профессиональная сфера предусматривает взаимодействие с зарубежными партнёрами, знание иностранного языка становится необходимостью. В целях эффективного и успешного освоения иностранного языка будущему научному специалисту требуется обеспечить оптимальные образовательные условия и сформировать благоприятную для обучения среду.

Цель данной статьи заключается в определении роли образовательной среды в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Обзор литературы:

Впервые термин “среда” был опубликован ещё в 19 веке, однако наиболее приближенные к истине трактовки появились только в 70-х годах прошлого столетия. Если обратиться к словарю, термин “среда” представляет собой “условия, благоприятные для существования, порождения чего-нибудь” [6]. При более расширенной трактовке специалисты добавляют, что среда формируется в определённой научной отрасли. С точки зрения Л. Новиковой, данный термин означает следующее: “совокупность условий, влияющих на развитие и формирование способностей, потребностей, интересов, сознания личности”. [5]

К рассматриваемому понятию обращались множество как отечественных, так и иностранных педагогов: К. Гельвеция, Я. Коменский, Р. Оуэн, Ж. Руссо, Ф. Каптерев, О. Крупенина, В. Шульгин, Г. Костюк, О. Околелов и многие другие. В результате анализа их трудов выяснилось, что среда тесно взаимосвязана с процессом обучения. Кроме того, от внешних условий зависит качество личностного развития. По мнению В. Библера и Д. Беляева, образовательная среда предусматривает множество нюансов и особенностей. [2]

В педагогической отрасли наиболее значимой проблемой являются образовательные условия в высшем учебном заведении. Как уже было упомянуто выше, в современном мире личностное совершенствование во многом зависит от влияния внешних факторов. К примеру, в психологии термин среды обозначает процесс и итог самостоятельного творческого развития индивида. Образовательная среда как множество аспектов, влияющих на личностное развитие и обучение, рассматривалась такими специалистами, как С. Дерябо, В. Лебедев, В. Орлов, В. Панов, В. Рубцов, В. Слободчиков, В. Ясвин и другие. С точки зрения А. Хоптинской и В. Цибульниковой, на результаты процесса обучения влияет не только качество преподавания и компетентность педагогов. Огромное значение придаётся сформированным для обучения условиям, методам и инструментам образовательного процесса, ролям субъектов процесса обучения и так далее. [9]

В педагогической практике и образовательной теории нередко применяются разнообразные принципы среды, дифференцированные по критерию характера взаимодействия между учеником и учителем. Для анализа такого сложного компонента, как образовательная среда, необходимо использование системного метода. В процессе функционирования образовательного механизма не менее важное значение имеют связующие компоненты, а также взаимодействия. Ведь любой механизм предусматривает совокупность взаимосвязанных компонентов, действующих для достижения единой цели. [11]

По мнению А. Ракитова, механизм включает следующие составляющие: компонент, взаимодействия, цель, функция, устройство, процесс, состояние, совокупный эффект, структурное обновление. С позиции автора, необходимо заострить внимание на конкретном наборе функций каждой составляющей. К примеру, задачи и функции предполагают стремление к достижению цели и возможность выбора функционирования, устройство предусматривает последовательность, ресурсы - совместимость, характеристики взаимодействия со средой - коммуникативность, интерактивность. [7]

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили научные труды авторов в области педагогики, теории образования, обучения иностранным языкам.

В ходе работы использованы такие методы, как анализ литературных источников и научных публикаций, синтез, обобщение отобранных данных.

Результаты и обсуждение

В рамках данного исследования образовательная

среда трактуется и как совокупность обстоятельств, способствующих личностному совершенствованию учащегося. Дидактические материалы описывают среду как множество компонентов, воздействующих на самих учащихся в ходе образовательного процесса.

Дидактический анализ образовательной среды предполагает изучение организационного компонента образовательного процесса, используемых методов и подходов, психологических условий при освоении иностранного языка. В качестве объекта специальных дидактических/методических анализов аспекты средового образовательного метода представляют особую ценность в разрезе успешного формирования среды для обучения. [10]

В первую очередь, необходимо заострить внимание на внешние и внутренние факторы, определяющие образовательные условия для освоения иностранного языка в университете. Коммуникативная/деятельностная составляющая, предполагающая образовательную структуру, коммуникацию между учителем и учеником, является частью вузовской программы иностранного языка. Внешняя составляющая охватывает все факторы воспитания и обучения: к примеру, помещения для проведения практических уроков, образовательные условия, необходимые студентам для закрепления полученных знаний за пределами университета. [1]

Помимо этого, образовательная среда способствует осуществлению воспитательной, образовательной, развивающей задач процесса освоения иностранного языка в высшем учебном заведении. Другими словами, учебная среда реализует аксиологическую функцию, предполагающую раскрытие в учащих нравственных ценностей в ходе коммуникации с носителем иностранного языка. Также нельзя забывать о том, что студенты осваивают язык, в первую очередь, для коммуникации в профессиональных рамках. В процессе обучения иностранному языку ученик ближе знакомится с традициями и обычаями других национальностей, формирует навыки международного взаимодействия и т.п.

Степень продуктивности сформированной для обучения среды оценивается посредством развития учащегося в качестве культурного/образовательного субъекта.

Характерной чертой данной среды в рамках освоения иностранного языка являются условия, направленные на активизацию познавательной функции студента.

Не менее важную роль играют педагогические и организационные условия, формируемые в среде обучения. В первую очередь, она влияет на коммуникационные навыки студента в рамках будущей профессии.

В ходе освоения иностранного языка в университетской образовательной среде предусматриваются следующие элементы:

- Социальный (формирование среды с коммуникацией на иностранном языке).
- Субъектный (присутствие как учащегося, так и учителя).
- Предметный (наличие образовательных материалов, методов обучения).
- Технологический (возможность для студентов работать в индивидуальном порядке). [3]

На данный момент в сфере образования активно используются цифровые методы и инструменты, способствующие более эффективному освоению дисциплины.

Так как общество во всём мире шагнуло в новую, цифровую эпоху, образовательная сфера стала нуждаться в поиске и применении новых подходов и средств для успешного освоения учебной программы, в частности, по иностранному языку. [8]

Согласно актуальным на сегодня стандартам ФГОС, наиболее значимой является проблема недостатка инновационных технологий, внедряемых в образовательный процесс по освоению лингвистических и лингвокультурологических навыков. Данная проблема требует оперативного решения в целях эффективной подготовки бакалавров и специалистов. Для достижения поставленной задачи на практике применяются различные цифровые инструменты: e-библиотеки, Интернет-ресурсы, официальные сайты СМИ и так далее. В современных условиях мультимедийные инструменты открывают перед педагогом новые возможности, среди которых:

- Дифференциация учебных материалов на разделы для удобства студентов.
- Проведение консультации среди учащихся.
- Анализ степени закрепления пройденного материала у студентов посредством аудирования, чтения, устной и письменной речи. [8]

В целях достижения максимальной продуктивности образовательного процесса студентам необходимо освоить навык самостоятельной работы с цифровыми инструментами во внеурочное время. Дистанционный формат обучения является инновацией, позволяющей закрепить пройденный материал, а также сформировать мощную теоретическую базу для дальнейшей практики.

Структура дистанционного обучения может включать:

- Программный элемент, дающий возможность контролировать образовательный процесс, отслеживать данные, отражающие успеваемость учеников в процессе освоения иностранного языка.
- Технический элемент, предусматривающий узконаправленное ПО, оснащённые для занятий помещения.
- Организационный элемент: присутствие компетентных педагогов, инженерно-технических сотрудников и т.д.
- Методический элемент: учебно-методические материалы по дисциплине «Иностранные языки», применяемые во время занятий. [4]

Как уже было упомянуто ранее, дистанционное обучение является оптимальным дополнением к стандартному образовательному процессу, позволяющим повысить эффективность процесса освоения дисциплины. В данном случае основной задачей компетентного преподавателя иностранного языка является обучить студента использовать Интернет-ресурсы в качестве мощного образовательного инструмента. Таким образом, по завершении обучения, студенты овладеют высоким уровнем информационной грамотности.

Вкупе со стандартными образовательными инструментами инновационные технологии обучения обеспечат эффективную практику иностранного языка.

Выводы

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод. Что образовательное пространство представляет собой ресурс, обеспечивающий профессиональными компетенциями учащихся в процессе освоения иностранного языка. Эффективность современной образовательной среды формируется за счёт влияния таких аспектов, как соответствующая образовательная структура, современные учебные материалы, активное использование цифровых технологий в процессе обучения в целях закрепления пройденного материала.

Практический опыт позволяет заключить, что внешние и внутренние факторы среды обучения оказывают воздействие на конечный результат освоения иностранного языка. Эффективное воздействие развивающей функции возможно в условиях концентрации ресурсов на освоение дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баластов А.В., Соколова Э.Я. Особенности современной образовательной среды при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку в неязыковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). Ч. 3. С. 185–188.
2. Журбенко Н.Л. Использование современных педагогических технологий для повышения эффективности обучения иностранным языкам в неязыковых

- вузах // Мир науки (электронный научный журнал). 2018. № 2. Т. 6.
3. Камышева Е.Ю. Информационно-образовательная среда вуза в обучении профильно-ориентированному иностранному языку: сущность, содержание, функции // Научный диалог. 2017. № 5. С. 373–385.
 4. Курбонов А.М. Роль дистанционного обучения иностранным языкам // Молодой учёный (электронный научный журнал). 2015. № 8.
 5. Новикова Л.И. Школа и среда. М.: Знание, 1985. – 80 с.
 6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 3–5. – 944 с.
 7. Ракилов А.И. Философские проблемы науки: Системный подход. М.: Мысль, 1977. – 270 с.
 8. Рахимова Т.А. Трансформация образовательной среды в процессе обучения иностранному языку в вузе // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2018. № 2 (20). С. 48–53.
 9. Цибульникова В.Е., Хоптинская А.А. Качество здоровьесберегающей образовательной среды: уровни сформированности, показатели и критерии оценки // Теория и практика физической культуры. 2020. № 1. С. 11–13.
 10. Broadbent J. Comparing online and blended learner's self-regulated learning strategies and academic performance // Internet and Higher Education. 2017. No. 33(1). P. 24–32.
 11. Gibson J.J. (1982). Reasons for Realism: Selected essays of James J. Gibson, E. Reed & R. Jones (eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 449 p.
 12. Kim J., Maloney E. Learning Innovation and the Future of Higher Education. John Hopkins University Press, 2020. 232 p.

© Чуднова Ольга Алексеевна (chudnova08@mail.ru), Чвалун Роза Владимировна (chvalun_roza@mail.ru), Кизилова Наталья Игоревна (natali0403_87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ставропольский государственный аграрный университет

ЭФФЕКТИВНЫЕ ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ (НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Ян Сюецзяо

Аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва
yanayang0218@gmail.com

EFFECTIVE METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE USED IN THE INTERNET ENVIRONMENT (BASED ON PUBLIC TEXTS)

Yang Xuejiao

Summary: The study of the possibilities of using the Internet environment is relevant due to the changed realities of modern education, where the emphasis is on interactivity and multimedia. Possessing a high didactic potential, journalistic articles published on the websites of journals can become the basis for organizing effective work aimed at solving educational problems. As part of the course Russian as a foreign language, it will be appropriate to use thematic online journals dedicated to the history and culture of Russia and its citizens. The effective methods of organizing work with an online article included verbal, visual, problem-based learning methods.

Keywords: Russian as a foreign language, Internet environment, methods of teaching a foreign language, teaching methods, interactivity.

Аннотация: Изучение возможностей применения интернет-среды актуально в силу изменившихся реалий современного образования, где акцент делается на интерактивность и мультимедийность. Обладая высоким дидактическим потенциалом, публицистические статьи, опубликованные на сайтах журналов, могут стать основой для организации эффективной работы, направленной на решение образовательных задач. В рамках прохождения курса РКИ уместно будет использование тематических онлайн-журналов, посвященных вопросам истории и культуры России и ее граждан. К эффективным приемам организации работы с онлайн-статьей были отнесены словесные, наглядные, приемы проблемного обучения.

Ключевые слова: РКИ, интернет-среда, методика преподавания иностранного языка, приемы обучения, интерактивность.

В современном образовательном пространстве отмечается тенденция использования мультимедийных, виртуальных средств обучения, которые обладая высоким дидактическим потенциалом, способствуют скорейшему и эффективному достижению целей иноязычного образования. На сегодняшний день значительное внимание уделяется обучению русскому языку, поскольку в последние годы его позиция в качестве международного средства общения укрепляется, что подтверждается фактом его включения в состав официальных языков ООН (Организация объединенных наций) [1].

Обозначим, что согласно новым стандартам образования основной целью высшего образования является формирование универсальной компетенции и общепрофессиональной компетенции. Применительно к дисциплине «Иностранный язык» данные компетенции достигаются за счет формирования у студентов-бакалавров умения осуществлять коммуникацию средствами иностранного языка в профессиональной деятельности [2].

Если ранее ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт) ставил приоритет на формирование коммуникативной компетенции, под кото-

рой понимается умение осуществлять межличностную коммуникацию средствами изучаемого иностранного языка в различных речевых ситуациях по произвольным темам, то на сегодняшний день стоит задача формирования у студентов, проходящих обучение по курсу РКИ (Русский как иностранный), универсальных компетенций и общепрофессиональных компетенций [2].

Изучение зарубежной методической литературы, в частности работ таких авторов, как К.М. Армстронг (K.M. Armstrong) [3], Р. Блейк (R. Blake) [4], Т. Коноелос (T. Cononelos) [6] и др. [4; 5], которые занимались вопросами применения Интернет-ресурсов в обучении иностранным языкам, показало, что методисты едины во мнении, что интернет-среда обладает высоким дидактическим потенциалом, в частности, она обеспечивает непрерывный доступ к аутентичной информации, погружение в языковую среду, что благоприятно сказывается на успеваемости студентов по предмету РКИ.

Проиллюстрируем возможности использования интернет-среды на занятиях РКИ в иностранной аудитории на примере текстов публицистики.

Прежде всего, отметим, что уместно будет использование тематических публицистических источников,

которые освещают вопросы исторического и культурного развития России, что позволит сконцентрировать внимание исключительно на культуре страны изучаемого языка. К их числу можно отнести, например, онлайн-журнал «Моя Россия» (moiarussia.ru). Это не новостной, а познавательный проект, где представлены следующие рубрики: «История», «Факты», «Лица», «Города», «Мнения», «Традиции», «Места», «Природа» и др. Во всех перечисленных разделах основное внимание сконцентрировано на культуре, истории и уникальных чертах России и русского народа, что делает целесообразным применение данных публицистических статей на занятиях в рамках курса РКИ.

Отличительной особенностью приёмов обучения, используемых в интернет-среде является их интерактивность и мультимедийность [6, с. 10], что способно поддерживать высокий уровень заинтересованности и концентрации студентов. Так, например, в журнале «Моя Россия» все статьи сопровождаются иллюстрациями, которые дают наглядное представление об обсуждаемом объекте, что повышает познавательный интерес. К примеру, статья «Рейтинг лучших городов России для проживания», опубликованная в рубрике «Города» (<https://moiarussia.ru/rejting-luchshih-gorodov-rossii-dlya-prozhivaniya/>) содержит перечень городов с описанием их лучших сторон и с фотографиями наиболее красочных мест. При работе с текстом такого рода целесообразно использовать различные приёмы, выделяемые современными методистами. Неограниченность информационного объема, представленного в интернет-среде, даёт возможность использования как словесных, так и наглядных, приёмов, а также приёмов проблемного обучения. На примере вышеуказанной статьи «Рейтинг лучших городов России для проживания» опишем особенности использования каждого приёма.

Специфика реализация словесного метода обуславливается способом трансляции самого текста, используемого в учебной деятельности, - это публицистическая статья, размещенная на сайте журнала. В виду этого, для проведения аудиторной работы преподавателю необходимо заранее позаботиться о том, чтобы у студентов был доступ к тексту, либо распечатать публикацию заранее, либо проследить, чтобы учебная комната была оборудована компьютерами, либо планшетами. После прочтения статьи можно предложить следующие упражнения: резюмирование (краткое изложение основных мыслей прочитанного), аннотирование, рецензирование, составление плана текста, пр. В случае, если сту-

денты работают в классе, оснащённым компьютерами, вести подобную работу целесообразно в текстовом редакторе, где имеет возможность снабжения редактируемого текста гиперссылками, а также его рубрикацией и структуризацией, что позволит многогранно обработать прочитанную публицистическую статью с точки зрения ее информационной интерпретации.

Наглядный приём обучения реализуется за счет того, что публицистическая онлайн-статья снабжена красочными, привлекательными иллюстрациями, что, с одной стороны, повышает читательский интерес, а с другой, обеспечивает визуальное усвоение студентами архитектуры городов России, что способствует формированию культурной компетенции.

Что касается проблемного обучения, то на основе рассматриваемой статьи можно предложить самые разнообразные упражнения. Эффективным приёмом на пути реализации задачи по формированию критического мышления будет организация дискуссии или полемики, где центральными вопросами могут быть следующие:

Почему россияне предпочитают путешествовать по миру, а не по России? В каком городе России Вы хотели бы жить и почему? Как Вы считаете, миграционные потоки в тот или иной город – это явление позитивное или негативное.

Помимо этого, на основе публицистической статьи, размещенной в интернет-среде, целесообразным будет организовать среди студентов проектную деятельность, которая позволит внести вклад в развитие у обучающихся умений самостоятельного поиска и систематизации информации, критического осмысления проблемного вопроса, аргументации и тезисного изложения обработанной информации. На основе статьи «Рейтинг лучших городов России для проживания» может быть организован проект с названием «Топ-городов моей страны», в рамках которого студенты презентуют лучшие города своей страны и продемонстрируют их привлекательные стороны. Такая организация работы будет способствовать организации межкультурного взаимодействия.

Выводы

К эффективным приёмам обучения русскому языку как иностранному, используемым в интернет-среде, рассмотренным в данной статье на примере публицистических текстов, были отнесены: словесные, наглядные и приёмы проблемного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальные языки ООН. URL: <https://www.un.org/ru/our-work/official-languages>, дата обращения 02.10.2021.
2. Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: <https://fgos.ru/>, дата обращения 01.10.2021.

3. Armstrong K.M., Yetter-Vassot, C. Transforming teaching through technology. *Foreign Language Annals*, 27(4), 2014. – Pp. 475–486.
4. Blake R. CALL and the language lab of the future. *ADFL Bulletin*, 18(2), 2016. – Pp. 25–29.
5. Chun D.M., Brandl, K.K. Beyond form-based drill and practice: Meaning- enhanced CALL on the Macintosh. *Foreign Language Annals*, 25(3), 2020. – Pp. 255–267.
6. Cononelos T., Oliva, M. Using computer networks to enhance foreign language/ culture education. *Foreign Language Annals*, 26(4), 2013. – Pp. 527–534.

© Ян Сюецзяо (yanayang0218@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО ПРИЧАСТИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ТЕКСТАХ АВИАЦИОННОЙ ТЕМАТИКИ

Анисимова Елена Сергеевна

*К.филол.н., доцент, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
elena-anisimova@mail.ru*

THE MAIN METHODS OF TRANSLATING THE ENGLISH PARTICIPLES INTO RUSSIAN IN AVIATION RELATED TEXTS

E. Anisimova

Summary: The article analyzes the specifics in translating the English participles into Russian in aviation-related texts. For this purpose, the linguistic features of scientific and technical texts are considered and the characteristic of the participle as a grammatical category of modern English is given. The work also shows discrepancies between participle forms and functions in the source language and the language of translation. The analysis reveals the dependence of the lexico-grammatical transformations applied in translation on syntactic functions of the participle in the sentence.

Keywords: translation, participle, scientific and technical text, aviation-related text, syntactic functions of the participle, translation transformations.

Аннотация: В данной статье проведен анализ особенностей перевода английского причастия на русский язык в текстах авиационной тематики. В связи с поставленной целью рассмотрены языковые особенности научно-технических текстов и дана характеристика причастия как грамматической категории современного английского языка. В работе также показано несоответствие форм причастий настоящего и прошедшего времени и выполняемых ими функций в исходном языке и языке перевода. На основе анализа материала выявлена зависимость применения тех или иных лексико-грамматических трансформаций при переводе от синтаксических функций причастия в предложении.

Ключевые слова: перевод, причастие, научно-технический текст, текст авиационной тематики, синтаксические функции причастия, переводческие трансформации.

Развитие в современном мире международного сотрудничества практически во всех областях знания требует подготовки специалистов способных к языковому взаимодействию с представителями иноязычных коллективов. Обучение иностранному языку, таким образом, становится одним из важных компонентов системы профессиональной подготовки обучающихся любых неязыковых вузов, в том числе и военных.

Одной из важных задач, стоящих перед будущим специалистом, является способность систематически использовать в качестве источника информации литературу по специальности на иностранном языке [1]. Решению этой задачи способствует обучение профессионально ориентированному переводу как процессу передачи научной и технической мысли, выраженной на одном языке, средствами другого языка. Вследствие этого, развитие навыков профессионально-ориентированного перевода текстов авиационной тематики является одним из требований программы подготовки курсантов Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков по дисциплинам «Иностранный язык» и «Авиационный английский язык» [2, 3].

Важным аспектом методики обучения переводу научно-технических текстов можно считать обучение передаче на русский язык языковых единиц, характеризующихся несоответствием семантико-граммати-

ческой значимости в исходном языке и языке перевода. Одну из таких категорий представляет собой английское причастие, широкое употребление которого в научной литературе, наряду с другими неличными формами глагола (инфинитивом и герундием), затрудняет перевод текстов.

Цель данной статьи – анализ способов перевода английского причастия на русский язык на материале текстов авиационной тематики.

Проблеме функционирования причастия и его специфических глагольных и адъективных характеристик посвящены работы многих современных отечественных и зарубежных ученых лингвистов, таких как Т.В. Лобовская [4], А.П. Аксенов [5], P.J. Duffley [6], W. Russell [7] и др.

Не остается без внимания и вопрос когнитивного расхождения при переводе причастия с английского на русский язык, он отражен в трудах Е.И. Маркосьян [8], О.А. Александровой [9], К.В. Черепок [10] и др.

Тем не менее, несмотря на подробное освещение этого аспекта на материале художественных и публицистических текстов, особенности передачи английского причастия на русский язык в научно-технической литературе являются недостаточно изученными, что обуславливает актуальность данного исследования.

Достижение поставленной в работе цели требует решения ряда конкретных задач: определить основные особенности текстов авиационной направленности; охарактеризовать причастие как грамматическую категорию современного английского языка; выявить зависимость употребления при переводе той или переводческой трансформации от функции выполняемой причастием в предложении.

В качестве материала исследования нами были выбраны тексты авиационной тематики, предлагаемые для обучающихся по специальности 25.05.04 «Летная эксплуатация и применение авиационных комплексов». Данные тексты включены в пособия, издаваемые кафедрой для преподавания дисциплин «Иностранный язык» и «Авиационный английский язык», и, следовательно, представленный в исследовании практический анализ может быть полезным в процессе обучения переводу на занятиях по данным учебным предметам.

Знание жанровых и стилистических особенностей текстов способствует созданию точного, адекватного и эквивалентного перевода, поэтому важным этапом предпереводческого анализа является определение принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю. И.Р. Гальперин определяет функциональный стиль языка как систему взаимосвязанных языковых средств, выполняющих определенную цель коммуникации [11, с. 28]. Согласно классификации В.А. Кухаренко, существуют следующие функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический, газетный и художественный [12, с. 61].

Научный стиль применяется в профессиональной коммуникации, характеризуется обилием терминов, обозначающих предметы, явления или процессы, характерные для узкой сферы человеческой деятельности, а также отличаются высокой точностью, что достигается в основном за счет неоднократного использования устоявшихся фраз и клише [12]. Также, как одно из важнейших свойств, следует отметить развернутость и логичность следования элементов содержания [13, с. 6].

Исследуемые нами тексты авиационной направленности полностью соответствуют данному определению и поэтому могут быть отнесены к выше описанному функциональному стилю.

Содержательная сторона данных текстов, а именно, описание структуры вооруженных сил, характеристика различных типов вооружения, воздушных судов и аэродромных комплексов, а также сведения о некоторых событиях из истории авиации и вооруженных конфликтов [14, с. 157] позволяет определить их как информирующие тексты описательного характера в соответствии с жанровой классификацией научно технических текстов Л.Л. Нелюбина [15, с. 27] и прагматической классификацией Ю.В. Ванникова [16, с. 40].

цией Ю.В. Ванникова [16, с. 40].

Тексты авиационного содержания, как и любые научные тексты, имеют ряд характерных особенностей как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Среди отличительных черт с точки зрения грамматики можно выделить широкое употребление неличных форм глагола, способствующих более экономичной организации текста [1, с. 143]. Необходимо при этом отметить, что английские причастия, хотя и не отличаются таким разнообразием форм, как русские, употребляются в английском языке гораздо шире и чаще, так как стилистические нормы русского языка нередко ограничивают употребление, а, следовательно, и образование причастий [10, с. 57].

По определению Т.К. Цветковой, причастие – это неличная форма глагола, сочетающая свойства глагола и прилагательного. Свойства глагола выражаются в том, что причастие имеет категории времени, вида, залога, может иметь зависимые слова и определяться наречием. Свойства прилагательного выражаются в том, что в предложении причастие может выполнять функцию определения [17, с. 164]. В английском языке различают причастие настоящего времени, или причастие I (Participle I) и причастие прошедшего времени, или причастие II (Participle II).

Причастие I (Participle I) имеет формы залога и относительного времени.

	Participle I	Perfect Participle
Active	V-ing	having + V ₃
Passive	being + V ₃	having been + V ₃

Временные формы причастия выражают одновременность (неперфектная форма) или предшествование (перфектная форма) по отношению к другому действию, выраженному глаголом-сказуемым независимо от времени последнего [18].

Learning necessary skills and tactics, the recruits worked hard. – *Осваивая необходимые навыки и тактики, новобранцы упорно трудились.*

Having learned necessary skills and tactics, the recruits used them during the field training exercises. – *Освоив необходимые навыки и тактики, новобранцы использовали их во время полевых учений.*

Причастие II (Participle II) имеет только одну форму, которая является третьей основной формой глагола (V3). Причастие II выражает состояние или качество предмета, явившееся результатом воздействия на предмет извне и пассивно по значению [17]:

— a shot down plane (*сбитый самолет*);

- a guided missile (*управляемая ракета*);
- required skills (*требуемые навыки*).

В английском предложении как причастия I, так и причастия II выполняют функции определения, обстоятельства и части составного сказуемого. Специфику синтаксических функций английского причастия можно считать важным фактором, определяющим особенности его перевода на русский язык. Несоответствия в системе двух языков и вытекающая из них невозможность формально точно передать значение грамматической формы в переводе компенсируются с помощью различных переводческих приемов и лексико-грамматических трансформаций.

Необходимо также отметить, что в анализируемых нами текстах военного и авиационного содержания, согласно классификации Т.К. Цветковой, в основном употребляются простые формы причастия, в то время как применение более сложных форм является ограниченным или наблюдается лишь в единичных случаях.

В функции определения причастия I употребляется перед определяемым существительным (левое определение) или после него (правое определение).

All **moving** parts of the wings and tail are called control surfaces. – Все **подвижные** части крыла и хвостового оперения называются рулевыми поверхностями.

The Royal Air Force has a large operational fleet, **consisting** of both fixed-wing and rotary aircraft. – Королевские ВВС располагают большим боевым флотом, **состоящим** из летательных аппаратов с неподвижным крылом и вертолетов.

При переводе первого предложения его синтаксическая структура и порядок слов почти полностью сохраняются, но само причастие I **moving** при этом подвергается морфологической замене и передается при помощи близкого по смыслу прилагательного **подвижные**.

Во втором случае мы можем наблюдать буквальный перевод, когда причастия I переводится соответствующим по форме и содержанию действительным причастием **состоящим**, входящим в состав причастного оборота.

Причастия I в роли обстоятельства стоят в начале или в конце английского предложения.

Carrying out different combat missions, aviation greatly influences the progress and outcome of combat actions. – **Выполняя** различные боевые задачи, авиация оказывает большое влияние на ход и результат боевых действий.

Выступающее в роли обстоятельства причины при-

частие настоящего времени **carrying out**, входящее в состав зависимого причастного оборота, подвергается морфологической трансформации и заменяется на деепричастие **выполняя** – глагольную форму, не имеющую аналога в английском языке.

Подобная морфологическая замена формы глагола наблюдается и при переводе постпозитивного обстоятельства, выраженного причастным оборотом, включающим причастие I **including**. При переводе используется деепричастие **включая** в составе деепричастного оборота:

These relations are known as fraternization and the penalties for officers can be severe, **including** court martial and separation from the service. – Такие отношения считаются близкой дружбой, и наказание для офицеров могут быть суровым, **включая** военный трибунал и увольнение со службы.

Более сложной трансформации при переводе подвергаются предложения, в которых обстоятельство причины выражено причастием I страдательного залога:

Being operated by the Army, Air Force, and National Guard units, civil airports are known as joint-use civil-military airports. – Гражданские аэропорты, **которые эксплуатируются** сухопутными войсками, ВВС и подразделениями Национальной гвардии, называются военно-гражданскими аэропортами совместного использования.

Налицо полное синтаксическое изменение структуры предложения: простое предложение, осложненное причастным оборотом в функции обстоятельства, становится сложноподчиненным с придаточным определительным. Входящее в причастный оборот причастие **being operated** при этом переводится с помощью относительного местоимения **которые**, выступающего в роли подлежащего, и глагола **эксплуатируются** в функции сказуемого. Таким образом, применяется такие переводческие трансформации, как синтаксическая замена и добавление.

Еще одна распространённая функция причастия настоящего времени – это часть составного глагольного сказуемого в предложении в одном из времен группы Continuous.

Two vehicles are **standing** in a row inside the cargo aircraft. – Два автомобиля **стоят** в ряд внутри грузового самолета.

Now the airfield is **being operated** by civil and military services. – Сейчас аэродром **эксплуатируется** гражданскими и военными службами.

В подобных предложениях при переводе обычно происходит морфологическая замена части речи и грамматическое опущение. Сказуемые, в состав которых входят причастия **standing** и **being operated**, переводятся на русский язык глаголами в личной форме несовершенного вида: глаголом настоящего времени действительного залога **стоят** и глаголом настоящего времени страдательного залога **эксплуатируется**. Соответственно, при этом вспомогательные глаголы *are* и *is* опускаются.

Как уже указывалось выше, причастие II выполняет в предложении сходные функции. Так, например, часто выступает в роли определения, находящегося в препозиции или постпозиции по отношению к определяемому слову.

Range deals with how far the aircraft can fly with a **given** fuel load and **given** payload under **specified** flight conditions. – *Дальность полета – это расстояние, которое самолет может пролететь с заданным запасом топлива и заданной полезной нагрузкой при определенных условиях полета.*

The ailerons **hinged** to the trailing edge are located closer to the wing tips. – *Элероны, прикрепленные на шарнирах к задней кромке, расположены ближе к законцовкам крыла.*

В приведенных примерах, вне зависимости от расположения определений, выражающие их причастия прошедшего времени **given**, **specified** и **hinged** не подвергаются никаким грамматическим или лексическим трансформациям и переводятся буквально с помощью соответствующих русских страдательных причастий **заданный**, **определенные** и **прикрепленные**.

При переводе следующего предложения, в котором причастие II в составе причастного оборота выполняет функцию обстоятельства причины, наоборот, можно наблюдать целый ряд переводческих трансформаций:

Designed to handle millions of passengers annually, modern terminals must be fully equipped with all the facilities and conveniences necessary for travelers. – *Так как современные терминалы предназначены для обслуживания миллионов пассажиров ежегодно, они должны быть полностью оснащены всеми необходимыми для путешественников удобствами.*

На синтаксическом уровне, в первую очередь, происходит изменение типа предложения: простое предложение с причастным оборотом преобразуется в сложноподчиненное предложение с придаточным причины. Подлежащие исходного простого предложения, при этом, становится подлежащим придаточного, то есть используется перестановка. Что касается причастия **designed**, то оно подвергается морфологической замене и

передается краткой формой страдательного причастия **предназначены**, которое играет роль части сказуемого.

Морфологической замене может подвергаться при переводе и причастие II в функции обстоятельства времени:

When **arrived** at Lackland Air Force Base future airmen spent all their time working. – *По прибытии на базу ВВС Лэкленд будущие летчики проводили все свое время за работой.*

Вводимое союзом **when** причастие **arrived** в данном примере трансформируется в существительное с предлогом **по прибытии** при сохранении синтаксической структуры предложения.

В функции части составного глагольного сказуемого причастия прошедшего времени в сочетании со вспомогательными глаголами **to have** и **to be** образуют формы времен группы Perfect и страдательного залога:

An aircraft carrier is a type of naval ship which serves as a seaborne airbase, the development of which has greatly **enhanced** the capabilities of modern air forces. – *Авианосец – это тип военно-морского корабля, который служит в качестве морской авиабазой. Его разработка значительно расширила возможности современных военно-воздушных сил.*

An airport area is **divided** into landside and airside zones. – *Территория аэропорта подразделяется на зону общего доступа и воздушную зону.*

Таким образом, вне зависимости от сохранения или изменения общей синтаксической структуры предложений для перевода причастий используются соответствующие личные формы глагола: глагол прошедшего времени действительного залога **расширила** и глагол настоящего времени страдательного залога **подразделяется**. Это свидетельствует об использовании морфологической замены и опущении исходных вспомогательных глаголов.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что причастия настоящего и прошедшего времени широко употребляются в научно-технических текстах авиационной тематики для достижения экономической организации излагаемого материала. Для выполнения адекватного перевода предложений с причастием в англоязычных текстах профессиональной направленности необходимо применение лексико-грамматических трансформаций. Выбор этих трансформаций обусловлен глагольными и адъективными характеристиками причастия и выполняемыми им в предложении функциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.С. Особенности перевода английского герундия на русский язык в текстах авиационной тематики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – №02/2. – С. 142-147.
2. Рабочая программа учебной дисциплины Иностранный язык. Краснодар: КВВАУЛ, – 2021. – 33 с.
3. Рабочая программа учебной дисциплины Авиационный английский язык. Краснодар: КВВАУЛ, – 2021. – 33 с.
4. Лобовская Т.В. Функционирование причастия в английском языке: На материале английской и американской прозы 20 века: дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.04. – Мурманск, 2005. – 198 с.
5. Аксенов А.П. К вопросу о субъекте причастия I и II в современном английском языке // Вопросы семантики лексических единиц. – Уфа, 1990. – С. 92-98.
6. Duffley P.J. The English Gerund-Participle: A Comparison with the Infinitive (Berkeley Insights in Linguistics and Semiotics). New York: Peter Lang, 2006; – 188 p.
7. Russell W. The Dangling Participle: Illustrations of Linguistic Change. American Speech. – Vol. 10, No. 2 (Apr., 1935). – pp. 113-118.
8. Маркосян Е.И. Способы перевода причастия на русский язык // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XIII Междунар. науч. конф., Минск, 30 окт. – 2019 г. – С. 310-314.
9. Александрова О.А. Перевод причастий с английского на русский / О.А. Александрова, Н.А. Блохина // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 26-2. – С. 7-11.
10. Черепок К.В. Перевод причастия и причастных оборотов с английского языка на русский / Сборник работ 68-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3-х ч.: ч. 3. – Минск: БГУ, 2011. – С. 56-59.
11. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
12. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка. – М.: Высш. шк., 1986. – 173 с.
13. Максимова И.В. Универсальные категории и свойства научного текста (на примере научного текста военного дискурса) / И.В. Максимова // Инновационные технологии в образовательном процессе: сборник материалов XXII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 01–02 июня 2021 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны Российской Федерации, 2021. – С. 4-13.
14. Анисимова Е.С. Особенности перевода английского инфинитива на русский язык в текстах авиационной тематики / Е.С. Анисимова, Л.В. Воробец // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – №04/2. – С. 156-160.
15. Ванников Ю.В. Виды научно-технического перевода: общая характеристика, функции, основные требования. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
16. Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. М.: Высшая школа, 1983. – 207 с.
17. Цветкова Т.К. Путеводитель по грамматике английского языка. – М., 2000. – 279 с.
18. Корнеева Е.А. Грамматика английского языка в теории и практике. – СПб., 2000. – 300 с.

© Анисимова Елена Сергеевна (elena-anisimova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Болотова Елена Анатольевна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет», г. Ростов-на-Дону
bolotovaelena2008@rambler.ru*

Сагирьянц Елена Сергеевна

*старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический университет», г. Ростов-
на-Дону
sagiryancelena2019@mail.ru*

SIMPLE SENTENCES IN THE ASPECT OF THE THEORY OF SPEECH ACTS

**E. Bolotova
E. Sagiryants**

Summary: The article is devoted to the description of constructions of speech acts with the service word "to", which can be used as a particle. The article examines the subordinate conjunction "to/ to", which acts as a modal particle with a hint of desirability and which is characterized by the semantics of indicating the absence of a fact in reality. The analysis of the semantics of the particle "to" is given, which largely inherits the components of its meaning from the union used in explanatory-incentive and target sentences. The constructions with the service word "to/to", widely used to express a number of speech acts, are presented.

Keywords: speech act, classification of speech acts, modal particle, subordinate conjunction "to", modification of the service word, syncretic functions.

Аннотация: Статья посвящена описанию конструкций речевых актов со служебным словом «чтобы», которое может использоваться в роли частицы. В статье рассматривается подчинительный союз «чтобы/ чтоб», который выступает в качестве модальной частицы с намеком на желательность и который характеризуется семантикой указания на отсутствие факта в действительности. Дается анализ семантики частицы «чтобы», которая во многом наследует компоненты своего значения от союза, применяемого в объяснительно-побудительных и целевых предложениях. Представлены конструкции со служебным словом «чтобы/чтоб», широко используемые для выражения ряда речевых актов.

Ключевые слова: речевой акт, классификация речевых актов, модальная частица, подчинительный союз «чтобы», модификация служебного слова, синкретические функции.

Введение

В работах лингвистов посвященных анализу конструкций со служебным словом «чтобы», подчеркивается, что выбор и использование в нем тех или иных синтаксических конструкций непосредственно связаны со спецификой устной речи, устного общения. Однако, не только выбор синтаксических структур, но и особенности их речевой реализации, специфика их использования в живой диалогической речи представляют собой интерес для анализа.

Авторы представляют классификацию речевых актов, используемых как экспрессивы, т.е. интродуктивное суждение и конструкции переходного типа, совмещающие признаки разных типов речевых актов. Показаны директивы-предложения, представляющие собой идеоматичные структуры, способствующие высокой степени экспрессивности подобных конструкций. Комиссивы выступают в качестве наложения на говорящего конкретного обязательства в следовании по определенной линии поведения или совершении конкретного действие в будущем.

Цель статьи непосредственно связана с рассмотрением и определением роли простых предложений в

аспекте теории речевых актов, чтобы разграничить использование подчинительного союза «чтобы/чтоб» в качестве модальной частицы, выполняющей синкретичные функции.

В ходе исследования была совершена попытка к решению следующих задач: определить роль подчинительного союза «чтобы» в простых предложениях в аспекте речевых актов; проанализировать классификацию речевых актов в конструкциях со служебным словом «чтобы»; экспрессивы; директивы; комиссивы; репрезентативы; декларации; а также представить существование многообразных переходных конструкций, совмещающих в себе признаки разных типов речевых актов.

Конструкции со служебным словом «чтобы» характеризуются экспрессивностью. Служебное слово «чтобы» может использоваться и в роли частицы, причем данная модификация служебного слова связана именно с его экспрессивностью. Возможность аналогичного функционирования «чтобы/чтоб» основывается на том, что между различными разрядами служебных слов существующие границы заметно отличаются изменчивостью и прозрачностью [1].

Подчинительный союз «чтобы/чтоб» часто выступает

в роли – модальной частицы с оттенком желательности. При этом он утрачивает свои союзные функции, но приобретает новые экспрессивные качества. Многие предложения со служебным словом «чтобы» основательно функционируют как простые предложения и предложения с купированной (редуцированной) главной частью [2].

Основным для союза «чтобы/чтоб» является модальное значение желательности, кроме того, ему свойственна семантика указания на отсутствие того или иного факта в реальной действительности. В силу специфики своей семантики, ее ярко выраженной субъективности служебное слово «чтобы» функционирует и в простых (нередко фразеологизированных) конструкциях. Исходное значение компонента «чтобы» при этом накладывается на семантику предикативной единицы, а также усиливается за счет лексического наполнения предикативных единиц. В различных типах простых конструкций служебное слово «чтобы» может выступать или в качестве модальной частицы, или как союз-модальная частица, т. е. выполнять синкретичные функции.

Семантика частицы «чтобы» во многом наследует компоненты своего значения от союза, который используется в изъявительно-побудительных и целевых предложениях. Союз вносит в придаточные предложения определительный оттенок: их содержание является неистинным и неложным суждением о каком-либо факте или явлении.

Конструкциями со служебным словом «чтобы» также можно широко пользоваться с целью обозначения некоторых речевых актов. Заметим, что основываясь на систему речевых актов, разработанную Д. Серлем, можно отметить, что подобные конструкции речевых актов часто могут использоваться как экспрессивы [11, 12]. По Д.Р. Серлю, существуют следующие разновидности речевых актов, которые обладают специфическими особенностями и имеют четко определенную цель:

1. Экспрессивы. Среди простых конструкций с компонентом «чтобы» подобный тип наиболее распространен. С помощью таких конструкций могут выражаться как добрые, так и недобрые пожелания. Например: «Чтобы брови были черные и очи большие, как маслины» (Н.В. Гоголь, «Портрет»); «Чтобы не было печали, чтоб шумел листвою стих, чтоб надежными назвали вы товарищей своих» (Э. Паперный, «Музыка играет так весело...»).

Недобрые пожелания могут быть высказаны в состоянии глубокого раздражения, негодования. Само действие в таких конструкциях воспринимается как негативное. Однако, эта негативность погашается за счет ирреальности, неистинности сообщаемого.

В зависимости от семантики предиката, можно сде-

лать вывод, что пожелание может иметь различную коннотативную окраску и означать всевозможные реакции на уверенность/неуверенность в процессе исполнения пожелания. Желательность может безусловно выражаться в непохожих конструкциях при помощи слов «чтобы/чтоб».

На основании вышеприведенных примеров, мы увидели, что предложения обозначающие пожелания способствуют осуществлению иллюкативной цели такого класса речевых актов, как экспрессивы, которые могут выражать внутреннее состояние сравнительно с положением вещей в границах обсуждаемого содержания [6]. Возможны конструкции переходного типа, совмещающие признаки разных типов речевых актов. Так, например, экспрессив может содержать элемент директивы: «Чтобы я духу его не слыхала!» (Н.В. Гоголь, «Нос»).

2. Директивы. Цель этого типа речевых актов – добиться от слушающего, чтобы тот нечто совершил. Среди предложений с компонентом «чтобы» такой тип речевых актов, как видно из его цели, должен быть весьма распространен. При этом «чтобы» может выступать в качестве союза-модальной частицы и служить для выражения приказа, повеления. Приказание это может быть выражено в экспрессивно-эмоциональной форме. Например: «Чтобы я больше этих глупостей не слыхала! Как вам не стыдно» (Б. Пастернак, «Доктор Живаго»). В этом случае служебное слово «чтобы» может выступать как синоним частицы «пусть/пускай». Такие предложения представляют собой идиоматичные структуры, что способствует высокой степени экспрессивности подобных конструкций.

Предложения-директивы соотносятся напрямую с таким типом предложений, как побудительные. Кроме того, отметим, что предложения-директивы могут различаться категоричностью, интенсивностью побуждения, а также степенью устойчивого наполнения предложения лексически [9].

Зафиксировано достаточно большое число собственно фразеологизмов, которые имеют в своем составе компонент «чтобы». При этом они обычно выражают собственно целевые отношения и имеют, ярко, выраженную экспрессивную окраску. Конструкции такого рода зафиксированы в словаре В.И. Даля. Следует отметить, что в толковых словарях в том числе и академических, зафиксированы лишь два значения для частицы «чтобы» (пожелания – доброго или недоброго, и категорического отрицания возможности названного в предложении действия), а также некоторые случаи употребления в качестве частицы устойчивых сочетаний с компонентом «чтобы». Содержание предложения с таким понятием при этом можно сопоставить с интродуктивным суждением [8].

3. **Комиссивы.** Целью актов этого типа является возложение на говорящего обязательных функций в следовании по какой-то четко определенной линии поведения, а также в совершении определенного действия в будущем. Конструкции с компонентом «чтобы» часто используются при совершении клятв, т.е. как комиссивы. В этом случае необходимо учитывать целый ряд, особенностей подобных простых предложений.

Возможно, в текущей ситуации можно говорить о простых предложениях, которые имеют придаточную часть в сложноподчиненных предложениях, а также и о предложениях сложноподчиненных, которые характеризуются такими отношениями как условно-следственные или следственно-условные. За предложениями, выражающими обещания-клятвы, могут идти предложения с союзом «если»: «И чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола» (Н.В. Гоголь, «Вечер накануне Ивана Купала»).

Очевидно, что при наличии в предложении придаточной части слова «если» раскрывается то условие, при котором говорящий осуществляет сказанное им в препозитивно-предикативной части. Эта часть превращает определенную часть предложения в форму клятвы. Таким образом, наличие придаточного условия является обязательным.

В подобных предложениях на первый план выдвигается служебное слово «чтобы/чтоб», при котором в конструкции предложения увеличивается экспрессивность. Заметим, что это условие может обычно выражено эксплицитно и имплицитно. При имплицитном выражении условия, вперед выходит значение частицы «чтобы». Поэтому предложение по основным качествам может становиться простым.

Отличительной особенностью комиссивов является употребление в подобных конструкциях глагола в форме 1-го лица, ед. ч., наст. вр., изъявительн. накл., действительного залога. Это может помочь в разграничении внешне похожих комиссивов и экспрессивов. Кроме того, эти типы речевых актов, отличаются друг от друга целью и модальными оттенками. Некоторое количество предложений имеющих значение обещаний или клятв передают не модальную желательность, а допустимость говоримого в предложении, если вдруг нарушаются определенные условия.

Так как экспрессивность – отличительная особенность всех конструкций со словом «чтобы» (в той или иной мере), то безусловным является утверждение о том, что существуют переходные конструкции сочетающие особенности комиссивов, директив и экспрессивов и т.д.

Переходными между комиссивами и экспрессивами являются конструкции, в которых указывается на невозможность совершения того или иного действия. По цели речевого акта подобные конструкции сближаются с предложениями в форме клятвы, по выражению этой цели с предложениями-экспрессивами, так как они обычно являются эмоционально окрашенными. Например: «Чтобы, я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?» (Н.В. Гоголь, «Нос») (ср.:никогда, ни за что не позволю) и т.д [9].

4. **Репрезентативы.** Цель речевых актов данного типа – это фиксация (в разном значении) обязанности говорящего за сообщение о каких-либо делах и за истинность суждения, высказываемое им. Таким образом, наиболее простой способ проверки репрезентативов – можно ли определить высказывание как истинное или ложное.

Исходя из цели речевого акта и особенностей семантики служебного слова «чтобы», можно сделать вывод, что в чистом виде подобный тип речевого акта среди конструкций с компонентом «чтобы» не встречается. Однако, можно выделить ряд конструкций переходного типа, совмещающих в себе признаки репрезентативов и других типов речевых актов, в первую очередь экспрессивов. Например, предложения с устойчивым сочетанием «не то чтобы/чтоб», имеющим значение неопределенной оценки действия признака: «Меня не то чтобы хвалят, но и не то чтобы ругают, и я доволен» (Ф.М. Достоевский, «Униженные и оскорбленные»). В приведенном примере союз-модальная частица «чтобы» служит для выражения неопределенности оценки признака, факта или действия при отрицании предполагаемого.

Факультативно в этих случаях возможно осложнение конструкции однородными членами, которые обычно присоединяются с помощью сочинительного союза «а» (реже «но»). При этом сочетание «то чтобы» во второй части, может быть, опущено, а «не то, чтобы» может выступать эквивалентом частицы «не», т.е. быть ее синонимом.

В данных конструкциях компонент «не то чтобы» входит в ту часть предложения, в которой выражается отрицание того, что более точно формулирует, разъясняет во второй части конкретного предложения, что включаемый союз «а» или «но» здесь могут выступать отрицательные и возмездительные отношения.

Нужно сделать оговорку, что в случае, когда в предложении функционирует компонент «не то чтобы..., а (но)» мы имеем дело со сложным предложением. Это необходимо, так как в статье рассматривается функционирование компонента «чтобы» в простом предложении, но среди предложений со значением клятв и среди

предложений с устойчивыми сочетаниями типа «не то чтобы» находим простые и сложные предложения. Тем более, что функция, «чтобы» в подобных конструкциях при переходе от простого предложения к сложному не меняется (и в тех, и в других служебное слово выполняет синкретичные функции).

Здесь уместно вспомнить о том, что между простыми и сложными предложениями при динамических отношениях нет кардинальных различий: такие предложения (простое, сложное) являются структурами, предназначенными быть функционированными, цельными коммуникативными единицами, которые имеют общее интонационное и словопорядковое оформление. Следует также отметить, что в данном случае мы имеем те же семантико-синтаксические отношения сопоставления в сложносочиненном и простом предложениях между однородными членами.

5. Декларации. Особенность указанного вида речевых актов обычно состоит в осуществлении какого-то акта из этого класса и устанавливается единообразие между реальностью и пропозициональным содержанием [3]. Декларации (как и репрезентативы) в чистом виде среди конструкций со служебным словом «чтобы» практически не встречаются. Но, как в предшествующем примере, возможны конструкции, содержащие в себе признаки декларации и экспрессива. Декларации в чистом виде невозможны, так как, их появлению препятствует семантика служебного слова «чтобы». Суждения, которые выражаются с помощью конструкций с компонентом «чтобы» не являются ни истинными, ни ложными, не могут устанавливать строгого соответствия реальности.

Результаты контент-анализа при исследовании роли простых предложений в аспекте теории речевых актов и разграничение использования подчинительного союза «чтобы/чтоб» в качестве модальной частицы, выполняющей синкретичные функции, были получены по видам речевых актов и количеству исследованных текстов: экспрессивов (15); директив (22); комиссивов (18); репрезентативов (21) и деклараций (25).

Как видно из вышеизложенного, для простых предложений со служебным словом «чтобы», проанализированных в аспекте теории речевых актов, характерно существование многообразных переходных конструкций, совмещающих в себе признаки разных речевых актов. Особо следует отметить распространенность экспрессивов и конструкций, имеющих признаки экспрессивов. Можно предположить, что конструкции, сочетающие в себе признаки, особенности экспрессивов и других типов речевых актов заслуживают более подробного исследования пяти выделенных типов речевых актов.

Статья посвящена описанию многообразных пере-

ходных конструкций, совмещающих в себе признаки разных типов речевых актов. В данной статье рассмотрены: внутренняя связь единиц языка в художественном тексте; распространенность экспрессивов и конструкций, имеющих признаки экспрессивов; конструкции, сочетающие в себе признаки, особенности экспрессивов и других речевых актов в любом из пяти выделенных типов. Также представлен проблемный вопрос об обязательности- факультативности соответствия между пропозициональным содержанием и реальностью, о суждениях, которые выражаются с помощью конструкций с компонентом «чтобы» и которые не являются ни истинными ни ложными, не могут устанавливать строгого соответствия реальности

В заключение делаем вывод, что в различных типах простых конструкций служебное слово «чтобы» может выступать или в качестве модальной частицы, или как союз-модальная частица, т.е. выполнять синкретичные функции. Семантика частицы «чтобы» во многом наследует компоненты своего значения от союза, который используется в изъявительно-побудительных и целевых предложениях. Союз вносит в придаточное предложение определительный оттенок: содержание их является неистинным и неложным суждением о каком либо факте или явлении. Такие предложения представляют собой идиоматичные структуры. Предложения-директивы соотносятся с побудительными и различаются интенсивностью, категоричностью побуждений и степенью наполнения предложения.

Отметим, что в ходе рассмотрения теории речевых актов выявлены некоторые недостатки: не включение речевого акта в сложные категории разных видов общественной деятельности; абсолютизирование отдельного речевого акта; недостаточность длительных, доминирующих механизмов; недостаток необходимого учета различных обстоятельств, происходящих в реальных обстоятельствах при общении.

Теория речевых актов оказала определенное влияние на становление современной лингвистики. Уместно заметить, что основоположники теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Дж. Росс) не предоставляли конкретного содержания понятия о речевом акте, хотя в своих работах ученые обсуждали основные признаки и различия в теории речевых актов.

Сегодня изучение теории речевых актов становится ведущим направлением современной лингвистики. Также теория речевых актов становится принципиальным шагом для перехода описательного семантического понятия к понятию прагматическому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В. Зоны синкретизма в системе частей речи современного русского языка// Филол. Наука. 2015
2. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллинн, 2012.
3. Былкова С.В. Функционирование побудительных предложений в фактическом общении. Историческая морфология русского языка. – М.: Изд-во Юрайт, 2017.
4. Калечиц Е.П. Переходные явления в области частей речи. – Свердловск, 1997. – С. 43-45.
5. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент, 2000.
6. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности. – М.: Изд-во Прогресс. Выпуск 17. 1986. – 88 с.
7. Лукин М.Ф. Субстантивация числительных в современном русском языке// Рус. Яз. 2012.
8. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности. Бельцы, 2005. – С. 131-176.
9. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М: Изд-во Просвещение. 1981. – 254 с.
10. Остин Дж.Р. Слово как действие. – Москва.1986. – С. 22-31.
11. Серль Дж. Теории речевых актов, 1998. – С. 18-48.
12. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Изд-во Прогресс, 1986. – С. 151-169.

© Болотова Елена Анатольевна (bolotovaelena2008@rambler.ru), Сагирьянц Елена Сергеевна (sagiryancelena2019@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОГОНЬ» ПОСРЕДСТВОМ ЕДИНИЦ УНИВЕРСАЛЬНОГО ПРЕДМЕТНОГО КОДА В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Булычева Валерия Алексеевна

Аспирант, Армавирский Государственный

Педагогический Университет

b.valeria.a@yandex.ru

REPRESENTATION OF THE CONCEPT "FIRE" BY MEANS OF UNITS OF THE UNIVERSAL SUBJECT CODE IN SCIENCE FICTION DISCOURSE

V. Bulycheva

Summary: The concept of "Fire" in the English language, being a multi-layered mental structure, is reflected in science fiction discourse, where it contributes to the creation of an artistic image conceived by the science fiction author. In view of the genre typological features of science fiction works, the concept of "Fire" occupies an important place in the artistic narrative, since it is part of the plot and complements scientific ideas about the surrounding reality. In the course of the analysis aimed at establishing a universal subject code, which is represented by the concept of "Fire" when expressed in the English-language science fiction discourse, it was found that the spectrum of the universal subject code is rather narrow and is limited to universal / basic human mental representations of fire. The universal subject code of fire in sci-fi discourse is "danger", "threat to life", "means for survival".

Keywords: conceptual analysis, concept "Fire", sci-fi discourse, concept structure, universal subject code.

Аннотация: Концепт «Огонь» в английском языке, будучи многослойной ментально структурой, находит отражение в научно-фантастическом дискурсе, где вносит вклад в создание художественного образа, задуманного автором-фантастом. В виду жанровых типологических признаков научно-фантастических произведений концепт «Огонь» занимает важное место в художественном нарративе, поскольку является частью сюжета и дополняет научные представления об окружающей действительности. В ходе анализа, направленного на установление универсального предметного кода (УПК), репрезентирующегося при помощи концепта «Огонь» при его выражении в англоязычном научно-фантастическом дискурсе, было установлено, что спектр УПК довольно узок и ограничивается универсальными / базовыми ментальными представлениями человека об огне. УПК огня в научно-фантастическом дискурсе – это «опасность», «угроза жизни», «средство для выживания».

Ключевые слова: концептуальный анализ, концепт «Огонь», научно-фантастический дискурс, структура концепта, универсальный предметный код.

Современные концептуальные исследования используют методологию когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, что делает изыскания такого рода высокопродуктивными в том аспекте, что они позволяют установить разноплановые параметры того или иного концепта, описать его структурные и типологические особенности. Анализ концепта «Огонь», который является языковой универсалией, с использованием методов лингвокультурологии сделает возможным описание универсальных предметных кодов, которые играют особое значение при актуализации в рамках художественного дискурса. **Актуальность** исследования универсального предметного кода концепта «Огонь» в рамках англоязычного научного дискурса определяется тем, что исследование такого позволит углубить представления относительно отражения когнитивных процессов человека, направленных на осмысление окружающей действительности, в тексте произведения научно-фантастического жанра, что соответствует современным антропоцентричным векторам развития лингвистической научной мысли. **Цель** работы – выявление универсальных предметных кодов при репрезентации концепта «Огонь» в англоязычном научно-фан-

тастическом дискурсе. **Методы** работы – обобщение, когнитивный анализ, лингвокультурный анализ, концептуальный анализ

Определим те определения, которые представляют значимость в рамках исследования, направленного на установление единиц универсального предметного кода концепта «Огонь». Под концептом, вслед за В.И. Карасиком понимается, многостороннее смысловое образование (отражение ментальной культуры), которой состоит из ценностного, образного и понятийного компонентов [3]. Концепт «Огонь» понимается нами как универсальный концепт, имеющий два плана выражения – буквальное (результат физического процесса горения) и переносное (метафорическое осмысление огня как источника неиссякаемой энергии). Убедительную и исчерпывающую дефиницию универсального культурного кода предлагает доктор филологических наук, профессор РУДН В.И. Болотов, который рассматривает универсальный предметный код (УПК) как ментальный язык, который имеет интернациональное невербальное распространение и будет понятен носителям разных лингвокультур вне зависимости от того, на каком языке

они осуществляют вербальную коммуникацию [1, с. 119]. Изучение данного явления носит междисциплинарный характер и осуществляется на стыке лингвистики и психологии в виду того, что УПК – это феномен стыка речи человека и его интеллекта, другими совами, его можно расценивать как «код мышления», который носит интеркультурный характер [1, с. 120]. В виду того, что каждая лингвокультура многогранна, уникальна и формируется под действием национальных и исторических особенностей развития той или иной нации, представляется, что УПК будет иметь ограниченный спектр выражения, который охватит только универсальные (базовые) ментальные осмысления человеком определенного объекта реальности.

В рамках научно-фантастического дискурса, типологическими чертами которого являются, согласно Же С.О. Магалайш, являются такие признаки как ориентация на обсуждение актуальных технических достижений, а также их предвосхищение; яркость и выразительность языка; парадоксальность сюжетного содержания [4, с. 279] концепт «Огонь» занимает важное место в аспекте создания образного художественного осмысления действительности [2].

В произведении

If you asked every engineer at NASA what the worst scenario for the Hab was, they'd all answer "fire." If you asked them what the result would be, they'd answer "death by fire." (Andy Weir, Martian)

УПК концепта «Огонь», который актуализируется в примере выше – это опасность, угроза. Огонь представляется в сознании человека как разрушительная сила, которая даже может привести к смерти. Отметим, что концепт «Огонь» вмещает в себе эмотивные параметры,

которые в приведенном примере выражаются на эксплицитном уровне при помощи лексемы *death*, а также на морфологическом уровне при помощи превосходной степени сравнения эмотивного прилагательного *bad – the worst*.

Обнаружены также примеры УПК, где огонь и жизнь человека находятся в некоторой оппозиции:

I don't have the skills to keep enough H2 flowing to feed a flame without killing myself (Andy Weir, Martian).

Огонь в контексте выше представляется в виде атрибута, который нужен человеку для выживания (по сюжету научно-фантастического романа герой остался один на планете Марс и ищет способы по сохранению собственной жизни), однако, вместе с тем пламя в концептуальном представлении человека не может существовать автономно, ему необходимы горючие материалы для того, чтобы поддерживать свое физическое состояние. Вместе с тем, горение сопряжено с выбросом в воздух веществ, которые могут быть убийственны для человека, что создает концептуальный образ опасности, которая исходит от огня. Оппозиция состоит, таким образом, в противопоставлении огня, как средства для выживания и огня, как источника опасности для жизни.

Таким образом, в ходе выявления универсальных предметных кодов при репрезентации концепта «Огонь» в англоязычном научно-фантастическом дискурсе было установлено, что их спектр узок и ограничивается универсальными / базовыми ментальными представлениями человека об огне. В рамках научно-фантастического дискурса УПК огня – это «опасность», «угроза жизни», «средство для выживания». Отмечено, что УПК концепта «Огонь» могут формировать оппозицию, что свидетельствует о многомерной структуре концепта «Огонь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В.И., Закирова Е.С., Карабущенко Н.Б. Жинкин код: мысли об универсальном предметном коде (УПК) Н.И. Жинкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, -2019. -№ 3, – С. 118–132.
2. Ваганова Е.Н. Вербализация концепта «Огонь» в романе М. Сутера "Small world" // XLVII Огарёвские чтения. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2019. – С. 311–316.
3. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – 356 с.
4. Магалайш Же С.О., Остапенко И.В., Норец М.В. Жанровая классификация научной фантастики // Переводческий дискурс: Междисциплинарный подход. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 278–283.
5. Яблонская Л.В. Универсально-предметный код как репрезентация сущностного бытия личности персонажа текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2014. – С. 127–131.

© Булычева Валерия Алексеевна (b.valeria.a@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИЙ ДИСКУРСИВОВ-АДРЕСАЦИЙ В ЛЕКТОРСКОМ ДИСКУРСЕ В СФЕРЕ УЧЕБНЫХ ЛЕКЦИЙ (НА ОСНОВЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Ван Лина

К.филол.н., Пекинский университет иностранных языков,
Пекин, Китай
linawang0122@sina.com

RESEARCH OF THE FUNCTIONS
OF ENGAGEMENT MARKERS
IN THE LECTURER'S DISCOURSE
IN THE FIELD OF EDUCATIONAL LECTURES
(BASED ON THE ORIGINAL MATERIALS
OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Wang Lina

Summary: This paper examines the engagement markers of the Russian language and their corresponding pragmatic functions in the lecturer's discourse in the field of educational lectures based on the original materials of the Russian language. The purpose of the study is to reveal the features of the functioning of engagement markers of the Russian language and their subtypes in the lecturer's discourse. The scientific novelty of this work lies in the fact that we study engagement markers as a complex auxiliary communicative system with a field structure, not limited to analyzing individual discursive words. As a result of the study, the pragmatic functions of engagement markers of the Russian language in the broad sense are revealed, the applied role and frequency of use of subtypes of engagement markers in the context of educational lectures are determined.

Keywords: engagement markers, lecture discourse, pragmatic features.

Аннотация: В данной работе рассматриваются дискурсивы-адресации русского языка и их соответствующие прагматические функции в лекторском дискурсе в сфере учебных лекций на основе оригинальных материалов русского языка. **Цель исследования** – раскрыть особенности функционирования дискурсивов-адресаций русского языка и их подтипов в лекторском дискурсе. **Научная новизна** данной работы заключается в том, что мы изучаем дискурсивы-адресации как комплексную вспомогательную коммуникативную систему с полевой структурой, не ограничиваясь анализом отдельных дискурсивных слов. **В результате исследования** выявлены прагматические функции дискурсивов-адресаций русского языка в широком смысле, определены прикладная роль и частотность использования подтипов дискурсивов-адресаций в контексте учебных лекций.

Ключевые слова: дискурсивы-адресации, лекторский дискурс, прагматические функции.

Введение

В последние годы исследование дискурсивов-адресаций представляет собой центральную область современной лингвистики как в Китае, так и за рубежом. Эти дискурсивные единицы разнообразны по происхождению, морфологической и синтаксической квалификации, но объединены ролью средств, используемых в помощь говорящего установить самую непосредственную связь с аудиторией. Хотя дискурсивы-адресации переживают в данный момент настоящий бум в качестве предмета исследования, изучение таких единиц затрудняется из-за отсутствия среди лингвистов единства в подходах к ним и критериях их отграничения от других единиц, передающих основную информацию. Большинство исследований дискурсивов-адресаций только сосредото-

чено на анализировании представительных единиц этого класса. Для полного понимания специфики употребления дискурсивов-адресаций как целостной вспомогательной коммуникативной системы с набором разнообразных функций необходим какой-то комплексный подход, когда в поле зрения лингвиста попадает весь спектр дискурсивов-адресаций, функционирующих в конкретном дискурсе. Всё это обуславливает **актуальность** нашего исследования, основанного на широком подходе к дискурсивам-адресациям в лекторском дискурсе.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить **следующие задачи:**

- определить понятие «дискурсивов-адресаций» в широком смысле;
- маркировать и классифицировать единицы дис-

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке Пекинского университета иностранных языков (в рамках научно-исследовательского проекта «Исследование дискурсивных маркеров в устном научном дискурсе», проект № 2021JX019). (中央高校基本科研业务费专项资金资助)

курсивов-адресаций в созданном корпусе лекторского дискурса, а также подсчитать частотность и долю различных дискурсивных единиц;

- выявить прагматические функции дискурсивов-адресаций и их подтипов в лекторском дискурсе в контексте учебных лекций.

В процессе исследования использовался описательный метод с применением методик контекстного наблюдения, количественного и сравнительного анализа фактов, а также дискурсивного анализа.

Теоретической базой исследования послужили публикации Е. Ю. Викторовой (2016), О. Б. Сиротининой (2008), С. В. Андреевой (2005), О. Н. Паршиной (2012) и Инь Шулина (2012), в которых рассматриваются не только дискурсивы с прагматическим значением, но и дискурсивы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение, и дискурсивы, сочетающие грамматическое значение с прагматическим.

Материалы исследования в данной статье представляют собой оригинальные материалы лекторского дискурса общей продолжительностью около 8 часов в сфере учебных лекций Московского государственного университета, охватывающие 6 курсов («Лингвокультурология», «Основы лингвокультурологии», «Прагматика речевой коммуникации», «Фонетика», «Синтаксическая синонимия» и «Русский язык»), ведущиеся 5 лекторами (И.В. Захаренко, Т.Д. Венедиктова, Б.Е. Андреева, О.В. Чагина и О.В. Луценко). В процессе транскрипции собранных устных материалов мы обозначаем речь лектора символом «Л», а речь аудитории символом «А». После завершения транскрипции у нас появился общий объём исследованных материалов - 44953 словоупотребления.

Практическая значимость исследовательской работы заключается в том, что ее результаты и материалы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при разработке и чтении курсов и спецкурсов по теории коммуникации, анализу дискурса и функциональной стилистике. Полученные данные могут найти применение в учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий.

Основная часть

Как Викторова (2016) доказывает, что дискурсивные маркеры (или дискурсивы) представляют собой систему вспомогательных коммуникативных единиц, имеющих полевою структуру. Установлено, что ядро их поля образуют дискурсивные единицы с прагматическим значением, представленные собственно дискурсивами (*ну; вот; то есть; например* и др.), а единицы, совмещающие пропозициональное и прагматическое значение (*обратите внимание; следует отметить; сейчас мы подошли к... и др.*), и единицы, сочетающие грамматическое значение с

прагматическим (*несмотря на; благодаря* и др.), т. е. синкретичные дискурсивы, формируют переходную зону их поля. Мы согласны с точки зрения Викторовой и изучаем дискурсивы-адресации в широком смысле с целью всестороннего анализа специфики их функционирования.

В созданном корпусе материалов, содержащем 44953 словоупотребления, всего зарегистрированы 7038 дискурсивов, в том числе и 784 единицы, выполняющие функцию адресации. Дискурсивы-адресации напрямую ориентированы на активность участия слушающих на коммуникации, являются таким речевым средствами, которые «связаны с реакцией слушающих» (Го Хунвэй, 2014, с. 66). В связи с этим, дискурсивы-адресации включают в себя 4 подтипа, именно маркеры обращения, маркеры риторических вопросов, побудительные маркеры и этикетные маркеры. Каждый подтип маркеров имеет свои особенности в области частотности употребления. Представленная ниже таблица (Табл. 1) демонстрирует количественные данные по употреблению всех подтипов дискурсивов-адресаций в лекторском дискурсе. Дискурсивные маркеры даны в порядке убывания суммы количества их употребления.

Таблица 1.

Употребление дискурсивов-адресаций в лекторском дискурсе

№	подтипы дискурсивов-адресаций	количество употреблений	процент от общего количества дискурсивов-адресаций (%)
1	маркеры риторических вопросов	521	66.5
2	побудительные маркеры	128	16.3
3	этикетные маркеры	121	15.4
4	маркеры обращения	14	1.8

А теперь мы посмотрим особенности функционирования каждого подтипа дискурсивов-адресаций в лекторском дискурсе в сфере учебных лекций.

1. Маркеры риторических вопросов

Прежде всего нам нужно анализировать самый частотный подтип дискурсивов-адресаций. Как можно видеть из таблицы 1, лидером по количеству употреблений дискурсивов-адресаций в лекторском дискурсе являются маркеры риторических вопросов, зарегистрирован 521 случай их использования, что составляет 66.5% от всех дискурсивов-адресаций.

Следует отметить, что в «Грамматике-80» функция вопросительных предложений разделена на первичную и вторичную (Русская Грамматика, с. 394). Если говорящий задает вопросы с намерением получения неизвестных информации, то вопросительные предложения выполня-

ют первичную функцию. А при условии, что говорящий не ожидает ответа от слушающего, то цель их употребления состоит в том, чтобы выразить различные риторические смыслы говорящего. Маркеры риторических вопросов, как важный сигнал построения вопросительных предложений, выполняющих вторичную функцию, могут не только эффективно фокусировать и контролировать внимание аудитории в сфере учебных лекций, но и «укреплять определенную точку зрения или концепцию в форме вопросов, также побуждать активное мышление и участие аудитории» (Цзян Хуэй, 2020, с. 31). Их можно разделить на тип одинарной структуры и тип сложной структуры, в качестве типа первого часто такие сигналы, как *да?*; *а?*; *так?*; *так да?*; *помните?*; *понятно?*; *все понятно?*; *понимаете?*; *понимаете ли?*; *правда?*; *правильно?*; *хорошо?*; *(вы) знаете?*; *видите?*; *слышите?*; *согласитесь?*; *согласны?*; *что значит ...?*; *вы понимаете, что ...?* и т.д. Данные средства выполняют очень важную роль на лекциях, посредством них лектор проверяет работу канала связи с аудиторией, а также регулирует прямое общение с ней. Посмотрите, пожалуйста, примеры:

1. Л–*Это эмоционально-образное восприятие феноменов действительности, да? То есть обязательно есть образ, есть некая эмоциональная составляющая.*
(И. В. Захаренко, «Основы лингвокультурологии», дата обучения: 10. 12. 2018)
2. Л–*Но понимаете? Люди, которые никогда это не обсуждали публично, понимаете? Они не будут это обсуждать публично, не обязательно, да? Есть в России секс или нет в России секс, просто они не будут по своим каким-то моментам воспитания, деликатности, я не знаю, интеллигентности и еще другие.*
(И. В. Захаренко, «Лингвокультурология», дата обучения: 10. 12. 2018)
3. Л–*Помните? Мы смотрели с вами в прошлый раз, глагол «тушеваться» у нас был, помните? «Тушеваться», Достоевский придумал этот глагол.*
(О. В. Чагина, «Синтаксическая синонимия», дата обучения: 07. 11. 2019)

В примере 1) с помощью маркера риторических вопросов «да?» лектор сознательно хочет подтвердить, что соответствующая информация доставлена своевременно или точно понята. А в примере 2) лектор включает в непрерывное обучение 2 одинаковых маркера «понимаете?» и «да?» не для того, чтобы задавать студентам вопросы или ожидать от них положительные ответы, а для мобилизации внимания аудитории к знаниям, что свидетельствует о том, что лектор придает большое значение существованию аудитории, укрепляет взаимодействие между обеими сторонами коммуникации. Аналогично, используя маркер риторических вопросов «помните?» в примере 3), говорящий пытается активировать некоторую известную информацию или запасы знаний в когнитивной памяти аудитории, чтобы усилить эффект пере-

дачи содержаний на лекции.

В качестве типа второго обычно такие маркеры, которые состоят из двух элементов («вопрос-ответ»), в том числе *почему? Потому что ...; знаете почему? Потому что ...; что здесь случилось? Получилось, что ...; что такое ...? он гласит или он значит, что; что такое ...? Это ...; почему ...? Потому что ...* и др. По мнению Паршиной, данные единицы могут придать дискуссии определенную логичность, завершенность и выразительность, поэтому Паршина их называет «сложной структурой дискурсива», рассматривает как «дискурсивное целое» на прагматическом уровне (Паршина, 2012, с. 87). Давайте приведем примеры.

4. Л–*В американской культуре вообще удивительная вещь. Почему? Потому что мультфильм американский существует мультик, а Винни пух для них не является прецедентным именем, он существует для них только на уровне персонажа данного мультфильма.*
(И. В. Захаренко, «Основы лингвокультурологии», дата обучения: 10. 12. 2018)
5. Л–*Когда собираются вместе француз и русский, они могут совершенно прекрасно говорить о Бородине и уйти абсолютно довольными оба, потому что в представлении французов это победа, и в представлении русских это тоже победа, ну и поговорили замечательно, каждый ушел при своем мнении, то есть что здесь случилось? Получилось, что событие определенное, в данном случае исторический факт, э... предстали в литературном произведении так, что потом литературное произведение стало функционировать как прецедентный текст.*
(Там же)

В примере 4) лектор сначала использует первый элемент маркера «Почему?», чтобы предоставить студентам достаточное право высказывания и мобилизовать их на размышление о причинах того, что «Винни пух в американской культуре не является прецедентным именем». В то же время, лектор не требует от студентов на ответ, он сам дает объяснение с помощью второго элемента маркера «Потому что». Здесь мы можем заметить, что такая сложная структура не только сохраняет лицо студентов, снижает их тревогу и нервозность при услышанном вопросе, но и фокусирует внимание и интерес слушающих на излагаемых знаниях, что значительно повышает эффективность дискурсивной аргументации.

Соответственно, в контексте учебных лекций, показанном в примере 5), лектор также употребляет сложную структуру маркера риторических вопросов «что здесь случилось? Получилось, что». Первая часть маркера «что здесь случилось?», с одной стороны, составляет своего рода «барьер» или «логическую паузу» (Паршина,

2012, с. 87), может заставить студентов задуматься о причине того явления, что «*русские и французы хорошо беседуют и все думают, что они сами победители в битве при Бородино*», а с другой, вызывает у студентов сильное ожидание следующего объяснения. Затем с помощью второй части маркера «*Получилось, что*», проводится соответствующий анализ. Можно сказать, что эта стратегия обучения не только соответствует психологическим ожиданиям аудитории, способствует повышению интереса студентов к обучению, но и подчеркивает тему курса, значительно усиливает эффект передачи знаний.

2. Побудительные маркеры

В качестве «дирижерской палочки управления учебными лекциями» (Го Хунвэй, 2014, с. 66), побудительные маркеры, которые в основном существуют в форме императивной структуры, непосредственно инструктируют и направляют аудиторию для выполнения учебных задач. При анализировании употребления побудительных маркеров в корпусе материалов обнаружено, что наиболее часто употребляемыми вербальными средствами являются «конструкция-давайте» и «конструкция-пожалуйста», такие как (*ну давайте; давайте еще раз; давайте так; ну давайте все вместе; давайте посмотрим; давайте по два; пожалуйста* и т. д. Теперь давайте их проанализируем на конкретных примерах.

6. Л–*Так, ну давайте все вместе. «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». В ваших языках есть такая поговорка? Давайте, у кого, как она звучит? пожалуйста, так, пожалуйста. Вы из Италии, так, в итальянском есть похожая? Если ты не красивый, не надо говорить, что это зеркало некрасивое, ты сам виноват.* (О.В. Чагина, «Синтаксическая синонимия», дата обучения: 07. 11. 2019)
7. Л–*Давайте с вами посмотрим внимательно. Видите? Нужно, там всегда надо, нужно всегда падеж три. «Мне надо», «Моему другу надо», «Студенту, студентке надо, нужно». Это падеж три.* (О.В. Луценко, «Русский язык», дата обучения: 10. 04. 2020)

Слова «давайте» и «пожалуйста» как типичные побудительные маркеры, широко используются в лекторском дискурсе. Как в примере 6), лектор употребляет эти 2 маркера, чтобы побудить аудиторию рассказать о своем восприятии поговорки «*Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива*». И к тому же, в этом случае использование побудительного маркера в виде предложения «*давайте все вместе*» указывает на то, что лектор напоминает студентам о необходимости чтения вслух, и после получения данного сигнала, студенты выполняют соответствующие задачи.

Кроме того, маркер «давайте» также употребляется в

сочетании с глаголами будущего времени от первого лица во множественном числе для обозначения того, что говорящий приглашает аудиторию к участию в определенном поведении. Этот способ может усилить интимность обеих сторон в общении, является типичной стратегией прагматической эмпатии. Например, четкая инструкция лектора «*давайте с вами посмотрим внимательно*» в примере 7) представляет собой «инклюзивную» конструкцию (то есть *inclusive-we*), которая успешно превращает «вы» в «мы», и «группирует лектора и студентов в один лагерь» (Чэнь Нань; Чжоу Сяобин, 2020, с. 48). Можно сказать, что такие маркеры значительно сокращают психологическую дистанцию между собой, и реализуют эмоциональное сближение обеих сторон. Таким образом, интерес аудитории к участию в учебной деятельности может быть в полной мере стимулирован, и качество преподавания на лекции также соответственно оптимизировано.

Кроме вышеуказанных типичных единиц, в конкретном контексте побудительные маркеры также включают в себя и *ну-ка; поехали; продолжайте; представьте себе; еще раз; посмотрите дальше; вспоминайте; вспоминаем* и др. Все эти вспомогательные коммуникативные единицы играют руководящую роль в процессе передачи знаний, имеют большое значение для повышения эффективности преподавания.

3. Этикетные маркеры

Все мы знаем, что вежливость как своего рода приличное поведение в социальной практике, может быть представлен различными языковыми средствами, одно из них представляют собой этикетные маркеры. Использование этикетных маркеров считается важным социальным требованием для установления и поддержания межличностных отношений между собеседниками (Spencer-Oatey 2008). Мы обнаружили, что в контексте учебных лекций общеупотребительные маркеры речевого этикета в основном представляют собой такие формулы, которые используются для выражения благодарности (*спасибо; спасибо большое; спасибо за терпение*), извинения (*извините; извините меня; простите*), просьбы (*пожалуйста; будьте добры*), запроса (*скажите; скажите, пожалуйста*), ответа (*да не за что; ничего страшного*) и прощания (*до свидания*) и т.д. Эти единицы функционируют как отличительные признаки устной научной речи от письменных (Викторова, 2016, с. 180). Лектор их употребляет для того, чтобы выразить уважение к студентам и удовлетворить лицо студентов, поэтому этикетные маркеры служат кооперативному общению и в основном выполняют «регулирующую функцию» и «эмоционально-модальную функцию» (Формановская 2008).

8. Л–*Если вы не помните, что такое конативная функция, вспомните, пожалуйста, к следующему разу. Вы, наверняка, помните, что такое фатиче-*

ская речь, что такое фатика?

(Т.Д. Венедиктова, «Прагматика речевой коммуникации», дата обучения: 19. 11. 2018)

9. Л–Так, в следующий раз мы заканчиваем с вами семантизацию, вот этой лексическую семантизацию и переходим уже собственно к синтаксической семантизации, которая связана с эмоциями. Эмоция, большое семантическое поле, поэтому так много мы уделяем внимания этому. **Спасибо за внимание. Спасибо за терпение. Спасибо. До понедельника.**

(О.В. Чагина, «Синтаксическая синонимия», дата обучения: 07. 11. 2019)

Как в примере 8), этикетный маркер «*пожалуйста*», использующийся в сочетании с повелительной формой глагола второго лица *вспомните*, может изменить импульс дискурса лектора с сильного требования на мягкую просьбу, то есть может эффективно ослабить «движущую и принудительную силу речевого поведения лектора по отношению к учащимся» (Цзян Хуэй, 2020, с. 49), и наконец, «создать учебную атмосферу взаимного уважения» (Lin, 2010, с. 1178).

К тому же, в учебном контексте, показанном в примере 9), с помощью 3 маркеров «*Спасибо за внимание*», «*Спасибо за терпение*» и «*Спасибо*» лектор выражает свою благодарность за обязанность студентов, затем используя «*До понедельника*», лектор прощается со студентами и сообщает время следующего занятия. Можно сказать, что все эти дискурсивные единицы отражают глубокое нравственное воспитание лектора, могут значительно усилить ритуальное чувство на лекции.

4. Маркеры обращения

Мы отмечаем, что в нашем корпусе материалов зарегистрировано 14 случаев использования маркеров обращения, что составляет 1.8% от всех дискурсивов-адресаций. Хотя частотность их использования представляет собой самой низкой, эти единицы играют очень важную роль при прямом общении между лектором и студентами. Как Юань Линь указывает, маркеры обращения «отражают роли, идентичности, социальный статус и близость обеих сторон коммуникации, а также чувства адресанта к адресату» (Юань Линь, 2014, с. 34). Поэтому лектор выбирает разные маркеры обращения в соответствии со своими коммуникативными намерениями. Вообще говоря, в данном созданном корпусе материалов лекторского дискурса, маркеры обращения в основном выполняют 3 функции: во-первых, они могут указать на идентичность адресата (например, *ребята*, *славянская общность наша*); во-вторых, могут указать на пол и возраст адресата (например, *девочки*); и в-третьих, могут раскрыть близость обеих сторон коммуникации (например, *друзья мои*, *моя семья*). А теперь давайте их проанализируем на

конкретных примерах в лекторском дискурсе.

10. Л–Так, **ребята**, все вместе, это значит, все вместе. «Позвонил своему отцу». Так, **ребята**, что случилось? Почему вы стали так плохо заниматься? Почему вы занимаетесь плохо в этом семестре? Вы даже меня не слышите, я говорю, все вместе. (О.В. Луценко, «Русский язык», дата обучения: 10. 04. 2020)

11. Л–Ну вы знаете теперь, что этот глагол «*тушеваться*» новый современный, а этот имеет такую... очень старую основу архаическую. Так, **девочки**, Италия, Польша, Хорватия, Турция, У нас коллеги из Кореи есть сегодня, нет? Так, **девочки**, есть?

(О.В. Чагина, «Синтаксическая синонимия», дата обучения: 07. 11. 2019)

12. Л–То, что про универсальный, мы только что говорили, **друзья мои**, избегайте этого слова, универсальные феномены, потому что я думаю, что их раз, два и обчелся, именно для китайской, конечно, для китайцев.

(И.В. Захаренко, «Основы лингво-культурологии», дата обучения: 10. 12. 2018)

В вышеуказанном примере 1) маркер обращения «*ребята*» четко указывает на прагматическую идентичность студентов, и к тому же, «*ребята*» в данном контексте может подчеркнуть институциональную идентичность лектора, отражает неудовлетворенность студентами на лекции. А в примере 2) маркер обращения «*девочки*» выражает пол и возраст студентов. Все мы знаем, что слово «*девочки*» обычно относится к несовершеннолетним, а здесь студентки - взрослые. Не противоречит ли это друг другу? Конечно нет. Целью использования слова «*девочки*» в этом случае является создание интимной и дружеской атмосферы. Поэтому такие обращения Гольдин называет «обращениями-регулятивами» (Гольдин, 1978, с. 80), считает, что они могут вызвать положительный отклик слушающих на содержание дискурса. Соответственно, используемый маркер обращения «*друзья мои*» в примере 3) свидетельствует о том, что лектор относится к студентам как к своим друзьям, что не только ослабляет авторитетную идентичность лектора, сокращает психологическую дистанцию обеих сторон коммуникации, но и позволяет испытать равную осведомленность и уважение лектора к студентам.

Следовательно, использование разных маркеров обращения, это целенаправленный и осознанный выбор метадискурса лектора. Можно сказать, что правильное и разумное их употребление является эффективным средством регулирования учебных лекций.

Заключительная часть

Исходя из полученных нами результатов, можно констатировать, что дискурсивы-адресации играют очень важную роль в контексте учебных лекций. Основываясь в своем анализе на оригинальных материалах лекторского дискурса мы можем **сделать следующие выводы.**

Дискурсивы-адресации представляют собой такие единицы, которые напрямую ориентированы на активность участия аудитории на коммуникации, и с их помощью у лектора будет возможность установить самую непосредственную связь с аудиторией.

Дискурсивы-адресации включают в себя 4 подтипа – маркеры обращения, маркеры риторических вопросов, побудительные маркеры и этикетные маркеры. Каждый подтип маркеров имеет свои особенности в области частотности употребления и функционирования.

По статистическим данным (Табл. 1) лидером по количеству употреблений дискурсивов-адресаций в лекторском дискурсе являются маркеры риторических вопросов, зарегистрирован 521 случай их использования, что составляет 66.5% от всех дискурсивов-адресаций. Данные единицы могут подчеркивать тему дискурса, способствовать повышению интереса

студентов к обучению, и соответственно значительно усиливать эффект передачи знаний. А частотность использования маркеров обращения представляет собой самой низкой, зарегистрировано только 14 случаев их использования, что составляет 1.8% от всех дискурсивов-адресаций. Маркеры обращения могут отражать роль, идентичность, социальный статус и близость обеих сторон коммуникации, а также чувство адресанта к адресату. Кроме того, побудительные маркеры (зарегистрировано 128 случаев использования, что составляет 16.3% от всех дискурсивов-адресаций) функционируют в качестве «дирижерской палочки управления учебными лекциями». Этикетные маркеры (зарегистрирован 121 случай использования, что составляет 15.4% от всех дискурсивов-адресаций) служат кооперативному общению и в основном выполняют «регулирующую функцию» и «эмоционально-модальную функцию».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении каждого подтипа дискурсивов-адресаций, а также связи между конструированием прагматической идентичности лектора и функционированием дискурсивов-адресаций с точки зрения теории прагматической идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова Н.Ю. (гл. ред.) и др. Русская грамматика [М]. В 2-х т. М. Наука. 1980.
2. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования [D] // Саратов. СУ. 2016.
3. Гольдин В.Е. Этикет и речь [М]. Саратов. Издательство Саратовского университета. 1978.
4. Паршина О.Н. Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте [J] // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012 (№3). 83-90.
5. Сиротинина О.Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка [A] // Исследования по семантике. Вып. 24 [С]. Уфа. 2008. 476-480.
6. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты [М]. М. URSS. 2008.
7. Lin C. '... that's actually sort of you know trying to get consultants in ...': Functions and multifunctionality of modifiers in academic lectures [J] // Journal of Pragmatics. 2010. 42 (№5). 1173-1183.
8. Spencer-Oatey, H. Face, (Im) Politeness and Rapport [A] // H. Spencer-Oatey (гл. ред.) Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory [С]. London. Continuum. 2008.
9. 殷树林. 现代汉语话语标记研究 [M], 北京: 中国社会科学出版社, 2012. (Инь Шулин, Исследование дискурсивных маркеров в современном китайском языке [M]. Пекин. China Social Sciences Press. 2012.)
10. 姜晖. 基于人际关系管理理论的高校英语教师课堂元话语研究 [J], 外语学刊, 2020 (4), 45-50. (Цзян Хуэй, Исследование метадискурса лекторов английского языка на лекциях на основе теории управления межличностными отношениями [J] // Journal of Foreign Languages. 2020 (№4). 45-50.)
11. 袁琳. 俄语呼语的系统功能语言学角度观察 [J], 中国俄语教学, 2014 (04), 34-39. (Юань Линь. Системно-функциональное лингвистическое исследование обращений русского языка [J] // Преподавание русского языка в Китае. 2014 (№04). 34-39.)
12. 陈楠, 周小兵. 基于礼貌策略的中英汉语教材指令语对比研究 [J], 华文教学与研究, 2020 (№2), 47-54. (Чэнь Нань, Чжоу Сяобин. Сравнительное исследование императивных маркеров в учебниках китайского языка в Китае и Америке на основе стратегии вежливости [J] // Преподавание и исследования китайского языка. 2020 (№2). 47-54.)
13. 郭红伟. 中国高校英语教师课堂元话语三维功能研究 [J], 中国外语, 2014 (2), 60-67. (Го Хунвэй. Исследование трехмерной функции метадискурса лекторов английского языка на лекциях в китайских университетах [J] // China Foreign Languages. 2014 (№2). 60-67.)

© Ван Лина (linawang0122@sina.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Голикова Татьяна Олеговна

*К. филол. н., доцент, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной Службы при Президенте
Российской Федерации – РАНХиГС, г. Москва
tatianagolikova73@yandex.ru*

THE ORIGIN OF MODERN ENGLISH SET EXPRESSIONS

T. Golikova

Summary: The article deals with the history of the origin of a number of English and American set phrases, idioms, proverbs. It studies phraseological units that contain proper names as well as phraseological units with an interesting background. The findings are made on analysis of a large number of examples of English and American idioms. In conclusion an assumption is made about the functions of idioms in fiction and in everyday talk, as well as in the language as a whole. The interpretation of idioms and studying the history of their appearance is topical because it contributes to a study of national and cultural specifics of the language and finally promotes a success of cross-cultural communication. The material of the research is also new and original: it is rich in idioms which are not very popular and can be unknown to the general reader.

Keywords: idiom, phraseological unit, national and cultural specifics of a language, cross-cultural communication, folk wisdom.

Аннотация: В статье рассматривается история возникновения ряда английских и американских устойчивых выражений, идиом, пословиц. Изучаются фразеологизмы, содержащие имена собственные, а также фразеологизмы с интересной историей происхождения. Выводы сделаны на основе анализа большого количества примеров английских и американских идиоматических выражений. В заключение делается предположение о функциях идиом в художественной и живой речи и в языке в целом. Актуальным является толкование идиоматических выражений и обращение к истории их возникновения, т.к. это вносит вклад в изучение национально-культурной специфики языка и, в конечном итоге, способствует более полному осуществлению межкультурной коммуникации. Новым и необычным является также и материал исследования: в нем много идиом, которые не на слуху и могут быть неизвестны широкому читателю.

Ключевые слова: идиома, фразеологизм, национально-культурная специфика языка, межкультурная коммуникация, народная мудрость.

Фразеологический состав языка – это бездонная кладовая лексики и знаний о мире. В фразеологизмах «отображено все: история страны, история развития языка, различные культурные явления и отношение говорящего к ним» [1. С.94]. Устойчивые и идиоматические выражения «аккумулируют национально-культурную специфику языка и являются неотъемлемой частью глобальной межкультурной коммуникации» [1. С.96]. Пословицы содержат вековую народную мудрость и дают практические советы о том, как надо жить. Все это очень интересно и познавательно.

Английскому языку в Великобритании более полутора тысяч лет. Четыреста лет американскому варианту английского языка. Все это время развивался словарный состав общего английского, британского английского и американского английского, в том числе устойчивые выражения и идиоматика. Было бы интересно посмотреть на происхождение общеанглийских и американских устойчивых выражений, идиом, пословиц. Это и составляет цель данной статьи.

Для того, чтобы рассмотреть устойчивые выражения, идиомы, пословицы (фразеологизмы) были проанализированы словари Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English под редакцией A.S. Hornby [2] и American Idioms Dictionary Ричарда А. Спирса

[3]. Выделенные фразеологизмы подразделяются на три большие группы: (1) фразеологизмы с прозрачным значением, (2) фразеологизмы с непрозрачным значением, которое, однако, становится понятным в процессе семантического развертывания, и (3) фразеологизмы с непрозрачным значением, которое нельзя объяснить.

Среди второй группы единиц (фразеологизмов, значение которых можно объяснить) выделяется группа единиц, содержащих имена собственные. Например, *according to Hoyle* – согласно правилам, в соответствии с тем, как это обычно делается. (Это выражение относится к правилам карточной игры бридж. Эдмонд Хойл написал книгу о бридже. Данное выражение обычно используется для иных ситуаций, чем игра в бридж):

Eg. The carpenter said "This is the way to drive a nail, according to Hoyle" [3].

К единицам, содержащим имена собственные, относится американская идиома *to be from Missouri*. Она означает «требовать доказательств, требовать, чтобы тебе объяснили». Это выражение происходит от девиза штата Миссури: штат «Покажи мне». То есть жители штата Миссури не верят на слово, а требуют доказательств.

Eg. 1) You'll have to prove it to me. I'm from Missouri.

2) She's from Missouri and has to be shown [3].

К этой же группе относится общеанглийская поговорка *All roads lead to Rome*, которая означает, что существует множество различных путей к одной цели:

Eg. Some people learn by doing. Others have to be taught. In the long run, all roads lead to Rome [3].

Данная поговорка заимствована из латыни. Этим и объясняется употребление имени собственного Rome.

Сюда же относится общеанглийская поговорка *All work and no play makes Jack a dull boy*, которая означает, что работу надо чередовать с отдыхом. Имя Jack не относится к какому-либо отдельному человеку, и это выражение может использоваться для людей обоих полов:

Eg. Stop reading that book and go out and play! All work and no play makes Jack a dull boy [3].

Больше среди фразеологизмов с непрозрачным значением групп единиц не выявлено, но выявлены единицы с очень интересной историей происхождения.

Так, американское устойчивое выражение *to give someone a raincheck*: сказать кому-то, что приглашение на какое-либо мероприятие переносится на более позднюю дату, – происходит от игры в бейсбол. Когда бейсбольные матчи приходилось отменять из-за дождя, зрителям выдавали ваучер (rain check), который был пропуском на событие, перенесенное на более позднее время. Со временем выражение стало использоваться и для других ситуаций:

Eg. We couldn't go to the Williams' party, so they gave us a rain check [3].

Американское разговорное выражение *to have a ball* – потрясаяще провести время – восходит к существительному ball: большой, обычно роскошный танцевальный вечер [4], – которое со временем стало обозначать необыкновенно хорошо проведенное время [4].

Eg. 1) The picnic was fantastic. We had a ball!
2) Hey, Mary. Have a ball at the party [3].

Устойчивое разговорное выражение *all systems are go* или *all systems go* (все готово) изначально использовалось в космической промышленности при подготовке к пуску ракеты. Затем оно стало использоваться в повседневном обиходе.

Eg. 1) The rocket is ready to blast off – all systems are go.
2) Tom: Are you guys ready to start playing?
Bill: Sure, Tom, all systems go [3].

Общеанглийское разговорное выражение *all the rage* (по последнему крику моды) восходит к существительному rage, которое, в частности, имеет следующие значения:

- ...
- 4. a violent desire or passion (ярость);
- 5. ardor, fervor, enthusiasm (неистовство);

6. the object of widespread enthusiasm (повальное увлечение, помешательство) [4].

В данном выражении слово rage реализует свое шестое значение. Это значение является производным от пятого значения (неистовство). В процессе развития словарного состава языка слово rage стало обозначать объект ярости и неистовства, т.е. повальное увлечение, помешательство. Это значение мы видим в контексте устойчивого выражения:

Eg. 1) A new dance called the "floppy disc" is all the rage.
2) Wearing a rope instead of a belt is all the rage these days [3].

Выражение *all thumbs* означает неловкий, неуклюжий, особенно в работе руками. Понятно, что неуклюжий на руку человек воспринимается как некто, у кого на руках все пальцы большие. В этом случае он совсем не может работать руками:

Eg. 1) Poor Bob cannot play the piano at all. He's all thumbs.
2) Mary is all thumbs when it comes to gardening [3].

Идиома *all wool and a yard wide* (предположительно американская) означает подлинный, прекрасный, искренний (genuine, excellent, sincere [4]). Она родилась из описания шерстяной ткани, которая на сто процентов состоит из шерсти и имеет стандартную ширину в один ярд. Иными словами, *all wool and a yard wide* дословно означает точно соответствующий стандарту:

Eg. 1) Old Bob is a true gentleman – all wool and a yard wide.
2) The banker, hardly all wool and a yard wide, wouldn't give us a loan [3].

Разговорное выражение *as easy as duck soup* означает легкое дело, плевое дело, раз плюнуть [5]. Оно произошло из процесса приготовления утки. Когда готовится утка, она выпускает много жира и сока, делая суп без усилий.

Eg. 1) Finding your way to the shopping centre is easy as duck soup.
2) Getting Bob to eat fried chicken is as easy as duck soup [3].

Выражение *hard as nails* (жестокый, бесчувственный) восходит к гвоздям, для забивания которых необходим молоток.

Eg. Ann was unpleasant and hard as nails [3].

Значение выражения *to be at sea about something* – быть в полном недоумении, не знать, что делать, что сказать и т.п., зайти в тупик [5] – основано на образе путешественника по волнующемуся морю. Человек не может ни на что опереться. Поэтому он сбит с толку, в полном недоумении.

Eg. 1) Mary is all at sea about getting married.
2) When it comes to higher math, John is totally at sea [3].

Фразеологизм *back to the salt mines* (опять за лямку, на каторжные работы [5]) означает, что наступает время вернуться к работе, школе или чему-то еще, что может быть неприятным (фраза подразумевает, что говорящий – раб, который работает на соляных копях).

Eg. 1) It's eight o'clock. Time to go to work! Back to the salt mines.

2) School starts again in the fall, and then it's back to the salt mines again [3].

Выражение *ball and chain* означает бремя, обуза, тяжкая обязанность [5]. Каторжников иногда заковывали цепью, прикрепленной к ноге с одной стороны, и к тяжелому металлическому шару с другой.

Eg. 1) Tom wanted to quit his job. He said he was tired of that old ball and chain.

2) Mr. Franklin always referred to his wife as his ball and chain [3].

Выражение *blow-by-blow account* или *blow-by-blow description* (of an event) означает детальное описание события в том порядке, в котором оно происходит. Изначально это выражение относилось к боксу: боксерский поединок описывался удар за ударом.

Eg. 1) I want to listen to a blow-by-blow account of the prize fight.

2) The lawyer got the witness to give a blow-by-blow description of the argument [3].

Фразеологизм *Break a leg!* (сломай ногу) относится к театральному сленгу и означает «Удачи!». Это выражение говорится актерами перед представлением вместо «Good luck!». Сказать выражение Good luck! перед представлением в театре считается плохой приметой.

Eg. 1) Before the play, John said to Mary, "Break a leg!"

2) Saying "Break a leg!" before a performance is an old theatrical tradition [3].

Выражение *to break the ice* (сломать лед) означает инициировать обмен репликами в обществе и начать общение; а также начать что-либо другое. (Лед иногда относится к холодности в обществе).

Eg. 1) Tom is so outgoing. He's always the first one to break the ice at parties.

2) It's hard to break the ice at formal events.

3) Sally broke the ice by bidding \$ 20,000 for the painting [3].

Английское выражение *a bull in a china shop*, в отличие от русского аналога «слон в посудной лавке», имеет два значения. Во-первых, это очень неуклюжий человек вокруг хрупких вещей (china – фарфор). И во-вторых, это бездумный и бестактный человек. Второе значение является производным от первого.

Eg. 1) Look at Bill, as awkward as a bull in a china shop.

2) Get that big dog out of my garden. It's like a bull in a china shop.

3) Bob is so rude, a regular bull in a china shop [3].

Этот список фразеологизмов с интересной историей происхождения можно значительно продолжить.

Английские и американские устойчивые выражения, идиомы, пословицы употребляются в разговорной речи, в художественной литературе и публицистике. Они делают разговорную речь более точной, емкой, экспрессивной. Что касается художественной литературы, то «английские фразеологические единицы добавляют когнитивно-коннотативные оттенки, сокращая длинные конструкции и многословность. Благодаря идиомам [художественная] речь становится более красивой и стройной» [1. С.94].

Можно сказать, что фразеологизмы добавляют пряности и аромата языку, придают остроту британскому, американскому английскому.

В целом, использование фразеологизмов: устойчивых выражений, идиом, пословиц, – делает нашу речь более яркой и экспрессивной. Фразеологизмы «расширяют наш кругозор и заставляют мыслить в разных направлениях, ведь зачастую над их значением стоит задуматься» [1. С.96]. Понимание и употребление фразеологизмов помогает нам эффективно общаться с носителями языка, «обогащают нашу речь, делая ее более естественной и стройной» [1. С.96].

ЛИТЕРАТУРА

1. Веказина Е.А., Фадеева Л.Ю. Прагматика использования английских идиом // Педагогический форум. – Тольятти: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Поволжская академия образования и искусства имени Святого Алексея, митрополита Московского» – 2021. – № 1 (7). – С.94–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46194215> (дата обращения: 05.07.22).
2. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1905 p.
3. Spears, Richard A. NTC's American Idioms Dictionary. – 3rd ed. – USA: National Textbook Company. – 2000. – 641 p.
4. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New York/Avenel, New Jersey: Gramercy Books, 1996. – 1693 p.
5. Новый большой англо-русский словарь / под общ. ред. Ю.Д. Апресяна: в 3т. – М: Русский язык, 1994. – Т. 1 – 828 с; Т. 2 – 831 с; Т. 3 – 821 с.

© Голикова Татьяна Олеговна (tatianagolikova73@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЯ «ЛОЯЛЬНОСТЬ» В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОРПУСАХ

INTERPRETATION OF KNOWLEDGE "LOYALTY" IN RUSSIAN AND ENGLISH CORPORA

V. Grekhovodov

Summary: This article is devoted to the evaluative interpretation of the term 'loyalty' in the mental comparison of English and Russian language culture. With the help of the thesaurus function and analyzed semantic synonyms, occasional formations, and syntactic structures of lexical units of loyalty were described. The empirical base of the research comprises the texts of the English and Russian billion corpuses RutenTen11 and EnTenTen13 with help of the corpus manager SketchEngine.

Keywords: loyalty, sketch, linguistic world image, corpus research, SketchEngine platform.

Греховодов Владислав Александрович

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород
Grekhovodov1@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена оценочной интерпретации термина лояльность в ментальном сопоставлении английской и российской языковых картин. С помощью функции тезауруса были выделены и проанализированы семантические синонимы, окказиональные образования и синтаксические структуры лексических единиц лояльность/loyalty. Эмпирической базой послужили тексты английских и русских корпусов-миллиардных RutenTen11 и EnTenTen13 с использованием корпус менеджера SketchEngine.

Ключевые слова: лояльность, скетч, языковая картина, корпусное исследование, платформа SketchEngine.

Введение

Начиная с 20 века термин «лояльность» является общеупотребительным в русскоговорящей культуре. Содержание этого понятия достаточно активно исследуется в социологии, политологии и философии [3, 5, 10]. В зависимости от сферы употребления «лояльность» употребляется в нескольких значениях, например, как приверженность идеям и идеалам общественных институтов и отдельных значимых в своей сфере личностей.

Данная работа является попыткой проанализировать и сопоставить различные точки зрения в понимании и восприятии англо- и русскоговорящими культурами термина «лояльность». Задачей данного исследования является определение места, занимаемое лояльностью в англо- и русскоговорящих языковых картинах, и выявление различий и сходств интерпретации данного термина.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе больших корпусов RuTenTen11 [10] и EnTenTen13 [7] с помощью платформы SketchEngine. Данные корпуса собраны с помощью скроллинга интернета [2, с. 54-68], корпуса состоят из 14,6 млрд и 19,7 млрд словоупотреблений соответственно. Лексема «лояльность» в русскоязычном корпусе имеет 145.132 вхождения, лексема loyalty имеет 318.929 вхождений. Характерной особенностью может оказаться то, что в русском языке слово лояльность употребляется в двух значениях: 1) верность действующим

законам, постановлениям органов власти (иногда только формальная, внешняя) и 2) корректное, благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо [4, с. 756]. В системе SketchEngine была составлена случайная выборка из ста текстов, содержащих слово лояльность. Анализ данной выборки показал, что лояльность в значении «верность действующим законам, постановлениям органов власти» употреблялась 31 раз, а в значении «корректное, благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо» – 69 раз.

Результаты и их обсуждение

С помощью функции тезауруса в платформе Sketch Engine [9, р. 105–116] была составлена и проанализирована таблица 1, в которой указаны семантические синонимы лексических единиц лояльность/loyalty. Тезаурус является одним из эффективных инструментов для исследования отдельных предметных областей. В отличие от толковых словарей тезаурус помогает выявить не только определение слова, но и определить предметно-логическое значение контекстуально синонимичных словам лояльность/loyalty [8, р. 807–818]. Анализ данных аксиологом помогает обозначить, какие ценности по мнению англо- и русскоговорящих являются смежными с понятием лояльность, а значит сделать выводы в определении содержания слов лояльность/loyalty.

Исследованию подверглись по десять скетчей, входящих в каждый корпус и отсортированные по убыванию коэффициента относительной чистоты для русского

и английского языка. Для каждого скетча подбирался относительно близкий переводческий эквивалент. Относительная частота для скетчей и их эквивалентов высчитывалась отношением абсолютной частоты словоформ к общему количеству словоформ в корпусах. Коэффициент относительных частот высчитывался отношением меньшей относительной частоты к большей. В верхней части таблицы находятся скетчи близкие по значению и не сильно отличающиеся по частоте употребления в русском и английском языках. В нижней части таблицы находятся пары слов, близких по значению к терминам *loyalty/лояльность*, одно из которых является более ча-

стотным в одном конкретном языке.

Равенство относительных частот может быть объяснено сходством между двумя фрагментами в двух языковых картинах мира. Различия в соответствующих парах *заинтересованность/concernment*, *allegiance/верность* со словами *loyalty/лояльность* может говорить о различных лингвокультурных восприятиях слов.

Для составления таблицы 2 за основу бралась структура словосочетаний «X лояльности» для русского языка и «X of loyalty» для английского, где X это главное слово в

Таблица 1.

Аксиологемы синонимичные словам лояльность

Скетч	Относ. ч.	Эквивалент	Относ. ч.	Коэфф. относ. ч.
commitment	56,40	обязательство	58,70	0,98
преданность	6,86	devotion	7,10	0,97
компетентность	7,00	competence	6,80	0,97
honesty	8,90	честность	6,90	0,78
доверие	37,40	confidence	50,90	0,73
respect	91,40	уважение	59,60	0,65
порядочность	2,70	decency	1,70	0,63
dedication	13,70	преданность	6,90	0,50
courage	16,80	смелость	7,90	0,47
compassion	12,00	сострадание	5,50	0,46
доброжелательность	2,40	benevolence	0,90	0,38
профессионализм	16,90	professionalism	6,30	0,37
честность	6,90	integrity	20,40	0,34
allegiance	3,20	верность	12,40	0,26
заинтересованность	10,10	concernment	0,10	0,01

Таблица 2.

«Научное представление» лояльности

Скетч(24204)	Абс. ч.	Отн. ч.	Скетч (58419)	Абс. ч.	Отн. ч.
understanding	16	0.0007	понимание	26	0.0004
task	2	0.0001	задача	7	0.0001
problem	19	0.0008	проблема	170	0.0029
position	5	0.0002	позиция	47	0.0008
topic	9	0.0004	тема	67	0.0011
study	7	0.0003	изучение	155	0.0027
research	0	0	исследование	69	0.0012
analysis	2	0.0001	анализ	92	0.0016
attainment	0	0	достижение	111	0.0019
object	22	0.0009	объект	64	0.0011
model	22	0.0009	модель	49	0.0008
Итого:	104	0.0043	Итого:	857	0.0147

Интерпретация лояльности

EnTenTen (6345)			RuTenTen (5210)		
Скетч	Абс. ч.	Отн. ч.	Скетч	Абс. ч.	Отн. ч.
demonstrate	28	0.004	демонстрироваться	12	0.002
achieve	11	0.002	достигаться	45	0.008
form	35	0.005	формироваться	151	0.029
manifest	12	0.002	проявляться	68	0.013
provide	60	0.009	обеспечивать	29	0.005
Итого	146	0.022	Итого	305	0.057
explain	8	0.001	объясняться	8	0.002
mean	255	0.040	означает	19	0.004
imply	11	0.002	подразумевает	31	0.006
understand	12	0.002	предполагает	26	0.005
Итого	286	0.045	Итого	84	0.017

словосочетании, выступающее в роли существительного. Относительная частота высчитывалась отношением абсолютной частоты на количество вхождений в каждую группу. Для структуры словосочетания «X лояльности» группа составила 58.419 вхождений, а для структуры «X of loyalty» – 24.204 вхождений.

Проанализировав таблицу 2, можно сделать вывод, что исследование лояльности имеет большую вариативность в русскоязычных текстах. Такие данные можно интерпретировать неоднозначно, так как можно сказать, что русскоязычные люди пишут о лояльности, используя лишь видимость научности в данных текстах.

Был проведен частотный анализ скетчей, где лояльность/loyalty выступает в качестве подлежащего. На основании чего сформированы две группы глаголов. Первая группа – глаголы с семантическим компонентом «пути достижения лояльности», вторая группа – глаголы с семантическим компонентом «обоснование лояльности». Нахождение относительной частоты проводилось путем отношения абсолютной частоты на количество вхождений слов, относящихся к группе скетчей: «глаголы с лояльностью в качестве подлежащего».

Анализ глаголов показал, что в русскоговорящей культуре более четко обоснованы пути достижения лояльности. Такие различия можно связать с относительной новизной термина лояльность в русскоговорящей речи, откуда и появляется стремление обосновать как можно больше способов, связанных с формированием и проявлением данного термина. В свою очередь, в англоговорящей культуре более ярко представлено толкование лояльности. Такое распределение данных можно объяснить тем, что термин «лояльность» появился в англоговорящих странах давно и выступает как само собой

разумеющееся.

Итоги исследования окказиональных образований слов лояльность и loyalty в корпусах RuTenTen11 и EnTenTen13. Для поиска однокоренных слов в платформе sketch engine использовались следующие запросы: [lemma= “.*лоял.*”] и соответственно [lemma= “.*loyal.*”]. Данные запросы позволяют выявить совокупность слов, образованных от одного корня и таким образом составить словообразовательное гнездо.

Характерной особенностью для обоих корпусов оказалось наличие приставок со значением высшее качество, высшая степень. Сверхлояльность (40), гиперлояльность (22), антилояльность (23), суперлояльный (12), высоколояльных (8), архилояльный (4), мега-лояльность (1), ultra-loyal (45), super-loyal (27), uber-loyal (7), hyper-loyal (6), over-loyal (5). В большинстве случаев приставки используются для выражения эмоционально-субъективной оценки качества лояльности. В корпусах были обнаружены слова, обозначающие носителя лояльности: лоялист (59), loyals (176), loyalist (64) и лояльности лежащей в основе идеологии лоялизм (59) и loyalism (158).

Было обнаружено большое количество слов, образованных с помощью приставок, обозначающих полную противоположность исследуемым словам; при этом для корпуса RuTenTen11 были выделены приставки, заимствованные из английского языка. Нелояльность (3164), псевдолояльность (15), антилояльность (5), илояльность (2), disloyal (9337), disloyalty (5312), unloyal (141), non-loyal (47), not-so-loyal (27), dis-loyalty(12), illoyal (8), ex-loyalist (6), anti-loyal (6).

Корпус EnTenTen13 содержит большое количество окказионализмов, образованных с помощью контамина-

ции или путем словосложения:

Loyalship (3) – слово-портмоне, образованное от loyalty и friendship. Обычно используется для выражения дружбы под действием алкоголя или наркотиков. Loyalurker (3) – пассивный пользователь сети, который не пишет в форумах и конференциях, но регулярно просматривающий публикации. E-loyalty (18) – благоприятное отношение клиента к интернет-продавцу. M-loyalty (3) – многократное использование предпочтительных мобильных услуг.

Brand-loyal (323), loyalty-card (23), Sloyal (1), webloyalty (111), dual-loyalty (21), government-loyal (14), loyaliOS (3), Apple-loyal (4), loyalization (3).

Интересным может оказаться тот факт, что в корпусе RuTenTen11 имеются слова образованные с помощью транслитерации: лоялти (51), лоялти-карты (4), лоялти-программы (4). В качестве других примеров окказиональных слов можно выделить: лоялти (1), политлояльность (5), автолояльность (5).

Примечательно, что в EnTenTen13 были найдены примеры слов, содержащих в себе объект лояльности: Nkunda-loyalist (9), Torah-loyal (8), Kremlin-loyal (8), Griffin-loyalist (5), Assad-loyal (5), Gaddafi-loyalist (4), Doenitz-loyal (4), Apple-loyal (4), Obama-loyal (3), God-loyal (3) и т.д.

Заключение

Таким образом, нами был проведен анализ различных подходов в восприятии лояльности англо- и русскоговорящими носителями на основе данных корпусов семейства TenTen. Из анализа корпусных данных следует, что восприятие лексем лояльность/loyalty в зависимости от сферы употребления имеет как сходства, так и довольно сильные отличия. Эти различия связаны с проявлением культурно-исторических особенностей стран и народов. Так, англоязычные носители языка воспринимают лояльность, как нечто обыденное, само собой разумеющееся. Для русскоязычных данный термин является относительно новым, значение которого следует истолковать и попытаться описать все возможные пути его достижения. Анализ ценностных установок показал, что у представителей англоговорящей культуры слово loyalty ассоциируется с такими терминами как: *commitment*, *honesty* и *respect*, в тоже время в русскоговорящей культуре наблюдаются ассоциации со словами: *преданность*, *компетентность* и *доверие*. Наличие в английском языке большого количества, по сравнению с русским, окказиональных слов говорит о том, что этот термин отчетливо закрепился в ментальности англоговорящего народа. Для достижения такого же результата в русском языке требуется большее количество времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриюченко О.В. Многомерные основания лояльности // Власть. – М., 2010. – № 12.
2. Беликов В.И. Дифференциальная корпусная статистика на основании неавтоматической метатекстовой разметки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2014. – С. 54–68.
3. Горностаев С.В. Психологическая теория лояльности: основы трансличного подхода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2017. – Т. 7. – №. 2.
4. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп // М.: Норинт. – 2004. – С. 756.
5. Терешина Н.М. К вопросу о языковой лояльности. «Историческая линейка» национальных ценностей (на примере английского и русского языков) // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог. – 2019.
6. Трошина Н.Н. Языковая лояльность в контексте глобализационных процессов // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – №. 2-2.
7. English web corpus (enTenTen13) [Электронный ресурс]. URL: https://the.sketchengine.co.uk/corpus/corp_info?corpname=preloaded/ententen13_tt2_1&struct_attr_stats=1&subcorpora=1
8. Kilgarriff A. and Rundell M. Lexical Profiling Software and its lexicographic applications: a case study, Proceedings of EURALEX, Copenhagen, 2002, pp. 807–818.
9. Kilgarriff A., Rychly P., Smrz P., Tugwell D. (2004), The Sketch Engine, Proceedings of Euralex, Lorient, France, pp. 105–116.
10. Russian web corpus (ruTenTen11) [Электронный ресурс]. URL: https://the.sketchengine.co.uk/corpus/first_form?corpname=preloaded/rutenten11_8

© Греховодов Владислав Александрович (Grekhovodov1@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О БРЕКЗИТЕ И ДРУГИХ «-ЕКЗИТАХ» В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

ON BREXIT AND OTHER "-EXITS"
IN THE RUSSIAN DISCOURSE

I. Gurova

Summary: The paper concentrates on the multifaceted characteristics of the lexeme Brexit in the Russian discourse. We describe methods of graphic-orthographic adaption of the neologism Brexit in the donor language, determine lexico-semantic groups of verbs combined with which the procedural meaning of the word Brexit is manifested, and characterize -exit derivatives borrowed and formed on the Russian basis. We prove that Brexit can be classified as a keyword of the current moment.

Keywords: derivatives borrowed and formed on the Russian basis, graphic and orthographic adaptation of borrowed words, lexeme's syntagmatics, Brexit, words containing -exit.

Гурова Ирина Владимировна

К.филол.н., доцент, Самарский государственный
социально-педагогический университет
gurova@pgsga.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена разноаспектной характеристике лексемы Брекзит в русском дискурсе. Описываются способы графико-орфографической адаптации неологизма Brexit в языке-доноре; определяются лексико-семантические группы глаголов, при сочетании с которыми проявляется процессуальное значение слова Брекзит; характеризуются заимствованные и образованные на русской почве дериваты с компонентом -екзит. Доказывается, что Брекзит можно квалифицировать как ключевое слово текущего момента.

Ключевые слова: заимствованные и образованные на русской почве дериваты, графическая и орфографическая адаптация заимствованных слов, синтагматика лексемы, Брекзит, слова с компонентом -екзит.

Динамика словарного состава языка, как известно, во многом определяется экстралингвистическими факторами. Так, события на международной политической арене обусловили появление в 2012 г. в английском языке неологизма *Brexit* (*British / Britain + exit*), обозначающего выход Великобритании из Европейского Союза (ЕС). Новая лексема образована по аналогии с придуманным ранее экономистами компании Citigroup неологизмом *Grexit* (*Greece+exit*), которое имеет значение 'возможный выход Греции из ЕС'. Слово *Brexit* стремительно вошло в языки разных стран мира, в том числе и в русский язык. За 2016 г. частота его употребления в английском дискурсе, по данным британских лингвистов, выросла более чем на 3400 % [10]. Такой *Brexit*-бум является беспрецедентным в зарегистрированной истории высокочастотных слов. Лексикографы издательства Collins, а также независимая российская экспертная группа во главе с М. Эпштейном признали в 2016 г. *Brexit / Брекзит* словом года. Активная реализация слова *Брекзит* на текстовом уровне является одним из критериев признания его *ключевым словом текущего момента* (термин был предложен в [9] Т.В. Шмелевой – И.Г.).

Функционирование лексемы *Brexit* в англоязычном медиадискурсе изучалось в ряде работ отечественных ученых-германистов. В статье И.И. Каштановой, О.А. Бирюковой и Е.А. Давыдовой *Brexit* рассматривается как имя концепта; исследуется специфика текстовой вербализации концепта *Brexit* в средствах массовой информации Великобритании [5]. В фокусе внимания В.В. Катерминой и Н.С. Соловьевой находится аксиология английского неологизма *Brexit*; анализируются его

производные и закрепившиеся за ними коннотации, приемы языковой игры в англоязычном политическом дискурсе и межличностной коммуникации, а также влияние политического события на европейскую лингвокультуру, выразившееся в появлении лексемы *Brexit* в названиях настольной игры, улицы, торговых марок чая, печенья и др. [4].

Некоторые аспекты вхождения слова *Brexit* и других англицизмов-неологизмов, содержащих в своей композитной структуре компонент - *exit*, в русский язык, в частности проблемы семантической и фонетической ассимиляции заимствованных «-екзитов» в русском политическом дискурсе, стали предметом исследования Ю.А. Дубовского и Т.Б. Заграевской [3]. Авторы подвергли анализу лексемы в оригинальном узусе (британском и американском) и узусе русских политологов и зафиксировали отсутствие межъязыковых различий или специфической интерпретации содержания политических терминов (квалификация слов с элементом -*exit* как терминов произведена Ю.А. Дубовским и Т.Б. Заграевской – И.Г.) в русском дискурсе. Рассматривая фонетическую ассимиляцию слов с компонентом -*exit*, исследователи делают вывод о том, что варианты со звонкими согласными внутри заимствованных англицизмов с элементом -*exit* имеют меньше оснований для функционирования в русском узусе, чем вариант с глухими согласными в этой же позиции (*брексит* vs *брегзит* / *брексит*).

Завершая обзор литературы, отметим, что до настоящего времени цель – представление разноаспектной характеристики лексемы *Брекзит* и слов с компонентом -*екзит* в русском дискурсе – лингвистами не ставилась.

В настоящей статье изучаются следующие вопросы:

1. графико-орфографическая адаптация лексемы *Brexit* в русском дискурсе;
2. синтагматика лексем *Брекзит* и *Брексит*;
3. заимствованные и образованные на русской почве дериваты с компонентом *-екзит*.

Источниками языкового материала явились онлайн-версии печатных российских газет; электронные газеты за период с 2012 г. по 2021 г.; блоги; комментарии интернет-пользователей к информации на сайтах, в блогах и социальных сетях; картотека Национального корпуса русского языка (НКРЯ); словарные материалы «Новое в русской лексике» за 2015 г., 2016 г., 2020 г. (НРЛ-2015, НРЛ-2016, НРЛ-2020); Словарь композитов русского языка новейшего периода Н.В. Габдреевой, М.Т. Гурчиани.

Графико-орфографическая адаптация лексемы *Brexit* в русском дискурсе. В газетном подкорпусе НКРЯ зафиксировано 7614 вхождений нетранслитерированного слова *Brexit*, а также несколько способов графико-орфографической адаптации неологизма *Brexit*: 338 вхождений лексемы *Брексит* и 52 вхождения лексемы *Брекзит*, употребляемых как в кавычках, так и без них, со строчной и прописной буквой, например:

1. В Великобритании – **Брексит**, в США – Трамп, в мусульманских странах – ориентация на традиционные ценности (НКРЯ);
2. В Великобритании первое место заняла поддерживающая «**брексит**» «Партия независимости» Найджела Фараджа [Владимир Веретенников. Эстонский реванш (НКРЯ);
3. И некоторые возражают, говорят о том, что неудачно выбран момент, учитывая «**Брексит**», чтобы поссориться со своим важным партнером (НКРЯ);
4. **Брекзит** никто не отменял, и бракоразводный процесс идёт полным ходом (НКРЯ);
5. Как отметила Анна Глазова, Тереза Мэй не случайно в своём заявлении упомянула **брекзит**, который является свидетельством системного кризиса Евросоюза (НКРЯ);
6. Министр акцентировал внимание на том, что «**Брекзит**» не ставит под сомнение саму конструкцию и идею Евросоюза (НКРЯ).

Заметим, что обе лексемы (*Брекзит* и *Брексит*) регистрируются русской лексикографией, см. напр.: [6, с. 25; 7, с. 43-44].

Синтагматика лексем *Брекзит* и *Брексит*. Лексемы *Брекзит* и *Брексит* проявляют процессуальное значение в сочетаниях с глаголами следующих лексико-семантических групп:

- I. Глаголы, указывающие на фазы действия, с оттен-

ком совершения действия кем-либо.

1. Начинательность (*начать, запустить*):
7. Тереза Мэй пообещала начать «**Брексит**» в конце марта (НКРЯ);
8. Великобритания запустил «**Брексит**» 29 марта (НКРЯ).

2. Продолжение (*продлить*):
9. Ожидается, что ЕС предложит продлить «**Брексит**» по крайней мере до 31 декабря (НКРЯ).

3. Окончание (*завершить*):
10. ЕС и Великобритания окончательно завершили **Brexit** (<https://www.mk.ru/politics/2021/05/01/es-i-velikobritaniya-okonchatelno-zavershili-brexit.html>).

II. Глаголы, указывающие на продолжение действия, без оттенка совершения действия кем-либо (*идти, проходить*):

11. К примеру, британский фунт слаб, поскольку идет **Брекзит** (НКРЯ);

III. В то же время европейские страны с тревогой наблюдают за тем, как проходит «**Брексит**» (НКРЯ).

IV. Глаголы, указывающие на ослабление интенсивности протекания действия (*затормозить, отложить, откладываться, отсрочить*):

12. Какова вероятность, что парламентарии каким-то образом «затормозят» **брекзит**? (НКРЯ);
13. Документ предусматривает, что если Великобритания не заключит соглашение с ЕС до 19 октября, то премьер-министр Борис Джонсон должен будет отложить «**Брексит**» (НКРЯ);
14. Несколько раз «**Брексит**» откладывался (НКРЯ);

V. После последних переговоров лидеры стран – членов ЕС согласились отсрочить «**Брексит**» до конца октября (НКРЯ).

VI. Глаголы со значением запрещения совершения действия (*заблокировать, отменить*):

15. Оно проходит накануне первого дня работы парламента, когда, как ожидается, парламентская оппозиция и часть самих консерваторов попытаются заблокировать «**Брексит**» без сделки (НКРЯ);
16. Так, по её словам, сейчас у Лондона есть три пути: первый – выйти из ЕС с соглашением, второй – покинуть сообщество без договора, а третий – во все отменить «**брексит**» (НКРЯ).

VII. Глаголы, указывающие на преднамеренность в совершении процесса (*намереваться завершить*):

17. При любом варианте развития событий он наме-

рен завершить «**Брексит**» к намеченному сроку – 31 октября (НКРЯ).

При дискурсивной реализации в значении лексем *Брексит* и *Брексит* могут актуализироваться семы 'скандал', 'радикальность':

18. Мнение о скандалном «БРЕКСИТ» от sharla_tanka из Лондона (<https://atlanian.livejournal.com/95597.html>);
19. **Брексит** – скандалный выход Британии из Евро-Союза (<https://www.chitalnya.ru/work/2517588/>);
20. «Жесткий брексит»: выход из таможенного союза, чтобы Британия могла проводить независимую торговую политику, и выход из единого рынка, чтобы получить контроль над иммиграцией. Плюс замена нынешних партнерских отношений соглашением о свободной торговле или рядом торговых соглашений с Европейским союзом (<https://people.onliner.by/2019/10/23/brexit>).

Заемствованные и образованные на русской почве дериваты с компонентом -екзит. В качестве первого компонента элемент *-екзит* со значением 'выход' входит в состав заимствованного слова *экзитпол* (англ. *exit* – выход + *pool* – совокупность, сумма) – метод быстрого предварительного определения результатов выборов путем опроса проголосовавших на выходе из избирательного участка [1, с. 259].

Отнесенность лексемы *Брексит* к ключевым словам текущего момента доказывает, помимо указанного выше текстового критерия, и ее деривационный потенциал. Выявлены заимствованные и образованные на русской почве дериваты. Впервые такая таксономия на материале производных с компонентом *-гейт* была произведена нами в [2].

Перечислим заимствованные слова, образованные по аналогии с лексемой *Брексит* (общее количество – 14 единиц): *Мегзит* [отказ принца Гарри и его жены Меган от королевских привилегий]; *Сассексит* [то же, что и *Мегзит*]; *Фрексит* [возможный выход Франции из ЕС]; *Данексит* [возможный выход Дании из ЕС]; *Нексит* [возможный выход Нидерландов из ЕС]; *Итексит* [возможный выход Италии из ЕС]; *Спексит* [возможный выход Испании из ЕС]; *Декзит* [возможный выход Германии из ЕС]; *Декзит* [возможный выход Дании из ЕС]; *Дексит* [возможный выход Германии из ЕС]; *Дексит* [возможный выход Дании из ЕС]; *Иксит* [возможный выход Италии из ЕС]; *Швекзит* [возможный выход Швеции из ЕС]; *Швексит* [возможный выход Швеции из ЕС].

Примечательно, что *Декзит* и *Дексит*, *Швекзит* и *Швексит* в НРЛ-2016 зафиксированы как отдельные лексемы, а не лексико-фонетические варианты. В группе слов, образованных по аналогии с неологизмом *Брексит*, наблюдаем системные отношения: *Итексит*

и *Иксит*, *Данексит* и *Дексит* являются словообразовательными синонимами, а *Декзит* [возможный выход Германии из ЕС] и *Декзит* [возможный выход Дании из ЕС], *Дексит* [возможный выход Германии из ЕС] и *Дексит* [возможный выход Дании из ЕС] – омонимами.

Особый интерес представляют для нас 11 дериватов, образованных на русской почве: *Медвегзит* [уход Дмитрия Медведева из состава правительства в январе 2020 г.]; *Укрокзит* [прекращение существования Украины как государства]; *Сирияэкзит* [выход вооруженных формирований из Сирии]; *Донбасэкзит* [выход вооруженных формирований из Донбасса]; *Молдоваэкзит* [выход вооруженных формирований из Молдавии]; *Грузияэкзит* [выход вооруженных формирований из Грузии]; *Ливияэкзит* [выход вооруженных формирований из Ливии]; *ЦАРэкзит* [выход вооруженных формирований из ЦАР]; *руксит* [выход России из Совета Европы]; *коронаэкзит* [выход из ситуации с коронавирусом]; *америкзит* [об опасных последствиях избрания Д. Трампа президентом для Америки]. Полагаем, что названные слова образованы двумя способами: 1) блендинг, результатом которого стало появление контаминантов *Медвегзит*, *Укрокзит*, *руксит*, *америкзит*; 2) аффиксоидация (*Сирияэкзит*, *Донбасэкзит*, *Молдоваэкзит*, *Грузияэкзит*, *Ливияэкзит*, *ЦАРэкзит*, *коронаэкзит*).

Интересно, что от существительного *Брексит* образовался глагол *брекзитить*, который явился предметом метарефлексивных размышлений авторов блогов, например:

21. Пути языка неисповедимы. Слово «брекзит» из чужой большой политики имеет шанс причудливым образом попасть в русский повседневный язык. «... Тем временем в русском языке появился новый глагол – брекзитить (брекзил, брекзила и т.д.) = прощается, но не уходит...» (<https://0-stranger.livejournal.com/1965469.html>).

В НРЛ-2015 регистрируется сложное слово *брекзит-бомба* и новое устойчивое словосочетание *эффект брекзит-бомбы*:

«БРЭКЗИТ-БОМБА, ы, ж. Э ф ф е к т б р е к з и т - б о м б ы . Сегодня в Дании пройдет референдум по вопросу о присоединении страны к законодательной базе ЕС, касающейся внутренних дел и юстиции. Если граждане поддержат эту инициативу, Копенгаген сохранит участие в Европоле и подобных ему структурах. Однако датчане могут сказать «нет», так как опасаются, что Брюссель навяжет им общую миграционную политику. Изначально голосование планировалось организовать в 2016 году, но затем было решено сделать это до декабрьского саммита ЕС, на котором ожидается обсуждение референдума о членстве Британии в Евросоюзе. Чтобы в ходе волеизъявления датчан не случился эффект «Брекзит-бомбы». Независимая газета 03.12.2015.

— **Эффект** разорвавшейся **бомбы** (о мощном эмоциональном потрясении как реакции на какое-л. событие, действие, публ.) + **Брексит** (о выходе Англии из Евросоюза, 2012)» [6, с. 25].

Суффиксальным способом образован окказионализм *брекситер* со значением ‘сторонник брексита’:

22. Но чем дольше процесс «брексита» затягивается, тем больше **«брекситеры»** хотят порвать отношения без договоренностей (<https://people.onliner.by/2019/10/23/brexit>).

Подведем итоги исследования. В русском дискурсе наблюдается несколько способов графико-орфографической адаптации неологизма *Brexit*: лексемы *Брексит* и *Брексит* употребляются как в кавычках, так и без них, со строчной и прописной буквой. Процессуальное значение неологизма *Брексит* проявляется в сочетаниях с глаголами разных лексико-семантических групп; при дискурсивной реализации лексемы могут актуализироваться семы ‘скандал’ и ‘радикальность’. Высокая частотность употребления лексемы и ее деривационная активность позволяют признать *Брексит* ключевым словом текущего момента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдреева Н.В., Гурчиани М.Т. Словарь композитов русского языка новейшего периода. М: Флинта: Наука, 2012. 280 с.
2. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т.7. №3 (24). С. 29–32.
3. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Ассимиляция заимствованных англицизмов-неологизмов с компонентом -exit в русском политическом дискурсе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т.19. №5. С. 54–61.
4. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма *Brexit* в англоязычном массмедийном // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №3. С. 103–111.
5. Каштанова И.И., Бирюкова О.А., Давыдова Е.А. Концепт *Brexit* в современном англоязычном медиадискурсе / И.И. Каштанова, О.А. Бирюкова, Е.А. Давыдова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №10. Ч. 2. С. 295–299.
6. Новое в русской лексике. Словарные материалы –2015. Сост. Н.А. Козулина, С.Д. Левина / Ред. Коллегия С.Д. Левина (отв. ред.), А.С. Павлова, Ю.С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 106 с.
7. Новое в русской лексике. Словарные материалы –2016. Сост. Н.В. Козловская, С.Д. Левина, Е.С. Громенко / Отв. ред. С.Д. Левина. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. 122 с.
8. Новое в русской лексике. Словарные материалы –2020. Сост. Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая / Ред. коллегия А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 486 с.
9. Шмелева Т.В. Ключевые слова // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 241–244.
10. Collins Word of the Year 2016 Q & A. URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/collins-word-of-the-year-2016-q-a/> (дата обращения: 02.06.2022).

© Гурова Ирина Владимировна (gurova@pgsga.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «КРАСНОЯРСК» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Захарова Ирина Александровна

Аспирант, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева
Joanna.7@yandex.ru

THE CONCEPT "KRASNOYARSK" IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW

I. Zakharova

Summary: The article discusses and describes such concepts as the linguistic worldview, cultural linguistics, concept and semantic role. The concept of "media discourse" is interpreted as a source of the dominant form of representation of the social world. The analysis of the materials of the TV channel "Channel 7" is described. The article interprets the concept "Krasnoyarsk" as an element of typical language situations; the system of semantic ideas about the city of Krasnoyarsk is revealed. The city, the ancient and at the same time the most modern form of human settlement, is the subject of close attention of various social groups, as well as specialists in the field of architecture, history, geography, economics, art history etc. Naturally, these ideas are reflected in media texts that are aimed at the widest audience. Therefore, the interest in the reconstruction of linguistic representations of the city, in particular, of Krasnoyarsk, is quite understandable.

Keywords: cultural linguistics, concept, linguistic worldview, Krasnoyarsk, semantic role, media discourse.

Аннотация: В статье рассматриваются и описываются такие понятия как языковая картина мира, лингвокультурология, концепт и семантическая роль. Трактуются понятие «медиадискурс», как источника доминирующей формы репрезентации социального мира. Описывается анализ материалов телеканала «7 канал». В статье трактуется концепт «Красноярск» как элемент типичных языковых ситуаций; выявляется система семантических представлений о городе Красноярске. Город, древняя и одновременно самая современная форма людского поселения, является предметом пристального внимания различных социальных групп, а также специалистов в области архитектуры, истории, географии, экономики, искусствоведения и др. наук. Естественно, что эти представления отражаются в медийных текстах, которые направлены на самую широкую аудиторию. Поэтому вполне понятен интерес к реконструкции языковых представлений о городе, в частности о Красноярске.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, языковая картина мира, Красноярск, семантическая роль, медиадискурс.

При взаимодействии человека с окружающим миром, в сознании формируется определенная модель, которая согласуется с особенностями мышления, поведения, обычаев и традиций и т.д. В лингвистике и других смежных науках такие модели именуется картинами мира.

Являясь одним из важнейших средств формирования, существования и передачи знаний о мире, язык отражает объективный мир и результаты познания, фиксируемые в процессе деятельности словом. Все это знание, запечатленное в форме языка, представляет собой языковую картину мира.

Актуальность темы исследования обусловлена интересом современного языкознания к вопросам языковой рефлексии своей понятийной области и ее основных концептов. При этом актуальность зависит от важности распознавания когнитивных структур, определяющих мыслительную деятельность речи носителя языка, т.е. национального менталитета. Поэтому изучение языковой репрезентации концептов является одним из наиболее эффективных способов понимания концептуальной области носителей языка с целью понимания мировоззрения и поведения людей и выявления их характеристик. В современной лингвистике изучается множество концептов, но и это количество представляет лишь малую часть содержания понятийного поля, отражающего

весь ментальный мир всего народа.

Цель работы является выявление метафорического образа города Красноярска, рассмотрение представлений о таком живом активном, постоянно развивающемся организме, как Красноярск. Раскрыть специфический облик, а также категоризировать лексический образ города Красноярска.

В данном исследовании используются общенаучный метод сбора материала и наблюдения, описание и классификация материала, и лингвистический метод семантического анализа текста.

Картина мира – базисное понятие философии, антропологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и ряда других наук [3, с. 159].

Языковая картина мира составляет содержательную основу знания в менталитете, специально организованную концептуальную систему. Каждая система обязательно имеет структуру, т.е. набор устойчивых и закономерных связей между элементами системы. Эти элементы получили общее название мыслительные репрезентации. Они не имеют четкого оформления, как элементы языковой системы: морфемы, слова, предложения. Единицы языковых образов мира — смыслы, идеи, схемы, закономерности, мыслительные конструк-

ты — не даются нам непосредственно в опыте, они могут быть лишь реконструированы из внешних проявлений с той или иной степенью приближенности. Основная единица языковой картины мира – это концепт.

Л.А. Климкова дает следующее определение «концепт»: «Концепт — это ментальная единица, содержанием которой является результат осмысления человеком элемента действительности на основе этнического, социумного и индивидуального опыта, совокупность смыслов относительно элемента действительности, имеющих культурную, этническую, социумную, а тем самым и индивидуальную личностную значимость» [2, с. 30].

«Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с).

Концепт «Красноярск» представляет особый интерес для настоящего исследования, поскольку, говоря о современном обществе или человеке это, как правило, городское общество и человек, проживающий в городе.

Языковой феномен, выбранный в качестве объекта анализа, обусловлен тем, что города, в частности Красноярск, являются одним из современных культурных феноменов. Красноярск — город политических, экономических и культурных связей; центр, к которому устремлены пространства, а также центр, что создаёт идеи и традиции своего времени.

Исследование материалов телеканала «7 канал», одной из самых известных телекомпаний Красноярска, показало, что в медийной картине мира образ Красноярска как семантического элемента представлен не только как географический объект, но и как живое существо, действующее по своим законам и своему распорядку.

Роль СМИ осмысливается как идеальное, так и реальное состояния речевой культуры масс-медиа. Как подчеркивает Анненкова И.В. роль СМИ в формировании медиакартины мира в сознании массового адресата: «Современные СМИ не только являются ретрансляторами тех ценностей, которые уже сложились и давно существуют в обществе, но и формируют новую ценностно-оценочную парадигму в сознании массового адресата» [1, с. 15].

В процессе семантического анализа 300 текстовых документов городского круглосуточного информационно-развлекательного телеканала «Седьмой канал», было установлено, что концепт «Красноярск» выступает как семантический элемент в нескольких метафорических идеях:

В ряде документов Красноярск выступает в категории процессуальности: приехал в Красноярск; ездили в

машине по Красноярску; в Красноярске пройдут самые крупные соревнования России; в Красноярске стартует Зимний Суриковский фестиваль; превращать Красноярск в город Сурикова; добираться до Красноярска; влюбился в Красноярск; в Красноярске каждый год обрезают деревья; «Июльской жары» в Красноярске больше не будет; переедет в Красноярск; в Красноярске прошел форум «Мой бизнес»; приехал в Красноярск из столицы Лаоса.

В источниках встречаются обозначения принадлежности: район Красноярска, красноярские спортсмены, красноярские фанаты, экология Красноярска, Культурная история Красноярска, марафона имени главного красноярского художника, Красноярские поля, красноярский «Енисей», красноярские люди, центр занятости населения Красноярска, красноярские памятники, красноярский художник-авангардист, чемпион Красноярска, Красноярские активисты, Красноярская федерация альпинизма, Красноярская скалолазка, Красноярский полумарафон, Красноярские хоккеистки, Красноярские пасечники, красноярские вузы, Красноярские медики.

Также встречаются обозначения конкретизации: *на зимних Играх в Красноярске; в городе Красноярске; через центральную часть города Красноярска; фавориты из Красноярска; 16-летняя пловчиха из Красноярска; 400-летие Красноярска; большой веломарафон под Красноярском; новый тренд для Красноярска; в 10 минутах от Красноярска; в 25 км от Красноярска; маршрут из Красноярска до Дивногорска и обратно.*

Образ Красноярска в материалах телеканала отражается через описание и оценку: в Красноярске как дома; Красноярск - душа и сила Сибири; Красноярск — деревня; цветущий Красноярск; Красноярск — большой город; Красноярск — столица Красноярского края; в Красноярске мне очень-очень комфортно; Красноярск как одна большая парковка; Красноярск — самый грязный город на Земле; родной дом – это Красноярск; Красноярск — безусловно, столица; Красноярск — не только самый красивый город Сибири, но и один из красивейших городов России и всего мира; Красноярск меня поразила своей красотой; наш Красноярск; Красноярск – другой.

В ряде примеров Красноярск встречается в названиях: АО «Красноярск ТИСИЗ», АО «РУСАЛ Красноярск», акция «За цветущий Красноярск», нацпарк «Красноярские Столбы», фестиваль «Красноярск поет Высоцкого», аэропорт «Красноярск», гостиница «Красноярск», проект «Красноярская технологическая долина», мемориальный комплекс «Красноярск – город трудовой доблести».

Образ Красноярска как живого существа обширно представлен метафорой «власть»: *Красноярск предложил более выгодные условия; Красноярск потратит больше 10 млн рублей на отлов бездомных животных; как-то раз*

Красноярск уже проводил чемпионат мира; на улучшение экологии Красноярск уже в этом году получит почти 2,5 миллиарда рублей; Для Красноярска это уникальный проект; Красноярск перенимает опыт Москвы.

И в противопоставление власти образ Красноярска выступает в качестве «народа»: *Красноярск отпразднует день присоединения Крыма к России; впереди у Красноярска грандиозный юбилей – 400-летие; чем дышал Красноярск последнюю неделю; очень близко к сердцу воспринимал проблемы Красноярск; как живет Красноярск в день визита Путина; покорили Красноярск космическими песнями; Красноярск борется; чем Красноярск может гордиться, так это тем, как эффективно была построена работа здравоохранения.*

Из анализа материалов можно сделать следующие выводы.

Концепт «Красноярск» выступает в 3-х главных ключах:

1. Красноярск как локатив, обстоятельство места, координатор: *не выезжая за пределы Красноярска; на красноярской земле; скалолазка из Красноярска; в 10-15 минутах от центра города Красноярска; на правом берегу Красноярска; из Красноярска в Баку; пространство 100 км от Красноярска.*
2. Красноярск как объект характеристики: *Красноярск — не только самый красивый город Сибири, но*

и один из красивейших городов России и всего мира; Красноярск находился далеко от линии фронта; довоенный Красноярск; Красноярск существенно отличается от других сибирских городов уникальным расположением и инфраструктурой.

3. Идентификация Красноярска как двух противопоставляемых субъектов:

— Красноярск как власть: *Красноярск предложил более выгодные условия; Красноярск потратит больше 10 млн рублей на отлов бездомных животных; Красноярск уже принимал чемпионат мира по вольной борьбе в 1997 году; Красноярск перенимает опыт Москвы.*

— Красноярск как народ: *для Красноярска не хватает международного опыта; Красноярск соревновался за победу с такими городами как Севастополь, Архангельск, Волоколамск, Серпухов, Норильск, Волгоград, Саратов и Прокопьевск; покорили Красноярск космическими песнями; очень много Красноярск поставил на фронт.*

Обобщенный метафорический портрет города обобщается разнообразными языковыми средствами – от прилагательного до глагольной и номинативной лексики. В основе этого портрета лежит метафорический образ, что имеет антропоморфный характер: город осмыслен как некое живое существо, более того – как человеческое существо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ: моногр. – Москва: МГУ, 2011. – 392 с.
2. Климкова Л.А. Нижегородская топонимия в языковой картине мира: монография / науч. ред. И.А. Ширшов; МГПУ. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
5. Фиклистова, Я.В. Понятие концепта как составляющей единицы картины мира / Я.В. Фиклистова, Л.Г. Гаркуша // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). — Казань: Бук, 2017. — С. 36-38.

© Захарова Ирина Александровна (Joanna.7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЛОВА И СМЫСЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

WORDS AND MEANINGS: MODERN APPROACHES

**Yu. Klyueva
V. Kuzminov
A. Shvetsov**

Summary: The article dwells on the problem of knowledge representation structures and procedures of their processing as well as the nature of procedures regulating language perception; categories of meaning, sense, conceptual content of cognitive units which as such form perception of the word by man and are an integral part of concepts, cognitive schemes (frames), scenarios (episodes), prototypes, etc. The authors also attempt to bridge the gap between fruitful ideas of the past and today discussions.

Keywords: meaning, sense, representation, internal form of the word, frame, situation model, concept, prototype, encyclopedic knowledge, metaphor.

Клюева Юлия Семеновна

к.э.н., доцент, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Нижний Новгород
juliya_klyueva@mail.ru

Кузьминов Владислав Геннадьевич

к.филол.н., доцент, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Нижний Новгород
vladislav1803@mail.ru

Швецов Алексей Александрович

Ст. преподаватель, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Нижний Новгород
saintnevsky@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема структур репрезентации знаний и процедур их обработки, вопрос о природе процедур, регулирующих языковое восприятие, категории значения, смысла, концептуального содержания когнитивных единиц, которые в этом качестве формируют восприятие мира человеком и входят в состав концептов, когнитивных схем (фреймов), сценариев-скриптов, прототипов и т.д. Делается попытка перекинуть мостик от плодотворных идей, выдвинутых в прошлом, к дискуссиям сегодняшнего дня.

Ключевые слова: значение, смысл, репрезентация, внутренняя форма слова, фрейм, ситуационная модель, концепт, прототип, энциклопедическое знание, метафора.

В замечательной книге «Память» В. Чивилихина, в разделе, посвященном «Слову о полку Игореве», есть рассуждение, имеющее не только литературоведческое значение: «Слово» «...соединило в очень сжатом тексте признаки былины, сказа, плача. <...>. Непосредственно в определении жанра данного произведения раскрывается семантика лексемы «слово» в своём невероятно богатом содержании. – целых двадцать восемь значений выделил И.И. Срезневский в старорусском языке! Между тем, «Слово» органически целостно в своём внутреннем содержании, полно некоего семантического единства <...>. В поэме живет душа слова <...>. «Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?» Нежное соприкосновение слов друг с другом, плавный строй речи с аллитерационной полурифмой, трогательный, милый образ русской женщины на городской стене <...>. Как трудно бывает найти слово, более или менее точно выражающее мысль, оттенки чувств и настроений, а в поэме все усложнено многозначностью художественных тропов, предельной сжатостью формы, глубочайшей историчностью содержания.» [22, 73-74]. Есть ли у слова «душа» и как она сопрягается с душой че-

ловека, это слово изрекающего? – вопрос далеко не риторический. В основе современной «культуры отмены», растабуирования всего вся, расчеловечивания в широком смысле лежит именно обесцененное и затертое, обесцененное слово. И вот уже радикальные цифрократы собираются сдать в утиль душу человеческую вместе с питающим ее словом, отдавая пальму первенства цифровому интеллекту. Когнитивная лингвистика, как одно из стремительно продвигающихся направлений лингвистики подходит к изучению значения как наиболее содержательного для неё понятия на новом историческом витке. Значение слова, языковое знание и знание экстралингвистическое исследуются в их взаимосвязи. На этом делает акцент когнитивная семантика. Язык и знание о мире находятся в весьма сложных отношениях. В первых, язык и речь, являясь, несомненно, формой обнаружения, проявления, структурирования, объективации ментальных процессов, не исчерпывают всего объема информации, содержащейся в голове человека. Даже в субъективном знании и опыте есть нечто, выходящее за рамки сугубо личностного знания и опыта. Феномен *déjà vu* касается не только узнавания конкретных мест, собы-

тий, лиц, но и знания достаточно абстрактных вещей, самым загадочным образом оказавшихся в памяти человека. Во-вторых, имеются такие пласты психики, как, например, интуиция, инсайт, воображение, которые принципиально не могут быть вербализованы. В-третьих, извлекаемая из памяти информация оказывается вросшей достаточно глубоко в схемы памяти. Новая информация, воспринимаемая нами, интегрируется с ранее усвоенной в зависимости от подспудно содержащихся в сообщении факторов, включая импликации, пресуппозиции, намерения. Типы знания подразделяются на вербальные и невербальные, лингвистические и энциклопедические. Разграничение этих знаний, равно как и установление взаимосвязей между ними, вопрос чрезвычайно важный. Об этом пишут Дж. Фодор, К. Эммори, Ф. Фромкин и др. Долгие десятилетия представители структурализма, которые занимали господствующее положение в лингвистике, отрицали зависимость значения слова от имеющихся у говорящего знаний о действительном положении дел в мире реальном или воображаемом, однако исследования последних лет показали, что посредством языковых значений передается лишь часть знаний о мире. Тогда как различные концепты, обладающие различной степенью абстрактности и, соответственно, сложности содержат основную долю знаний о мире, более того, новые характеристики, требующие новой вербализации, также могут в них вноситься. [1, 27]. В русле когнитивной парадигмы происходит переориентация ценностей, уже сформировавшихся, также наблюдается пересмотр традиционных философских, логических, психологических и лингвистических проблем, всё это наряду с попыткой переосмыслить с когнитивной точки зрения суть и природу многих языковых процессов. Язык – это основной (но не единственный) способ общения и концептуализации знаний; он тем самым становится существенным компонентом значения языковой формы, структура значения и есть структура представления знаний. Вместе с тем, человек мыслит, помнит, чувствует и знает значительно больше и предметнее, чем может выразить словами любого национального языка. В языке нет ничего, чего бы не было в мыслях, но не наоборот. Помимо репрезентации чувственно воспринимаемых объектов знание включает в себя: 1) концепты и связи концептов; 2) операционные правила, относящиеся к использованию и манипулированию этими ментальными системами; 3) правила для объективации, выражения указанных процессов в вербальной форме. Таким образом, значительный пласт знания стоит за каждым словом. В свою очередь такие знания могут являться знаниями о концептах событий или классов ситуаций, о концептах объектов, также как и о таких концептах, которые согласуются с пониманием последовательности событий. У Чейфа разбирается представление о том, что посредством изучения строения языка происходит изучение структуры знания. Об этом же мы читаем у Х. Карстона [24, 38-68]. Идеей, объединившей исследователей многих направлений, стало представление о том, что

знания организуются благодаря определенным когнитивным моделям. Эти модели-структуры могут называться по-разному: фреймовая семантика Ч. Филлмора и М. Минского, когнитивная грамматика Р. Лэнекера, теория ментальных пространств Ж. Фоконье, теория прототипов Э. Рош, теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теория ситуационных моделей Т. Ван Дейка. Последний, в частности, подчеркивает (и это весьма важно), что ситуационные модели возникают на основе персональных знаний представителей языковой общности, как квинтэссенции их намерений, установок, чувств и эмоций и, безусловно, опыта, а не на абстрактных знаниях, подобных тем, что составляют основу сценариев и фреймов, описывающих события и ситуации, которые стереотипны [5]. Поэтому процесс организации знаний не жестко алгоритмичен, а представляет собой гибкую стратегическую процедуру, основывающуюся не на последовательном анализе отдельных уровней языка – от синтаксиса к прагматике, от слов к предметам, от слов к предложениям – а на комплексном описании. Само же мышление представляет собой процесс манипулирования внутренними (ментальными) репрезентациями [15, 5]. В процессе коммуникации, письменной и устной, мы имеем дело с материальными предметами/вещами, из которых состоит наш мир, наша материальная действительность. И эти вещи человек воспринимает с помощью ограниченного количества своих органов чувств. Здесь уместно вспомнить слова В. Даля о вещи и её свойствах: «Всякая наука, каков бы ни был её предмет, изучает вещи, их свойства и отношения» [20, с.3]. Также по Далю, «... в широком смысле вещь – это всё то, что доступно чувствам» [20, с.5]. Упрощённо говоря, эти вещи или предметы обладают своими исконными/имманентными качествами/свойствами и на основе этих качеств они вступают в те или иные отношения/связи с другими им «родственными/совместимыми» предметами. Иным словами – наша материальная действительность содержит лишь предметы, взаимодействующие друг с другом. «Взаимодействующие» – то есть вступающие в те или иные «межпредметные отношения» друг с другом, и эти отношения определяются имманентными/неотъемлемыми качествами/свойствами этих предметов. Воздействия одного класса предметов на предметы других классов обусловлены природными качествами, которые присущи предметам данного класса. (Возможны и предметы, качества которых привиты предмету самим человеком.) Для нас эта мысль о важных качествах вещи очень важна. Если вещь теряет это имманентное качество, тогда она превращается в другую вещь. Была вещь, именованная «человеком», а превратилась в вещь, которой присвоили имя «кентавр» (человеко-коть). Если же взять текстовую ситуацию вида «Турист в зеленой шляпе сошёл с поезда. ... Потом зелёная шляпа долго пила пиво в станционном буфете», то читатель должен трактовать «зелёная шляпа» не как новую вещь, а как случай замены или замещения одного лингвистического знака другим знаком – без привнесения какого-либо ущерба смыслу

сообщения. Такое замещение, по-видимому, следует считать специальным стилизованным приёмом. Возможно, что процесс замещения выполняется под действием лингвистического закона наименьших усилий (the least-effort law). До сих пор остаётся проблемным вопрос относительно того пласта естественного языка, который можно обозначить как механизм межличностной коммуникации, а именно то, что имел в виду автор высказывания, делая это высказывание, и то, как это высказывание понимается адресатом. Язык, как система систем, состоит из ограниченного набора систем, а в каждой такой локальной системе содержится ограниченное количество описательных категорий. Лингвистическая же категория сформирована для описания и представления материальных предметов и отношений между ними. А что касается самого материального мира, то он бесконечен. И в этом мире нам на сегодня известно лишь конечное число изученных предметов и конечное число изученных отношений. Таков современный взгляд на бескрайность мира вещей и на ограниченность языковой системы. Отсюда и наше восхищение тем, как это происходит, как с помощью ограниченных языковых средств естественный язык умудряется более-менее оптимально описывать всю сложность материального мира. Знание языка предполагает способность приписывать значения вещам при высказывании новых предложений, а также способность слышать высказываемые новые предложения и понимать то, что автор имел в виду, высказывая их. Данное утверждение предопределяет необходимость изучения сложного и огромного пласта языка, с которым связаны, например, такие проблемы как проблема presuppositions и импликации, которые не просматриваются при изучении элементов языка в качестве отдельных, изолированных, не связанных фактов. В целом ряде работ, изданных в последние два-три десятилетия как на Западе, так и в России, мы встречаемся, например, с понятием «концепт», который определяется как некий «квант» знания. Концепт выполняет две важнейшие функции. Во-первых, это оперативная единица сознания, во-вторых, это значение языковых знаков как идеальных сущностей, схваченных языком. Другими словами, это и внутренняя ментально-когнитивная информация и, с другой стороны, это лексическая подсистема со своей структурой. Такая трактовка заставляет смотреть на язык как на «живое» знание. Слово через призму концепта трактуется как, по выражению А. Залевской, «Имя вещи», а не как «имя Вещи». Она считает, что слово играет роль лазерного луча при считывании голограммы [6]. Можно сформулировать это и так, как сформулировал в свое время Н.И. Жинкин: в языке нет интеллекта, а у интеллекта нет памяти слов – они пребывают в разных сегментах головного мозга. Исключительно логико-рациональный анализ при таком подходе уже не срабатывает; приходится постоянно наталкиваться на удивительное когнитивное свойство человека - воображение, продуцирующее опорные образы или лишь предлагающее соответствующий намёк, способное достраивать катего-

риальные схемы, активизирующее эвристический поиск. Нередко влияние этого «плавающего» поиска на совокупный языковой опыт носителей языка не менее значим, чем влияние стандартизирующих языковых институтов.

Когда группа людей (скажем, сто человек или тысяча) бросает взгляд на один и тот же предмет, то в лингвистическом сознании каждого участника этого эксперимента возникает индивидуальный лексический образ обозреваемого предмета – материальный предмет отобразился в системе лексической семантики. Но это отображение – личное или индивидуальное, оно обусловлено индивидуальными особенностями психики данного человека. Сложение или объединение тысячи таких образов, полученных при взгляде на один и тот же предмет, «спрессовывание» этого множества «почти что» одинаковых образов порождает, в конце концов, некий общий образ – этот обобщённый образ можно назвать «концептом» данного предмета. Возникший общий образ мы могли бы назвать «неодушевлённым» (если, по нашему мнению, у обозреваемого предмета отсутствует «душа»). Если же тысяча человек обратит свой взор на другой предмет и сочтёт, что у наблюдаемого предмета имеется «душа», тогда возникший образ мы назовём «одушевлённым». Согласимся, что сейчас оперируем очень высокими абстракциями, но эти абстракции «прячут над» самим материальным предметом гораздо ближе, чем, скажем, синтаксические абстракции – синтаксические абстракции являются обобщением лексических абстракций, синтаксические абстракции «прячут над» лексическими. Поэтому термин «надлексичность» грамматических категорий нам кажется весьма удачным.

Функция языка, таким образом, не сводится только к названию, денотации, констатации объектов или явлений. Освоение человеком материального мира происходит через призму языковых и логических единиц, качественно различающихся степенью абстракции. Логическая абстракция осуществляется на базе лексического значения слова и выражается в нём, а грамматическая – на базе класса лексических значений [3; 117-124.], т.е. с отвлечением от какой бы то ни было конкретности слова [16]. И если логическая абстракция развивается в процессе познания действительности, то грамматическая абстракция развивается в процессе речевого общения; логическая представляет собой отвлечение от предметов действительности, а грамматическая – отвлечение от словесных лексических значений; в формировании логических абстракций очень заметна роль личности, хотя и здесь она не является ни определяющей, ни ведущей; в формировании грамматических абстракций роль личности никак не выражена, грамматика всегда была и остаётся результатом групповой мыслительной деятельности [3, 124]. Таким образом, грамматическая абстракция является надлексической, обобщающей, у Ю.С. Степанова она названа классифицирующей

[17]. Проблема нахождения формализованных методов изучения лексического значения, которые определяли бы значение через языковые элементы и отношения между ними, еще ждет своего решения. Л. Барсалоу (Barsalow) показывает, что простой перечень признаков является недостаточным для анализа значения слов и в противовес одноуровневому исследованию предлагает комплексный набор показателей («заполнителей») по разным параметрам (attribute value sets). Признак становится параметром, если он используется для характеристики другого действия или объекта. Например, одинаковые по параметрам цвета и формы объекты могут различаться по показателям (values) параметра размера или местоположения. Комбинация наборов параметров фиксирует ядро определенного фрейма как способа репрезентации концепта. [23, 21-74]

Дж. Кац и Дж. Фодор [26], возможно, не столько создали новую теорию, сколько оживили и наполнили новым содержанием подзабытые аристотелевские подходы к трактовке значения, что, в частности, проявляется в их интерпретации синтаксических маркеров, семантических маркеров и различителей (distinguishers). Особо следует отметить их акцент на комбинаторно-контекстуальном характере лексического значения. Также чрезвычайно важен второй пласт их теории, связанный с так называемыми проективными правилами (amalgamation), нацеленными на установление связи между значением и синтаксической структурой. Хотя их теория оставила в стороне такие установленные факты, как различие между первичным и вторичным значениями; в ней не рассматриваются коннотативные (transferred) значения, равно как широко распространенные в языке метафоры. Современная когнитивная наука базируется на том представлении, что эмпирическое знание сопрягается с наличным опытом. Более того, реальные частицы мира приобретают как бы тропеические черты в картине мира, отражающейся в языке. В этом смысле мы говорим о метафоризации как способе познания и объяснения мира. Это одна из ключевых ментальных операций, в которой новое знание осмысливается и сигнифицируется через старое. Метафора, троп при этом не столько способ выражения мысли, сколько сам способ мышления. Роль языка заключается прежде всего в кодировании уже готовых концептов, но при этом человек порождает новые смыслы, сопоставляя новую информацию с той, которая уже имеется в его сознании. К инструментам оперирования смыслами относятся оперативные единицы памяти – фреймы (стереотипные ситуации, сценарии), концепты (совокупности всех смыслов, схваченных словом), гештальты (целостные допонятийные образы фрагментов мира) и т.д. Кроме того, языковые концептуальные структуры чаще относятся к возможному, воображаемому, нежели чем актуальному опыту индивидов. Однако дать ответ на вопрос: каким образом возникают концепты в сознании и чем объясняется их

пластичность, неуловимость, диффузность – не представляется возможным. Разграничение же понятий и концептов представляется плодотворным. Е.С. Кубрякова подчёркивает, что внутренний лексикон – это не просто «склад единиц», хранилище лексических единиц с фиксированным значением, но скорее действующая система, в которой каждая единица записана с инструкцией по её применению, с данными о её оперативных возможностях, при том по всем мыслимым линиям её употребления (прагматическим, чисто формальным, семантическим) [9]. А. Стернин и Т.В. Быкова выделяют 3 разновидности концептов: представления, гештальты и понятия [18, 56-58]. Под гештальтом Дж. Лакофф, например, понимал особые глубинные единицы языка, лежащие в основе восприятия действительности; они придают направление познавательным процессам, определяют специфику и характер моторных актов. Они также способствуют целостному, холистическому схватыванию ситуации, и лишь после этого начинается процесс движения к частному. Гештальты относятся к области трансцендентного, они лежат за гранью высказываемого, однако органично с ним связаны. Типичными гештальтами являются концепты типа «очередь», «игра», «деньги», «любовь», «судьба», «искренность». Фреймы и сценарии выполняют функцию организации структуры данных; в них аккумулируются знания об определённых стереотипных ситуациях или классах событий. Во фреймовой семантике фрейм даёт представление о том, какой вид знаний существенен для описания фрагмента мира или возможных миров. Фрейм играет исключительную роль при организации больших объёмов информации. Понятие «фрейм» широко используется в современной науке: в психологии, социальной психологии, теории познания, педагогике и т.д. Не является исключением и когнитивистика или когнитивная лингвистика. Одним из первых авторов, кто стал использовать этот термин, был Чарльз Филмор. «Фреймом», – писал он – можно считать набор слов, каждый из которых обозначает определённую часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого» [21, 49] Следует отметить, что у фрейма двойственная природа. Это и инструмент познания, некая внутренняя когнитивная информация, и, с другой стороны, фрейм – это структурированная лексическая подсистема [25]. В таком понимании фрейм сближается с понятием парадигмы, введённым в оборот Т. Куном в его известной работе «Структура научных революций» [10, 1975]. Фрейм – это не только структурированный корпус знания, лексическая подсистема, но и *инструментальная схема* работы с этим лексическим множеством. Научные представления о словосложении в значительной степени основываются на понятии *концепта* и представлениях о *структуре слова*. Слово без образа – безобразно, образ лежит в основе глубинной мотивации слова, составляет его «внутреннюю форму», по А.А. Потемне. А. Пайвио в своей известной книге «Ментальные репрезентации» [13] отстаивает точку

зрения двухпланового или двухкодового представления информации. Суть её в следующем: мыслительные процедуры замыкаются не только на язык, но и на воображение, другими словами – на образ. Репрезентациями могут быть как материальные, так и чисто психические, воображаемые сущности. Среди физических репрезентаций он выделяет картиноподобные и языкоподобные репрезентации. К первым можно отнести фотографии, рисунки, карты, диаграммы; ко вторым – естественные человеческие языки и формальные системы (математические, символические). Первые характеризуются как имеющие аналитические, иконические, континуальные характеристики; вторые – условные, дискретные или, по Г. Фреге, пропозициональные. Следует сказать, что подобное разделение возможно лишь в теории, в действительности же человек мыслит мыслеобразами, эйдетическая (образная) память не низшая по отношению к логико-понятийному мышлению ступень, а его неотъемлемая часть. Даже в таких весьма абстрактных областях познания мира, как, например, квантовая теория, понятие образа присутствует. Физики описывают кварки, входящие в состав протонов, нейтронов, как сущности, обладающие «цветом» и «ароматом» – «прекрасные пурпурные», «очарованные синие». Можно далее с известными допущениями сказать, что образ выполняет функцию замещения при так называемой афазии – сбоях в механизмах речепорождения, т.е. в функционировании языка. Одним из первых к этой проблеме обратился в начале XX столетия Р. Якобсон, затем она рассматривалась в экспериментах А.Н. Лурии и его последователей. Оказалось, что в ряде случаев пациенты с афазией сохраняли не только способность мыслить и мыслить творчески, но и общаться с коллегами, доносить до них смыслы, а не значения с помощью рисунков, чертежей, планов и схем. Кроме того, лингвистическая антропология свидетельствует, что мышление первобытного человека, будучи алогичным с современной точки зрения, было в высшей степени абстрактным, может быть даже более абстрактным, чем мышление современного человека. И в основе этого дологического мышления лежал пусть и фантастический, но образ предмета, явления, действия, ситуации.

Понятие концепта в современной когнитивной лингвистике отражает динамическую, пульсирующую сторону познания. Для описания концепта используются метафоры «облака», «снежного кома», «плода». Независимо от своего типа концепт имеет базовый слой. Это определённый чувственный образ (е.g. автобус – жёлтый, тесно, трясёт; религия – Бог, храм, молящиеся люди, таинства /мистерии/ и т.д.) Этот образ – единица универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов), которая кодирует данный концепт для последующих мыслительных операций. Как считает И.А. Стернин, если концепт – это плод, то «базовый чувственный элемент будет его косточкой». В ряде случаев базовым образом покрывается содер-

жание концепта. В более сложных концептах дополнительные признаки наращиваются на базовый образ, создавая, так сказать, оболочку, мякоть плода. И этих признаков может быть достаточно много. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и слоёв определяет объём концепта и его структуру. Кроме ядра и мякоти концепт имеет, если продолжить метафору, кожуру, т.е. коннотативную часть – совокупность предикаций, отражающих отношение к концептуальным признакам и их совокупности в виде утверждений, установок сознания, характерных для данного концепта в рамках определенной культуры. [19].

Андерсон противопоставляет знание фактов и знание операций. Он пишет: «Хранимый человеческой памятью запас знаний шире, чем то, что увязывается с понятием ментального словаря» Выше мы упоминали Пайвио с его двухкодовой концепцией. Он выделяет имагены, то есть субъективный образ внешних явлений как продукт восприятий и представлений. Они характеризуются иконической природой и недискретностью. Единицами репрезентации вербальной системы являются логогены. Логогены отличаются от имагенов своей внутренней дискретной структурой так, что единицы более простые объединяются в единицы более сложные в определённой последовательности [13].

Далее, многие теории решают вопрос о принципах организации понятий в более сложное объединение и об отношениях, которые складываются между разными понятиями. В настоящее время предлагается несколько версий сетевого представления таких связанных между собой концептов: синтаксические сети (А. Коллинз, М. Куильяна), семантически-импликационные, идентифицирующие, интеракционные и т.д. Возникла целая концепция признакового пространства, моделей тех операций, благодаря которым тот или иной объект причисляется к определённой категории. Основательный обзор моделей представления в памяти содержится в работе М. Таненхауза. [29, 1-37]

Когнитивная система человека определяется как система обработки информации. Для информационно-поискового подхода характерно изучение моделей работы памяти, когда последовательность событий описывается через серию трансформаций, которые претерпевают внешние сигналы. Появились работы по семиотической памяти. М. Куильян в качестве структуры знания использует пропозициональные сети. В этом же русле выстраивают свои размышления Р. Шенк и Т. Виноград. То есть понимание языка осуществляется на основе знаний о мире. Какие знания о мире и в какой степени необходимы человеку, насколько упрощается понимание языка благодаря знанию синтаксических структур, грамматических правил и лексикона. На этот счёт сложились две кон-

цепции: С.Д. Кацнельсон, в частности, полагает, что совокупность знаний о мире и внутренний лексикон (то есть знание о языке) – это два принципиально разных механизма мозга. Сторонники второй концепции полагают, что принципиального различия между ними не существует. Декодирование смысла высказывания – несравненно более сложный процесс по сравнению с декодированием смысла слова. Если речь идёт о высказывании относительно события, когда структура предложения достаточно проста и набор синтаксических кодов невелик, то декодирование может и не быть сложным: «лес рубят», «поезд ушёл», «собака лает» и т.д. Когда же речь заходит о декодировании фразы или предложения, смыслом которых является отношение, то дело приобретает более сложный характер. Трудности возникают при декодировании конструкций со смысловой инверсией. Без сложной аналитико-синтетической работы эта задача вряд ли может быть решена. Не менее сложной является расшифровка художественного текста. Мы идём от внешнего текста к внутреннему смыслу, который, как правило, прямо не выражен, а сокрыт. Специфика художественного текста проявляется уже в идиоматических выражениях, пословицах и баснях. Непосредственный, поверхностный их смысл не имеет ничего общего со смыслом глубинным. Речь ведь не идёт об описании каких-то эпизодов, событий из жизни конкретных растений, животных или людей. Смысл – в тех отношениях морально-ценностного характера, которые они раскрывают. Можно сказать, что исторически каждое слово имеет первоначальный смысл, который по мере развития цивилизации обрастает переносными значениями. Слово начинает использоваться как метафора, знак, символ уже иного, порой противоположного исходному смысла. Более того, метафора не только отражает жизнь, но и творит ее. «Нос майора Ковалева», «облако в штанах» – уже не столько тропы, но и совершенно новые смыслы. Слово-многослойно, это факт. Но слово ещё и иерархически многослойно. Если наборы значений слов в разных языках могут более или менее совпадать, то не так обстоит дело с ценностной иерархией значений, которая может быть в пределе не только различной, но принципиально различной. В. Набоков, известный не только как автор скандальной «Лолиты», но как писатель, писавший на чужом языке как на своем родном, во время своих лекций, читавшихся на английском, два слова всегда приносил по-русски – правда и истина.

Мы предлагаем для описания термина две классификации – классификацию синтактико-семантических признаков и классификацию лексико-семантических признаков. Формирование любого признака, будь то

синтаксической природы, либо же лексической – мы хотим назвать термином *featuring*, что означает процесс распознавания особенностей и черт. Формирование признака – это строительство объёма содержания/значения признака. Чтобы отделить смысл одного признака от другого, нам следует применять некую формализованную трансформацию одной внешней формы выражения признака в другую форму – при трансформировании содержание признака не извращается. В этом месте нашего обсуждения логико-лингвистических проблем напрашивается следующая аналогия из материальной действительности: у некоторых африканских племён признак «мужчина» присваивается тем молодым людям, кто способен перепрыгнуть двухметровую каменную стену. Закон суров: «Хочешь жениться – перепрыгни стену». Содержание признака «быть мужчиной» неожиданно соотнесено совсем с иным признаком человека – умением лишь прыгать в высоту. Можно предполагать, что значимость этого умения была определена подготовкой племени к войне, и пониманием того, что в прыжках в высоту работают все органы человеческого тела. Осмыслив материальную действительность, т.е. выделив компоненты материальной деятельности человека, мы, как сказал Г.О. Винокур, «приступим к попытке перевода» этих материальных «категорий на язык грамматики». То есть этот процесс усвоения материальной действительности нами мыслится следующим образом: человек, получивший от природы органы чувств, воспринимает данный материальный предмет/вещь. Точнее, в сознании человека возникает образ этой вещи, этому образу мгновенно системой языка присваивается имя/именование/слово/словосочетание. Слово как лингвистический предмет обладает предметным/вещественным значением и грамматическим значением. Предметное значение первично, а грамматическое значение вторично, ибо объём грамматического значения (например, инструментальность) формируется на основе лексического значения (например, живой/неживой, ручной процесс, механический процесс, интеллектуальный процесс).

Для чего это мы делаем? Для того, чтобы показать как язык своими лингвистическими средствами выражает материальную действительность в терминологическом знаке. Иными словами, как логика трудовой деятельности человека отражается в лингвистическом знаке.

Разные семантики предлагают различные подходы к осмыслению знаний: процедурный, фреймовый, вычислительный; дискурсивный же анализ связан с разработкой идеей относительно когнитивных механизмов понимания дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2001.
2. Выготский, Л.С. Проблема сознания / Л.С. Выготский Собр. Соч.: В 6 т. Т.1 – М.: Педагогика, 1982.
3. Головин Б.Н. К вопросу о сущности грамматической категории (на материале русского языка) // Вопросы языкознания, 1955. №1. – С. 117-124.
4. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Залевская, А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова/А.А. Залевская.- Москва-Берлин, 2014.
7. Камчатов, А.М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова/ А.М. Камчатов//Русский филологический вестник. 1998. №1/2.
8. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. / И.И. Карасик – М: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Кубрякова, Е.С. Память и её роль в исследовании речевой деятельности // Сборник научных трудов «Текст в коммуникации» - М. 1981.
10. Кун, Томас. Структура научных революций. — М., 1975.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. - Москва, 1990. –С. 387-415.
12. Лурия, А.Р. Речь и мышление. Материалы к курсу лекций по общей психологии /А.Р. Лурия. – М.: IV Изд-во Московского университета, 1975.
13. Paivio A. Mental Representations: A dual coding Approach. N.Y.: Oxford University Press, 1986. 336 p.
14. Петров В.В. Язык и искусственный интеллект: рубеж 90-х годов//Язык и интеллект. /В.В. Петров – М.: Прогресс, 1996
15. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. - М.: ФЛИНТА, 2008 – 176 с.
16. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. –М.: изд-во лит-ры на ин. яз., 1957. – 286с.
17. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. –271с.
18. Стернин, И.А., Быкова, Т.В. Язык и национальная картина мира. /И.А. Стернин, Т.В. Быкова.- Воронеж: Истоки, 2002.
19. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Научное издание под ред. И.А. Стернина. – Воронеж.: Воронежский государственный университет, 2001, с. 58-64.
20. Уёмов, А.И. Вещи, свойства и отношения. –М.: изд. АН СССР, 1963. – 184с.
21. Филмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 14. - Проблемы и методы лексикографии.- М. 198, с.23-60.
22. Чивилихин, В. Память / В.Чивилихин – Роман-газета. №4(1010), 1985.
23. Barsalow, L.W. Frames, Concepts and conceptual fields. Text.Hillsdale, 1992
24. Carston Н. Language and condition//Linguistics: The Cambridge Survey-vol.3 Language 1988 pp/38-68
25. Chomsky Noam Studies on Semantics in Generative Grammar: De Gruyter Mouton, December 1, 1980
26. Katz J.J., Fodor J.A. The Structure of Semantic theory. Language.39.1963
27. Lacoфf G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago London:The Univ. of Chicago press, 1990
28. Fillmore Ch.J, Atkins B.T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of of Risk and its neighbors// Frames, Fields, and Contrasts/ Leher A., Kittay E., eds., Hillsdale,N.Y, 1992.
29. Tanenhaus V/ Psycholinguistics/ fn interview/Linguistics- vol/3 p1-37
30. Какие два слова Набоков считал непереводаемыми с русского языка на английский. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: ok.ru/group.532260011793112/topic/150974162023256, свободный (дата обращения 11.07.2022).

© Ключева Юлия Семеновна (juliya_klyueva@mail.ru), Кузьминов Владислав Геннадьевич (vladislav1803@mail.ru),
Швецов Алексей Александрович (saintnevsky@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЭЗИЯ И ФИЛОСОФИЯ: ЗАГАДОЧНАЯ БЛИЗОСТЬ

POETRY AND PHILOSOPHY: A MYSTERIOUS PROXIMITY

*M. Novikova
A. Lebedeva*

Summary: The article is devoted to identifying common features between philosophical and poetic types of discourses from the linguistic and cognitive viewpoints. Linguistic correlation is realized through the active self-expressive role of the language, as well as through the true and semantic capacity of the used lexemes. Cognitive similarities are expressed in the features of philosophical and poetic thinking, which is described as an interdependent process characterized by consistency, iteration, hermeneutic orientation and close connection with spiritual and moral values. In some cases, there is an interpenetration of the indicated types of discourses.

Keywords: philosophical thinking, poetic thinking, active function of language, interconnection, reflection.

Новикова Марина Геннадьевна

*Д.филол.н., доцент, Российский государственный университет правосудия (Москва)
Novikova_mg@mail.ru*

Лебедева Анна Александровна

*Д.филол.н., профессор, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (Москва)
lebsuch@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена выявлению «общностей» между философским и поэтическим дискурсами с лингвистической и когнитивной точек зрения. Языковая корреляция реализуется в активной самовыразительной роли языка, а также в истинности и смысловой ёмкости употребляемых лексем. Когнитивные сходства выражаются в особенностях философского и поэтического мышления, которые находятся в отношениях взаимной контрибуции и характеризуются системностью, итеративностью, герменевтической направленностью и тесной связью с духовно-нравственными ценностями. В ряде случаев наблюдается взаимопроникновение обозначенных видов дискурсов.

Ключевые слова: философское мышление, поэтическое мышление, активная функция языка, взаимосвязь, рефлексия.

Подлинно образованный человек, «наилучшим образом воспитанный для философии и словесности», «вдруг, в любом месте речи метнет <...>, точно могучий стрелок, какое-нибудь замечательное изречение, короткое и сжатое, и собеседник окажется ничуть не лучше ребенка».

Платон «Протагор» [16].

Платон в своем диалоге располагает рядом два термина: «философия» и «словесность» мистически не случайно, а как бы подразумевая их тесную взаимосвязь. В толковом словаре С.И. Ожегова «словесность» определяется как художественное творчество и словесный фольклор. Причем, «изысканная словесность» – это устаревшее название художественной литературы [15]. Возможно ли у художественной литературы, а точнее – поэзии и философии выделить сходные характеристики?

В терминах Х.-Г. Гадамера о «загадочной близости» двух искусств стали широко дискутировать со «времен Гердера и немецкого романтизма», причем некая общность ставилась в укор философии, которая якобы «уступила место великим неакадемическим философам и писателям ... и была отодвинута в тень целым созвездием великих романистов», среди которых надлежит упомянуть Золя, Бальзака, Достоевского, Толстого [4, с. 116].

Мнения современных ученых на данную проблему не однозначны: от полного отрицания философии как нау-

ки, стирания границ между философией и литературоведением, до четкого разграничения данных дисциплин. Некоторые исследователи признают частичное совпадение понятий, например, в концепции зеркального отражения одного феномена в другом.

С точки зрения Н.С. Автономовой, в философии видится способ литературного письма, ибо совокупность философских мыслей фиксируется в артикулированной последовательности знаков и пишется в конкретном языке, в его идиомах, которые определенным способом формируют текстуру мысли и на нее воздействуют [9]. И, напротив, литературные произведения, например, Ф.М. Достоевского, по сути, являются философскими рассуждениями о причинно-следственных закономерностях бытия, о познании закоулков человеческой души, о ее развитии на пути познания Истины.

Целью настоящего исследования является установление некоторых из возможных точек соприкосновения поэтического и философского дискурса с лингвистической и когнитивной точек зрения.

Понятие «дискурс» сопрягает по средствам текста коммуникативные деятельности автора и реципиентов философского или поэтического сообщения, причем коммуникация основана на чувственном (в случае с поэзией) и теоретико-логическом (в случае с философией) воздействии на реципиента с целью формирования его духовной и мыслительной культуры в соответствии с че-

ловеческими ценностями. В наиболее широком смысле философию и поэзию объединяет язык, ибо результатом философского анализа и стихотворной деятельности является текст. Однако язык поэтических и философских текстов не следует понимать как «устройство» для передачи информации человеком. В данном случае язык не пассивен по отношению к человеку, он не средство, а **активный производитель действия**, использующий человека как способ собственного выражения. Иосиф Бродский в своей «Нобелевской лекции» утверждает, что «кто-кто, а поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования...» [цит. по 12]:

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев неожиданных,
Овладевавших мной стихов!
(В. Брюсов) [2].

Строки В. Брюсова подтверждают мнение Бродского, которое в полной мере справедливо и в отношении философии.

Другим фактором, роднящим языки философии и поэзии, является обязательная истинность и смысловая наполненность их составляющих лексем. Если в поэзии слова «пусты», поэтическая речь перестает звучать, «она становится лишь созвучной — то ли другому стихотворному произведению, то ли риторике обыденной жизни. Применительно к философии это значит, что философская речь застревает на приведении формальных аргументов или впадает в пустую софистику» [4, с. 126].

Благодаря особой активной роли поэтический и философский язык не только «использует» нас для самовыговаривания (по Хайдеггеру), но и вовлекает в бурную когнитивную деятельность – «Камасутру языка», которая заключается, по мнению Ролана Брата в получении удовольствия и наслаждения от чтения текста. Удовольствие начинает возникать в тот момент, когда вслед за намеками, определенной недосказанностью, смысловой емкостью, ассоциативностью текста у реципиента начинают возникать собственные мысли, когда читатель чувствует сопричастность к выведению смыслового содержания текста и потребность в его дальнейшем смысловом развитии. Читатель, стремящийся к удовольствию, приемлет букву, «он обретает право и возможность дать ей заговорить...». Предположим, что подобный текст-удовольствие относится более к области философии.

Барт выделяет так же и текст-наслаждение, который находится «вне удовольствия... разве что он соприкоснется с каким-нибудь другим текстом-наслаж-

дения: вы не можете ничего сказать о подобном тексте, вы можете говорить только «изнутри» него самого, на его собственный лад, придаваться безоглядному плагиату, доказывать, ... существование бездонной пропасти наслаждения...» [1, с. 462–518]. Действительно, при чтении некоторых поэтических произведений, не смотря на кажущуюся смысловую прозрачность, возникает неясное, интуитивное, «духовное» понимание сути вещей, на уровне тонких материй, что приносит истинное наслаждение.

С одной стороны, текст-удовольствие и текст-наслаждение противостоят друг другу как рациональное и иррациональное начала. С другой стороны, они дополняют друг друга как поэтическое и логическое мышление. Отметим, что Р. Барт сам не всегда может с четкостью разграничить данные понятия.

Поскольку речь и в одном, и в другом случае идет о логическом или интуитивном, постижении и переживании текстовых смыслов, следовательно, поэзия и философия функционируют в области аксиологически-смысловой. Стоит отметить, что основные задачи поэзии и философии удивительным образом совпадают. По сути, они заключаются в «сведении разнообразия явлений действительности к возможно меньшему числу обобщений» [23, с. 229] по средствам особенностей мышления.

Казалось бы, возможно разделить философию и поэзию по способу мышления, ибо первая мыслит силлогизмами, а последняя – образами. Однако логическое и поэтическое мышление взаимосвязаны и дополняют, взаимообуславливают друг друга.

В философии мышление – это особый склад ума (особый род духовной деятельности), направленный на выделение и объяснение смысловых доминант действительности посредством рефлексивности, целостности и критичности когнитивных процессов с обязательным наличием у интерпретатора определенных нравственных качеств и умственных добродетелей. Рефлексивность проявляется в выявлении смысла событий, их связи между собой и понимании их не только умом, но и в задействовании чувств и воли; рефлексировать – это «не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь» [24]. Целостность философского мышления проявляется в понимании причинно-следственных связей основных тенденций развития мира и осознании своего места в данном процессе. Критичность мышления – это способность неоднократно проверять истинность собственных выводов, искусство профессионально задавать вопросы, ибо «философию надо изучать не за определенность ответов на ее вопросы..., но скорее за сами эти вопросы», которыми она и сильна, ибо в данной науке нет запрета на критику, запрета на сомнение [20; 17].

Поэзия, в свою очередь, также отождествляется с «особым способом мышления, который в конце концов приводит к тому же самому, к чему приводит и научное познание (...), но только другим путём» [3, с. 31]. Поэтическое мышление компилирует и уравнивает чувственную и смыслопостыгательную стороны формируемого образа мира, разворачиваясь «в режиме сгущения смыслообразов, получивших интенциональный импульс в разных этапах сознания автора» [13, с. 381]. Сложность данного вида мышления заключается в необходимости поиска соответствующего поэтического выражения для сформированного смыслообраза, необходимости создания «для него точной духовной формы, иначе всё, что он нёс, вместе с «шелестом действительной ткани жизни» навсегда уйдет в небытие» [11, с. 111; 13, с. 379].

Таким образом, философское и поэтическое мышление основано, прежде всего, на духовной деятельности, направленной на нравственное познание и развитие личности. Оба вида мышления имеют итеративный характер, что возможно объяснить словами П.А. Флоренского «Темы уходят и возвращаются, и снова уходят, и снова возвращаются, так – далее и далее, каждый раз усиливаясь и обогащаясь, каждый раз наполняясь поновому содержанием и соком жизни» [22, с. 37].

Согласно Гельдерлину, «полон заслуг, однако поэтически жительствоует человек на этой земле». Хайдеггер толкует это так: «поэтически проживать означает находиться в присутствии богов и быть затронутым близостью сущности вещей» [14]. Сущность вещей можно почувствовать, прочувствовать духовно, через стихи, но не выразить при помощи логических формулировок. Удивительно, но постижение многих явлений, в том числе и научных, осуществляется духовным, интуитивным путем, в большей степени через эмоцию, основанную на образности. Возможно утверждать, что подлинный смысл некоторых явлений или же текстовых элементов раскрывается при помощи «намекающих» ассоциаций – художественных, литературных средств, к которым часто прибегал Хайдеггер в своих работах. Подобная техника применялась в платоновских диалогах и в восточной дидактике, например, в «индуизме, буддизме и чаньских текстах, где раскрытие смысла понятия идет поэтически-ассоциативным путем» [19].

Ассоциативность – одна из сущностных характеристик поэтического мышления, основанного на презумпции принципиальной недосказанности (неполноты) и метафоричности. В содержательном плане поэтическое мышление предполагает интуитивные, образные и т.п. мыслительные процедуры. В формальном плане – опору на такое построение вербальной объективации мысли, которая предполагала бы наличие своего рода свободного пространства движения мышления (семантической пустоты текста), выступающей условием возможности

внерационального схватывания того, что в рациональном усилии уловлено быть не может [7]. Данная особенность поэтического мышления активно используется в философии в виде тенденции «читать между строк». Например, Д.С. Мережковский в своих философских герменевтических работах учит находить смысл, противоположный явному.

Большую роль в философском и поэтическом мышлении играют эмоции, обеспечивающие управление поиском решения задачи. Именно лирика пробуждает в человеке чувства и сильнейшие эмоциональные переживания, неизменно мотивирующие когнитивно-аксиологическую активность. «Ее эмоциональный элемент дает ей возможность влиять там, где сухие формулы науки бессильны. Мало того: не нуждаясь в точных построениях, обобщая в бездоказательном, но убедительном образе бесконечное разнообразие нюансов, ускользающих от прокрустова ложа логического анализа, поэзия предвосхищает выводы науки» [6, цит. по 23, с. 229], а во многих случаях позволяет людям, далеким от науки почувствовать и описать проблемы, являющиеся предметом жарких дискуссий специалистов:

Нет ни ключа, ни решения... Ответ
Не обнаружили пренья.
Ключ от решенья нашёл лишь поэт –
Пóходя, в миг озаренья.
(С.Ф. Гончаренко) [5, с. 118].

В статье «Поэзия как жанр русской философии» Влад. Серг. Соловьев утверждает, что поэзия – это форма русского философствования, т.к. образ становится «носителем отвлеченного начала, средством проникновения в сокровенный смысл сущего», единственным / уникальным средством, переводящим впечатления в размышления и наоборот» [21].

В данном случае разница между прозой и стихосложением не является существенной. Поэзия – это не поэтичность, поэзия – это чувство собственного существования. Это тонкое объяснение сути окружающего мира и места человека в нем. Это ли не подлинная философия, это ли не герменевтическая общность цели? Поэзия – это не обязательно рифма. То, что должно непременно присутствовать в поэзии – это максимальная емкость мысли, сводящаяся к точке, наиболее полно раскрывающая суть вещей (например, афоризм). Когда философия рассуждает о бытии, то ей необходим язык этого бытия, и в качестве такого языка подходит только поэзия (в широком смысле) [8].

Неслучайно особенностью русской общественно-философской мысли является «выбор поэзии в качестве формы философствования» и выбор общих тем для «философской рефлексии и поэтического вдохновения». Так, например, Ф.И. Тютчев и Вл. Соловьев в качестве

основы мирового существования видели первобытный хаос, но их восприятие темного стихийного начала было контрастным. Тютчев в своем творчестве обращается к темной его стороне, пронизывающей всё человеческое бытие и таинственную жизнь природы, являющейся точкой соприкосновения человека и природы, заставляющей глубины человеческой души порождать темные эгоистические страсти и инстинкты, способные сокрушить всё доброе и хорошее, встречающееся человеку на его жизненном пути:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
(Ф.И. Тютчев) [цит. по 18].

Соловьев, напротив, в стихийной основе бытия выделял светлое начало – красоту, противоборствующее хаосу и побеждающее его темную силу. Данный феномен трактуется как «преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала», принадлежащего «иному, идеальному миру, отблеск которого ложится на земную действительность в виде красоты»:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
(Вл. Соловьев) [18, с. 80-83].

Многие философы, например, Мартин Хайдеггер, не разделяют философские и поэтические поля, подвергая последнее глубокому философскому анализу. А иногда

и видят в поэзии родоначальницу философии. Согласно мнению Иоганна Гельдерлина, «философия не родится из голого рассудка или голого разума, ибо она есть нечто большее, чем ограниченное познание существующего. Лишь поэзия, оплодотворенная светом божественной красоты, словно объемля философию, задает начало и конец последней» [14].

Итак, исследование позволило установить, что «загадочная близость» поэзии и философии в когнитивно-лингвистическом аспекте проявляется в:

- общности целей существования – духовно-нравственном описании и объяснении бытия;
- активной роли языка, использующего авторов как средство самовыражения, и метафоричности, емкости и истинности используемых лексических единиц;
- получении удовольствия и наслаждения от восприятия и осмысления поэтического и философского дискурсов;
- взаимодействии и взаимодополнении поэтического и логического видов мышления, характеризующихся системностью и итеративностью;
- обилии скрытых смыслов, побуждающих реципиентов к рефлексии;
- герменевтической общности затрагиваемых тем;
- окказиональном взаимопроникновении.

Полученные выводы отражают несколько из множества возможных точек соприкосновения поэзии и философии в лингво-когнитивном аспекте и являются «первым приближением» к раскрытию темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462-518.
2. Брюсов В. Родной язык. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/15137/rodnoi-yazyk>.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. Москва: Педагогика, 1987.
4. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 116-126.
5. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика: Науч.-теорет. сб. / под ред. С.Ф. Гончаренко. Вып. 24., 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml.
6. Горнфельд А. Поэзия // Вопросы теории и психологии творчества. Т1. цит. по Чижевский, 1996.
7. История Философии: Энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/400/%D0%9F%D0%9E%D0%AD%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95_%D0%9C%D0%AB%D0%A8%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95.
8. Коробов-Латынцев А. Две сестры: философия и поэзия. [Электронный ресурс]. URL: <http://eroskosmos.org/two-sisters>.
9. Круглый стол Философия и литература. Философия и литература: проблемы взаимных отношений // Вопросы филологии, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=67&option=com_content&task=view.
10. Мамардашвили М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии. (Опыт физической метафизики). Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.
11. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Санкт-Петербург: Русск. христ. гум. инст., 1997.
12. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Mechkov/34.php.
13. Нелюбин Н.И. поэтические концепты мышления (опыт расширения предметного поля антропологической психологии) // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67) 2017. С. 377-382.
14. Новейший философский словарь. Гельдерлин. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/158.php.

15. Ожегов С.И. Толковый словарь /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/223322/%D0%A1%D0%99>.
16. Платон. Протагор. [Электронный ресурс]. URL: <http://libok.net/writer/1617/kniga/13274/platon/protagor/read>.
17. Поиск истины. [Электронный ресурс]. URL: <https://poisk-stini.com/lite-ratura/filosofija-v-voprosah-i-otvetah/kakovi-osnovnie-cherti-filosofskogo-mishle-niya>
18. Поэзия как жанр русской философии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Сост. И.Н. Сиземская. М.: ИФРАН, 2007. 340 с.
19. Постмодернизм. Словарь терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ilyin-book.htm>.
20. Рассел Б. Ценность философии. [Электронный ресурс]. URL: <https://kilinson.com/story/2018/03/14/rassyel/>.
21. Соловьев В.С. Поэзия как жанр русской философии. [Электронный ресурс]. URL: predanie.ru/solovev-vladimir.
22. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Сочинения. Том 3. Книга 1. Москва: Мысль, 2000.
23. Чижевский А.Л. В науке я прослыл поэтом. . . Стихотворения. Калуга: Золотая аллея, 1996. 272 с.
24. Шарден Т. Феномен человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-ecology.info/post/100523602750034/>.

© Новикова Марина Геннадьевна (Novikova_mg@mail.ru), Лебедева Анна Александровна (lebsuch@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет правосудия

МЕТАКОНЦЕПТ ПУТЬ-ДОРОГА В НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ НЕПРЕЛОЖНОГО РАВСТВЕННОГО ЗАКОНА

Островская Ксения Зурабовна

*К. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», Ростовская область, п. Персиановский
ya.xenija555@yandex.ru*

THE METACONCEPT ПУТЬ-ДОРОГА (WAY) IN THE FOLK FAIRY TALE AS AN EXPRESSION OF AN IMMUTABLE MORAL LAW

K. Ostrovskaya

Summary: This article discusses the nuclear metaconcept of a folk fairy tale, namely the concept of "way". Among other metaconcepts, "way" forms the conceptual field "sacral", which is fundamental in a folk fairy tale. Drawing a parallel between the characteristics of the sacral as a phenomenon and the categories of the sacral as a conceptual field, the author analyzes how the verbal expression of the concepts that make up the metaconcept "way" explicate its characteristics such as finiteness, discreteness, and inevitability. Using examples from Russian, German, and English fairy tales, the author highlights the general properties of the meta-concept "way", considering them in the context of the universal moral law. The metaconcept "way" and the folk fairy tale itself are presented as a means of accumulating and transmitting moral rules, reflecting morality as a characteristic of the phenomenon "sacral".

Keywords: sacral, folk fairy tale, concept, way, morality.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается ядерный метаконцепт народной волшебной сказки, а именно концепт «путь-дорога». В числе прочих метаконцептов «путь-дорога» образует концептуальное поле «сакральное», которое является основообразующим в народной волшебной сказке. Проводя параллель между признаками сакрального как феномена и категориями сакрального как концептуального поля, автор анализирует, каким образом в вербальном выражении концептов, составляющих метаконцепт «путь-дорога», эксплицируются такие его характеристики, как конечность, дискретность и неизбежность. На примерах из русских, немецких и английских сказок автор выделяет общие свойства метаконцепта «путь-дорога», рассматривая их в контексте общечеловеческого нравственного закона. Метаконцепт «путь-дорога», а за ним и собственно народная волшебная сказка представляются как средства аккумуляции и передачи моральных правил, отражая нравственность как признак феномена сакрального.

Ключевые слова: сакральное, народная волшебная сказка, концепт, путь-дорога, нравственность.

Сакральное как концепт занимает важное место в лингвистике, антропологии, философии, социологии, истории, литературоведении и многих других отраслях гуманитарного знания, что связано, во-первых, с его присутствием в целом ряде фундаментальных проблем культуры, а во-вторых, со сложностью и неоднозначностью самого понятия сакрального. Даже в самых ранних исследованиях сакральное рассматривается через призму бинарных оппозиций, раскрывающих амбивалентный характер этого феномена. Классическое определение сакрального, предложенное У. Робертсом-Смитом, подразумевает разделение сакрального на «святое» и «нечистое». При этом обе эти формы существуют как параллельно, исключенные из повседневной жизни индивида и коллектива, так и могут переходить друг в друга [4, с. 54].

Именно амбивалентность сакрального позволяет говорить о нем не просто как о концепте или метаконцепте, а о более сложном образовании – концептуальном поле. А.Н. Приходько дает следующее определение концептуальному полю (или концептополю, как она его называет): «Концептополе является определенным фрагментом (участком) концептосферы, представляю-

щим собой устойчивую группировку типологически и семантически однородных и иерархически упорядоченных концептов, специализированных на организации когнитивно-семантических пространств» [8, с. 182].

Наиболее отмеченной национально-культурной спецификой сферой функционирования естественного языка является народная сказка. Будучи продуктом устного народного творчества, зафиксированным в письменной форме, она отражает «наивную картину мира» определенной общности людей, а потому содержит в себе концепты, которые входят в национальную концептосферу. Через народные сказки в концептосфере органично представлены нравственные мотивы. Сказка выступает в качестве особой формы коммуникации, в которой аккумулярована система взглядов, объясняющих окружающий мир, и правил, регламентирующих поведение человека в нем.

С одной стороны, сакральное занимает господствующее положение относительно профанного, играет упорядочивающую, гармонизирующую роль, а с другой – взаимоотношения между сакральным и человеком имеют такой характер, при котором человек не спосо-

бен каким-либо образом изменить суть сакрального. Сакральное как надбытийное нечто может как даровать благо, так и налагать наказание, стоит только человеку нарушить определенные конкретной священной (религиозной или мифической) традицией законы. В этом аспекте надбытийность сакрального находится в тесной взаимосвязи с нравственностью.

Если к самому сакральному, являющемуся моральным абсолютом, не применимы какие-либо нравственные аспекты, то взаимодействие человека с сакральным, напротив, жестко регулируется нравственным (моральным) законом. Идея морального закона, разработанная И. Кантом, в переложении на взаимоотношения между человеком и сакральным приобретает форму жертвенно-дарственного обмена, по интерпретации Ж.-Ф. Лиотара [3, с. 88]. Говоря о власти морального закона над всеми «мотивами души», И. Кант использует глагол «жертвовать» в метафорическом смысле [5, с. 85], и эту метафору Ж.-Ф. Лиотар анализирует в буквальном смысле, приходя к мысли о том, что для получения дара от «непредставимого» необходимо разрушить и истребить «свободную природную форму» [3, с. 89]. Таким образом, возможность использования энергии сакрального во благо себе (или группе, если оперировать более общими категориями) определяется способностью человека внутренне ограничивать свои чувственные склонности моральными предписаниями. Это косвенно подтверждает З. Фрейд в своей работе «Тотем и табу», говоря о том, что у первобытных народов запреты «большой частью касаются стремления к наслаждению, свободы передвижения и общения» [10, с. 43].

Такие моральные предписания изначально носили мистический характер и только по мере развития общества занимали в человеческом сознании место этических требований: удача, успех рассматривались как знак благорасположенности богов, следствие добродетельных поступков или мыслей. С другой стороны, несоблюдение воли богов (преступление) нарушало гармонию, определенную надбытийным сакральным, и влекло за собой неизбежные санкции, не в этом мире, так в загробном. Связь между причиной и следствием представлялась настолько нерушимой, что со временем приобретала форму незыблемого нравственного закона, превалирующего над законами социальными в той же мере, в какой сакральное превалирует над профанным.

Наиболее зримо превалирование нравственного закона в народной волшебной сказке реализуется в концепте испытание, связанном с проявлением нравственных качеств персонажей: если отрицательные герои сказки не способны проявлять милосердие, доброту и прочие однозначно положительные душевные качества, то протагонист выделяется на их фоне обязательным (хотя и не всегда с начала повествования) соблюдением

общечеловеческих нравственных норм. Перед каждым из героев сказки обязательно встает моральный выбор, знаменующий собой завершение определенного этапа развития – и одновременно путешествия героя. В этом плане эквивалентом концепта испытание в народной волшебной сказке выступает концепт путь-дорога [6].

Концепт путь-дорога характерен для концептосферы народной волшебной сказки на любом языке (в нашем случае – на русском, немецком и английском языках). Он знаменует собой одновременно движение (дорогу) протагониста в пространстве и времени, которое подчиняется особым законам фантастического хронотопа, являющегося каркасом сказки [7], и развитие протагониста, его путь моральный путь от начального состояния до финального, представляющего собой победу Добра над Злом. При этом в роли Зла могут выступать не только другие персонажи сказки (в частности, антагонист), но и собственные качества протагониста, вступающие в противоречие с нравственными законами.

М.М. Бахтин пишет: «Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути...» [2, с. 271]. В полном смысле слова можно утверждать, что путь-дорога для сказочного героя – его судьба, и выбирая, по какому пути идти, а главное – как идти по выбранному пути, герой проходит главное испытание в своей жизни, за что получает либо награду, либо наказание. Это утверждение одинаково справедливо для всех трех изученных нами сказочных дискурсов: как в русских, так и в немецких, и в английских народных волшебных сказках путь-дорога образует канву повествования, отдельные элементы которой подчас в точности повторяют друг друга в разных языках.

Сравним следующие примеры из русской, немецкой и английской сказок:

Стрелец сел за стол и говорит: «Эй, Шмат разум! Садись, брат, со мною; станем есть пить вместе, а то одному мне скучно». Отвечает невидимый голос: «Ах, добрый человек! Откудава тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сажали». <...> «Послушай, Шмат разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее». – «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, – человек добрый». [1, с. 212]

Da setzten sie sich, und als der Dummling seinen Aschenkuchen herausholte, so war's ein feiner Eierkuchen, und das saure Bier war ein guter Wein. Nun aßen und tranken sie, und danach sprach das Männlein: «Weil du ein gutes Herz hast und von dem deinigen gerne mitteilst, so will ich dir Glück bescheren. Dort steht ein alter Baum, den hau ab, so wirst du in den Wurzeln etwas finden.» [11, с. 430]

Coming to the well, she had no sooner sat down than a golden head came up singing:

«Wash me, and comb me, And lay me down softly. And lay me on a bank to dry, That I may look pretty, When somebody passes by.»

«Yes,» said she, and taking it in her lap combed it with a silver comb, and then placed it upon a primrose bank. Then up came a second and a third head, saying the same as the former. So she did the same for them, and then, pulling out her provisions, sat down to eat her dinner.

Then said the heads one to another: «What shall we weired for this damsel who has used us so kindly?» [12, c. 114]

Во всех трех примерах протагонист попадает в одну и ту же ситуацию, позволяющую ему проявить одно из своих положительных нравственных качеств, а именно – доброту. Следует отметить, что доброта является одним из ключевых нравственных качеств, обеспечивающих успешное преодоление испытаний. От героя может потребоваться проявить доброту в отношении случайных встречных или друзей, людей или животных, магических существ, даже предметов. Во всех случаях объект, в отношении которого протагонист проявляет доброту, становится его помощником: он может дать совет, помочь выполнить задание или даже вернуть к жизни.

Обязательной характеристикой пути-дороги является конечность, причем не только общая, совпадающая с концом собственно сказочного сюжета, но и конечность его отдельных этапов, представляющих собой локальные испытания протагониста на пути к главной цели. С лингвистической точки зрения конечность пути-дороги выражается в традиционных сказочных формулах (в частности, финальных), которые служат «знаком как сказочного финала, так и всей сказки» [9, с. 74] либо символизируют переход протагониста от одного этапа испытания (пути-дороги) на следующий. Кульминацией каждого этапа является необходимость протагониста делать определенный моральный выбор, от которого зависит, продвинется ли он дальше по своему пути (в своем моральном развитии) или будет вынужден вернуться на предыдущую точку и проходить испытание заново. В этом снова выражается незыблемость нравственного закона в сказке: единственно правильным, ведущим к достижению цели результатом морального выбора становится только тот, который соответствует определенным в национальной традиции нравственным нормам.

Если рассматривать с точки зрения лингвистики, обязательность морального выбора эксплицируется в клишированных выражениях, означающих невозможность выйти из кульминационной ситуации без каких-либо действий.

Сравним следующие примеры из русской, немецкой и английской сказок:

Иван царевич пошел от царя Долмата в великой пе-

чали, обещая ему достать коня златогривого. [1, с. 168]

Der Königsson machte sich auf den Weg, seufzte aber und war traurig, denn wo sollte er das goldene Pferd finden? [11, с. 368]

So Jack went upstairs to his little room in the attic, and sad and sorry he was, to be sure, as much for his mother's sake, as for the loss of his supper. [12, с. 34]

Во всех трех примерах герой печалится, так как не смог выдержать предыдущее испытание и теперь вынужден проходить новое, гораздо более сложное. При этом если в начале сказки печаль героя связана с его фиаско, то ближе к концу (по мере морального развития) эта эмоция сменяется раскаянием: протагонист осознает свои ошибки и обещает больше их не допускать, восходя на новый уровень нравственности.

Если моральный выбор является обязательной кульминацией каждого этапа пути-дороги (и всего пути-дороги в целом), то не менее обязательной развязкой является получение протагонистом заслуженного вознаграждения или наказания (в зависимости от сделанного им выбора). На последнем же этапе сказочного повествования протагонист, успешно выдержавший все испытания на пути-дороге, получает финальное вознаграждение, а антагонист, не сумевший сделать верный моральный выбор – финальное наказание. Как правило, источником вознаграждения (и наказания) выступает внешняя сила, присутствовавшая в сказке (или на этапе пути-дороги) с самого начала, что возвращает нас к такой категории концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в народной волшебной сказке, как надбытийность.

Вербальные средства выражения концептов вознаграждения и наказания в изученных нами сказочных дискурсах проявляют несомненные сходства: практически всегда финальным вознаграждением героя является счастливая семейная жизнь, богатство и процветание, антагониста же почти всегда ждет казнь или смерть.

Сравним следующие примеры из русской, немецкой и английской сказок:

Купец расспросил про все подробно, освободил жену из темницы, и потом все они вместе переехали жить в новое царство, которое еще прежде по желанью купеческого сына явилось на взморье; царевна к своему отцу уехала, а Федор до самой смерти так и остался поганым псом. [1, с. 257]

Der alte König ließ den Koch in vier Stücke zerreißen, aber der Gram zehrte an seinem Herzen, und er starb bald. Der Sohn heiratete die schöne Jungfrau, die er als Blume in der Tasche mitgebracht hatte, und ob sie noch leben, das steht bei Gott. [11, с. 487]

But they sent for the henwife and put her to death. And they lived happy all their days. [12, с. 24]

Во всех трех примерах финальное вознаграждение протагониста неразрывно связано с финальным наказанием антагониста, образуя неразрывную дихотомию. В этом находит отражение надбытийный характер нравственного закона народной сказки: награда и возмездие являются непреложным результатом всего сказочного повествования.

В завершение можно сделать вывод о том, что концепт путь-дорога занимает особое место в концептосфере народной волшебной сказки. Являясь эквивалентом концепта испытание, путь-дорога одновременно описывает путешествие героя в пространственно-временном континууме сказки и символизирует его мораль-

ное развитие. При этом путь-дорога характеризуется такими особенностями, как конечность, дискретность и неизбежность. В изученных нами сказочных дискурсах (русском, немецком и английском) для реализации этих особенностей используются сходные вербальные средства, в основном несущие эмоциональную нагрузку (в рассмотренных примерах – печаль при провале испытания, доброту как обязательное условие прохождения испытания и счастье как финальная награда).

Все это позволяет говорить о том, что путь-дорога протагониста народной волшебной сказки определяется общечеловеческими принципами нравственного закона, закрепленного в традиции народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н., Барг Л.Г., Новиков Ю.А. Народные русские Сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / А.Н. Афанасьев, Л.Г. Барг, Ю.А. Новиков. – Москва: Наука, 1984. – Т. 2. – 338 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. – М., 2012. – 537 с.
4. Зыгмонт А.И. Амбивалентность сакрального: краткая история забвения концепта // Становление классического зарубежного теоретического религиоведения в XIX – первой половине XX века: сборник материалов научной конференции с международным участием. – М.: Эдитус, 2015. – С. 54–58.
5. Кант. И. Критика способности суждения [и другие тексты]. – СПб., Наука, 2001. – Перевод Н.М. Соколова. – 440 с.
6. Островская К.З. Концепт ПУТЬ-ДОРОГА как эквивалент концепта ИСПЫТАНИЕ в концептосфере народной волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 12 (90), Ч.3. – С. 579–583.
7. Островская К.З. Медиальные формулы как средство репрезентации фантастического хронотопа: на материале русских, немецких и английских народных волшебных сказок // Современное педагогическое образование – Москва, 2019. – № 7. – С. 136–141.
8. Приходько А.Н. Концепты и концептосистемы. – Днепрпетровск, 2013. – 307 с.
9. Словарь литературоведческих терминов / под ред. С.П. Белокуровой. – М.: Паритет, 2007. – 320 с.
10. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб., 2005. – 256 с.
11. Grimms Märchen (Komplette Sammlung - 200+ Märchen) / J. und W. Grimm. – Hrsg. v. Oregan Publishing. – 2018. – 1164 S.
12. Jacobs J. English Fairy Tales / J. Jacobs. – Rainbow Classics. – 2016. – 178 p.

© Островская Ксения Зурабовна (ya.xenija555@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА НА ДЕРЕВЕНСКУЮ ТЕМУ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ

STUDY OF FOLKLORE CULTURE IN THE WORKS OF I. A. BUNIN ON A VILLAGE THEME FROM THE POINT OF VIEW OF LINGUO-FOLKLORISTICS

Peng Yunyu
Wu Haotian

Summary: The works of I.A. Bunin reflect the original folklore culture of the traditional Russian village. The language of folklore is an essential component of culture. Lingua-folklore elements used in the works of Ivan A. Bunin, such as folklore lexis, folk idiomatic expressions, and folklore in the narrow sense, give a comprehensive picture of the life in Russian village in the late 19th – early 20th century and are regarded as visualized folklore-language materials, which contain the inner core of the authentic Russian culture under its outer linguistic shell.

Keywords: Russian folklore culture, Russian folklore, works of I. A. Bunin, village theme, linguo-folkloristics.

Пэн Юнью

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Г. Гуанчжоу, Китай; стажер, Российский университет дружбы народов, Москва
pyuolivia@yandex.com

У Хаотянь

Институт бизнеса Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай
alexanderwuht@yandex.ru

Аннотация: В произведениях И.А. Бунина отразилась самобытная фольклорная культура традиционной русской деревни. Язык фольклора является важной составляющей частью культуры. Лингвофольклористические элементы, используемые в произведениях И.А. Бунина, такие как фольклорная лексика, народные идиоматические выражения и фольклор в узком смысле, представляют широкую картину жизни русской деревни в конце XIX - начале XX века и являются образными фольклорно-языковыми материалами, где содержится под своей внешней оболочкой языка внутреннее ядро аутентичности русской культуры.

Ключевые слова: русская фольклорная культура, русский фольклор, произведения И.А. Бунина, деревенская тема, лингвофольклористика.

Введение

И.А. Бунин, ставший первым в истории русским писателем, получившим Нобелевскую премию по литературе, занимает особое место в русской литературе. Он считается последним классиком Серебряного века русской литературы и одним из самых ярких представителей литературы русского зарубежья. За всю свою жизнь он написал более 300 повестей и рассказов, из которых десятки на сельскую тематику, поэтому его также называют «писателем сельской темы». Язык фольклора в «деревенских» произведениях И.А. Бунина, как одно из проявлений традиционной русской культуры, – не просто украшение сюжета, а неотъемлемая часть текста. Образные фольклорно-языковые материалы имеют сходные с русским фольклором в реальной жизни ценности, которые могут восприниматься как полезное дополнение и расширение для изучения русского фольклора.

И язык, и фольклор являются частью культуры человечества. Язык – главный носитель и способ передачи фольклора, а фольклор отражает языковые изменения и в определенной степени оказывает влияние на язык и речь. Поэтому язык, культура и фольклор тесно связаны

друг с другом. Язык фольклора, находящийся в обширной и глубокой связи между фольклором и языком, которые долгое время влияют и взаимно проникают друг в друга, образуют самобытные формы фольклорной культуры, не только обладая уникальной национальной языковой личностью, но и включая в себя богатое национальное историческое и культурное наследие, запрограммированную языковую форму в народной культуре. В 1970-х годах в России сформировалось самостоятельное научное направление – лингвофольклористика. Эта дисциплина исследует взаимосвязь языковых явлений фольклора русского народа с его духовной и художественной культурой [8], тем самым позволяя выявить и рассмотреть особенности социальной и духовной культуры народа.

Язык фольклора охватывает широкий спектр знаний, но с точки зрения лингвокультурологии, он обозначает языковые формы и языковые явления с ярким этническим своеобразием, к ним относится лексика, народные идиоматические выражения и фольклор (в узком смысле) [9], которые содержат в себе фольклорные элементы и несут фольклорно-культурные смыслы. В данной статье рассматривается фольклорная лексика, народные идиоматические выражения и фольклор (в узком смысле) в произведениях И.А. Бунина на деревенскую тему,

анализируются их конкретные коннотации и культурные смыслы, при этом будут доработаны особенности культуры русских сел и деревень, чтобы получить и русскую национальную картину мира.

I. Фольклорная лексика

Фольклорная лексика – это лексика, которая относится к народным обиходным событиям и отражает особенности, характер и происхождение народной культуры. Она принимает «слово» в качестве основного морфологического признака, включая в себя слова, обозначающие предметы повседневного обихода, такие как одежда, пища и орудия производства, а также фоновые слова, диалекты, эвфемизмы, сленг и народные идиоматические выражения из фольклорной культуры.

В «сельских» произведениях И.А. Бунина сохранилось большое количество слов, обозначающих предметы быта, которые имеют характерные особенности эпохи.

Например, одежда для обычных русских крестьян: полусапожки с подковками, безрубавка, занавеска, прозумент (золотая, серебряная или мишурная тесьма); картуз (мужеская фуражка с козырьком), посконная рубаха, портки (штаны закрывающие колени), лапти (низкая обувь, сплетённая из древесного лыка, берёсты или пеньки); одежда для дворян: шелковая рубаха, бархатные шаровары, длинные сапоги. Также примерами являются вещи и предметы быта, производственно-хозяйственный инвентарь в деревне: ситник, овин, рига, шалаш, самовар, рогожа, печка. Сюда же относятся национальные продукты питания: кулеш (жидкая похлебка с солониной из горохового толокна с салом и пр), квас, «дули» (груша), «бель -барыня», «боровинка», «плодовитка» (яблоко). Эти фольклорные слова, обозначающие предметы быта, представляют реалистичные картины жизни русской деревни в конце XIX - начале XX века с разных точек зрения, что позволяет читателям разных поколений войти в контекст конкретного общества.

Более того, в произведениях И.А. Бунина также существуют множество деревенских диалектов и жаргонов. Например, диалектизмы: рога (косы положены по бокам макушки), ядерный (отличный), небось (наверное), добро (собственные имущества), завариться (случилось что-то плохое), ухват (очень худой), орел (пять копеек); и архаизмы-устаревшие слова, которые в современной речи заменены синонимами: должно быть (возможно), отмахать (прожить) и т.д. Большинство этих диалектных слов обладают эмоциональной свободой, более выразительными и преувеличенными свойствами в семантики по сравнению с литературным языком, часто заимствуя производные значения из других объектов, что и отчетливо отражает особенности речи простых сельских людей того периода.

II. Народные идиоматические выражения

Народные идиоматические выражения, происходящие из фольклорных событий, представляют собой сложившиеся идиомы и фразы, отражающие особенности, характер и происхождение народной культуры. Для народных идиоматических выражений характерна «фраза», это разговорные идиомы, пословицы, устойчивое выражение, заклинания и гадательные слова.

В «деревенских» произведениях И.А. Бунина встречается множество фольклорных поговорок о погоде, таких как «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик», «много тенетника на бабье лето – осень ядерная» (из произведения «Антоновские яблоки») – народные пословицы о предсказании хорошего урожая с учетом погоды. Обе пословицы основаны на многократных наблюдениях и многолетней практике в отношении погоды и земледелия, отражают богатую историю русской земледельческой культуры, где жизнь и судьба людей тесно связаны с погодой, а также мудрость русского трудового народа.

Например, пословица «на сливанье все мед пьют» из произведения «Антоновские яблоки» – это наблюдение за сельскохозяйственной работой, это и есть «дистилляция» моментов повседневной жизни в сельской местности. Таких примеров много, к ним же относятся такие выражения как «Водка кровь полирует» (из произведения «Деревня»), что иллюстрирует любовь к алкоголю в селах и деревнях, и «Какие страшные оброки Смерть собирает от людей!» (из произведения «Деревня»), что раскрывает жестокое налогообложение того времени, которое отрицательно сказалось на выживании простых крестьян. Плач крестьян отражает бессилие простого народа перед лицом угнетения и вытекающую из этого покорность.

Такое отношение неоднократно встречается у нескольких персонажей «сельских» произведений И.А. Бунина, которые от природы добры и послушны, поэтому часто приписывают это своей судьбе перед лицом несправедливости, к примеру, «Да лучше камень в горе бить!» из произведения «Суходол», что проявляет не только молчаливое терпение, но и единственную надежду на Божье благословение, а именно «Слава Богу, с полным навстречу...» из произведения «Веселый двор».

Есть и те, кто надеется с помощью гадания найти ответы и решения жизненных проблем, как, например, в «Деревне» жена Тихона, которая как раз является мамой мертворожденных деток, надеется с помощью гадания узнать, любит ли ее муж, а затем приходит к словам «Любит, как собака палку». Когда она хотела узнать, сколько детей она может иметь, она получила слово «Судьбой на-

значено тебе умереть, худая трава из поля вон», а когда она хотела узнать, придется ли ей судиться, она получила необъяснимое гадание: «Считай во рту зубы». Отношение И.А. Бунина к гаданиям, возможно, уже выражено через внутренний мир главного героя Тихона: «Но ответы получались все грубые, зловещие или бессмысленные», и эти гадательные слова также с другой точки зрения показывают иррациональность русской деревенской культуры. Но, как мы видели выше, эта иррациональность проистекает из бессилия сельских жителей перед лицом несправедливости. По указанной причине эти народные пословицы раскрывают не только трудовую ситуацию и повседневную жизнь деревни, но и жизненное состояние, внутренний мир крестьян и культурные причины, которые из него развиваются.

III. Фольклор (в узком значении)

Фольклор (в узком смысле) – это устное словесное народное творчество и основной компонент фольклорной культуры. Он распространяет коллективное фольклорное сознание через литературные тексты, которые передаются из уст в уста в фольклорной жизни. В широком смысле фольклор можно разделить на народные сказки, народные басни, народные анекдоты, былины и народные песни и тому подобные.

Фольклорные элементы в произведениях И.А. Бунина на сельскую тематику воплощены в основном в народных песнях. Как выражается И.А. Бунин: «А предание да песня - отравка для славянской души!» [4] В произведении «Суходол» Наталья, крепостная девушка, отправленная на границу из-за безответной любви к молодому хозяину и тайно украшая его зеркало по народным приметам и суевериям, чтобы молить о благосклонности любимого, поет в своем одиночестве печально, но твердо: «Нема мого, Миленького, Що я полюбила...». Сила Натальи проявляется в ее упорстве жить посреди агрессии и стыда, а баллада Натальи раскрывает нежность в этой стойкости. Даже если любовь Натальи была неразделенной и ненадежной, в связи с этим ее постигло несчастье, она все равно относилась к нему с нежностью, без обиды и мольбы. Простота, доброта, верность любви и настойчивость — идеальный образ русской деревенской девушки того

времени, отражающий в тогдашнем социокультурном контексте моральный кодекс.

В произведении «Антоновские яблоки», например, И.А. Бунин изображает то, что крестьяне и дворяне вместе отправляются на охоту перед отменой крепостного права, причем песни, которые распевает дворяне, показывают их бодрость: «Пора, пора седлать проворного донца и звонкий рог за плечи перекинуть!» После отмены крепостного права оживленная охота прекратилась, и дворянам осталось лишь скорбно напевать у порога дома: «На сумерки буен ветер загулял, Широки мои ворота растворял, Широки мои ворота растворял, Белым снегом путь-дорогу заметал...» Раскрытые порывистым ветром двери и окна и покрытые снегом дороги в народных песнях являются не только истинным отражением реалий распадающейся и заброшенных деревень, но и продолжением мысли И. А. Бунина о русской культуре: что русская национальная культура существует в деревне, и что упадок деревни приводит к исчезновению традиционной русской культуры.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать выводы о том, что данные лингвофольклористические элементы в текстах Бунина являются носителем народной культуры: его внешняя оболочка представляет собой запрограммированную языковую форму, а ядро, интегрированное со смыслом и функцией языка, отражает духовное сознание народа.

В наше время, когда фольклор исчезает, повторное прочтение произведений И.А. Бунина и внимательное восприятие в них языка фольклора позволят вычитать традиции и обряды русской деревни в контексте тогдашнего времени, почувствовать жизненную силу древней русской культуры и страсть к жизни русского народа, ощутить очарование русской культуры. Удовлетворяются как эстетические потребности читателя на чувственном уровне, так и гуманистические потребности на рациональном уровне, что является ярким отражением литературных ценностей произведений лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина.

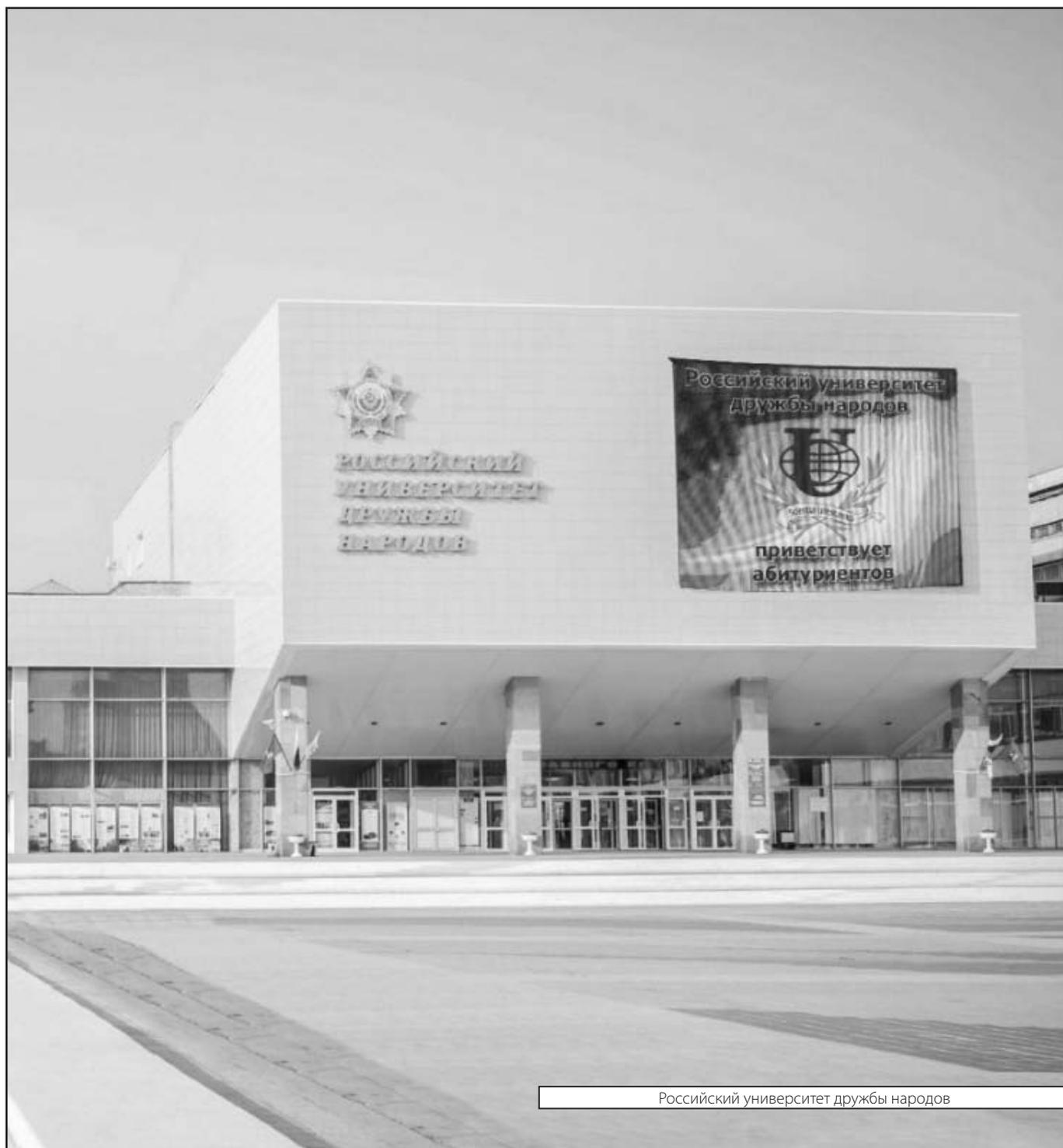
ЛИТЕРАТУРА

1. Беценко Т.П. Лингвофольклористика – современное интегративное направление филологической науки // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. - Минск: Белорусский государственный университет, 2019.
2. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах, Том 1. - М.: Воскресенье, 2006.
3. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах, Том 2. - М.: Воскресенье, 2006.
4. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах, Том 3. - М.: Воскресенье, 2006.
5. Исакова Г.Г. Лингвофольклористика и ее значение в изучении языка фольклорных текстов (на примере синтаксических особенностей башкирских заговоров) // Вестник Башкирского университета, 2009. №14

6. Приемко О. Лингвофольклористика: современное состояние, перспективы развития. - Минск: РИВШ. 2018
7. Фаткуллина Ф.Г. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение понятия. - Казань: Казанский лингвистический журнал, Том 3, 2020, № 1.
8. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. - М.: Наука, 2010. Введение в лингвофольклористику (universalinternetlibrary.ru)
9. 丛亚平. 俄汉对比视角下的民俗语言研究初探 // 东北亚外语研究, 2017. № 35.
10. 肖建华. 民俗语言初探. 北京: 中国社会出版社, 2010.

© Пэн Юньюй (pyuolivia@yandex.com), У Хаотянь (alexanderwuht@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

КОНЦЕПТ «ДОВЕРИЕ» В ДИСКУРСЕ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

CONCEPT "TRUST" IN THE MEDIA DISCOURSE (BASED ON GERMAN LANGUAGE)

*M. Rusyaeva
N. Baranova*

Summary: The article deals with the concept "Vertrauen" (trust) in the German media discourse. The relevance of the work is due to the fact that in the modern world the problem of "trust" is becoming increasingly important, due to the current tense international situation. This concept "Vertrauen" is widely represented in the German press in such themes as politic, economic, career and sport. The main lexical unit that verbalizes this concept "Vertrauen" in German is the lexeme "das Vertrauen". The conceptual features of the concept "Vertrauen" are: a firm belief in reliability, confidence in the realization of hopes and expectations for the future, unity. The elements of the concept "Vertrauen" include *Verständnis* (understanding), *Gemeinsamkeiten* (community), *Unterstützung* (support), *Gewinn* (benefit), *werben* (effort), *sich freuen* (joy).

Keywords: concept, trust, journalistic text, mass media, lexeme.

Русяева Мария Михайловна

К.филол.н., доцент, Всероссийский государственный университет юстиции Средне-Волжский институт (Саранск)

marijaru@mail.ru

Баранова Наталья Александровна

К.филол.н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск)

n.baranova@narfu.ru

Аннотация: В статье рассматривается концепт «Vertrauen» (доверие) в немецком медиа дискурсе. Актуальность работы обусловлена тем, что в современном мире проблема «доверия» приобретает большую значимость, в связи со сложившейся напряженной международной обстановкой. Данный концепт широко представлен в немецкой прессе в таких темах как политика, экономика, карьера и спорт. Основной лексической единицей, вербализирующей данный концепт в немецком языке, является лексема «das Vertrauen». Концептуальными признаками концепта являются: твердое убеждение в надежности, уверенность осуществления надежд и ожиданий на будущее, единение. К элементам концепта «Vertrauen» относятся «Verständnis» (понимание), «Gemeinsamkeiten» (общность), «Unterstützung» (поддержка), «Gewinn» (выгода), «werben» (приложение усилий), «sich freuen» (радость).

Ключевые слова: концепт, доверие, публицистический текст, СМИ, лексема.

На данный момент тема «доверия» снова на пике популярности. Этому способствовали события, связанные с пандемией, ограничения в обществе, обострившийся индивидуализм и одиночество как её последствия, напряженная международная обстановка. Многие исследователи в области социо-гуманитарных наук констатируют повсеместное снижение уровня доверия [5, с. 428]. Данное понятие является предметом научных исследований в различных областях, таких как: социология, философия, психология и другие гуманитарные науки. В данной статье понятие «доверие» рассматривается через призму его языкового воплощения, а именно исследование проводится на материале дискурса немецкоязычных СМИ.

Предметом рассмотрения данной статьи составляют вербальные способы выражения «доверия», репрезентируемые в современных публицистических текстах Германии. Объектом исследования является концепт «доверие», его структура и элементы.

Следует сказать, что феномен доверия давно привлекает к себе внимание, в том числе и лингвистов. На данный момент существует ряд работ, изучающих концепт «доверие»: в немецком и английском языках [7], в не-

мецком языковом сознании [2], в русской и британской лингвокультуре [6], в контексте культурологического подхода [8], в русскоязычной и англоязычной картинах мира [3]. Однако, через призму публицистического текста данный концепт не рассматривался.

Целью данной статьи является анализ особенностей актуализации концепта «доверия» в немецкоязычном медийном дискурсе в период пандемии.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность работы обусловлена тем, что в современном мире проблема «доверия» приобретает большую значимость, а публицистический текст служит отражением тех процессов, что происходят в обществе.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили статьи немецкоязычных СМИ. При анализе языкового материала использовались следующие методы: метод когнитивного анализа, описательно-аналитический метод, сравнительно-сопоставительный, а также методы дискурсивного, контекстуального и контент-анализа текстов массовой коммуникации. Сбор информации осуществлялся методом сплошной выборки.

С точки зрения психологии, доверие представляет собой сложное, многомерное психологическое явление, включающее эмоциональные и мотивационные компоненты (П. Бромилей и Л. Камингз, Р. Крамер, Д. Левис). Некоторые исследователи полагают, что доверие включает в себя также аспекты «культурных значений, эмоциональных реакций и социальных отношений ... Необходимо не только осознавать доверие, но и чувствовать его» [4, с. 32]. По мнению Зинченко В.П. «доверие в огромной своей части относится к эмоциональной, т.е. плохо рационализируемой сфере человеческой психики. Более того, оно представляет собой базисное чувство, которое способно порождать многие другие чувства (от любви до ненависти), состояния (от комфорта до стресса и фрустрации), социальные установки (от приятия до отторжения) <. > это аффективное предвосхищение и оценка смысла событий, которое, однако, не исключает, когда есть время, его интеллектуальной проработки» [1, с. 69]. Эта позиция, которую разделяют и многие социологи (Г. Зиммель, А. Гидденс), наиболее близка к социально психологическому пониманию доверия как психологического отношения, включающего когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты.

Основной лексической единицей, вербализующей данный концепт в немецком языке, является лексема «das Vertrauen». В немецком толковом словаре у лексемы *das Vertrauen* мы встречаем следующее значения: *Vertrauen* - festes Überzeugtsein von der Verlässlichkeit, Zuverlässigkeit einer Person, Sache [11] (Доверие - твердая вера в надежность человека, вещи). В толковом словаре более ранней редакции лексема «*Vertrauen*» описывается как: «*sichere Erwartung, fester Glauben daran, dass man sich auf jemanden, etwas verlassen kann*» (Определенное ожидание, твердая вера в то, что на кого-то можно положиться, на что-то) и еще одно определение «*sich auf jmdn. jemanden, etw. verlassen, jmdn., etw. für zuverlässig halten*» (Полагаться на кого-то, считать кого-то, надежным) [12]. Как мы видим, во всех трех определениях присутствует значение «*Verlässlichkeit, Zuverlässigkeit, sich auf jemanden verlassen, für zuverlässig halten*». То есть можно констатировать, что доверие в немецкой культуре базируется на представлении о том, что объект «доверия» является «надежным». То есть главным концептуальным признаком доверия выступает - твердое убеждение в надежности.

В своей диссертации Коновалова Т.В. отмечает, что концепт «*Vertrauen*» соотносится с уверенностью осуществления надежд и ожиданий на будущее; подразумевает хороший уровень воспитания, то есть обладание такими качествами, как умение хранить полученную информацию, обладать чувством такта, внимательностью; характеризуется чувством внутренней убежденности в истинности чего-либо (концептуальные признаки: *Hoffnung, Verschwiegenheit* (секретность, молчаливость), *innere Überzeugung*) [2].

Проанализировав около 50 газетных статей, где встречается лексема «*Vertrauen*», мы пришли к следующим выводам. Основными темами, касающимися проблемы доверия являются: политика, занимающая первое место по частотности (внешняя и внутренняя)(25); второе место принадлежит теме общественных отношений, внутри социальные конфликты (15); на третьем месте экономика(5), на четвертом месте карьера (3) и на пятом месте спорт(2).

Из этого краткого обзора видно, что в основном, статьи затрагивают в большей степени доверие как социальное явление, и в меньшей степени межличностные отношения. Это можно объяснить спецификой публицистического текста, который подразумевает социальную направленность.

Разберем, несколько примеров. Тема доверия политиком и в политике представлена довольно широко. И как упоминалось выше, данная тема проходит в двух направлениях во внешней и во внутренней политике, при этом тем, разбирающих данную проблему во внешней политике больше, чем статей, посвященных доверию внутри страны. Например, «*Tunis Höchste Priorität für die neue Regierung sei, das Vertrauen der Menschen in den Staat wiederherzustellen, sagte die neue Regierungschefin Nejla Bouden. Sie ist die erste Frau, die an der Spitze der tunesischen Regierung steht*» [16]. В данном примере, речь идет о восстановлении доверия общества к государству, после выборов. Лексема «*das Vertrauen*» используется в сочетании с глаголом *wiederherstellen*. Интересен, тот факт, что следующим предложением, выступает указание на пол главы правительства, то есть подчеркивается гендерная составляющая. В целом статья оптимистична по отношению к развитию событий.

В другом примере, посвященном также выборам, речь также идет о доверии, но уже в другой стране, а именно в Ираке, напротив, делаются неутешительные прогнозы, несмотря на схожие условия в обеих странах. При этом правительство обезличивается, поскольку нет никакого указания конкретных имен. Однако, также подчеркивается гендерный аспект. *Wahl im Irak: Kaum Vertrauen in Veränderung. Im Irak haben die Parlamentswahlen begonnen. Für die 329 Sitze bewerben sich 34.49 Kandidaten. Ein Viertel aller Sitze ist für Frauen reserviert* [14]. Здесь «*das Vertrauen*» выступает уже в связке с существительным «*Veränderung*». То есть, если в первом случае доверие именно к кому-то, пусть и обобщенному образу правительства, то здесь доверие уже не к кому-то конкретному, а доверие как надежда на изменения. Таким образом, к концепту «доверие» присоединяется концептуальный признак «ожидание».

В следующем примере речь идет уже о внутренней политике. И рядом с лексемой «*Vertrauen*» (доверие) появляются

«Verständnis» (понимание) и «Gemeinsamkeiten» (общность). Таким образом, концепт доверие дополняется такими смысловыми элементами, как понимание и общность, а также единение «Einigkeit»: „Verständnis“, „Vertrauen“ und „Gemeinsamkeiten“: Die Ampel-Sondierer überbieten sich im Achtsamkeits-Deutsch. Sie strahlen eine Einigkeit aus, wie man sie sonst nicht mal innerhalb von Parteien erlebt. Darin lauert eine Gefahr – besonders für eine der drei Parteien. Und so wunderte es nicht, dass SPD-Generalsekretär Lars Klingbeil am Mittwochmorgen, kurz vor dem mutmaßlichen Anfang des Endes der Sondierungen, das „gemeinsame Verständnis“ betonte [13].

Если обратиться к теме доверия в обществе. То на первый план выходит проблема снижения доверия: «Zu spätes Handeln, ärgerliche Fehlentscheidungen, undurchsichtige Beschlüsse, zu wenig Einigkeit unter Regierenden, zu egoistische Alleingänge der einzelnen Bundesländer: Die Liste der politischen Versäumnisse in der Pandemie ist lang. Dem Ergebnis einer von t-online in Auftrag gegebenen repräsentativen Umfrage zufolge zeigen sich vier von fünf Menschen unzufrieden mit dem momentanen Krisenmanagement. Nur etwa jeder Zehnte behauptet das Gegenteil. Den Satz «Ich habe das Vertrauen in die Politik verloren» hört man öfter» [17]. В данном примере речь идёт о потере доверия к правительству. Лексема «Vertrauen» находится в связке с глаголом «verlieren», то есть придавая отрицательное значение всему высказыванию. То есть речь идет уже о недоверии. При этом автор использует не обобщенное понятие wir, или man, а усиливает эффект воздействия используя местоимение первого лица «ich».

Что касается экономических отношений, то и здесь тема «доверия» также популярна: Die einst als «zahnloser Tiger» verspottete Finanzaufsicht BaFin wirbt mit einem neuen Chef, mehr Personal und erweiterten Zuständigkeiten um Vertrauen [9]. В данном примере лексема доверие употребляется в сочетании с глаголом добиваться «werben im Akk». Таким образом, акцентуализируется компонент «приложение усилий», то есть, чтобы получить доверие – нужно что-то сделать. Автор указывает, что, доверие – это не само собой разумеющееся состояние. В другом примере, также говорится, о воздействии на доверие, если в первом случае, тот кто желает получить доверие совершает действие, то во втором примере речь идёт о внешнем воздействии: «Kryptowährungen werden in der Regel nicht von einer zentralen Behörde verwaltet oder unterstützt. Staatliche Unterstützung kann das Vertrauen der Verbraucher in den Wert einer Währung stärken und bietet einen großen Geldgeber und Sammler der Währung» [18].

Как мы видим, «Vertrauen» здесь употребляется вместе с существительным «Unterstützung» (поддержка), то есть появляется внешний источник «доверия», посредник.

Несколько статей, где упоминалась тема доверия, были посвящены карьерному росту: «Wenn euer Arbeitgeber spürt, dass euch das Unternehmen und sein Erfolg genauso am Herzen liegen wie ihm, dann beginnt er, Vertrauen zu gewinnen. Dieses Vertrauen wird euch mit der Zeit entscheidende Türen öffnen, wenn ihr das wollt» [10]. Как мы видим в вышеприведенном примере, лексема «Vertrauen» употребляется с глаголом gewinnen. В данном контексте доверие приобретает значение «выгоды», при чём выгоды в долгосрочной перспективе. То есть к концепту «Vertrauen» добавляется временной диапазон, выраженный словосочетанием «mit der Zeit».

В спорте также присутствует тема «доверия», однако, здесь она переключается с темой «карьеры», «карьерный рост»: «Leichtathletik: Kessing ins Council des europäischen Verbandes gewählt. «Das ist wirklich ein Traumergebnis. Ich freue mich sehr über das Vertrauen, das mir meine europäischen Kolleginnen und Kollegen entgegenbringen», sagte Kessing, der die Nachfolge des im vergangenen Jahr verstorbenen Frank Hensel antritt» [15]. В данном примере существительное «Vertrauen» служит дополнением к глаголу sich freuen über (радоваться чему-либо уже свершившемуся). Данный глагол относится к эмоциональной лексике. Таким образом, концепт «доверие» приобретает еще один элемент «радость».

Проведенное исследование показывает, что концепт «доверие» достаточно широко представлен в немецкоязычных СМИ. Темы, где упоминается доверие – это политика, как внутренняя, так и внешняя, экономика, карьера и спорт. Основной лексемой, вербализующей данный концепт, является существительное «das Vertrauen». Концептуальные признаки: твердое убеждение в надежности, уверенность осуществления надежд и ожиданий на будущее, единение. К элементам концепта «Vertrauen» относятся «Verständnis» (понимание), «Gemeinsamkeiten» (общность), «Unterstützung» (поддержка), «Gewinn» (выгода), «werben» (приложение усилий), «sich freuen» (радость как процесс). Аспекты, которые упоминаются в контексте с доверием, гендер и время. Из этого краткого обзора видно, что в основном, статьи затрагивают в большей степени доверие как социальное явление, и в меньшей степени межличностные отношения. Это можно объяснить спецификой публицистического текста, который подразумевает социальную направленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Психология доверия [Электронный ресурс] / – 2-е исправленное и дополненное издание. – Самара: Издательство СЮОПП, 2001. – 104 с.

- URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=16030> (дата обращения: 11.05.2022).
2. Коновалова Т.В. Концепт «Vertrauen» в немецком языковом сознании. автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Иркутск, 2006. – 23 с.
 3. Кочетков П.Н. О различиях концептов «Доверие» в русскоязычной и англоязычной картинах мира [Электронный ресурс] // Приволжский научный вестник. 2015. №6-3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-razlichyah-kontseptov-doverie-v-russkoyazychnoy-i-angloyazychnoy-kartinah-mira> (дата обращения: 09.05.2022).
 4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. – М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2008. – 564 с.
 5. Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427-447. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770> (дата обращения: 09.05.2022).
 6. Полякова А.С. Рябоконе А.А. Концепты вера и доверие в русской и британской лингвокультуре // Современные тенденции в науке, технике и образовании. Сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции. Смоленск: Международный научно-информационный центр «Наукофера», 2020. С. 95-103
 7. Попова Л.Г. Авдеева Я.В. Репрезентация концепта «доверие» посредством ядерных лексем в немецком и английском языках // Open Innovation. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 139-141
 8. Синявина Н.В. Доверие как концепт в контексте культурологического подхода // Вестник московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 1. – С.26-31
 9. Der Papiertiger hat jetzt Zähne. Tagesschau. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/finanzen/bafin-biss-finanzaufsicht-kukies-branson-101.html> (дата обращения: 09.05.2022).
 10. Drei vermeidbare Fehler, die verhindern, dass talentierte Menschen Karriere machen. Viktoria Song. Business Insider. [Электронный ресурс]. – URL: <https://de.finance.yahoo.com/nachrichten/drei-vermeidbare-fehler-verhindern-talentierte-062900128.html> (дата обращения: 09.05.2022).
 11. Duden, Das Bedeutungswörterbuch, 2. Auflage, Band 10 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Vertrauen>
 12. DWDS. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Vertrauen> (дата обращения: 09.05.2022).
 13. Gefangen in der rot-gelb-grünen Harmonie-Blase. Die Welt. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article234384106/Ampel-Sondierungen-Gefangen-in-der-rot-gelb-gruenen-Harmonie-Blase.html> (дата обращения: 09.05.2022).
 14. Kaum Vertrauen in Veränderung. Zeit-online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2021-10/irak-parlamentswahlen-proteste-sicherheitskraefte-militaer-islamischer-staat-fs> (дата обращения: 09.05.2022).
 15. Leichtathletik: Kessing ins Council des europäischen Verbandes gewählt. Sport1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://de.sports.yahoo.com/news/leichtathletik-kessing-ins-council-europ%C3%A4ischen-100619120.html> (дата обращения: 09.05.2022).
 16. Neue Regierung in Tunesien vereidigt. RP-online. [Электронный ресурс]. – URL: https://rp-online.de/politik/ausland/neue-regierung-in-tunesien-vereidigt_aid-63455279 (дата обращения: 09.05.2022).
 17. Vertrauen Sie dem Corona-Management der Regierung? T-online. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/id_91259996/vertrauen-sie-dem-corona-management-der-regierung-.html (дата обращения: 09.05.2022).
 18. Was lässt den Wert von Kryptowährungen steigen oder fallen? Das führende Finanzportal Boerse-Express. [Электронный ресурс]. – URL: <https://boerse-express.com/news/articles/was-laesst-den-wert-von-kryptowaehrungen-steigen-oder-fallen-380106> (дата обращения: 09.05.2022).

© Русяева Мария Михайловна (marijaru@mail.ru), Баранова Наталья Александровна (n.baranova@narfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ФУТБОЛ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Сабельникова Елена Александровна

*К.п.н., Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации (г. Москва)
elistopad@yandex.ru*

ANALYSIS OF "FOOTBALL" CONCEPT IN MODERN ENGLISH SPORT DISCOURSE

E. Sabelnikova

Summary: The article is devoted to analysis of lexis connected with the World's most popular mass kind of sport – football. Concept "football" has long gone beyond the frames of exclusively sport discourse to embrace a huge sphere of people activity, including social-economic, social-political, financial, as well as social-philosophical, historical, psycho-pedagogical and medical biological issues. The article deals with the notions of "concept" and "discourse". Various definitions and views on the latter in linguistics are stated. The author emphasizes analysis of sport discourse and all subdiscourses within the framework of football concept (those of journalists, coaches, sport commentators, sportsmen and football fans), with lexical-semantic and conceptual features of football concept being illustrated.

Keywords: sport discourse, football concept, football lexis, lexical-semantic features of football concept.

Аннотация: Статья посвящена анализу лексики, связанной с самым популярным массовым видом спорта в мире – футболом. На сегодняшний день концепт «футбол» уже давно вышел за рамки исключительно спортивного дискурса и охватывает огромную сферу человеческой деятельности, включающую социально-экономическое, общественно-политическое, финансовое ее направление, а также социально-философские, исторические, психолого-педагогические, медико-биологические проблемы. В статье рассматриваются понятия «концепт» и «дискурс», приводятся различные трактовки дискурса в лингвистике. Автор уделяет большое внимание анализу спортивного дискурса и всех поддискурсов, связанных с концептом «футбол» (поддискурс журналиста, дискурс тренера, дискурс спортивного комментатора, дискурс спортсмена, болельщика, фаната) и иллюстрирует присущие данному концепту лексико-семантические и концептуальные признаки англоязычными примерами.

Ключевые слова: спортивный дискурс, концепт футбол, футбольная лексика, лексико-семантические признаки концепта футбол.

Футбол как феномен современной культуры представляет собой общественно значимое явление, затрагивающее интересы миллионов людей на планете и формирующее социокультурные представления различных слоев населения и целых поколений.

В настоящее время футбол – это самый популярный и массовый вид спорта в мире, и вполне естественно, что футбольная лексика стала весьма часто употребляется не только при описании футбольных событий, но и в обыденной жизни, когда люди говорят об этом виде спорта при встрече или во время отдыха, футбольные события активно обсуждаются в средствах массовой информации, в том числе и на политическом уровне.

Несмотря на то что, футбол, может быть, и утратил исключительно игровой характер, он сохранил присущую игровому виду деятельности «формальную структуру», включающую правила, атрибуты, обособленное игровое пространство и организацию действия.

На сегодняшний день спортивный дискурс охватывает все большую и большую сферу человеческой деятельности, включая социально-экономическую, общественно-политическую, финансовую ее составляющие, а также социально-философские, исторические, психолого-педагогические, медико-биологические проблемы [3, с. 50-51].

С данным фактом напрямую связана актуальность исследования, в ходе которого мы провели анализ современных лексических единиц, относящихся к концепту футбол, которые становятся все более разнообразными и все чаще переходят из разряда спортивных профессионализмов в общеупотребительную лексику и включают в себя терминологическую лексику, футбольные профессионализмы, лексику футбольных фанатов, жаргонизмы, а также частично относится и к бытовой сфере.

Поскольку перед нами стоит цель лингвистического анализа концепта «футбол» в спортивном дискурсе, считаем целесообразным рассмотреть эти понятия подробнее.

Концепт (от лат. *conceptus* – мысль, понятие) в определении Большого энциклопедического словаря – это смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени (например, смысловое значение имени Луна – естественный спутник Земли) [2, с. 339].

Под концептом в данной работе понимается «искретная единица коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [1, с. 53].

И.А. Стернин отмечает динамическую роль концепта, который «все время функционирует, актуализируется в

разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них» [6, с. 60].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделяют тип лингвокультурного концепта, отличающегося от когнитивного «наличием ценностного отношения к описываемым феноменам» [4].

Концепт – оперативная единица нашего сознания. Наш мозг оперирует концептами разной сложности. Например, концептами бизнеса, успеха, спорта и др. Как фрагмент мира, имеющий «культурно-национальную прописку» концепт представлен когнитивно-семантической структурой, которая чаще всего выступает в виде группы концептов, т.к. один и тот же фрагмент мира может отражать разные явления, может быть познан с разных сторон и точек зрения, может отражать разный опыт человека (личный и коллективный) [7, с. 96].

Понятие «дискурс» в рамках языковедческого анализа описывается с множества точек зрения и часто трактуется с позиций деятельностного подхода. При этом структурно дискурс рассматривается как единство текста и контекста, лингвистических и социокультурных компонентов.

Наиболее распространенной является трактовка дискурса, данная В.В. Красных: «...дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическими планами» [5, с. 200-201].

Если рассматривать дискурс с точки зрения результата, пишет В.В. Красных, он предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации, а при анализе дискурса как процесса дискурс представляет собой вербализируемую речемыслительную деятельность.

В.В. Красных приводит узкое и широкое трактование дискурса: «Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла. ... Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедетельностных возможностей отдельной языковой личности..., как система коммуникации...» [5, с. 199].

Е.И. Шейгал трактует дискурс как «коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенных контекстах общения; данный подход можно представить в виде следующей формулы: «дискурс = текст + интерактивность + ситуативный контекст + культурный контекст» [8, с. 12].

Понятие дискурс также используется для обозначения различных существующих жанров, например, «политический дискурс», «педагогический», «официально-деловой», «юридический», «научный дискурс», «спортивный дискурс» и «бытовой». Для выявления структурных составляющих и языковых средств, репрезентирующих концепт футбол в системе русского, английского языков мы обратимся к спортивному дискурсу.

Не вызывает сомнения тот факт, что язык спорта в современном мире является весьма динамичным и требует многоаспектного исследования.

Прежде всего, спортивный дискурс представляет собой весьма специфическую предметно-тематическую сферу функционирования языка и состоит из системы дискурсивных разновидностей, объединенных, прежде всего, общностью спортивной тематики и концептуальных (содержательных) доминант. Эта система представляется нам неким социокультурным конструктом, для которой характерны яркие отличительные черты, например, речь спортивных комментаторов и журналистов, комментарии и оценки тренеров и футболистов, язык футбольных фанатов и т.д., причем каждое из этих понятий представляет собой отдельный поддискурс.

Можно выделить основные и дополнительные признаки концепта футбол. К первым, согласно дефиниционному анализу, отнесем такие лексемы, как «игрок», «мяч», «движение», «матч», «поле», «цель», «счет», «правила», «турнирная таблица», «жеребьевка». К дополнительным семантическим признакам концепта – «зрелищность», «динамичность», «азарт», «процессуальность», «ограниченность во времени».

Многообразие тактических действий и технических приемов, от правильности и точности реализации которых зависит результат игры, обуславливает объемность и частотность зоны тактико-технические приемы и действия с мячом.

Например (англ.):

- out – аут
- to throw in – ввести мяч из аута (вбросить аут);
- to kick the ball out – выбить мяч в аут;
- ball crossed the touch-line – мяч ушел в аут.
- offside – офсайд
- play on the edge of offside – играть на грани офсайда;
- get into offside – попасть в офсайд.
- to play – играть
- back – в защите;
- forward – в нападении;
- open football – в открытый футбол;
- in the field – в поле;
- in the centre – в полузащите;

- to head the ball – головой (на втором этаже);
- to use counter-attack tactics – играть на контратаках.

Наиболее частотными признаками концепта футбол являются имена существительные. Это объясняется важностью наименования игроков, пространства, времени, а также событий и ситуаций на футбольном поле: капитан, защитник, нападающий/форвард, центральный напад-дающий, полузащитник, вратарь/голкипер, плеймейкер, судья/рефери, счет, мяч, игра, прорыв, гол, атака, офсайд, обводка, нарушение, пенальти, рикошет, удар, защита и т.д.

Понятийная составляющая концепта футбол включает ядерные концептуальные признаки (фреймы), например: «участники», «мяч и действия, производимые с ним», «матч»/«игра»). В соответствии с данными признаками мы выделили компоненты (слоты) в понятийной составляющей «игроки», «движение», «действия» и т.д.

Например (англ.):

— goal:

- to score a goal – забить гол («отгрузить в ворота»);
- own goal – гол в свои ворота (автогол);
- goal chance / opportunity – голевой момент;
- golden / silver goal – золотой / серебряный мяч;
- early second half goal – гол на первых секундах, быстрый гол (из раздевалки);
- nullify a goal – отменить гол.

В результате анализа лексем, обозначающих игроков, мы определили наличие следующих групп лексических единиц: общие наименования, наименования по выполняемой функции (функциональные имена), по выполнению определенного действия, приводящего к результату (результативные имена), по месту, занимаемому на поле, по возрасту, оценочные номинации, характеризующие игроков по определенному качеству:

- forward – нападающий (форвард);
- wing – крайний нападающий;
- defender – защитник;
- forward inside – оттянутый нападающий;
- midfielder – полузащитник;
- central midfielder – центральный полузащитник;
- attacking midfielder – атакующий полузащитник;
- winger / wingback – крайний полузащитник;
- holding midfielder – опорный полузащитник;
- centerback – центральный защитник;
- libero (pl. liberos) – либеро, свободный защитник;
- deep-lying playmaker – оттянутый плеймейкер;
- centre-forward, striker – центральный нападающий;
- player off the ball – игрок без мяча.

Проанализировав фрейм «подача», мы пришли к выводу, что он содержит несколько групп лексических единиц (слотов): наименования по силе удара, наименования по источнику удара (инструментальные имена),

наименования по характеру паса, наименования по результату подачи, наименования по направлению подачи, наименования по месту подачи на поле.

Например (англ.):

— pass – пас (передача);

- misplayed pass – безадресная передача;
- accurate pass – точный пас (в ноги);
- through pass – в разрез;
- scoring pass – голевой пас;
- lay-off pass – пас головой (в прыжке);
- wall pass / a one-two – игра «в стенку»;
- volley pass – игра в касание;
- square pass – кросс (поперек поля);

Важную роль при описании концепта футбол занимают глаголы, т.к. именно они актуализируют идею движения в игровом пространстве, ярко, достоверно и динамично описывая действия игроков на футбольном поле.

Глаголы детально представляют технико-тактические приемы действий с мячом.

Например (англ.):

- award a penalty – назначить пенальти;
- save a penalty – отразить пенальти;
- convert a penalty – реализовать пенальти;
- shoot / take a penalty – пробить пенальти.

Глаголы с терминологической отнесенностью репрезентируют профессиональную сторону спортивной коммуникации.

Например (англ.):

to kick – ударить по мячу:

- take a free kick – выполнить (свободный удар);
- give a free kick – назначить (свободный удар);
- substitute a player – заменить игрока;
- to take the player out of the game – убрать игрока с поля;
- to swing the defender – «качнуть» защитника;
- to fresh the game – освежить игру.

В результате анализа фреймов, обозначающих действия, производимые с мячом, мы определили следующие слоты: глаголы, указывающие на скорость, легкость, силу воздействия на мяч; глаголы, обозначающие скользящий удар; глаголы, указывающие на источник удара или инструмент воздействия на мяч; глаголы, указывающие на направление движения мяча и глаголы, указывающие на характер движения мяча после воздействия на него:

- to dribble – вести мяч;
- to chest the ball – принять мяч на грудь;
- to keep the ball – удерживать мяч;
- to score a goal – забить гол;
- to stop the ball – остановить мяч.

Фрейм «футбольный матч» включает в себя множество слотов, которые формируются определенным окружением, вбирающим в себя особенности данного социально-культурного феномена, а именно:

- спортивный объект (стадион), (англ.):
 - a capacity of 10,000 / the 10,000-seat stadium – вместимость стадиона 10000 зрителей;
 - sports arena / sports venue – спортивная арена / объекта;
- инвентарь, разметка, трибуны (англ.):
 - separation line – линия разметки;
 - central spot – отметка центра поля;
 - penalty spot – одиннадцатиметровая отметка;
 - pitch ground – грунт поля, газон;
 - box / stand / tier / row / seat – ложа, трибуна, ярус, ряд, место.

В результате проведенного анализа было выявлено также несколько концептуальных метафор, используемых для интерпретации событий, характерных для концепта футбол, самой частотной из которых является метафора «футбол – война» и присущие последней агрессивные действия.

Например (англ.):

- attacking football – атакующая схема игры (атаку-

ющий футбол);

- defensive football – оборонительная схема игры (оборонительный футбол);
- attack – атака (атаковать);
- a fast attack – быстрая атака;
- a breakthrough – прорыв;
- to launch an attack/counterattack – начать атаку / контратаку;
- to finish an attack – завершить атаку;
- attack combination – комбинация в атаке (нападении);
- to avert the opponent – отвлечь соперника;
- counterattack – контратака (контратаковать).

Таким образом, исходя из анализа особенностей лексической экспликации концепта футбол в спортивном дискурсе, мы пришли к выводу, что спортивный дискурс является разновидностью коммуникации между участниками спортивной деятельности (тренерами, спортсменами, медицинским персоналом, болельщиками и спортивными журналистами), задачей которой является реализация коммуникативных целей. Лексические единицы, входящие в структуру концепта футбол, целесообразно изучать как единое целое, поскольку они являются неотъемлемыми частями некоторой единой систематизации опыта и некоторого социокультурного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П. Типология концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – С. 5-14, 19.
2. Большой энциклопедический словарь, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия» и «Норинт», 1997. – 1456 с.
3. Зильберт А.Б., Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 2001. Вып. 17. – С. 50-51.
4. Карасик, В.И./ В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Лингвокультурный концепт как единица исследования. – Воронеж, 2001. – С. 75-79.
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001. – С. 200-201.
6. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58-65. С. 60.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Язык русской культуры, 1996. – С. 96.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – С. 10-12.

© Сабельникова Елена Александровна (elistopad@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛАГОЛЫ – СИНОНИМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Садовникова Ия Ивановна

*К.филол.н., м.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Россия, г. Якутск
Sadovnikova79@mail.ru*

VERBS ARE SYNONYMS OF A PERSON'S EMOTIONAL STATE IN THE EVEN LANGUAGE

I. Sadovnikova

Summary: This article is a continuation of our publications on the study of synonyms of the emotional vocabulary of the Even language. The choice of the topic is due to the fact that the research of lexical synonymy is insufficiently studied, as in the Even language the issues of synonymy have been considered only sporadically in the framework of works on lexicology, touched upon this topic in textbooks, textbooks, and scientific articles on the Even language. For the first time verb synonymic series are identified and analyzed, the analysis of synonyms of verbs of the emotive system takes into account the full set of lexical names of the human emotional state, which unite numerous synonymic series. The linguistic material is investigated, synonymy of one of the most understudied problems of linguistics, which until now has hardly been studied by linguists of the Even language. The synonymic rows of human emotions presented in the work can be used when compiling a synonymic dictionary and teaching aids. The results of this work will serve as a foundation for further research into the synonymy of the Even language.

Keywords: Even language, synonyms, vocabulary, verb, emotion.

Аннотация: Данная статья является продолжением наших публикаций по изучению синонимов эмоциональной лексики эвенского языка. Выбор темы обусловлен тем, что исследования лексической синонимии недостаточно изучены, так как в эвенском языке вопросы синонимии рассматривались лишь эпизодически в рамках работ по лексикологии, затрагивали данную тему в учебниках, учебных пособиях, а также в научных статьях по эвенскому языку. Впервые выявляются и анализируются глагольные синонимические ряды, при анализе синонимов глаголов эмотивной системы учитывается полный набор лексических наименований эмоционального состояния человека, которые объединяют многочисленные синонимические ряды. Исследуется языковой материал, синонимии одной из самых малоизученных проблем лингвистики, до настоящего времени почти не изучавшийся лингвистами эвенского языка. Представленные в работе синонимические ряды эмоций чело века, могут быть использованы при составлении синонимического словаря и учебных пособий. Результаты данной работы послужат фундаментом для дальнейших исследований синонимии эвенского языка.

Ключевые слова: эвенский язык, синонимы, лексика, глагол, эмоции.

Изучение синонимии эвенской лексики представляется предпочтительным, так как проблемы синонимии имеют прямое отношение ко всем остальным разделам эвенской лексикологии. Синонимия как лексическая категория, обладающая специфическими признаками, остается пробелом в описании лексики эвенского языка.

Объектом исследования послужила лексика эвенского языка, которая была извлечена из эвенско-русских словарей [4,6,8], фольклора и художественной литературы, а также общение и наблюдение устной речи представителей разных возрастных и социальных групп эвенов Березовки.

Синонимы – это слова, тождественные по своему значению, выражающие одни и те же понятия, но различающиеся по звуковому составу. Синонимы играют важную роль в речи. Они разнообразят ее, делают речь более образной, выразительной, дают возможность выражать оттенки мысли [5, с. 36, 37]. «Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре». В то время как в живой речи мы не найдем такого положения, в котором «было бы все равно, как сказать: конь или лошадь, ребенок или дитя, дорога или путь и т.д.» [1, с. 85].

Свою точку зрения синонимии излагает А.П. Евгеньева о том, что особенно важно изучение тех системных связей, которые определяют наличие и жизнь синонимов в естественных языках, определяют своеобразие синонимических отношений для каждого языка в отдельности. Для построения общей теории лексических синонимов необходимо детальное изучение частных проблем синонимии в различных языках. Только при этом условии можно определять общие закономерности и выделять специфические особенности лексической синонимии в каждом отдельном языке [3, с.5].

По вопросам синонимии написано немало исследований, однако кардинальные аспекты проблемы, такие как определение синонимов, критерии синонимичности, остаются спорными. О том, что такое синоним, какие бывают синонимы, насколько это понятие вообще реально, в лингвистической литературе были высказаны самые разнообразные, часто противоречивые соображения. Сущность синонимов как слов с одинаковым или схожим значением и употреблением по-разному понимается различными исследователями [6, с.222].

Синонимы являются богатством каждого языка, язык

неизменно восполняется новыми синонимическими словами. В эвенском языке, как и в других языках имеется большое количество синонимов. Для эвенского языка характерно существование большого количества синонимических рядов, что касается глаголов- синонимов эмоционального состояния человека, то они обозначают различные эмоциональные состояния (при которых переживаются те или иные чувства), а также их внешние проявления. Они характеризуются главным образом тем, что их семантическая структура и синтаксические свойства указывают прежде всего на определенное эмоциональное состояние, оставляя как бы в тени переживаемые при этом состоянии чувства. Рассмотрим глаголы-синонимы эмоционального состояния человека. Синонимические ряды в эвенском языке состоят в основном из разнокорневых синонимов. Глагольный синонимический ряд — это исторически изменчивая, но более или менее постоянная в своих основных звеньях для данного периода жизни языка группа слов с предельной близостью значений, обусловленной названием одного и того же явления объективной действительности, например: 1. хокаңчидай 'радоваться', 'восторгаться', 'восхищаться'; 2. өрэлдэй 'радоваться'; 3. эвэлдэй 'радоваться', 'веселиться', 'ликовать', 'развлекаться', 'резвиться'. Рассмотрим, как синонимия проявляется в оборотах речи, например: *Асал хан хоңалра, бэйкэев ай-чисчиникан, хан-да ининникэн хокаңчилра. Хуркэм эрэли ноңантакин өрэлдэлрэ* [8, с.48]. "– Некоторые женщины заплакали, стараясь помочь ему, а остальные со смехом **радовались**. Все женщины **восхищались** и окружили юношу" [8, с.53]. *Элкы хусилнюн мукуливун эвирин, эвэлдэй тутэнрин* [8, с.56]. "– Элкы начал с лебедями играть в мяч резвиться, бегать" [8, с.62].

Каждый человек, кроме положительных эмоций испытывает и негативные эмоции, вызванные различными обстоятельствами. Глаголы внутреннего состояния и душевной боли имеют значение испытывать неприятное, возбужденное состояние, вызванное различными чувствами сопереживания и беспокойства. Эмоциональное состояние человека, связанное с беспокойством в эвенском языке, обозначают глаголы – синонимы: 1. авдаттай 'заботиться', 'хлопотать', 'беспокоиться'; 2. хэкуруңчидэй 'беспокоиться', 'тревожиться', 'заботиться'; 3. мэргэттэй 'думать', 'беспокоиться', 'радеть'; 4. авуландай 'беспокоиться', 'нервничать', 'тревожиться'; 5. мулгаттай 'думать', 'печься', 'беспокоиться', 'волноваться', например: *Эрэсниди, иман аранулэсниди. Тадук мэргэттин: 'Нудисчидиңэв! Тек нудисчими, ораби дявасадыку долбадин, тогу-да хивдин, куңаңу-да иркадин.*" Однажды вырыла яму, похоронила и стала **думать**: «Надо кочевать отсюда, если я сейчас буду кочевать, потемнеет, пока буду ловить оленей, и костер мой погаснет, ребенок будет плакать» " [8, с. 113, 117]. *Өмнэкэн хуркэн, авдачилран, нян укчэнирн:* – *Хо горла энилкэн бисив. Тараву як итчириву.* "Однажды парень **забеспокоился** и сказал: - Очень далеко отсюда

у меня есть мать. Так хочется ее увидеть" [8, с.116, 121]. По приведенным примерам, свойственна общая сема ощущать внутреннее беспокойство, которые протекают в форме состояния. Чаще всего это состояние бывает вызвано в жизни человека с их ожиданием, тревогой, страх за близких людей.

Глаголы-синонимы, обозначающие состояния переживания, подавленного состояния человека, испытание чувства скорби, тоски, глубокой печали, близкое к страданию, например: набуттай ~ булус - 'горевать', 'печалиться', например: *Оралчимна оралбу буюрду хөрүврэди энтэкэ набуттин.* "Оленевод стал **печалиться**, когда стадо оленей увели дикие олени" [примеры автора]. *Куна хисэчин булус одни, энтилни дэмнэлэ хөрчэлэтэн, энтукукэн хоңамнаддин.* "Вечером ребенок стал **тосковать** по родителям, которые уехали в стадо, он тихо всхлипывал" [примеры автора].

Глаголы-синонимы со значением гэлэдэй ~ булундай ~ хөркэндэй ~ хонриндай – 'вспоминать', 'грустить', 'тосковать', 'скучать', 'унывать' обозначают подавленное состояние, вызванное тоской, желанием встречи с кем-либо или чем-либо, легкой грусти, например: *Дялбу хөрэкэтэн горла, би ноңарбутан энтэкэ гэлэвэттэм.* "Когда мои родители уезжают в стадо, я по ним сильно **скучаю**" [Примеры автора]. *Өинде-дэмэр эрэгэр тог хатлан тэгэчидникэн хонриндидяттан, ялрач көлэкэй эрэли онякачиддэттан.* "Өинде всегда сидел у огня, **тосковал**, разрисовывал золой свой пупок" [8, с.142]. Необходимо также в этом ряду упомянуть глаголы-синонимы, которые передают состояние возбужденности, взволнованности, вызванное как положительными, так и отрицательными эмоциями, связанные с происходящими или предстоящими событиями мулиньдай 'думать', 'заботиться', 'волноваться'; дэвсэнэдэй 'тревожиться', 'волноваться'; хэритнэнмэй 'беспокоиться', 'тревожиться', 'волноваться', 'заботиться', например: *Аси энтэкэ хэритнэлрэн.* "Женщина сильно заволновалась" [пример автора]. *Мут самолетат өзэрэптэн, Димка-дамар хиранни дэвсэнэ-сэкэн нипкубэсчин.* "Наш самолет набрал высоту, а Димка стал **тревожиться**, что дыхание перехватило" [пример автора].

Таким образом, необходимо отметить, что в эвенском языке существуют различные синонимические ряды эмоций, имеющие свою специфику способы проявления, имеющую некоторую совокупность взаимоотношений, которая несет информацию о реальной действительности. которые образуют эмотивную лексику эвенского языка. Анализ лексической синонимии по эвенскому языку позволяет отметить, что с помощью синонимов достигается точность и изобразительность речи. Синонимы делают речь выразительной, дают возможность выразить тончайшие оттенки значений, выражения разнообразных стилистических свойств речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Культура языка. – М.: Федерация, 1929 — 336 с.
2. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Л.: Наука, 1970. Т. 1-2. С. 656.
3. Евгеньева А.П. Синонимы русского языка и их особенности: Сборник статей. – Л.: «Наука», 1972 - 246 с.
4. Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь. – Л.: Учпедгиз, 1936.
5. Новикова К.А., Gladkova N.I., Robbek V.A. Эвенский язык: Учеб. для пед. Уч-щ. Л.: Просвещение. 1991. С.304.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
7. Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь для эвенской начальной школы. – Л.: Учпедгиз, 1950.
8. Роббек В.А. Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров). – Якутск, 2005. – 362 с.
9. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Н.: Наука, 2004. – С. 356.

© Садовникова Ия Ивановна (Sadovnikova79@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЦЕСС ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Степанова Наталия Николаевна

к.филол.н., доцент, Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики
n.stepanova.55@mail.ru

PROCESS OF RETHINKING THE FRENCH LITERARY TRADITION AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

N. Stepanova

Summary: The article aims to present the general trends of the last decades of the XIX – early XX centuries literary process. With the collapse of the naturalistic school and the origin of new trends in the literature, there were fears for its further fate. The main task of cognition in art is the concentrated study of the "I" depths which caused special forms of individualism to life. The complex mechanism of new genre-style formations is opened. The originality of the novels' poetics reflects the individual author's style and meets the genre requirements without any restrictions. This trend found its artistic embodiment in the work of French writers of this period, M. Barres, J.-K. Huysmans, A. Gide.

Keywords: French literature, XIX-XX centuries, P. Bourget, M. Barres, J.-K. Huysmans, A. Gide, poetics of the novel.

Аннотация: В работе исследуются общие тенденции литературного процесса последних десятилетий XIX – начала XX вв. С распадом натуралистической школы и зарождением новых течений в литературе возникали опасения за дальнейшую судьбу литературного процесса. Основной задачей познания в искусстве становится сосредоточенное изучение глубин своего «я», вызвавшее к жизни особые формы индивидуализма, вскрывшее сложный механизм зарождения новых жанрово-стилевых образований. Индивидуальный авторский стиль отражает своеобразие поэтики романов и отвечает требованиям жанра. Эта тенденция нашла свое художественное воплощение в творчестве французских писателей данной эпохи М. Барреса, Ж. – К. Гюисманса, А. Жида.

Ключевые слова: французская литература, XIX-XX вв., П. Бурже, М. Баррес, Ж.-К. Гюисманс, А. Жид, поэтика романа.

Французская литература 80–90-х гг. XIX в. – уникальный период, без понимания которого невозможно осмысление мирового литературного процесса. Именно французская литература первой претерпела значительные изменения и приобрела за эти десятилетия черты, заметно отличающие ее от литературы 50–70-х гг. За это десятилетие французская литература пережила перемены, которые в особенности коснулись ее ведущего жанра – романа. Многим современникам казалось, что роман как жанр начал мельчать, говорили о его «декадансе». Между тем данный период явился переходным в истории романа, связанный с изменением прежних жанровых правил, которые определялись уже новой эстетикой. Получили развитие такие революционные литературные направления, как символизм, «психологизм», эстетизм, декаданс, позже подхваченные другими европейскими литературами.

В данной статье на основе историко-литературного метода делается попытка проследить эволюцию французского романа рубежа веков. В работе применяются как общие, так и специальные методы исторического познания: сравнительный, типологический, систематический. При работе над статьей были исследованы литературные анкеты современников рубежа веков, критическая литература русско-французского авторства, газеты и журналы на французском языке, энциклопедические издания, мемуарные источники, художественные

произведения французских писателей.

Новое поколение писателей, М. Баррес, Ж.-К. Гюисманс, А. Жид, изображали самих себя, разоблачая перед другими тот мир, который отражался в зеркале их индивидуального «я». При анализе персонажей уже обязательно было рассматривать их с социальной точки зрения. Интерес представлял отдельный человек, обладающий своей неповторимой «индивидуальностью». Первостепенное значение для писателей имело изображение субъективного восприятия мира человека, а не воссоздание объективной действительности, в которой он живет. С точки зрения господствующих в XIX в. представлений о жанрах такой подход казался необычным и являлся нарушением жанровой этики.

Свой метод познания мира предложил М. Баррес. Писателя интересовало единство интеллектуального и чувственного, что в его понимании приводило к целостному восприятию вселенной. Познание мира, согласно Барресу, достигалось воображением художника и его поэтическим гением. Центром этого единства призван был стать интеллект. Литературным экспериментом Барреса в данном аспекте стала трилогия «Культе Я» (1888-1891): «Под взглядом варваров» (1888), «Свободный человек» (1889), «Сад Береники» (1891), в которой имели место кардинальные изменения романной поэтики [5]. Романы трилогии не скованы какими-либо ограничениями

и зависят только от оригинального художественного мышления автора. Вместо «научных» объяснений о происхождении и развитии душевных феноменов, писатель изобразил в своих книгах «тщательное, волнующее и захватывающее описание состояний души» [7, 9]. «Я написал страстную идеологию, – заявил Баррес в «Исследовании», посвященном «Культу Я». – Нам стали известны исторический роман, роман о парижских нравах. Почему бы поколению, утратившему вкус ко всему, кроме игры в идеи, не попробовать обратиться к метафизическому роману?» [7, 12].

О чем бы ни писал А. Жид, какие бы темы и проблемы ни затрагивал, он, в конечном счете, всегда говорил о себе, о своих чувствах и настроениях, сомнениях и переживаниях. В лирической поэме в прозе «Яства земные» (1897) герой Жида освобождается от оков разума и достигает гармонии с природой. Он приходит к полному разрушению связей с обществом ради безграничной свободы. Как и Баррес, Жид утверждает на позициях крайнего индивидуализма.

Романы «Наоборот» (1884) и «Там, внизу» (1891) К.-Ж. Гюисманса подтверждали тенденцию о всеобщей реакции декаданса, охватившей французское общество. Писатель выразил свое отвращение к запустению буржуазного мира. Стратегия героя – эстетическое бегство, бегство в прекрасную культуру. Гюисманс разрушает классическую форму романа: сюжет отсутствует, многочисленные события из жизни героя вынесены в предисловие, самого героя практически нет, нарушены причинно-следственные связи.

Отличительной чертой эпохи явилась реакция против натурализма, и все новые литературные тенденции оказались резко антинатуралистическими. В 1891 г. журналист Ж. Юре обратился к писателям, поэтам и критикам со своей известной литературной анкетой [12] по поводу судеб натурализма. Подавляющее большинство придерживалось единого мнения о том, что натурализм полностью изжил себя и прекратил свое существование. «Я считаю, – отвечал Э. Род на анкету Ж. Юре, – что литература натурализма, если и не умерла, то изжила себя. И, в особенности, потому что она была литературным выражением позитивистского и материалистического направления, которое уже не отвечает сегодняшним нуждам» [12, 14].

Бытовало мнение о том, что реализм, на который претендовали натуралисты, на самом деле оказался ложным. Так считал А. Франс, говоря о неправдоподобном изображении крестьян в романе «Земля» [12, 2]. Еще резче о реализме Э. Золя писал М. Баррес в своих «Тетрадах»: «Описывая обширную панораму французского общества и создавая иллюзию реальности, Золя претендует на правду, между тем, как его романы полны лжи и

клеветы. Какое несчастье, что его романы известны за пределами Франции!» [6, МС, VI, 273]. Многие не воспринимали натурализм с эстетической точки зрения: «каждый из нас, – свидетельствовал литературный критик и редактор журнала «*Mercure de France*» Р. де Гурмон, – с отвращением отстранился от литературы, низость которой доводила до тошноты» [12, 135]. Французский литературовед Ж. Пелисье в своей книге «Современное литературное движение» назвал натурализм второй половины XIX в. «доктринерским и схоластическим» [17, VI].

Критик Ф. Брюнетьер в статье «Банкротство натурализма», которая была напечатана в журнале «*Revue des deux mondes*» в 1887 г., утверждал, что социальный реализм изжил себя и предсказывал, что в литературе утвердятся новое направление, которое заинтересуется исследованием психологических глубин «отдельного человека» [10]. Уже в 80-х гг. Брюнетьер противопоставлял «психологический» роман натуралистическому. Позднее, в 1891 г., А. Франс писал, что на современном этапе развития французской прозы натуралистический роман уступит место психологическому. [12, 2-5].

Начинал пользоваться популярностью жанр «психологического» романа. В начале 80-х гг. в «Очерках современной психологии» (1883-1885) Бурже старался наметить принципиальную разницу между натурализмом и «психологизмом» [9]. Обе художественные формы отображения в своей основе имели общий эстетический принцип – наблюдать и описывать действительность с максимальной объективностью.

Набольшую известность Бурже принес роман «Ученик» (1889), в котором присутствует изоциренный психоанализ героя, изолированного от социальной действительности. Главный герой Робер Грелу лишен каких-либо нравственных устоев, разрушенных «современными идеями», и прежде всего материалистическими теориями. Молодой человек увлекается учением своего учителя, сторонника всеобщего детерминизма. Герой постепенно утрачивает веру в бога. Потеря веры, согласно Бурже, неминуемо приводит к преступлению.

А. Жид, проявляя интерес к возрождению «психологического» романа, отмечал, что роман «во всей западной литературе <...> почти никогда не занимается отношениями индивидуума к самому себе или к богу, которые здесь первенствуют над всеми прочими» [3, 366].

По существу, «психологический» роман не смог занять во французской литературе ведущего положения, так как он не внес в эстетику данного жанра ничего принципиально нового. К тому же и художественное достоинство романов, принадлежащих к данному направлению, не велико. «На заднем фоне всякого литературного произведения, – писал Бурже в «Очерках со-

временной психологии», – скрывается подтверждение какой-нибудь психологической истины» [9, 147-148]. Это высказывание вполне применимо к его романам, в которых изображены не живые люди, а отвлеченные фигуры, иллюстрирующие известные душевные состояния, диалектика развития которых поглощает внимание автора в ущерб жизненности изображаемых им персонажей.

Самым плодотворным литературным движением 80-90 гг. XIX в. оказался символизм. Его вклад в сокровищницу художественной литературы особенно значителен. «Если проследить общую эволюцию нашей литературы, – замечает Р. Лалу в своем исследовании, – то без колебаний можно сказать, что революция символистов была значительнее революции романтиков. Ибо символисты поняли, что фундаментальной проблемой являлась проблема языка» [14, 228].

Возрождающаяся философия идеализма, воплощением которой явился символизм, привела к небывалому триумфу индивидуализма. Как справедливо замечал Р. де Гурмон в «Книге масок», символизм XIX в. предполагал «свободу творчества, отречение от заученных формулировок, стремление ко всему новому, необычному, даже странному. Он означает также идеализм, пренебрежение к фактам социального порядка, анти-натурализм, тенденцию, направленную к тому, что есть в жизни характерного» [2, 5-6].

Символизм, как и «психологизм», единодушно выступил против реалистического метода изображения в литературе. Подтверждением тому явилась уже известная анкета. Ж. Юре. Сходные результаты продемонстрировала другая литературная анкета, проведенная в 1905 г. Ж. Ле Кардонелем и Ш. Велле: «Появление символизма явилось насущной необходимостью, так как натурализм мельчал, задерживаясь на сюжетах из рубрики происшествий или занимаясь изучением ключительных характеров» [15, 77].

Литературная панорама исследуемой эпохи пестрит разнообразием направлений, групп, течений. Творческий авангард представляли и символисты, и психологи, и парнасцы, и позитивисты, и буддисты, и независимые. Ж. Пелисье в своей книге «Современное литературное движение» (1901) предпринял попытку классифицировать писателей исходя из особенностей их темперамента. Французский литературовед выделяет две основные категории: писателей-интеллектуалов и писателей, изучающих область чувственного. Однако, в конечном итоге он приходит к выводу о том, что ни его собственная и никакие другие классификации не смогли бы вместить все разнообразие литературы рубежа веков, отличительной особенностью которой явился индивидуализм [17, 53].

Основной художественной тенденцией исследуемой

эпохи признавалась оригинальность: писатель должен сказать то, что до него еще никем не было сказано, должен суметь создать собственную эстетику как проявление личного дарования. При этом писатель не имел право навязывать свое видение другому. «В настоящий момент, – говорил Стефан Малларме, – мы присутствуем на самом любопытном спектакле, который не разыгрывался еще ни разу за всю историю поэзии: каждый поэт, уединяясь в своем углу, играет на флейте те арии, которые нравились ему больше всего <...>. До настоящего момента всегда была необходимость объединяться во круг одного официального учителя» [12, 56].

Девизом писателей и поэтов являлась абсолютная свобода в искусстве. В статье «О влиянии в литературе» (1900) А. Жид отмечал, что «из боязни походить друг на друга, из отвращения к подчинению» [4, 181] в последнее время появилось много писателей, претендующих на оригинальность, старающихся сохранить ее любой ценой. Каждый претендовал на авторскую независимость, стремясь иметь собственный взгляд на вещи. Эстетика авторов исходила из широких представлений о материальном мире и о положении человека в нем. «Молодое поколение», как называли себя эти писатели, хотело иметь дело не с частным человеком, а с человечеством в целом. «Герой мыслился, – по выражению Божовича, – в масштабах вселенной, как у Шекспира или Эсхила» [1, 193].

На формирование эстетики представителей «молодого поколения» значительное влияние оказала философия А. Бергсона, получившая широкое распространение и признание во Франции. Французский философ противопоставил научному мышлению интуицию, подсознание, ощущение, превратив их в единственный способ познания мира. Считалось, что разум может дать только общую концепцию того или иного явления, предмета, оставляя в стороне все богатство впечатлений и многообразии связей.

Центр доверия перемещался к интуиции, «внутреннему» видению, художественному подсознанию. Писатели «молодого поколения» приходили к выводу о том, что бессознательное играет первостепенную роль в интеллектуальном процессе. «Имморалист» (1902) Жида призывал отбросить все книги и обратиться к жизни. Баррес также сомневался в том, что при помощи разума можно достичь истины. «Ведет ли разум к истине? – писал он в «Тетрадах» в 1896 г. – И что такое истина? Не что иное, как точка зрения, с помощью которой мы пришли к согласию <...>. Мы можем регистровать только наши ощущения. Истина только потому и является истиной, что ее считают таковой» [6, МС, I, 77]. Таким образом, в исследуемую эпоху наблюдался отказ от внешних авторитетов и апелляция к внутреннему видению мира.

«Молодое поколение» писателей предлагало свой метод изображения действительности, а именно литературу воображения и мечты, которая так же может претендовать на правду, как и реализм [12, 132]. Параллельно зарождался и жанр интеллектуального романа, за которым Э. Гонкур видел будущее [12, 168].

Еще задолго до кризиса натуралистического направления братья Гонкур предсказали новые пути развития французского романа. Прочитав рассказы Э. По, они писали в 1856 г.: «Открытие чего-то такого, о чем критика совершенно не догадывалась, а именно воображение в соединении с анализом. Роман в будущем призван изображать историю того, что происходит скорее в мозгу человека, а не в его сердце». Это «что-то» в большей степени проявилось в произведениях М. Барреса [12, 34].

Читатели и критики с интересом отнеслись к роману М. Барреса «Сад Береники» (1891). Хотя многие и считали писателя одним из представителей «психологического» направления, однако Баррес разрабатывал совсем иную психологию, чем, например, Бурже. Натуралисты и «психологи» в лице Бурже пытались объяснить происхождение человеческих чувств и эмоций, ориентируясь на воздействие среды и наследственность. Однако Баррес находил такой метод недостаточным и в этом смысле говорил, что в его трилогии нет «психологии» в духе Тэна или Бурже [7, 8]. Кроме того, проникновение символизма в «психологическую» прозу еще в большей степени отдаляло Барреса от Бурже. Баррес полагал, что можно написать психологический роман, не прибегая к анализу частного случая, как это делал Бурже, а «стремиться отобразить правду в самом широком ее понимании <...>. В результате рождается символистская психология» [12, 21]. В анкете Ж. Юре Баррес признавался, что друзья видят в его произведениях символы, что его герои судят о вещах в самом широком плане и совсем не рассуждают о мелочах, имеющих место в их жизни.

В своем Дневнике Жид подчеркивал, что ни одно из его произведений, написанных до «Фальшивомонетчиков» (1925), нельзя назвать романом. Во всяком случае, в «Яствах земных» герой отсутствует, в романе даже нет действия; это скорее внутренний монолог, реакция на окружающий мир, мысли, чувства и ощущения героя, адресованные предполагаемому читателю по имени Натанаэль. Обращаясь к нему, герой признается: «в этой книге нет никого. И даже я не более чем Видение» [11, 183]. Все произведение пронизано страстным призывом к пробуждению и освобождению «я» героя. Жид хочет показать неисчерпаемые преимущества личности, очнувшейся от сна, которая, наконец, обрела вкус к жизни. Герой избирает свой путь и освобождается от давящего груза знаний, традиций, привычек.

Новых героев давали также романы «Наоборот»

(1884) и «Там, внизу» (1891) К.-Ж. Гюисманса, «Плохо прикованный Прометей» (1899) и «Имморалист» (1902) А. Жида. «Мы живем в такую эпоху, – отмечал Жид на анкете Ле Кардонеля и Велле, – когда появление новых характеров стало возможным. Ничего нового не возникает в литературе без новых характеров» [20, 89]. А. Геон считал, что «Имморалист» представляет собой новшество с любой точки зрения и что писатели типа Жида хотят создать такую совершенную форму изображения, которая смогла бы вместить в себя все волнения современной мысли [15, 96-97]. Высоко оценивая эссе «Плохо прикованный Прометей», тот же А. Геон говорил, что «уже десять лет, как не создавали подобных книг» [15, 97].

Во многих произведениях последнего десятилетия XIX в. имела место невротичность, увлечение болезненными формами психологизма. В литературе процветал культ искусственности (*le culte de l'artifice*), которая выражалась в желании совершить насилие над природой. Такое удалось сделать герою в романе Гюисманса «Наоборот». Дез Эссент бежит от прозы жизни, от социальных связей в мир чувственности. В своем безумии он прозревает иной, высший, мистический мир. «Искусственность казалась Дез Эссенту отличительным свойством человеческого гения» [13, 31].

А. Билли в книге «Эпоха 1900-х годов» отмечал, что в Гюисмансе современники видели прямого последователя Ш. Бодлера, у которого он перенял «кошунственные попытки в утолении чувственных страстей» [8, 73]. Эти тенденции были подмечены Бурже в «Опытах современной психологии»: «Медленно, но уверенно укреплялось убеждение в банкротстве природы, которое предполагало превратиться в опасную веру XX в., если наука или завоевание варваров не спасут человечество, утомленное работой собственной мысли» [9, 15-16].

Другой доминирующей тенденцией в литературе рубежа веков стала философия имморализма, склонная утверждать, что морали нет; все поступки могут быть оправданы; разум начинал доходить до того, что любой порок можно наделять добродетелью. Герой «Имморалиста» Мишель разрывает все социальные связи, отказывается от выработанных обществом моральных норм ради того, чтобы испытать «тысячи форм жизни», вобрать в себя все возможные ощущения, испытать все чувственные радости мира. В конце романа герой «Имморалиста» не имеет точек соприкосновения с другими людьми. Он живет и действует в обстановке, далекой от обыденной жизни. Герой абсолютно избавлен от причинно-следственных оков разума, его поступки лишены какой бы то ни было последовательности. По сути своей Мишель алогичен.

Творчество таких писателей, как Гюисманс, Баррес, Жид, не укладывалось в рамки единого направления.

Авторы стремились разрушить время и пространство, представлявшие им слишком логичными, и жить в непосредственности и хаосе. От Бальзака к Флоберу и Золя жизнеподобие было принципиально важным, что не исключало разного уровня и своеобразия философских обобщений и социальной типизации. Современный французский роман создавал своих героев, отличавшихся, например, от героев Бальзака, которые были одержимы какой-либо одной страстью. Совершенно справедливо по этому поводу замечал Баррес: «Роман был апологетом и казуистом страсти» [6, МС, III, 199]. Шли поиски и велись споры, каким быть роману в будущем. При зарождении новых тенденций не всегда легко отделить главное от второстепенного, истинное от ложного, прогрессивное от того, что в определенных условиях могло стать реакционным. Творчество представителей «новой литературы» свидетельствовало о том, каким непростым был выбор, какими сложными путями шел порой художник к осознанию своего места и роли в искусстве рубежа веков.

Специфические законы саморазвития жанровой формы в любую эпоху приводят к взрыву прежних жанровых правил и к рождению новой эстетики. Нельзя констатировать отказ романа от реалистических завоеваний, уступку «декадансу» или «модернизму», если воспользоваться более поздним термином. Модернизмом изучаемые явления можно назвать лишь понимая под

этим термином нечто новое по сравнению с прежними канонами искусства. Наряду с этой, наиболее очевидной тенденцией конца XIX – начала XX вв., появляется отчетливое отталкивание от запредельности символизма, превратившегося в кастовое «искусство для искусства», недоступное для широкого круга читателей. Более того, малые жанровые формы, в которых герой один либо герой отсутствует, не в состоянии решить глобальных проблем эпохи, богатой событиями.

Споры, которые в течение долгого времени велись вокруг романа, должны были дать свои результаты. Литературная анкета 1913 года, проведенная Ж. Мюллером и Г. Пикаром [22], свидетельствовала о том, что роман вновь возвратится к изображению монументальных полотно времен Бальзака, Флобера, Золя. Участники новой анкеты единодушны в том, что современный роман получит признание лишь в том случае, если продолжит традиции, заложенные еще Вольтером, Лакло, Шатобрианом, Бальзаком, Флобером, Золя. Такой роман создаст героев, которые будут типичными для своего времени и уровня социального развития французского общества. Но и в этом случае вряд ли можно говорить о возвращении к классическим канонам реалистического романа. Освоение исторических и политических тем французскими писателями произойдет на новом витке иначе, чем прежде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович В.И. Традиции и взаимодействие искусств. Франция конца XIX – начала XX века / В.И. Божович. Москва: Наука, 1987. 320 с.
2. Гурмон Р. де. Книга масок / Р. де Гурмон. Томск: Водолей, 1996. 224 с.
3. Жид А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. [Пер. с фр.] / А. Жид. Ленинград: Художественная литература, 1935. 534 с.
4. Жид А. Достоевский; Эссе: [Пер. с фр.] / А. Жид. Томск: Водолей, 1994. 288 с.
5. Степанова Н.Н. Морис Баррес и эволюция жанра романа // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы, 1991. – Сер. 2. Вып. 1. С. 81-85.
6. Barrès M. Mes Cahiers: En 14 v. / M. Barrès. Paris, Plon, 1919-1951. Все ссылки на это издание даются в тексте (МС); римская цифра обозначает том, арабская – страницу.
7. Barrès M. Le Culte du Moi. Examen de trois idéologie / M. Barrès. Paris: Perrin, 1892. 56 p.
8. Billy A. L'époque 1900 / A. Billy. Paris: Tallandier, 1951. 368 p.
9. Bourget P. Essais de psychologie contemporaine / P. Bourget. Paris: Lemerre, 1885. 326 p.
10. Brunetière F. La banqueroute du naturalisme / F. Brunetière // Revue des deux mondes, 1887, sep.-oct. Pp. 213-224.
11. Gide A. Œuvres complètes: En 16 v. / A. Gide. Paris: Gallimard, 1932-1939. Vol. 2. 422 p.
12. Huret J. Enquête sur l'évolution littéraire / J. Huret. Paris: Charpentier, 1891. 480 p.
13. Huysmans J.-K. À rebours / J.-K. Huysmans. Paris: Charpentier, 1884. 294 p.
14. Lalou R. Histoire de la littérature française contemporaine (1870 à nos jours) / R Lalou. Paris: Presses universitaires de France, 1946. 480 p.
15. Le Cardonnell G. et Wellay Ch. La littérature contemporaine / G. Le Cardonnell et Ch. Wellay. Paris: Mercure de France, 1905. 331 p.
16. Muller J. et G. Picard. Les tendances présentes de la littératures françaises, interviews et réponses d'hommes de lettres. Paris: E. Basset, 1913. 365 p.
17. Pellissier G. Le mouvement littéraire contemporaine / G. Pellissier. Paris: Hachette, 1901. 304 p.

© Степанова Наталия Николаевна (n.stepanova.55@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕБ-САЙТА В КАЧЕСТВЕ ПОЛИСЕМИОТИЧЕСКОГО ГИПЕРТЕКСТА

A LINGUISTIC STUDY OF THE WEBSITE AS A POLYSEMIOTIC HYPERTEXT

S. Stroykov
I. Nikitina

Summary: The paper provides a comprehensive linguistic study of the website as a polysemiotic hypertext. The main goal of the study is to provide a comprehensive characteristic of the website, which is considered to be a polysemiotic hypertext, from a linguistic point of view. Materials and methods. The main research method in this paper is an analytical and descriptive one, which allowed us to review linguistic references devoted to the study of the website as hypertext, we have also used observation and generalization as auxiliary research methods. Results. Our study has shown that more and more linguistic papers choose a website as a subject of their research, considering it as an electronic hypertext. Scientists study the structure of specific websites, hyperlinks between information units, as well as linguostylistic features of the text component of information units. We have concluded that the website is a polygenre polysemiotic hypertext with an external (hypercarcass) and internal structure (web pages with information units and hyperlinks), integrating components of various semiotic systems (paragraphemic elements): verbal, non-verbal, audio element and animation, which allows a web-site to affect the addressee depending on its purpose.

Keywords: website, hypertext, electronic hypertext, polysemiotic hypertext, complex genre, structural organization.

Стройков Сергей Александрович

К.филол.н., доцент, Самарский государственный
социально-педагогический университет
stroykov@ya.ru

Никитина Ирина Николаевна

К.филол.н., доцент, Самарский государственный
экономический университет
i.n.nikitina@gmail.com

Аннотация: В статье проводится лингвистическое исследование веб-сайта в качестве полисемиотического гипертекста. Цель исследования – дать комплексную характеристику веб-сайту, который рассматривается в качестве полисемиотического гипертекста, с лингвистической точки зрения. Материалы и методы. В нашей работе основным методом исследования является аналитико-описательный, который позволил нам провести обзор лингвистической литературы, посвященной проблемам изучения веб-сайта как гипертекста, в качестве вспомогательных методов исследования мы использовали наблюдение и обобщение. Результаты. Поведенное нами исследование показало, что все больше лингвистических работ выбирают в качестве объекта исследования веб-сайт, который рассматривают в качестве электронного гипертекста, изучают структуру конкретных веб-сайтов, средства связи между информационными единицами, а также лингвистические особенности текстового компонента информационных единиц. Мы пришли к выводу, что веб-сайт представляет собой полижанровый полисемиотический гипертекст, обладающий внешней (гиперкаркас) и внутренней структурой (веб-страницы с информационными единицами и гиперссылками), интегрирующий компоненты различных семиотических систем (элементы параграфемии): вербальных, авербальных, аудиальных, анимационных, которые позволяют воздействовать на адресата в зависимости от цели.

Ключевые слова: веб-сайт, гипертекст, электронный гипертекст, полисемиотический гипертекст, комплексный жанр, структурная организация.

Введение

Лингвистические исследования веб-сайта в качестве электронного гипертекста появились сравнительно недавно, ученые предпринимали попытки осмыслить новый формат существования текста, который в интернет-среде приобрел совершенно иные характеристики (веб-сайт изучался в качестве комплексного жанра компьютерно-опосредованной коммуникации, исследовались его структурные особенности и стратегии построения, коммуникативно-прагматические характеристики и языковые особенности). Совершенствование компьютерно-опосредованной коммуникации способствовало трансформации традиционного текста и его чтения, делая его все более креолизованным и полисемиотическим. Тем не менее, веб-сайт как полисемиотический гипертекст до сих пор не описан всесторонне с лингвистической точки зрения, что делает предложен-

ное нами исследование необходимым и актуальным для лингвистической теории электронного гипертекста.

Целью исследования является комплексная характеристика веб-сайта, который рассматривается в качестве полисемиотического гипертекста, с лингвистической точки зрения.

Материалы и методы

Основными материалами нашего исследования послужили лингвистические работы А.В. Денисова, Е.Ю. Дьяковой, Е.А. Захарчук и Е.В. Дмитриевой, А.О. Колыхаловой, Е.П. Лиховидовой, Н.Д. Машлыкиной, О.Н. Морозовой, Е.Б. Павловой, Е.Г. Проскурина, К.Г. Рыжова, И.Г. Сидоровой (Фомичевой), В.Н. Суриной и В.А. Камневой, Л.Ю. Щипициной и О.А. Ермошко. В нашей статье основным методом исследования является аналитико-

описательный, который позволил нам провести обзор лингвистической литературы, посвященной проблемам изучения веб-сайта. В качестве вспомогательных методов исследования мы использовали наблюдение и обобщение.

Результаты и обсуждение

В изученной нами литературе оказалось не так много подходов к определению понятия «веб-сайт» с лингвистической точки зрения. Например, А.В. Денисов вслед за Л.А. Капаназде дефинирует веб-сайт как «комплексный электронный жанр, представляющий совокупность различных текстов, тяготеющих к письменным реализациям, и гибридных, объединенных между собой гиперссылками, которые, в свою очередь, обеспечивают мгновенную связь между ассоциативно зависящими друг от друга различными документами (текстами, их группами или частями)» [1, с. 186]. Гипертекстовая организация, по мнению, Л.Ю. Щипициной и О.А. Ермошко, «является основным способом существования веб-сайта» [17, с. 155]. Эти исследователи вслед за И.Н. Розиной полагают, что веб-сайт «представляет собой совокупность иерархически организованных веб-страниц, объединенных общим содержанием и соединенных гиперссылками» [17, с. 155], а веб-страницу они считают элементом веб-сайта, при этом предлагают «различать следующие типы веб-страниц: 1) главная страница, 2) промежуточные страницы, 3) конечные страницы» [17, с. 155].

Впервые веб-сайт в качестве полисемиотического гипертекста был рассмотрен Е.Г. Проскуриным. Этот исследователь отмечает, что «вербальные компоненты – не единственные носители значения: в процессе смыслопорождения участвуют все структурообразующие элементы сайта» [10, с. 66]. Е.Г. Проскурин полагает, что веб-сайт «позволяет интегрировать компоненты разных семиотических систем: вербальных, авербальных, аудиальных, анимационных, которые определяют характер его воздействия на адресата, получающего информацию не только из сообщения, т.е. посредством вербальных компонентов, но и в результате соположения разнородных репрезентантов различных знаковых систем» [10, с. 66]. В качестве электронного гипертекста рассматривает веб-сайт Е.Ю. Дьякова, она считает, что «понятие «электронный гипертекст» обладает большой объяснительной силой при исследовании веб-сайта как особого типа компьютерно-опосредованной коммуникации» [2, с. 60].

Достаточно большое количество среди проанализированных нами лингвистических работ посвящено изучению структуры веб-сайта, или особенностям организации электронного гипертекста.

Рассматривая новостной веб-сайт с точки зрения его структурных особенностей и сравнивая его с привычными средствами массовой информации, Е.А. Захарчук

и Е.В. Дмитриева выделили ряд отличий на примере веб-сайта газеты Гардиан: 1) постоянная обновляемость информации, 2) связь информационных блоков с помощью гиперссылок, 3) мультимедийность, 4) цветовая вариативность компонентов текста, 5) интерактивность, позволяющая обеспечить оперативную обратную связь, 6) бесконечность формата [4, с. 34–41].

Обязательным структурным элементом веб-сайта В.Н. Сурина и В.А. Каменева считают гиперкаркас, который «представляет собой информационный и навигационный ресурс, состоящий из верхней, боковой и нижней панелей, несущих информацию, подаваемую при помощи вербального, визуально-изобразительного, цифрового и цветового кодов, предоставляющий реципиенту возможность определять путь прочтения / просмотра / прослушивания информации гипертекста сайта» [16, с. 136].

Л.Ю. Щипицина и О.А. Ермошко также говорят об общем структурном элементе веб-страниц, под которым они понимают внешнюю структурную рамку, или основное меню, которое остается неизменным при переходе с одной страницы веб-сайта на другую. Эти исследователи также полагают, что «веб-страницы различаются объемом гиперссылок (навигационная часть) и линейного текста. В наибольшей степени навигационная часть присутствует на стартовой странице, в наименьшей – на конечной» [17, с. 156].

Структура конкретных веб-сайтов в той или иной степени исследовалась и описывалась в работах Е.Ю. Дьяковой, Н.Д. Машлыкиной, Е.П. Лиховидовой, А.О. Колыхаловой, О.Н. Морозовой, Е.Б. Павловой, К.Г. Рыжова, И.Г. Сидоровой.

Е.Ю. Дьякова выявила общие черты в структурной организации главной страницы веб-сайтов британских университетов и выделила несколько композиционных блоков, присутствующих в структуре большинства рассматриваемых веб-сайтов: 1) заголовочный (титульный) комплекс, 2) основной визуальный объект, 3) навигационное меню, 4) новостной блок, 5) блок объявлений, 6) важные ссылки, представленные иконическими изображениями, 7) «подвал» страницы [3, с. 69–71].

Н.Д. Машлыкина, которая также исследовала веб-сайты британских университетов, заключила, что «композиционная организация информационных единиц электронного гипертекста университетов обусловлена особенностями презентационной формы университетского сайта и, по сути, характерна для любого учебного заведения, представленного в Интернете: информационные блоки об университете, о правилах поступления, о структуре, об исследовательской деятельности, о мероприятиях и конференциях, новостные блоки, навигационное меню» [7, с. 128].

Е.П. Лиховидова исследовала веб-сайты отелей и пришла к выводу, что типичный сайт отеля состоит из 6–35 веб-страниц, связанных посредством гиперссылок. «Сайт отеля – это и текст, и большое количество графических объектов информационного характера: меню, графических заголовков, логотипа отеля, символов» [6, с. 7]. Этот исследователь также полагает, что «структурно-композиционная организация англоязычных сайтов отелей предполагает наличие обязательных компонентов: 1) основной заголовок; 2) логотип; 3) корпус текста; 4) прескриптор. Каждый компонент выполняет свои функции, способствующие актуализации коммуникативно-прагматической установки всего текста сайта» [6, с. 9].

Структура веб-сайта Vision Travel канадской туристической компании, которая предоставляет клиентам возможность спланировать и организовать свое путешествие, исследовалась А.О. Колыхаловой, она включает в себя следующие элементы: 1) основное навигационное меню, 2) блоки гиперссылок на страницы услуг компании, 3) блок новостей и форма обратной связи, 4) дополнительное навигационное меню [5, с. 64–66].

О.Н. Морозова исследовала персональные веб-страницы действующих членов Парламента Великобритании и пришла к выводу об уже «выработанной определенной стандартизации в наборе типовых информационных блоков и разделов в этом жанре политической интернет-коммуникации» [8, с. 14].

Объектом исследования Е.Б. Павловой послужило гипертекстовое пространство англоязычных сайтов британских предприятий общественного питания. Этот исследователь выделила три взаимосвязанные части в гипертекстовом пространстве веб-сайта: 1) презентационную; 2) описательно-информативную; 3) информативно-интерактивную. Е.Б. Павлова отмечает, что «презентационная часть включает следующие структурные элементы: логотип; название; навигационная панель в верхней части страницы; превью и/или слайд-шоу интерьера; 3D-панорама; виртуальные экскурсии; презентационный текст. Основными структурными элементами описательно-информативной части являются корпус текста и опция бронирования. Информативно-интерактивная часть содержит: фидбэк; контакты; дополнительные опции в нижней фиксированной части страницы» [9, с. 12–13].

К.Г. Рыжов изучал издательские сайты и пришел к выводу, что «главная страница издательского интернет-сайта является отправной точкой для начала работы с сайтом и имеет как обязательные элементы, так и факультативные» [11, с. 7]. К обязательным этот исследователь отнес название издательства и меню рубрик сайта. К факультативным элементам – логотип издательства и его слоган, внешние ссылки, окно поиска информации по сайту и т.п. Рубрики К.Г. Рыжов поделил на высокочастотные и низкочастотные [11, с. 7–8].

И.Г. Сидорова (Фомичева) исследовала персональные веб-сайты публичных личностей и описала типичную структуру веб-страниц пользователей социальных сетей «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook и MySpace [12].

Наши исследования показали, что основными структурными компонентами веб-сайта являются веб-страницы с информационными единицами и гиперссылки, которыми могут быть абсолютно любые элементы веб-страницы, в том числе и элементы параграфематики. Гиперссылка в качестве структурного элемента веб-сайта подробно исследована нами в статье «Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста» [15], мы также подробно исследовали информационную единицу в качестве предельной минимально значимой единицы структуры электронного гипертекста [14], а также изучили элементы параграфематики [13]. Проведенный нами анализ позволил получить следующие выводы: структура веб-сайта представляет собой логику его построения, она подразделяется на внешнюю (композиция веб-страницы, организация информационных единиц на экране, графический макет) и внутреннюю (организация веб-страниц внутри веб-сайта: принадлежность к категориям или разделам, иерархия, схема переходов). Внешняя структура веб-сайта представляет собой его гиперкаркас и в основном включает в себя следующие элементы: 1) шапка (верхняя часть веб-сайта, может содержать логотип, заголовок, контакты), 2) боковое меню (может размещаться как слева, так и справа, включает в себя элементы навигации и вспомогательную информацию), 3) центральный блок (основная информация веб-страницы), 4) подвал (нижняя часть веб-сайта, которая может содержать контакты, навигацию, правовую и дополнительную информацию, а также, например, кнопки социальных сетей). Внутренняя структура веб-сайта, по сути, представляет собой его карту и может быть: 1) линейной, 2) линейной с альтернативными вариантами, 3) линейной с ответвлениями, 4) решетчатой, 5) древовидной и 6) смешанной. Однако это всего лишь общая классификация, поскольку структура многих веб-сайтов может представлять собой комбинацию этих основных видов.

Лингвистическое исследование веб-сайта в качестве полисемиотического гипертекста требует также применения дополнительных инструментов – специальных онлайн-сервисов или программ. Так, А.О. Колыхалова предлагает следующие продукты: 1) программа MAXQDA, 2) сервис Link Extractor, 3) Онлайн-сервис «Majento» [5, с. 64]. Программа MAXQDA (<https://www.maxqda.com>) предназначена для компьютерного анализа качественных и смешанных методов анализа данных, текста и мультимедиа. Сервис Link Extractor (http://pr-cy.ru/link_extractor) является инструментом анализа внешних и внутренних ссылок веб-сайта. «Majento» (<https://majento.ru>) – онлайн система проверки позиций в поис-

ковых системах, а также набор из более 60 инструментов для SEO-оптимизации веб-сайта. Эти программные продукты позволяют совершенствовать веб-сайты для различных целей.

Таким образом, наше исследование показало, что все больше лингвистических работ выбирают в качестве объекта исследования веб-сайт, который рассматривают в качестве электронного гипертекста, изучают структуру конкретных веб-сайтов, средства связи между информационными единицами, а также лингвостилистические особенности текстового компонента информационных единиц.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет заключить, что веб-сайт представляет собой полижанровый полисемиотический гипертекст, обладающий внешней (гиперкаркас) и внутренней структурой (веб-страницы с информационными единицами и гиперссылками), интегрирующий компоненты различных семиотических систем (элементы параграфемии): вербальных, авербальных, аудиальных, анимационных, которые позволяют воздействовать на адресата в зависимости от цели. Веб-сайт как полисемиотический гипертекст все чаще становится объектом лингвистического исследования, в ходе которого применяются, в том числе, и различные программные продукты и онлайн-сервисы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов А.В. Веб-сайт как жанр Интернет-коммуникаций (на материале региональных телекомпаний) // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск: Красноярский Губ, 2004. С. 184-193.
2. Дьякова Е.Ю. Веб-сайт – цифровой жанр, формат коммуникации или гипертекст? // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы III международной научно-практической конференции. Самара: ПГСГА, 2013. С. 50-61.
3. Дьякова Е.Ю. Особенности гипертекстовой организации веб-сайта британского университета // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы II международной научно-практической конференции. Самара: ПГСГА, 2011. С. 64-72.
4. Захарчук Е.А., Дмитриева Е.В. Формальные особенности гипертекста новостного веб-сайта (на примере электронной версии издания The Guardian) // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курский государственный университет, 2017. № 2 (25). С. 34-41.
5. Колыхалова А.О. Гипертекст и особенности его анализа (на материале сайта Vision Travel) // Сборник материалов Международной молодежной научной конференции: «Студенческие научные общества – экономике регионов». III часть. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс ОГУ, 2018. С. 62-67.
6. Лиховидова Е.П. Авторские стратегии построения гипертекстового пространства англоязычных Интернет-сайтов отелей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 21 с.
7. Машлыкина Н.Д. Структурно-прагматические характеристики презентации и репрезентации британского университета (на материале англоязычных гипертекстов университетов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11–1 (89). С. 127-131.
8. Морозова О.Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании): автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2012. 41 с.
9. Павлова Е.Б. Коммуникативно-прагматические средства организации гипертекстового пространства интернет-сайтов предприятий общественного питания (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 28 с.
10. Проскурин Е.Г. Веб-сайт как полисемиотический гипертекст: к постановке проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3. С. 64-67.
11. Рыжов К.Г. Структурно-стилистическая организация текстов издательского интернет-сайта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 25 с.
12. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
13. Стройков С.А. Анализ элементов параграфемии англоязычного электронного гипертекста // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. № 3. С. 187-192.
14. Стройков С.А. Информационная единица как предельная минимально значимая единица структуры электронного гипертекста // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы III международной научно-практической конференции, 20 июня 2013. Самара: ПГСГА, 2013. С. 126-133.
15. Стройков С.А. Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4 (91). С. 99-112.
16. Сурина В.Н., Каменева В.А. Гиперкаркас как структурный элемент сайтового гипертекста // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 29 (320). С. 133-136.
17. Щипицина Л.Ю., Ермошко О.А. Особенности структурной организации гипертекста (на примере анализа деловых и публицистических веб-сайтов) // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара: ПГСГА, 2010. С. 154-157.

© Стройков Сергей Александрович (stroykov@ya.ru), Никитина Ирина Николаевна (i.n.nikitina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Царапкин Яков Васильевич

преподаватель, Военный университет имени князя
Александра Невского Министерства обороны Российской
Федерации, г. Москва
yasha2710@mail.ru

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE TEXTS OF THE FRENCH ECONOMIC MEDIA (TRANSLATION PROBLEM)

Ia. Tsarapkin

Summary: The article is devoted to the study of lexical and stylistic features of articles on financial and economic topics in French periodicals. An analysis of the use of special terminology and stylistically colored vocabulary led to the conclusion about the importance of extralinguistic knowledge for understanding and translating economic texts. Particular attention is paid to the consideration of specific examples of the use of anglicisms in French newspapers and the ways of their translation into Russian. The relevance of the work is explained by the role that the economy plays in the life of modern society and the insufficient knowledge of the language of the French economic and financial media.

Keywords: translation of financial and economic texts, journalism, economic terms, anglicisms, French and Russian languages.

Аннотация: Статья посвящена изучению лексических и стилистических особенностей статей финансово-экономической тематики французских периодических изданий. Анализ употребления специальной и стилистически окрашенной лексики позволил сделать вывод о значении экстралингвистических знаний для понимания и перевода текстов подобного характера. Особое внимание уделено рассмотрению конкретных примеров использования англицизмов во французской публицистике и способов их перевода на русский язык. Актуальность работы обусловлена той ролью, которую экономика играет в жизни современного общества и недостаточной изученностью языка французских средств массовой информации экономического и финансового характера.

Ключевые слова: перевод финансово-экономических текстов, публицистика, экономические термины, англицизмы, французский и русский языки.

Введение

Взаимодействие политической, экономической, социальной, культурной и других сторон человеческой деятельности находит свое отражение в языке и неизбежно ведет к смешению соответствующих типов дискурса. В этой связи совершенно неудивительно, что сфера употребления экономического языка не ограничивается рамками отдельно взятой отрасли. Примером могут служить средства массовой информации. Благодаря радио, телевидению, газетам и журналам люди погружены в поток экономической информации. Она встречается не только в чисто экономических и финансовых текстах, но в публицистике в целом. Сложно представить выступление того или иного политического деятеля, который в своей речи не затрагивал бы экономические вопросы. Рост ВВП, доходы населения, инфляция, цена на нефть, курс доллара США и экономические санкции – это темы, которые с завидной регулярностью освещаются в эфире теле- и радиопередач, а также в печатных изданиях.

Особое место, которое занимает финансово-экономическая сфера в современном обществе, большой объем экономической информации наряду с расширением и интенсификацией сотрудничества между странами привели к тому, что устный и письменный перевод в та-

ких областях, как торговые отношения между государствами и предприятиями, финансовый сектор, деловое общение стал одним из самых востребованных. При этом переводчику необходимо, прежде всего, понимать смысл исходного сообщения, что требует от него наличия как лингвистических, так и экстралингвистических знаний. В случае, если речь идет о профессионале, и его лингвистическая подготовка не вызывает сомнений, то на первый план выходит именно компетентность в той или иной области. Преимущество специалиста в области перевода финансово-экономических текстов заключается в том, что эта сфера всегда находится в центре всеобщего внимания, активно обсуждается как в специализированных изданиях, по телевидению, так и в процессе бытового общения. Как следствие, имеется большое количество соответствующей информации и документации на языке перевода. В настоящее время на прилавках магазинов и в сети Интернет можно найти специализированные газеты и журналы, к помощи которых может прибегнуть переводчик для того, чтобы понять суть происходящих процессов и углубить свои знания по какому-либо вопросу, а также, разобраться со значением сложного экономического понятия или фразы.

Актуальность рассмотрения вопросов, связанных с изучением особенностей текстов финансово-экономи-

ческого характера, обусловлены ведущей ролью экономики в жизни общества и государства, растущим объемом относящихся к этой области лексических единиц и тем, что все больше людей сталкиваются с необходимостью их понимания и перевода.

Цель исследования состоит в выявлении и описании лексико-стилистических особенностей текстов финансово-экономического характера французских печатных СМИ, в том числе с точки зрения трудностей, возникающих в процессе перевода подобного рода материалов.

В качестве фактического материала исследования использованы статьи финансово-экономической тематики французских периодических изданий, среди которых "LesEchos", "La Tribune", "Tradingsat", "Challenges", "Investing".

Общая характеристика публицистических экономических текстов

Исследование экономического дискурса находит свое отражение в работах таких авторов, как К.В. Томашевская [8], А.Ю. Кланцакова [3], А.П. Хазраткулов [10] и др. Вопросам изучения финансовых и экономических текстов на французском языке посвящены, в частности, труды Н.А. Нечаевой [7], Н.С. Найденовой [6], Р.Н. Кадимовой [2] и И.В. Малявкиной [5]. Тем не менее, в большинстве случаев объектом исследования выступает либо экономика, либо медиапространство. Практически отсутствуют комплексные работы, посвященные анализу языковых средств во французской финансово-экономической публицистике, что подчеркивает актуальность данного исследования.

Язык такой предметной области, как экономика и финансы содержит большое количество специальной лексики, что обусловлено реализацией задачи по описанию процессов в соответствующей сфере человеческой деятельности. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением А.Ю. Кланцаковой о том, что информативность является не единственной характеристикой экономических текстов, они также не лишены выразительности и эмоциональной окраски [3, С. 55–56]. Язык, которым написаны статьи в периодических изданиях по данной тематике, представляет интерес с терминологической точки зрения, однако, в то же время, является «живым», оригинальным. Например, в следующем фрагменте ресторанам придаются человеческие качества, в частности, они предстают как братья одной семьи:

Ce petit frère de «Balagan» et «Shabour» vient d'ouvrir à Paris dans le quartier de Montorgueil [15]. / Младший брат ресторанов «Balagan» и «Shabour» только что открылся в Париже в квартале Монторгей (Здесь и далее перевод наш. – Я. Царапкин).

Вот еще несколько примеров олицетворения происходящих в экономике процессов:

Galvanisé par le succès mondial de son vaccin, le nouveau roi des Big Pharma est assis sur une montagne de cash [16] / В результате мирового успеха своей вакцины новый король фармацевтической промышленности заработал огромное состояние.

Le mariage d'un matériau brut et d'une technologie moderne au service d'un habitat... écologique [19]. / Сочетание необработанных материалов и современных технологий служит для строительства экологических домов.

Des banques russes migrent sur le système chinois de cartes de paiement [20] / Российские банки мигрируют в сторону китайских платежных карт.

В первом отрывке фармацевтическая компания выступает в качестве короля всей отрасли в силу того богатства, которое она смогла заработать на продаже вакцины от коронавируса Covid-19, во втором материалы сочетаются (браком) с новыми технологиями, а в третьем банки мигрируют подобно людям.

В результате экономическую прессу можно сравнить с произведением художественной литературы или театральной постановкой со всеми вытекающими последствиями: появляются плохие и хорошие герои, формируется общественное отношение к различным субъектам экономической деятельности, вырабатываются модели экономического поведения и т.д.

Таким образом, подтверждается тезис о том, что тексты экономического и финансового характера не ограничиваются только передачей информации, но выполняют оценочную функцию, а также оказывают воздействие на читателя.

Экономические тексты изобилуют специальными терминами, существенно затрудняющими их восприятие, особенно людьми без профильного образования. Журналисты, статьи которых рассчитаны на широкую аудиторию, вынуждены прибегать к более простой и знакомой лексике. Если же речь идет о последних достижениях в области экономики или о раскрытии информации, предназначенной для профессионалов, то они не могут обойтись без использования специализированного терминологического аппарата.

Результатом стремительного развития сети Интернет и растущего интереса к онлайн торговле на бирже, стало то, что все больше и больше людей пытаются освоить основные понятия экономического языка. В 2021 году число вновь зарегистрированных частных инвесторов на Московской бирже увеличилось почти на 12 млн. человек и составило более 26 млн. [1]. Как следствие – экспоненциальный рост количества периодических изданий и сайтов, посвященных данной тематике. При этом

подавляющее большинство участников рынка стараются пользоваться зарубежными источниками информации, так как зачастую существуют значительные отличия между русскоязычной и иностранной версией одного и того же информационного ресурса. Данный факт является еще одним свидетельством в пользу необходимости и актуальности изучения особенностей публицистических текстов экономического характера.

В настоящее время существует множество обучающих сайтов, позволяющих даже непрофессиональным инвесторам понять процессы, происходящие как на макроуровне, так и на уровне отдельного предприятия. Однако, несмотря на то, что сегодняшний читатель уже не так безоружен, как ранее, ему все еще трудно понять все тонкости и нюансы без наличия достаточно глубоких познаний в соответствующей области.

В качестве примера приведем фрагмент статьи одного из ведущих французских изданий в области экономики и финансов газеты «Les Echos»:

A Wall Street, l'indice phare des valeurs technologiques, le Nasdaq, accusait une chute d'environ 2 % au moment de la clôture européenne lundi. Il a chuté de près de 10 % depuis son dernier record historique, pénalisé par la remontée des taux d'intérêt de long terme. A Paris, le CAC 40 a perdu 1,44 % et s'inscrit désormais en baisse depuis début janvier [14].

При выполнении перевода данного отрывка переводчик может столкнуться с трудностями, вызванными употреблением следующих терминов: *Wall Street* – топоним, использующийся как для обозначения финансового квартала города Нью-Йорк, так и для всего фондового рынка США; *valeurs technologiques* – акции технологического сектора; *Nasdaq* – фондовая биржа США, чьей специализацией являются акции компаний, относящихся к сектору высоких технологий; *clôture européenne* – закрытие европейской торговой сессии; *taux d'intérêt de long terme* – ставка по долгосрочным (10-летним) государственным облигациям; *CAC 40* – фондовый индекс Парижской биржи; *s'inscrire en baisse* – находиться в нисходящем тренде.

Англицизмы в текстах французской экономической публицистики: проблема перевода

Процесс глобализации мировой торговли привел к тому, что английский язык стал языком международного общения, наглядным подтверждением тому является сфера экономики и делового общения. Англоговорящие страны, в частности США и Великобритания, первыми сталкиваются с новыми экономическими реалиями, вследствие чего их первоначальная номинация осуществляется именно на английском языке. В других языках наблюдается процесс заимствования вновь образованных лексических единиц, в первую очередь, в связи

с тем, что они более полно отражают суть соответствующих экономических феноменов [9]. Экономические процессы вызывают интерес большой аудитории, что ведет к популяризации, распространению экономической терминологии, в том числе заимствованной. В этой связи использование англицизмов в публицистических текстах финансово-экономической направленности является абсолютно обоснованным, а иногда даже безальтернативным.

Рассмотрим несколько примеров:

la Bourse de Paris repasse officiellement ce lundi en «bear market»... [12] / в этот понедельник Парижская биржа официально вернулась в рамки нисходящего тренда.

Англицизм “bear market” используется для обозначения снижающегося рынка и подходит для специализированных изданий. Его французским аналогом является выражение “un marché baissier”, которое является более понятным и встречается в статьях, ориентированных на широкую аудиторию. В русском языке используются также оба варианта: «медвежий рынок» – для специалистов, «снижающийся рынок» или «нисходящий тренд» – для непрофессиональных пользователей.

Le patron du plus grand hedge fund du monde se lance dans la politique [11] / Глава крупнейшего хедж-фонда в мире идет в политику.

Англоязычный термин “hedge fund” не имеет аналога во французском и в русском языках, поэтому и употребляется без изменения графической формы в первом случае и принимает вид «хедж-фонд» во втором.

Во французском языке можно наблюдать процесс, связанный с образованием псевдоанглицизмов на базе английских слов при помощи элементов словообразования, присущих данному языку. В частности, использование суффикса “-ing” придает характерный фонетический облик соответствующей лексеме, как бы подчеркивает ее изначальную языковую принадлежность. В результате складывается впечатление, что мы имеем дело с обычным англицизмом, однако, этого слова на самом деле не существует в корпусе английского языка. [4]

В качестве примера можно привести заголовок одной из статей французской газеты «Les Echos»: “*Sodexo investit dans le snacking et la vente à emporter aux Etats-Unis*” [21] / Компания Sodexo инвестирует в автоматы быстрого питания, а также продажу еды навынос в США. Термин *snacking* не существует в английском языке, но был образован от английского слова “snack” при помощи суффикса “-ing” и используется для обозначения процессов продажи и употребления в пищу простых готовых блюд, батончиков, чипсов и т.п.

Необходимо отметить, что некоторые англицизмы

после своего появления закрепились в лексической системе французского языка и вошли в активное употребление. Подтверждением данному факту может служить их утверждение Французской академией, а также присутствие в регулярно переиздаваемом и имеющем интернет-версию словаре французского языка «Le Petit Robert». В частности, в нем можно найти следующие примеры: *business, shopping, joint-venture, fast-food, sponsor, stagflation, cash, take-off* и многие другие.

Специализированные периодические издания предоставляют широкие возможности для анализа употребления англицизмов в финансовой и экономической сферах. Как заголовки, так и тексты статей изобилуют терминологией, заимствованной из английского языка.

Например, одна из статей в газете «Les echos» имеет название *“Transition énergétique: les émissions de «green bonds» pourraient atteindre 1.000 milliards de dollars en 2022”* [13] / В рамках энергетического перехода объем выпуска «зеленых облигаций» в 2022 году может достигнуть 1 млрд. долларов. Термин “green bonds” может быть переведен на французский язык как “obligations vertes” или “obligations environnementales”, но чаще употребляется именно английский вариант, даже несмотря на то, что первые «зеленые облигации» были выпущены Европейским инвестиционным банком.

В статье под названием *“Sept choses à savoir sur Ankorstore, la 24e licorne de la French Tech”* [18] / «Семь вещей, которые надо знать об Ankorstore, являющейся 24-ой французской инновационной технологической компанией, чья капитализация превысила 1 млрд. долларов» мы сталкиваемся с целым набором англицизмов, которые требуют от переводчика знания не только финансовой терминологии, но и соответствующих реалий. Среди них можно выделить следующие:

licorne представляет собой кальку с английского «unicorn» и дословно переводится как «единорог». В экономической среде это понятие применяется к молодым быстроразвивающимся компаниям, чья капитализация превысила 1 млрд. долларов США. Таким образом, подчеркивается, что подобные проекты встречаются также редко, как и эти мифические существа;

French Tech – это термин, употребляемый для объединения под общим названием всех, кто связан с дея-

тельностью французских стартапов в области развития новых технологий;

marketplace на французском может называться «place de marché» и обозначает площадку для электронной торговли или интернет-магазин;

la start-up используется для обозначения молодого, начинающего свою деятельность предприятия. Встречаются следующие варианты перевода на французский язык: «jeune pousse» или «entreprise en démarrage».

В другом французском издании – газете «La tribune» – в статье под названием *“Transformer des plateaux de bureaux inoccupés en espaces de coworking, c’est dans l’air du temps”* [17] / «Преобразование пустых офисов в коворкинг-пространства соответствует духу времени» приводится объяснение значения англицизма-неологизма при помощи англицизма, уже закрепившегося в языке: *“le corpworking (un coworking dans l’entreprise)”*.

Заключение

Проведенное исследование показало, что, несмотря на наличие трудов, посвященных экономическому дискурсу, язык французских средств массовой информации экономического и финансового характера изучен недостаточно и обладает потенциалом для дальнейшего исследования.

Финансово-экономические тексты характеризуются использованием большого количества специальной лексики. Адекватное восприятие информации адресатом становится возможным лишь при условии владения соответствующим терминологическим аппаратом и экстралингвистическими знаниями в области экономики и финансов. Вместе с тем статьи периодических изданий экономической направленности содержат стилистически-окрашенную лексику, выполняющую функцию воздействия на реципиента.

Характерной особенностью является активное использование слов и словосочетаний, заимствованных из английского языка. Степень их ассимиляции может варьироваться от вновь появившихся до уже укоренившихся во французском языке и вошедших в его лексический состав. Подобные заимствования объясняются доминированием США в мировой экономике и представляют собой определенную терминологическую проблему, как для экономистов, так и для переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. БКС Мир инвестиций. Сколько новых инвесторов пришло на биржу в 2021 // BCS EXPRESS, 29.12.2021 [Electronic resource]. Available at: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/skol-ko-novykh-investorov-prishlo-na-birzhu-v-2021> (дата обращения: 14.03.2022).
2. Кадимова Р.Н. Лингвопрагматическая характеристика делового интервью как жанра франкоязычного экономического дискурса: автореферат дис. ... к-та филол. наук. Москва, 2018. 23 с.
3. Кланцакова А.Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования: На материале английского языка: дис. ... к-та

- филол. наук. Иркутск, 2003. 181 с.
4. Коваленко В.С. К вопросу о современных псевдоанглицизмах в русском и французском языках // Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода: сб. ст. IV Междунар. науч. междисциплин. конф. М.: РУДН, 2017. С. 257–264.
 5. Малявкина И.В. Интенциональные модели функционирования финансового дискурса: на материале медиатекстов в сфере страховых и банковских услуг: автореферат дис. ... к-та филол. наук. СПб, 2018. 23 с.
 6. Найденова Н.С. Функционирование английских заимствований во французском экономическом дискурсе как отражение национального характера // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 25–34.
 7. Нечаева Н.А. Специфика современного французского языка экономики // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина): сб. материалов Междунар. науч. конф., Москва, 20 апреля 2017 г. М.: МГОУ, 2017. С. 19–23.
 8. Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2000. 31 с.
 9. Файбушевский М.В. Место заимствований-англицизмов во французской финансовой терминологии // Инновационный контекст развития методики преподавания иностранных языков, филологии и межкультурной коммуникации: материалы научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 06–07 ноября 2012 г. СПб: СПбГЭУ, 2013. С. 339–344.
 10. Хазраткулов А.П. Экономический дискурс в координатах институционального профессионального дискурса: основные признаки, функции и типы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 187–190.
 11. Aït-Kacimi N. Le patron du plus grand hedge fund du monde se lance dans la politique // LesEchos, 08.01.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/finance-marches/marches-financiers/le-patron-du-plus-grand-hedge-fund-du-monde-se-lance-dans-la-politique-1377670> (дата обращения: 15.03.2022).
 12. Bayre G. Pétrole, or, métaux, les producteurs de matières premières tirent leur épingle du jeu // TradingSat, 07.03.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.tradingsat.com/actualites/informations-societes/petrole-or-metaux-les-producteurs-de-matieres-premieres-tirent-leur-epingle-du-jeu-1009257.html> (дата обращения: 15.03.2022).
 13. Benoit G. Transition énergétique: les émissions de «green bonds» pourraient atteindre 1.000 milliards de dollars en 2022 // LesEchos, 10.01.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/finance-marches/marches-financiers/transition-energetique-les-emissions-de-green-bonds-pourraient-atteindre-1000-milliards-de-dollars-en-2022-1377995> (дата обращения: 14.03.2022).
 14. Bouchaud B. Bourse: La dégringolade des valeurs «tech» s'accélère // LesEchos, 10.01.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/finance-marches/marches-financiers/bourse-la-degringolade-des-valeurs-tech-sacelerer-1378067> (дата обращения: 17.03.2022).
 15. Guez L. Restaurant: «Tekés», fête orientale et végétale // LesEchos, 25.02.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/weekend/gastronomie-vins/restaurant-tekes-fete-orientale-et-vegetale-1389594> (дата обращения: 15.03.2022).
 16. Izambard A. Pfizer, nouveau roi des Big Pharma assis sur une montagne de cash // Challenges, 06.03.2022 [Electronic resource]. Available at: https://www.challenges.fr/entreprise/pfizer-nouveau-roi-des-big-pharma-assis-sur-une-montagne-de-cash-post-covid_803176?xtor=RSS-18 (дата обращения: 15.03.2022).
 17. Jourdan N. Quand les coworkers rentabilisent de nouveau les bureaux vacants // La Tribune, 30.11.2021 [Electronic resource]. Available at: <https://www.latribune.fr/vos-finances/immobilier/quand-les-coworkers-rentabilisent-de-nouveau-les-bureaux-vacants-897437.html> (дата обращения: 17.03.2022).
 18. Lelièvre A. Sept choses à savoir sur Ankorstore, la 24e licorne de la French Tech // LesEchos, 10.01.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/start-up/next40-vivatech/sept-choses-a-savoir-sur-ankorstore-la-24e-licorne-de-la-french-tech-1377899> (дата обращения: 15.03.2022).
 19. Lupieri S. Matériaux, lumière, énergie: quand l'architecture mise sur le minimalisme // LesEchos, 03.03.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/weekend/business-story/materiaux-lumiere-energie-quand-larchitecture-mise-sur-le-minimalisme-1391124> (дата обращения: 17.03.2022).
 20. Protard M. Des banques russes migrent sur le système chinois de cartes de paiement // Investing 06.03.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://fr.investing.com/news/stock-market-news/des-banques-russes-migrent-sur-le-systeme-chinois-de-cartes-de-paiement-2075098> (дата обращения: 16.03.2022).
 21. Robert M. Sodexo investit dans le snacking et la vente à emporter aux Etats-Unis // LesEchos, 10.01.2022 [Electronic resource]. Available at: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/services-conseils/sodexo-investit-dans-le-snacking-et-la-vente-a-emporter-aux-etats-unis-1377904> (дата обращения: 15.03.2022).

© Царапкин Яков Васильевич (yasha2710@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕВОД КАК ТВОРЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ПОДЛИННИКА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА

TRANSLATION AS CREATIVE KNOWLEDGE OF THE ORIGINAL AND THE INDIVIDUAL STYLE OF THE TRANSLATOR

*M. Tsaturyan
M. Sarkisyan*

Summary: The specificity of translation activity is not just textual interpretation, it is historical research and creative knowledge in order to further realize the unity, created image, idea, thought and environment. Metaphorical Shakespearean images are very specific, therefore, when translating, one should take into account the fact that the preservation of the characteristic connections between the subject and the image through metaphorical comparison is of great importance, semantic and stylistic connections should not be broken.

Keywords: literary translation, Shakespearean metaphorical images, author's stylistic message, translator's individual style.

Цатурян Марина Мартиросовна

*Д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
tsaturyan.mm@mail.ru*

Саркисян Мариам Ашотовна

*К.филол.н., преподаватель, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
ts.m-smile@mail.ru*

Аннотация: Специфика переводческой деятельности — это не просто текстовая интерпретация, это историческое исследование и творческое познание с целью дальнейшей реализации единства, созданного образа, идеи, мысли и окружения. Метафорические шекспировские образы очень специфичны, поэтому при переводе следует учитывать тот факт, что сохранение характерных связей между предметом и образом посредством метафорического сравнения имеет очень большое значение, семантические и стилистические связи не должны быть нарушены.

Ключевые слова: художественного перевод, метафорические шекспировские образы, стилистический посыл автора, индивидуальный стиль переводчика.

Перевод — это метод познания подлинника и в каждом отдельном случае этот метод имеет свою неповторимую специфику. Человек является существом любознательным и старается познать мир вокруг себя. Процесс логического познания представляет собой цепочку от живого созерцания, ощупывания к абстрактному освоению изученного и далее к умозаключению. Художественное познание видит предмет исследования целиком со всеми его недостатками и недочетами. Это познание видит целиком художественный образ, воссоздает все, что находится вокруг него, начиная от звуков, видов и явлений природы и заканчивая характерами персонажей. Основной отличительной чертой художественной единицы от логического суждения является эмоциональность произведения. Оригинал произведения является объектом художественного перевода, субъектом же выступает творческая неповторимость переводчика, а художественная действительность выступает в качестве отражения объективной реальности. Основное в процессе познания и творческого воссоздания первоисточника это взаимодействие субъекта и объекта и это взаимодействие носит очень сложный характер. Качество перевода напрямую зависит от индивидуальности переводчика.

Отличительной особенностью художественного перевода является способность произведения оригинала переродиться в новых условиях современности, обогатиться новыми коннотациями, стать снова молодым,

если мы говорим о переводах произведений более раннего периода. В качестве примера приведём оригинал наиболее известного сонета У. Шекспира № 66.

And simple truth miscalled simplicity,
And captive good attending captain ill:
Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone [5, с. 201].

При написании произведения часто авторами используется такая черта, как незаконченность. Автор, описывая какие-либо события, рассчитывает на активность слушателя, т.е. на соучастие в написании творения, предоставляя зрителю самому дописать или домыслить произведение. В других случаях, при создании творений, автор заретуширует описываемые события, спустя столетия невозможно определить, что имел в виду автор, какое происшествие он облачил в созданные им одежды. В этом случае переводчик превращается в историка исследователя, прежде чем начинать творческий перевод. Выше приведен сонет № 66 где У. Шекспир создал образ "captain ill", кто это может быть: господствующее зло или вымышленный персонаж из шекспировского Отелло Яго? Разное восприятие образа меняет смысл произведения. Можно привести еще один пример неизвестности задумки автора, это второй катрен сонета У. Шекспира № 60:

Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crowned,
Crookd eclipses 'gainst his glory fight,

And Time that gave doth now his gift confound [5, с. 40].

Что имеет ввиду У. Шекспир? Ведь это может быть и луна, и солнце, ведь они оба имеют свойство затмения. Как переводчик передаст смысл недосказанного У. Шекспиром? Катрен объясняет путь жизни от восхода и до затмения. В третьем катрене У. Шекспир пишет “косить его косой”? Нам известно, что молодой месяц или солнце в момент затмения тоже имеют форму косы:

Time does transfix the flourish set on youth,
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow [6, с. 19].
С.Я. Маршак так перевел 2 и 3 катрены:

Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытал ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.
Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу [2, с. 66].
М.И. Чайковский увидел это так:
Рождение, увидев свет, ползет
Ко зрелости, но чуть она настала,
Борьбе с затмением настает черед,
И время рушит то, что создало:
Пронзает цвет, блистающий красою,
Уродует морщинами чело,
Жрет лучшее, что на земле взросло
И злобно губит под своей косою [4, с. 224].

Мы можем видеть, что язык перевода реализуется через макросмысл первоисточника и переводчику необходимо в воссозданной языковой структуре выразить все те скрытые смыслы, что имел ввиду автор оригинала. Вот почему так важно понять, что скрыто под строками “Круг затмевает завоевание своей славы”, важно не только познать, но и просчитать и раскрыть этот смысл. Шекспировская эпоха – это эпоха становления английского литературного языка. У. Шекспир в своем творчестве очень часто использовал неологизмы, который сам и выдумывал путем присоединения к прилагательным и существительным префиксов “en”, “un” и “out”. Уменьшительно-ласкательные существительные поделились суффиксом “let”, получая слово “smilet” – улыбочка. Поэт часто использовал сложно-составные слова, такие как “to after-eye” – смотреть вслед, “eye-drop” – слеза. Кроме того, У. Шекспир занимался заимствованием слов из других языков, включая латинский: из французского – “oeillades” – влюбленный взгляд, из немецкого – “crants” – венки.

У. Шекспир изменял в словах части речи, существительные превращал в глаголы и наоборот, чем достигал

невероятной конкретики: пример из “Цимбелина”: “Such stuff as madmen tongue and brain not” [5, с. 54]. Мы видим как существительные tongue и brain превратились в глаголы. Можно привести пример из “Макбет”, где У. Шекспир с помощью каламбура превращает счастье быть отцом в несчастье: “to be fathered” и “to be childed” – быть оботцованным и одетным соответственно. Процесс реинтеграции оригинала произведения затрагивает процесс смены языка, что в свою очередь не может не затронуть языкового кода, который, является главным условием не только передачи мысли, но и ее раскрытия. Язык поэтов намного более содержательный и тонкий, он еще имеет формы высказываний. В оригинале мы читаем следующие слова: “From this vile world with vilest worms to dwell” [5, с.56], в переводе: “Из этого мерзкого мира, где обитают самые мерзкие черви”. У. Шекспир заложил зерно этими словами. С.Я. Маршак взрастил это семя словами: “Я променял на низший мир червей” [2]. Оставив то, что он посчитал основным, С.Я. Маршак развил его, используя переносное значение русского языка.

Специфика переводческой деятельности — это не просто текстовая интерпретация, это историческое исследование и познание с целью дальнейшей реализации единства, созданного образа, идеи, мысли и окружения. Перевод является сложной композиционной работой переводчика, где художественное произведения познается через свою структуру, т.е. стих перерождается в стих в новой форме. Метафорические образы в сонетах У. Шекспира имеют огромную значимость, поэтому задача переводчика не может быть сведена только к слепой переписи метафор. Рассматривая проблемы передачи поэтических метафор, нельзя рассматривать по отдельности такие понятия как повторения, звуковые явления, рифмы, ритмы и т.д. Все это сложенное вместе, и создает тот непередаваемый мир театральной поэзии. Мир шекспировской поэзии сплетен так ясно и так красиво и в тоже время он окутан туманом поэтической красоты, метафоры, придуманные У. Шекспиром очень сложны для передачи и понимания в переводе. Данное высказывание мы можем утвердить на примере Гамлета. У. Шекспир не стал описывать нового принца, он это позволил сделать эпохе, которая определяла какие-то моральные устои общества, нравы, ценности, убогости и т.д. У. Шекспир, эту свою идею, раскрыл в своей метафоре, которой открыл свой замысел: “The time is out of joint. O, cursed spite – That ever I was born to set it right” [5, с. 45]. Эта фраза может быть переведена дословно и как “Время вывихнуто в суставе”. Данный фразеологизм в шекспировской эпохе понимался по-своему, но он требовал от переводчика современной фразы. Главная миссия Гамлета выправить этот век, погрязший в предательствах и убийствах, создать новую систему. Данный фразеологизм был воспроизведен М.Л. Лозинским: “Век расшатался” и А.Д. Радловой “Век вывихнут” Мы можем видеть, что второй перевод почти дословный и в наше

время неактуален, а перевод М.Л. Лозинского более литературный и передал мысль У. Шекспира. Если мы проникнем в самую суть шекспировского образа, увидев его изнутри, то мы сможем понять его многогранность и многовариантность. Поэтому, при переводах шекспировских образов эта многогранность неизбежна, она помогает лучше почувствовать ту атмосферу шекспировского бытия, образность существовавших людей, все то, чем пропитана каждая отдельная эпоха. Система отличия шекспировских образов условно-литературных и индивидуальных имеет огромное значение в плане точного воспроизведения переводов, системы образов сонетов У. Шекспира. Для переводчика является очень важным хорошо знать не только всю литературу, образ жизни и эпоху творения У. Шекспира, но и периоды более ранние, т.к. фундаментом стихосложения является Древняя Греция пятого века до нашей эры.

Если посмотреть на индивидуальный образ времени, которое старит все в сонете У. Шекспира № 19: "Nor draw no lines there with thine antique pen" [5, с.38] – можно перевести: «И не рисуй там никаких линий своим ниткой пером». Слово "antique" в английском современном языке отсутствует. И что имел ввиду автор своим сочетанием "antique pen" мы сейчас знать не можем, но во французском языке это слово значит "нитка". Что же можно противопоставить данному выражению? "Тупой резец" пишет С.Я. Маршак, М.И. Чайковский и А.М. Финкель в своих переводах вообще не употребляют существительное, а выражают действия глаголами "бороздить" и "вырезывать" соответственно. Шекспировские смешанные метафоры представляют большие трудности для переводчика, вот еще один пример такой метафоры и возможность ее перевода: сонет № 65, 2 катрен:

O how shall summer's honey breath hold out
Against the wrackful siege of battering days,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong, but Time decays [5, с. 42]?
Перевод С.Я. Маршака:

Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?
Перевод М.И. Чайковского:
Как устоит медовое дыханье
Напору вихря мчащихся времен,
Когда гранит скалы не защищен,
Ни сталь оград от времени метанья [1, с.63]?
Перевод А.М. Финкеля:
Дыхание медовое весны
Как выдержит громящих дней осаду,
Когда и сталь и скалы сметены
Злым Временем, не знающим пощады [1, с.69]?

Мы можем видеть, что в первой строчке все три автора

употребили шекспировское слово "дыхание"; слово "осада" только у двоих авторов, но все они передали атмосферу шекспировского образа времени, максимально сохранив речевые образы. В переводе В.М. Микушевича можно наблюдать некоторую, по моему мнению, несурязицу:

Как устоит медовый аромат,
Когда начнет осенний веять мрак?
Так время не щадит железных врат,
И рухнут скалы от его атак [1, с.103].

Медовый аромат не может улечься от мрака и от чего рухнут скалы здесь не совсем понятно. Это пример "подогнать" перевод к оригиналу, стремление сохранить в переводе смешанную метафору. Смешанность шекспировских метафор имеет еще одну сложность при переводе, это способность автора употреблять метафоры одновременно в двух смыслах: прямом и переносном. Это отчетливо видно в первой строчке сонета У. Шекспира № 146, которая начинается строкой: "Poor soul, the centre of my sinful earth" [5, с. 302], дословно: «Бедная душа, центр моей грешной земли». Здесь можно видеть, как слово "earth" имеет двойное значение и как душа, и как тело. Данная двойная метафора, так удачно подобранная на языке оригинале, предлагает собой большие изыскания со стороны переводчика, чтобы подобрать слова в переводе, не потеряв стилистический посыл автора. Но проблема перевода может быть решена, и решается некоторыми переводчиками по-другому. Например, если расширить синонимический порядок применения слов. Так, С.Я. Маршак пишет: «Моя душа, ядро земли греховной» так видит М.И. Чайковский: «Мой бедный дух! Ты, средоточье тела,» и таким образом – А.М. Финкель: «Душа моя, игрушка буйных сил» [1, с. 19]. Мы отчетливо можем видеть, что только С.Я. Маршак передал смысл довольно близко к мысли У. Шекспира. Работа переводчика требует переработки и подборки огромного количества слов, синонимов, цитат, чтобы достичь цели смыслового сближения двух стихов. И не всегда это удается создать точно. Например, в сонете У. Шекспира № 74 есть такая строчка: "The earth can have but earth, which is his due;" [5, с. 82], дословно: «Земля может иметь только землю, которая принадлежит ему по праву». Перевод М.И. Чайковского: «Земля пойдет к земле. В твоей же власти останется все лучшее во мне» [1]. Здесь видно невооруженным взглядом, что переводчик, не отойдя от значения земли, не смог точно выразить мысль автора. И таких примеров можно привести множество, ведь английское слово "Shadow" имеет два значения: тень и мрак, и передать двойную метафору с этим словом сложная задача для переводчика.

Еще одним шекспировским талантом являются эпитеты, которыми У. Шекспир так же пронизал свои сонеты. Как пример, рассмотрим один из этих эпитетов из сонета № 15: "sullied night" этим эпитетом У. Шекспир называет смерть, а слово "sullied" имеет еще не одно значение и,

при этом, нам еще не известны значения, применяемый к этому слову во времена У. Шекспира. Сейчас это: оскверненная, запачканная, запятнанная, т.е., другими словами, мы можем сравнить ее с землей, с грязью, где после смерти находит свое бытие тленное человеческое тело. Нужно помнить, что образы, созданные У. Шекспиром, являются творческим продуктом мысли поэта, они настолько многогранны, они имеют такой огромный спектр воссоздания, воплощения пером в жизнь художественной действительности, что мы иногда путаемся в переплетении этой действительности с реальностью, шекспировской эпохи с нашим временем. Шекспировские образы в своем большинстве связаны со смертью, и автор часто использует слова, интерпретирующие ночь, мрак, тени, грязь, все это символ неизбежности и одновременно символ возрождения. Талант У. Шекспира позволил ему в своих стихах сотнями эпитетов и выражений обыгрывать эту сторону жизни. При переводе такого У. Шекспира необходимо передавать образы, их содержание, эстетику. Поэтический язык – это язык эмоциональный, в котором собраны художественные образы, взаимоотношения, кроме того, дыхание века оставляет свой отпечаток на этом языке, поэтому, решение переводчика – поэта передавать дословное содержание первоисточника не принесет желаемого результата. Перевод должен выполняться передачей образности метафорами, синонимический ряд очень велик и его использование наряду с использованием метафор разной сложности неизбежно приведут к эмоциональному восприятию читателями перевода. Ослабление или наоборот усиление синтаксических взаимоотношений при переводе может привести к занижению связей отождествления предметов или сцен. Метафорические шекспировские образы очень специфичны, поэтому при переводе следует учитывать тот факт, что сохранение характерных связей между предметом и образом посредством метафорического сравнения имеет очень большое значение, семантические и стилистические связи не должны быть нарушены. Шекспировское двух, трех-плановое видение обозначаемого им образа, при переводе должно “лечь” в стих, сохранив переведенную метафоричность. В качестве примера можно рассмотреть 1 катрен сонета №2 У. Шекспира:

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now
Will be a tottered weed of small worth held [5, с. 7].

В переводе С.Я. Маршака “гордая ливрея твоей юности” У. Шекспира превращается в “жалкое рубище”. Многоликая шекспировская метафора обернулась одночленным высказыванием. Однако есть и примеры наоборот. Переводчик превосходит автора и яркий тому пример знаменитое и бессмертное высказывание У. Шекспира в монологе Жака из комедии “Как вам это понравится”, который начинается словами: “All the world's a stage, And all

the men and women merely players” [5, с. 105], дословно: “Весь мир – это сцена, А все мужчины и женщины – просто актеры”. В.В. Чистяков перевел как: “Весь мир как театральные подмостки, Все люди на которых лишь актеры” [2, с. 99]. Здесь точно передано послание У. Шекспира, причем метафора усилена. Очень важно понять, что предметы и образы мы, при переводе, сопоставляем сравнениями, а метафорами мы отождествляем эти понятия, метафора всегда является отражением волнения, злобы, ненависти, любви и т.д. У. Шекспир достигал своего шедевра метафорами в момент насыщения сцены чувствами, метафора в его руках превратилась в элемент выразительности.

Художественная ценность перевода исследуется специальной лингвистической наукой – теорией художественного перевода. В настоящее время основной принцип художественного перевода состоит в следующем: “рассматривать каждое предложение как часть целого, передавать не только то, что в нем говорится, но и работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т.п. Здесь важен и выбор отдельного слова, и синтаксической структуры, и других элементов” [3, с.60]. Стилистические изменения при переводе поэтических текстов – это следствие трудности передачи специфики речи писателя, поэтому интерпретация текста неизбежна, и она достигается путем стилистического усиления или ослабления, замены оригинала, стилистическая утрата или нивелировка. Читатель, слушая перевод должен прочувствовать всю силу таланта автора произведения. Мы, читая, к примеру, Гамлета, не всегда знаем автора перевода, но У. Шекспир и в настоящее время является словом нарицательным. И переводчик нам доносит дух и стиль первого автора – У. Шекспира. Исследование внутренней структуры шекспировских образов позволяет выделить в них следующие особенности: метафоризм и предметность мышления, прямолинейность отождествления образа и средства сравнения, смешанность и разнородность, соединение абстрактных имён с конкретными. Перевод наряду с шекспироведческой наукой – выступает как своеобразное средство познания подлинника, имеющее свою неповторимую специфику, и является связующим звеном литературы, начиная от ее истоков и заканчивая современностью.

Сравнив несколько вариантов перевода сонетов У. Шекспира, мы пришли к выводу, что индивидуальный стиль переводчика поэтического текста и делает переводы совершенно разными, что каждый автор по-своему вкладывает частичку своего творчества в перевод сонетов. Переводы М.И. Чайковского из всех выделяется как близостью к оригиналу, так и передачей средств выразительности языка первоисточника. С.Я. Маршак, особенно удачно использует средства художественной

выразительности при переводе, что делает произведение красивым и музыкальным. Каждый из переводов является самостоятельным высокохудожественным поэ-

тическим произведением и раскрывает по-своему божественный дар и индивидуальный стиль великого поэта и философа У. Шекспира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи: публицистика / Г.Р. Гачечиладзе. – Москва: Наука, 1980. – 160 с.
2. Зорин А.Л. Андрей Зорин о переводах, Шекспир В. сонеты: публицистика / А. Л. Зорин. – Москва: Радуга, 1984. – 35 с. – ISBN 5-08-0293-7.
3. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian. Учебное пособие. / Т.А. Казакова. – СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. – 320 с.
4. Левин Ю.Д. Шестидесятые годы. Шекспир в русской культуре: публицистика / Ю.Д. Левин. – Москва: Просвещение, 1965. – 823 с.
5. Craig W.J. Shakespeare Y. The complete works of...: publicism / W.J. Craig – Great Britain: Oxford univ. press, 1935. - VIII, 1352 p.
6. Hollander J., Kermode P. The literature of Renaissance England: publicism / J. Hollander, P. Kermode. – Toronto: Oxford univ. press, 1973. -1092 p.

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru), Саркисян Мариам Ашотовна (ts.m-smile@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПЫ СКАЗУЕМЫХ В ПЕРСИДСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ¹

PREDICATE TYPES IN PERSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES

R. Tsopanova

Summary: The article provides a comparative analysis of simple verb and compound nominal predicates in the Ossetian and Persian languages. The relevance of the work is due to the need to study the syntax of a simple sentence within the framework of composing a contrastive grammar of the Ossetian and Persian languages. In the course of the study, it was found that in the Ossetian language, complex verbs and periphrastic forms of verbs correspond to analytical verb forms in Persian; the number of simple verbs in the Persian language for the formation of simple verb predicates is limited. In Ossetian, prefixed verbs are not a special morphological form for expressing a simple verb predicate, and the infinitive cannot be a component of the nominal part of a compound predicate. The results of the study can make a certain contribution to the study of the syntactic structure of the Ossetian and Persian languages.

Keywords: predicate types, auxiliary and connective verbs.

Осетинский и персидский языки являются генетически родственными и входят в состав «современных иранских языков» [1, с. 311]. Персидский язык относится к западно-иранским языкам, а осетинский – к современному восточно-иранским, к северо-восточной (скифской) подгруппе [2, с. 44]. Несмотря на это, осетинский и персидский помимо различий в грамматических системах сохранили ряд общих черт в области синтаксиса, что мы можем увидеть при сопоставлении простых глагольных и составных именных сказуемых.

В персидском языке в двусоставных предложениях выделяются «глагольные, именные (связочные), глагольно-именные и наречно-междометные» сказуемые [3, с. 383], которые могут быть выражены «простым или префиксальным глаголом (его синтетической или аналитической формой), сложным глаголом, многокомпонентным глагольным фразеологизмом, глагольно-именным сочетанием, наречно-междометным словом» [3, с. 420]. Префиксальные глаголы «некоторые исследователи относят к сложным глаголам, что вполне объяснимо, если принять во внимание характер префиксов, как правило, восходящих к самостоятельным словам – предлогам и наречиям и не всегда полностью утративших эту связь» [4, 54]. В современном персидском языке превербов на-

Аннотация: В статье дается сопоставительный анализ простых глагольных и составных именных сказуемых в осетинском и персидском языках. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения синтаксиса простого предложения в рамках составления контрастивной грамматики осетинского и персидского языков. В ходе исследования установили, что в осетинском языке аналитическим глагольным формам в персидском соответствуют сложные глаголы и перифрастические формы глаголов; количество простых глаголов в персидском языке для образования простых глагольных сказуемых ограничено. В осетинском языке префиксальные глаголы не являются особой морфологической формой для выражения простого глагольного сказуемого, а инфинитив не может быть компонентом именной части составного сказуемого. Результаты исследования могут внести определенный вклад в изучение синтаксической структуры осетинского и персидского языков.

Ключевые слова: типы сказуемых, вспомогательные и связочные глаголы 5-7 слов.

считывается менее десятка. Наиболее часто употребляются превербы *bar* и *dar*.

В ОЯ префиксальные глаголы не выделяются как особая морфологическая форма для образования сказуемых. Префиксы меняют структурно-семантические, стилистические свойства простых и сложных глаголов, но имеют те же грамматические свойства, что и префиксальные глаголы. Например: *кусын (работать) – бакусын (поработать) – акусун (поработать)* (быстро или поверхностно) – *фажкусын (поработать)* (долгое время) и т. д. Все эти глаголы в предложении будут простыми глагольными сказуемыми.

В ОЯ сказуемые подразделяются на простые глагольные, составные именные, составные глагольные и сложные. Несмотря на терминологическое различие в обозначении типов сказуемых в двух языках, у сказуемых много общих структурно-семантических черт.

В ПЯ выделяют два вида глагольного сказуемого: «1) простое глагольное сказуемое, выраженное формой простого глагола или глагольного фразеологизма, и 2) сложное глагольное сказуемое, выраженное глагольной синтаксической группой» [4, с. 423].

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ в рамках научного проекта № 20-512-56001 «Сопоставление контрастивной грамматики осетинского и персидского языков»

В осетинском языке глагольные сказуемые подразделяются на два типа: простое глагольное сказуемое и составное глагольное сказуемое.

Простое глагольное сказуемое

Простое глагольное сказуемое в осетинском языке бывает выражено простыми и сложными глаголами, сложными (перифрастическими) формами глаголов в различных наклонениях, временах, числах, лицах, фразеологизмами, имеющими значение одного слова (Мæ удæй мын мауал хъаза (Н.к.). – Не играл (больше) моей душой (то есть – не мучал больше). В ОЯ «именная компонента сложного глагола представлена большим числом частей речи, чем в персидском, хотя в большинстве случаев аналогичные значения выражены одинаковыми по составу конструкциями» [5, с. 67].

Простые неглагольные сказуемые могут быть выражены существительными, образованными от звукоподражательных слов: Бирагъ пыхсыты – быргæ, лæзгъæрты – сæпп-сæпп. – Волк через кустарник – ползти, по прогону – прыг-прыг; Иуæрдæм – гæпп, иннæрдæм – гæрах (Дж.Ш.) – В одну сторону – прыг, в другую – хлоп.

В персидском языке простое глагольное сказуемое выражается синтетическими и аналитическими глагольными формами. «В роли простого сказуемого может выступать и другой вид глагольных фразеологизмов – многочисленные глагольные фразеологизмы. К ним относятся устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более лексем» [3, с. 425].

Аналитическими моделями являются перфектные формы – «прошедшее-настоящее время *амаде аст* «пришел», преждепрошедшее время *амаде буд* «приходил» [4, с. 55]. Они выступают в роли простых сказуемых.

В качестве синтетических форм глаголов в персидском языке указываются не все простые глаголы. Существует точка зрения, что «Количество простых глаголов в персидском языке строго ограничено и составляет около трехсот единиц» [П. Нател Ханлари. См. 4, с. 51]. Их количество ограничено следующими формами: «настоящее-будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное», «а в разговорной речи (в вопросительных и повелительных предложениях) – аористом и повелительным наклонением» [3, с. 420].

Некоторые исследователи сложные глаголы ПЯ наделяют идиоматичностью, «характерной для фразеологических сочетаний, и мотивированностью, присущей свободным словосочетаниям» [4, с. 53]. Этот тезис мы не можем поддержать на материале ОЯ.

В число простых сказуемых в персидском языке

включаются глаголы *hast* (есть, имеется) и его краткие формы: *nist* (не имеется), *ast* (находится, быть, имеется), *sodan* – значение бытия, существования, наличия и др. [4, с. 424]. Они выступают и в роли связки в составных именных сказуемых.

В ПЯ указывается небольшое количество слов, которые могут выступать в роли сказуемого самостоятельно, без участия глагола. К таким словам относят вопросительное наречие *ku?* 'где?', которое никогда не выступает как обстоятельство места и всегда используется как предикативное вопросительное наречие и выступает в роли сказуемого двусоставного предложения: *Baradar am ku?* 'Где мой брат?'; *Kolah-am ku?* 'Где моя шапка?'

В ОЯ это местоименное наречие бывает обстоятельством места и именным компонентом сказуемого: *Кæм цæрыс?* (Где живешь?); *Уæ хæдзар кæм ис?* (Где есть ваш дом?) Без связочного глагола *уæвын* (есть) оно может быть использовано в неполном предложении – *Кæм ис сывæллон?* (– Где находится ребенок?) (– Кæм? (– Где?)

Как отмечает Ю.Я. Рубинчик, довольно редко в роли сказуемого используются междометия со звательным алефом (*alefe neda* 'алефом возгласа') (в основном в поэтической речи). Л.С.Пейсиков приводит стихотворный отрывок Хафеза: *Xosa Siraz-o vaz '-e blmesal-as Xodavanda negah diir az zaval-as* 'Красив Шираза вид, и слава высока, Да сохранит его господняя рука' [6, с. 380]. В этом примере междометие *xosa* 'хорошо', 'прекрасно' выступает как сказуемое по отношению к двум однородным подлежащим. Его можно было бы сравнить с именным сказуемым: *xos ast* 'прекрасно'.

Составное именное сказуемое

Составные сказуемые бывают выражены знаменательными частями речи в именной части и вспомогательными глаголами (в составном глагольном сказуемом) и глагольными связками (в составном именном сказуемом). Сочетание этих частей в составных сказуемых в осетинском и персидском языках несколько отличаются, но имеются и схожие структурно-семантические свойства.

Именная часть сказуемого, «называемая предикативом, предикативным, присвязочным членом, является семантическим центром сочетания» [3, с. 431, 432]. Она выражается в персидском языке существительным, прилагательным, местоимением, числительным, инфинитивом, причастием. Из этого перечня в осетинском языке следует исключить инфинитив.

Считается, что в ПЯ составные сказуемые с местоимениями и числительными в именной части встречаются нечасто. Кроме того, эти части речи не вносят ничего нового в структуру именного сказуемого по сравнению с

уже рассмотренными именными частями речи.

В персидском языке имена обычно не выступают в функции сказуемого без связки. «Однако эта общая закономерность может нарушаться некоторыми случаями усечения (и даже пропуска) глагольной связки в разговорной речи, в пословицах и поговорках, крылатых выражениях: *Molla sodan asan, adam sodan moske* / 'Муллою стать легко, человеком – трудно'; *Az go/ bu-yi, az xers tu-yi* ('С паршивой овцы хоть шерсти клок' (букв. 'С цветка – запах, от медведя – хоть волосок').

Со связками «приведенные пословицы и поговорки звучали бы невыразительно и неритмично» [3, с.432]. В письменном языке связка может иногда опускаться по стилистическим соображениям, а часто употребляется в сокращенной форме: *Mas 'a/e rowsan-e* 'Вопрос ясен'; *Nar kas be fekr-e xis-e, kuse be fekr-e ris-e* 'У кого что болит, тот о том и говорит' (букв. 'Каждый думает о себе, а человек с реденькой бородкой – о настоящей бороде').

В персидском языке связка «обычно отсутствует после вопросительного наречия *ku?* 'где?': *Ahmad ku?* 'Где Ахмад?'; *Estekan ku?* 'Где стакан?' [3, с. 432]. В осетинском языке такой пропуск невозможен: *Кæм и лæппу?* (Где есть мальчик?)

В целом пропуск связки объясняется стремлением сделать речь лаконичной, выразительной и эмоциональной.

В осетинском языке связки *уæвын (есть), вæйын (бывать)* могут опускаться, как и в персидском языке, в пословицах, загадках, крылатых выражениях, в поэтических текстах (*Æз уæд дæр, ныр дæр – мæлдзыг, / Ды æдзых цæргæс дæ* (Дж.Ш.) (Я и тогда, и сейчас – муравей / Ты всегда орел есть), в предложениях, где логическое ударение в предложении ставится на именной части *Æз – адæймаг (Я человек)*, а особенно часто – в разговорной речи.

Связочные глаголы и их эквиваленты

Глагол как полнозначное слово выступает в функции простого глагольного сказуемого или, будучи связочным либо полусвязочным, объединяется с другими частями речи.

К связочным глаголам в ПЯ относят такие служебные глаголы, которые «свободно сочетаются с предикативами, образуя именное сказуемое. Они выражают отвлеченное значение; к ним относятся глагол-связка *hast* (и его краткие формы) 'есть', глагол *budan* 'быть' [3, с. 433].

В осетинском языке схожие функции выполняют отвлеченные глаголы-связки *уæвын (быть)* [6, с. 78], *вæйын (бывать)* с приставками *а-, ба-, ра-, с-, фæ-* и другими, наделяющими эти глаголы разной семантикой:

ауын (стать), бауын (превратиться, стать), суæвын (стать), равæйын (превратиться, стать) и др., а также полужнаменательные глаголы (глаголы с ослабленным лексическим значением): *зынын (казаться), кæсын (казаться, видеться), дарын (держат)* и др. [7, с. 95]. (Мæ цард мæм кастис рæсугъд аргъау (П.Г.). – Моя жизнь мне казалась красивой сказкой).

Благодаря этим связкам сказуемые способны выразить множество значений. Именную компоненту сказуемого в ОЯ образуют имена существительные и местоимения (в именительном, родительном, дательном, отложительном, во внешнем местном и уподобительном падежах), имена прилагательные, причастия, числительные и наречия.

Сказуемое с существительным и местоимением (в именительном падеже) в именной части и со связкой *уæвын (есть)* означает, кем или чем является предмет, выраженный подлежащим (Нæ зымæг *ингæн у*, йæ зæйтæ – *нæ мæт* (Х.Къ.) (Наша зима букв.: могила есть, ее лавины – наша тревога); Ай дын *чи у?* (Хъ.А.) (Этот тебе букв.: кто есть?)

С существительными и местоимениями (в родительном падеже) и связкой *уæвын (есть)* сказуемое выражает принадлежность предмета или лица (Чыргæд *мæн у* (Корзина моя есть) и др.

Сказуемые, выраженные существительными, прилагательными и местоимениями в именительном падеже, со связкой *вæйын (бывать)* обозначают длительное состояние (*Уый искей цур лэг вейы*) (Он в чьем-то присутствии *бывает* мужчиной); *Зымæг нæм вæйы уазал* (Зимой у нас *бывает* холодно).

Сказуемые с существительными (в именительном падеже) и со связками *фауын (стать), фестын (стать)* обозначают быстрое превращение предмета, выраженного подлежащим, в новый предмет (*Дон их фестад*) (Вода *превратилась* в лед (букв.: стала льдом).

Со связками *суæвын, свæйын (стать)* сказуемое выражает, кем или чем станет предмет, выраженный подлежащим (*Любæ сси дохтыр*) (Люба *стала* врачом) и т.д. Значений, которые получает составное именное сказуемое благодаря связкам, очень много.

В персидском языке также развита система связок. Глагол *sodan (становиться)* несколько отличается от названных глаголов наличием – хотя и отвлеченного – лексического значения, связанного с проявлением признака: *И diinesju ast* ('Он студент') и *И dane ju sod* ('Он стал студентом'). В современном персидском языке употребляются два синонима этого глагола: *gastan* и *gardidan*. Глагол *sodan* и его синонимы в силу особого лексиче-

ского значения могут быть отнесены к полусвязочным глаголам. Употребление двух синонимов глагола *sodan* носит книжный характер.

В составе именных сказуемых предикативы сочетаются и с предлогами, которые вносят различные оттенки значения в семантику сказуемых: *jl az 'om', 'uz', bariiyе 'для', son 'как', 'подобно', mesl-e, miinand-e, nazir-e 'как, 'подобно'* и т.д.

К перечисленным разновидностям связочных глаголов в ПЯ примыкает ряд глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний, образующих многочисленные семантические варианты именной сказуемой: *be pazar rasidan 'казаться', jelve kardan 'представляться', 'выглядеть', ta'1_sub sodan 'считаться', nemudan 'казаться', Lo tandan оставаться', dar-iimadan 'получаться', 'выходить', 'появляться'* и др. Эти глаголы и глагольные словосочетания объединяются со связочными глаголами в функциональном отношении. Обладая более конкретной семантикой, они вступают в сочетание с ограниченным числом предикативных членов, и поэтому сфера их употребления значительно уже сферы употребления других связочных глаголов.

С существительными и местоимениями, как считают, глаголы подобного рода в персидском языке не объединяются в сказуемые.

В ОЯ полусузнаменательные глаголы образуют именные сказуемые с существительными (*Хасмат доводился ей дальним родственником*); Карум ... *ныццавта Хазбийы зарæг* (К.А.) (Карум ... *запел песню о Хазби* (букв.: *ударил песню*), наречиями (*Дё фидис дын зынаргъ слудæнис* (Твоя хула тебе *дорого встанет*), неделимыми словосочетаниями (*Мæ фыды нымадтой лæгау лæгыл* (Моего отца *считали* букв.: *подобного мужчине, мужчиной*) [9, с. 86].

Выделяемые в ПЯ именные сказуемые с инфинитивом в именной части являются, на наш взгляд, сложными сказуемыми, так как здесь видим «модификацию двух основных типов – глагольного и именного» [8, с. 112]. Например, такие: *Qasd-amfarib dadan-e u nabud* (*Моим намерением не было его обмануть*) (Аляви. Ее глаза).

Результаты проведенного исследования будут использованы при сопоставительном описании синтаксиса осетинского и персидского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодухов В.И. Введение в языкознание: Учебник для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
2. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка: Учеб. пособие для вузов. – Владикавказ: Ир, 2006. – 463 с.
3. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 600 с.
4. Набати Шахрам Сирус. Сложные глаголы как основная аналитическая тенденция развития глагольной системы в современном персидском языке // Филологические науки в МГИМО. – 2016. – № 6. – С. 49-61.
5. Кудзоева А.Ф. Сложные глаголы в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. – 2021. № 41 (80). – С. 67-79.
6. Пейсиков Л.С. Вопросы синтаксиса персидского языка. – М.: Изд-во ИМО, 1959. – 411 с.
7. Дзодзикова З.Б. Аналитизм в словообразовании осетинского языка: монография. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. – 160 с.
8. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1991. – 432 с.
9. Цопанова Р.Г., Э. Чангизи // Атрибутивные словосочетания в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. – 2021. – Вып. 42 (81). – С. 82-89.

© Цопанова Рита Георгиевна (tsopanowarita@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛОГИЧЕСКАЯ СИММЕТРИЯ И ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ ОБОБЩАЮЩЕ-ЛИЧНЫХ ФОРМ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

LOGICAL SYMMETRY AND LINGUISTIC ASYMMETRY OF RESUMPTIVE PERSONAL FORMS OF SUBJECT EXPRESSION IN RUSSIAN AND GERMAN

**A. Chervony
E. Murashova**

Summary: The article focuses upon the analysis of resumptive personal forms of expression of the semantic subject on the material of artistic discourse, in particular on the material of the original and translated texts of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita".

The study illustrates the similarities and differences between the systems of denomination of the subject in the languages, presented above, and focuses on the manifestation of logical symmetry, which overcomes interlingual asymmetry due to the direct and indirect interchangeability of resumptive personal forms of expression of the semantic subject.

As a result of the analysis of the original and translated texts of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita", the following conclusion is made: there exists a directly proportional relationship between the degree of the expressed uncertainty and the degree of generalization of the resumptive personal ways of expressing the subject.

The subject missing in a Russian sentence in German often corresponds to man. At the same time, resumptive personal ways of expressing the subject in both Russian and German can be found both in active and passive constructions.

Keywords: a semantic subject, resumptive personal forms of expressing the subject, contextual analysis, comparative analysis.

Червоный Александр Михайлович

Д.филол.н., доцент, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
skutrik@yandex.ru

Мурашова Евгения Анатольевна

к.филол.н., доцент, Таганрогский институт
имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
shenetschka@rambler.ru

Аннотация: В статье на материале художественного дискурса, в частности на материале оригинального и переводного текстов М. Булгакова «Мастер и Маргарита», рассматриваются обобщающе-личные формы выражения семантического субъекта.

Исследование иллюстрирует сходство и отличие систем обозначения субъекта в означенных языках и концентрирует особое внимание на проявлении свойства логической симметрии, преодолевающей межъязыковую асимметрию за счет прямой и косвенной взаимозаменяемости обобщающе-личных форм выражения семантического субъекта.

В результате анализа оригинального и переводного текстов М. Булгакова «Мастер и Маргарита» делается вывод о наличии прямо пропорциональной зависимости объёма выражаемой неопределённости и объёма обобщения обобщающе-личных способов выражения субъекта.

Отсутствующему в русском предложении подлежащему в немецком языке часто соответствует man. При этом обобщающе-личные способы выражения субъекта и в русском, и в немецком языке могут реализовываться как в активных, так и в пассивных высказываниях.

Ключевые слова: семантический субъект, обобщающе-личные формы выражения субъекта, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ.

Изучение форм представления субъекта является одним из актуальных направлений современной лингвистической науки. Узкоспециальное описание средств, репрезентирующих субъект в пределах отдельных языковых/речевых уровней, сменяется попытками системного описания широкой номенклатуры вариантов вербализации значения «субъект» в текстах различных жанров. Развитию этой общенаучной тенденции в том числе должно способствовать представляемое исследование способов выражения семантического субъекта на материале обобщающих высказываний романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на немецкий язык.

Лексико-грамматические соответствия и межъязыковая асимметрия обобщающе-личных форм выражения

субъекта в русском и немецком языках анализируются в представляемом исследовании с применением алгоритмов контекстуально-сопоставительного анализа, ориентированного также на исполнение основных положений антропоцентрической и системно-структурной научных парадигм.

Изучение обобщающе-личных форм выражения субъекта в русском и немецком языках проводится в идентичном контексте, с целью установления дифференцирующих компонентов их значений. Частотность зафиксированных форм рассматривается как основание для представления их иерархической последовательности.

Семантический субъект (субъект) трактуется в нашем исследовании как активное действующее лицо, реализующее

щее в условиях заданной коммуникативной ситуации при- сущие ему речемыслительные функции (Арутюнова 1990: 497-498, Червоный 2019: 432-440, Eisenberg 1999: 274).

Предположив, что формы выражения семантическо- го субъекта в различных языковых системах, в том числе в русской и в немецкой, в целом в силу идентичных па- раметров реализации речемыслительных функций ком- муникантов обладают логической симметрией, мы об- ратились к непосредственно к текстам художественного дискурса, наиболее развёрнуто воплощающим модели- руемые носителями конкретных языков естественные картины мира. Одной из целей нашего исследования было выявление наличия и уточнение параметров воз- можной межъязыковой асимметрии вербальной объ- ективизации значения «субъект» в системах русского и немецкого языков.

Реализация алгоритмов контекстуально-сопоста- вительного анализа на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на немецкий язык позволила нам зафиксировать наличие объёмной номенклатуры лексических и морфосинтаксических средств выражения семантического субъекта в систе- мах русского и немецкого языков (Червоный, Мурашова 2020, Chervoniy, Murashova, Demonova 2020). В данной статье представим описание той части этой номенкла- туры, которая характеризуется наличием компонентов обобщающе-личного значения.

Обобщающе-личное значение лексических и морфо- синтаксических средств реализуется в том случае, если с их помощью осуществляется указание на действие, вы- полняемое не одним, а несколькими лицами. Уровень обобщения может при этом существенно отличаться, например, при отождествлении одного, нескольких или неограниченного множества участников коммуни- кативного акта: отправителя и получателя; отправителя, получателя и других обозначаемых / подразумеваемых субъектов.

В ряду форм с обобщающе-личным значением была выделена репрезентативная группа средств, с помощью которых отождествляются отправитель и получатель, в экстралингвистической реальности представляющие фактически одно и то же лицо. Такие средства мы от- носим к обобщающе-личным формам выражения субъ- екта, руководствуясь, во-первых, собственно наличием некоего обобщающего смысла (семантический критерий) (ты = я), во-вторых, ориентируясь на формальный при- знак – в русском языке: наличие в односоставном пред- ложении сказуемого во 2-м лице ед. числа, в русском и в немецком языках: наличие в двусоставном предложе- нии подлежащего и сказуемого во 2-м лице ед. числа (синтаксический критерий):

– Ну, что ж **поделаешь**: человек смертен и, как

справедливо сказано было, внезапно смертен (Булгаков 1984: 106),

*– Душенька, милочка, красавица, – засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщи- це, – не при валюте мы сегодня... ну что **ты поделаешь!** (Булгаков 1984: 323).*

В немецком языке таким высказываниям соответ- ствуют, как правило, высказывания с формальным субъ- ектом, выраженным **es** или неопределённо-личным ме- стоимением **man** (Marschall 1996: 96, Oppenrieder 2021: 245, Zifonun 2020: 234). Наличие подлежащего при этом обязательно:

*– Was **soll's**? Der Mensch ist sterblich, und wie ganz richtig gesagt wurde, stirbt er manchmal sehr plötzlich (Bulgakov 1985: 163),*

*– «Mein Herzchen, mein Liebchen, mein Schönchen», säuselte Korowjew, beugte sich weit über den Ladentisch und zwinkerte der Verkäuferin zu, «wir sind heute nicht bei Devisen, aber was **soll man da machen?** (Bulgakov 1985: 490).*

В качестве сказуемого во 2-м лице ед. числа в пред- ложениях с обобщающе-личным значением в русском языке может выступать возвратный глагол, помимо обобщающего значения реализующий также значение алетической возможности:

*Да, впрочем, меня и нельзя строго винить за это – ведь не каждый же день **встречаешься** с нечистой силой! (Булгаков 1984: 342).*

В немецком языке таким формам соответствуют ин- финитивные формы с частицей **zu**:

*– Im Übrigen darf man nicht zu streng darüber urteilen, schließlich hat **man** nicht jeden Tag mit dem Bösen **zu tun!**» (Bulgakov 1985: 518).*

В русском языке сказуемое предложений с обобща- юще-личным значением, реализующее значение алетич- еской возможности, часто бывает выражено глаголом совершенного вида (Бондарко 1971: 22, Бондарко 2011: 164; Падучева 2012: 37):

Но, право, как **подумаешь** о том, насколько микро- скопически малы их возможности по сравнению с воз- можностями того, в чьей свите я имею честь состоять, становится смешно и, даже я бы сказал, грустно (Булга- ков 1984: 234).

Реже встречаются конструкции с глаголом несовер- шенного вида, реализующие то же значение:

*– Совершенно верно, – согласился со своим неразлуч- ным спутником Коровьев, – и сладкая жуть подкаты- вает к сердцу, когда **думаешь** о том, что в этом доме сейчас поспевает будущий автор «Дон Кихота», или «Фауста», или, черт меня побери, «Мертвых душ»! А? (Булгаков 1984: 234).*

Такие высказывания строятся, как правило, с отсылкой на личный опыт отправителя. При этом, актуализируя односоставные предложения со сказуемым во 2-м лице ед. числа, отправитель условно делает получателя равноправным участником коммуникативной ситуации (ср. Падучева 1996: 213).

В немецком языке видовая оппозиция глаголов отсутствует:

– Wenn **man** freilich daran **denkt**, wie mikroskopisch klein ihre Möglichkeiten sind im Vergleich zu den Möglichkeiten desjenigen, dessen Suite anzugehören ich die Ehre habe, dann wird einem komisch und, ich will mal sagen, traurig zumute. (Bulgakov 1985: 353-354),

–»Völlig richtig«, pflichtete Korowjew seinem unzertrennlichen Begleiter bei, «und ein süßes Erschauern rieselt zum Herzen, wenn **man** daran **denkt**, dass in diesem Haus der künftige Autor eines ‚Don Quijote‘ heranreift oder eines ‚Faust‘ oder, hol mich der Teufel, der ‚Toten Seelen! Nicht?« (Bulgakov 1985: 494).

Наиболее близки к означенной группе форм выражения субъекта, с помощью которых отождествляются отправитель и получатель, в объективной реальности представляющие фактически одно и то же лицо, в русском языке – это односоставные предложения со сказуемым в 1-м лице мн. числа, в русском и в немецком языках это – двусоставные предложения с подлежащим и сказуемым в 1-м лице мн. числа при условии соблюдения отмеченного выше семантического критерия. Такие предложения предполагают наличие подразумеваемого субъекта (ср. Падучева 2011 – эгоцентрический нуль), активного участника речевого акта. Иногда подразумеваемый субъект может становиться выраженным (Пешковский 2001: 374):

Но какую телеграмму, **спросим мы**, и куда? (Булгаков 1984: 234),

Aber was für ein Telegramm? **fragen wir** (Bulgakov 1985: 84);

Здесь отправитель отождествляет себя с другими участниками коммуникации, причисляя себя к их кругу (мы = я).

В подобных предложениях также имеет место реализация указания на возможность совершения отправителем какого-либо действия:

О, как торжествовал бы Иван, если бы следователь явился к нему пораньше, хотя бы, **скажем**, в ночь на четверг, когда Иван буйно и страстно добивался того, чтобы выслушали его рассказ о Патриарших прудах (Булгаков 1984: 311),

Oh, wie hätte Iwan triumphiert, hätte ihn der Untersuchungsführer etwas früher aufgesucht, **sagen wir**, in der Nacht zum Donnerstag, als Iwan stürmisch und leidenschaftlich forderte, man solle seinen Bericht anhören! (Bulgakov 1985: 472).

Обобщенно-личные предложения в русском языке могут иметь обратное значение, указывая на то, что действие не исполняется ни отправителем, ни кем-либо из участников коммуникации (ни ты, ни я):

– Если все сдал, то нам надлежит немедленно расстаться с Сергеем Герардовичем, что же **поделаешь!** (Булгаков 1984: 151).

В немецком языке в эквивалентных значениях в качестве средства, обозначающего подразумеваемого актанта, актуализируется *man* (во французском *on*, в английском *one* или *you*) (Гак 2000, Malamud 2012: 18f, Muller 1979):

– Wenn er alles abgeliefert hat, müssen wir uns ungesäumt von Sergej Gerardowitsch trennen, da **kann man nichts machen!** (Bulgakov 1985: 231).

В таких высказываниях объём выражаемого значения шире. Поскольку в соответствующем контексте они могут обозначать не только отправителя и получателя, и других участников коммуникации, но и более широкий круг лиц.

Ещё более широкое значение в русском языке имеют односоставные неопределённо-личные предложения со сказуемым в третьем лице множественного числа с нулевым антецедентом (в терминах Падучевой – с третьеличным нулём, Падучева 2012: 29):

– Мне **говорили**, что мой отец был сириец... (Булгаков 1984: 17)

– Когда же **говорили**, что Аркадий Аполлонович своими глазами видел этого мага на сеансе, Китайцев только разводил руками и поднимал глаза к небу (Булгаков 1984: 309).

В немецком языке этим формам также соответствуют формы с *man*:

– **Man hat mir gesagt**, mein Vater sei ein Syrer gewesen ... (Bulgakov 1985: 231),

– Als **man ihm sagte**, Semplejarow habe mit eigenen Augen den Magier in der Vorstellung gesehen, breitete er nur die Arme aus und blickte gen Himmel (Bulgakov 1985: 468-469).

В русском языке в односоставных неопределённо-личных предложениях со сказуемым в третьем лице может реализовываться как совершенный, так и несовершенный вид глагола, выполняющего роль сказуемого:

– Варенуху **успокоили**, как **умели, сказали**, что **охранят** его и без всякой камеры... (Булгаков 1984: 314).

При этом несовершенный вид, помимо обобщающего значения может эксплицитировать значение деонтической возможности:

– Воланд в сорочке сидел на постели, и только Гелла не растирала ему ногу, а на столе, там, где раньше **играли** в шахматы, накрывала ужин. (Булгаков 1984: 256) (здесь, играли = обычно играют).

В немецком языке те же функции выполняют конструкции с неопределённо-личным местоимением *man*:

– *Man beruhigte Warenucha, so gut es ging, sagte ihm, man werde ihn auch ohne gepanzerten Raum schützen ...* (Bulgakov 1985: 476),

– *Voland saß im Nachthemd auf dem Bett, nur rieb ihm Gella nicht mehr das Bein ein, sondern servierte auf dem Tisch, an dem **man** vorher Schach **gespielt hatte**, ein Abendessen* (Bulgakov 1985: 387).

Количественная характеристика референта в односоставных неопределённо-личных предложениях со сказуемым, выраженным глаголом как совершенного, так и несовершенного вида в третьем лице множественного числа с нулевым antecedентом в русском языке и в двусоставных неопределённо-личных местоимениях с *man* в немецком языке выводится исключительно из контекста:

– *И у Ивана **выспросили** решительно все насчет его прошлой жизни, вплоть до того, когда и как он болел скарлатиною, лет пятнадцать тому назад* (Булгаков 1984: 79),

– ***Man fragte** ihn nach seinem bisherigen Leben aus, sogar danach, wie sein Scharlach vor fünfzehn Jahren verlaufen sei* (Bulgakov 1985: 122);

– *Подковка действительно была золотая с бриллиантами? – **спрашивали** Аннушку.* (Булгаков 1984: 315),

– *«Das Hufeisen war tatsächlich aus Gold mit Brillanten?» **fragte man** Annuschka* (Bulgakov 1985: 477).

В русском языке валентные свойства глагола, выступающего в качестве сказуемого в третьем лице множественного числа в неопределённо-личном предложении, ограничиваются именительным падежом. В немецком языке таким предложениям соответствуют конструкции с неопределённо личным местоимением *man* (Падучева 2012: 29; Плунгян 2011: 264), где данные местоимения также стоят исключительно в именительном падеже:

– *Там с Никанором Ивановичем, ..., **вступили** в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел.* (Булгаков 1984: 147),

– *Dort **war man** mit Nikanor Iwanowitsch, ..., ins Gespräch **gekommen**, aber es war ein sonderbares, wirres Gespräch, genauer gesagt, es war überhaupt kein Gespräch* (Bulgakov 1985: 224).

Исследование произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на немецкий язык показывает, что обобщающие-личные способы выражения субъекта реализуются, как правило, в предложениях со сказуемым в активном залоге.

– ***Говорили** о том, ... что **накрыли** типографию фальшивых бумажек волшебного типа на Садовой улице* (Булгаков 1984: 316),

– *Лишь после того, как администратору **сказали**,*

что ... (Булгаков 1984: 314).

В немецком языке в данных значениях также реализуется преимущественно активный залог:

– ***Es hieß**, ... in der Sadowaja **habe man** eine verhexte Falschgelddruckerei **ausgehoben**, eine Bande ...* (Bulgakov 1985: 479),

– *Erst als man ihm sagte, ...* (Bulgakov 1985: 476).

В некоторых случаях значимость субъекта, совершающего действие, снижается настолько, что место активных форм в русском языке в немецком языке занимают пассивные формы:

– *Наихудшие страдания ей причиняло правое колено, которое **целовали**.* (Булгаков 1984: 251),

– *Die größte Pein bereitete ihr das rechte Knie, das ständig **geküsst wurde*** (Bulgakov 1985: 379).

Существует точка зрения, что в русском языке страдательные формы в высказываниях с обобщающе-личным значением образуются преимущественно от глаголов психологического состояния (Тестелец 2001: 312, Падучева 2012: 29). По нашим наблюдениям в высказываниях с обобщающе-личным значением также актуализуются страдательные формы глаголов говорения. При этом в немецком языке в данной позиции актуализируются причастия. Исследованная выборка примеров в целом подтверждает это положение:

– *Оба собеседника помолчали в тревоге, но, успокоившись, вернулись к **прерванному** рассказу* (Булгаков 1984: 135),

– *Die beiden schwiegen verstört, doch nachdem sie sich beruhigt hatten, kehrten sie zu der **unterbrochenen** Erzählung zurück* (Bulgakov 1985: 208).

Ещё одним обобщающе-личным средством выражения субъекта являются атрибутивы, не имеющие собственно страдательного значения:

– *... но разговаривать с **влюбленными** женщинами – слуга покорный* (Булгаков 1984: 211),

– *Aber mit **verliebten** Frauen zu sprechen, na, besten Dank!* (Bulgakov 1985: 320).

Все представленные обобщающие-личные способы выражения субъекта отличаются наличием свойства выражать ту или иную степень неопределённости обозначаемого референта.

Данная неопределённость может маркировать неизвестность отправителю каких-либо качественно-количественных характеристик референта / референтов. Например, отправителю неизвестно, кто пришёл или сколько человек пришли:

– *Теперь сбилось его мечтание помочь поймать консултанта, ему не нужно было ни за кем уже бегать, к нему самому **пришли** именно затем, чтобы выслушать*

его повесть о том, что произошло в среду вечером. (Булгаков 311-312),

– *Jetzt war sein Traum, den Konsultanten fangen zu helfen, in Erfüllung gegangen, er brauchte nicht mehr anderen hinterherzurennen, **man kam** von selbst zu ihm, eigens um zu hören, was am Mittwoch Abend geschehen war* (Bulgakov 1985: 472).

Такая неопределённость может быть естественной (в случае первого упоминания) или интенционально обусловленной (в случае, если отправителю необходимо подчеркнуть наличие данного качества). В случае первого упоминания в обобщающем предложении, как правило, описывается единичная лингвистическая или экстралингвистическая ситуация:

– *Ваш роман **прочитали**, – заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, – и **сказали** только одно, что он, к сожалению, не окончен* (Булгаков 1984: 354) (*прочитал. сказал Бог*),

– *«Man hat Euren Roman gelesen», sagte Voland zum Meister, «und man bemerkt dazu nur das eine, dass er leider nicht vollendet ist* (Bulgakov 1985: 534).

В случае, если имеет место быть многократность совершения отображаемого действия, использование обобщающе-личных способов выражения субъекта воспринимается как стилистически маркированное, нарушающее конвенционально закреплённые языковые нормы:

– *Тогда, что же **поделаешь**, приходится разговаривать ему с самим собою* (Булгаков 1984: 354),

– *Somit **bleibt ihm nichts** anderes übrig, als mit sich selbst zu sprechen* (Bulgakov 1985: 535).

Понижение коммуникативного ранга каузатора в условиях заданной коммуникативной ситуации может быть сигналом несущественности качественно-количественных характеристик референта / референтов не только для отправителя, но и для получателя:

– ***Привезли** вас сюда связанным* (Булгаков 1984: 82),

– ***Man hat Sie gefesselt hierhergebracht*** (Bulgakov 1985: 127).

Неопределённость обобщающе-личных средств выражения субъекта может быть также средством выражения родового статуса референта. При этом подчёркивается, что обозначаемый субъект не является отправителем в транслируемой ситуации (референт исключается из круга лиц, мыслимых в качестве субъекта-подлежащего), его позиция противопоставляется наличествующей:

– *Котам обычно почему-то **говорят** «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта* (Булгаков 1984: 268),

– *Kater **werden** aus irgendwelchen Gründen gewöhnlich mit du **angeredet**, obwohl noch niemals ein Kater mit irgendwem Bruderschaft getrunken hat.»* (Bulgakov 1985: 405).

Речь может идти о противопоставленности одного лица некому множеству, к которому это лицо не принадлежит из-за наличия определённой характеристики:

– *Удивительно было то, что из кармашка, где обычно **мужчины носят** платочек или самопишущее перо, у этого гражданина торчала обглоданная куриная кость* (Булгаков 1984: 207),

– *Erstaunlicherweise ragte aus seiner Brusttasche, wo die **Männer** sonst ein Tüchlein oder einen Füllhalter zu **tragen pflegen**, ein abgenagter Hühnerknochen* (Bulgakov 1985: 315).

Кроме того, в ходе исследования мы отметили, что неопределённость обобщающе-личных средств выражения субъекта может быть способом дистанцирования / отграничения отправителя от референта, выраженного посредством речевого средства с обобщающе-личным значением. За счёт этого достигается объективизация сообщаемой информации:

– *Он перестал ворочаться и стонать, задышал легко и ровно, и его **оставили** одного* (Булгаков 1984: 148) (*действие свершилось не по воле говорящего, а в силу обстоятельств*),

– *Er hörte auf zu stöhnen und sich zu wälzen, atmete leicht und gleichmäßig, und **man ließ** ihn allein* (Bulgakov 1985: 226).

Это в некоторой степени объясняет частотность использования обобщающе-личных способов выражения субъекта в передаче косвенной речи, в том числе глаголов говорения в страдательной форме:

– ***Спрашивается**: возможно ли, действуя таким образом, кого-либо поймать или арестовать?* (Булгаков 1984: 82),

– *Nun **fragt sich**: Konnten Sie, wenn Sie so handelten, jemand fangen oder festnehmen?* (Bulgakov 1985: 127).

Сформулируем основные выводы, полученные нами в ходе контекстуально-сопоставительного анализа форм с обобщающе-личным значением на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на немецкий язык.

Таким образом, формы выражения семантического субъекта в русской и немецкой языковых системах в силу идентичных параметров реализации речемыслительных функций коммуникантов стремятся к логической симметрии, преодолевая межъязыковую асимметрию за счет прямой и косвенной взаимозаменяемости обобщающе-личных способов выражения.

При определении конкретного референта в предложениях с реализованными обобщающе-личными способами выражения субъекта большое значение имеет рассмотрение контекста.

В русском языке обобщающе-личные способы выражения субъекта могут актуализироваться в предложении

ях с наличествующим и с отсутствующим подлежащим. В немецком языке, как правило, обобщающе-личные способы выражения субъекта реализуются в предложениях с наличествующим подлежащим. Отсутствующему в русском предложении подлежащему в немецком языке часто соответствует *man* (ср., во французском *on*, в английском *one* или *you*).

Эксплицитно или имплицитно обозначаемый с помощью обобщающе-личных средств выражения субъекта референт преимущественно является лицом, человеком, а не какой-либо произвольной сущностью.

Обобщающие-личные способы выражения субъек-

та не подразумевают того, что обозначаемый с их помощью референт обязательно является отправителем текста или субъектом, выполняющим или испытывающим действие.

Обобщающие-личные способы выражения субъекта отличаются общим свойством выражать ту или иную степень неопределённости обозначаемого референта.

Объём обобщения выражения субъекта прямо пропорционален объёму выражаемой ими неопределённости. Обобщающие-личные способы выражения субъекта реализуются как в активных, так и в пассивных высказываниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. 1990. Субъект. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва. 685 с.
2. Бондарко, А.В. 1971. Вид и время русского глагола. Москва. 239 с.
3. Бондарко, А.В. 2011. Категоризация в системе грамматики. Москва: Языки славянских культур. 483 с.
4. Булгаков, М.А. 1984. Мастер и Маргарита: Роман. Москва: Современник. 367 с.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.
6. Падучева, Е.В. 1996. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Москва. 480 с.
7. Падучева, Е.В. 2012. Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект. Вопросы языкознания. № 1. Москва: РАН, стр. 27-41.
8. Пешковский, А.М. 2001. Русский синтаксис в научном освещении. Москва. 510 с.
9. Плунгян, В.А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва.
10. Тестелец, Я.Г. 2001. Введение в общий синтаксис. Москва. 796 с.
11. Червоный А.М. 2019. Семантический субъект в обобщающих высказываниях русского и французского языков. Сборник статей по итогам IV-й международной конференции «Язык и действительность». Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». Том 3. Москва: Спутник, стр. 432-440.
12. Червоный А.М., Мурашова Е.А. Лексические и морфосинтаксические средства выражения семантического субъекта в обобщающих высказываниях немецкого и русского языков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. №9. – 2020. – С. 185-188.
13. Bulgakov, M. 1985. Gesammelte Werke; Teil: Bd. 3., Der Meister und Margarita : Roman [aus dem Russ. von Thomas Reschke]. Berlin : Verl. Volk und Welt, 513 S.
14. Chervoniy A.M., Murashova E.A., Demonova Yu.M. Semantic meaning and functions of man and on for denotation of a subject // International conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment». ISMGE 2020. e-ISSN: 2357-1330. – Pp. 179-186. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.04.22.
15. Eisenberg, P. 1999. Grundriss der deutschen Grammatik. Band 2: Der Satz. Stuttgart; Weimar: Metzler. 551 S.
16. Malamud S.A. "Impersonal indexicals: one, you, man and du. Impersonal indexicals" in DRAFT // Journal of Comparative Germanic Linguistics, 2012. URL: <http://people.brandeis.edu/~smalamud/malamud-JCGL-web-draft.pdf>.
17. Marschall G.R. "Was bezeichnet man? Das indefiniteste „Indefinitpronomen“ und seine Verwandten" // Perennec, Marie-Helene (Hrg.), Pro-Formen des Deutschen, Tübingen: Staufenburg Verlag, S. 87-97, 1996.
18. Muller Ch. Sur les emplois personnels de l'indéfini «on» dans langue française et linguistique quantitative. Genève. Slaktine; 1979. – p. 65-72.
19. Oppenrieder W. "Von Subjekten, Sätzen und Subjektsätzen" // Untersuchungen zur Syntax des Deutschen, Berlin/Boston: De Gruyter, Reprint 2010. – URL: http://www.degruyter.com/search?f_0=isbnissn&q_0=9783111356426&searchTitles=true (Verlag). 03.05.2021.
20. Zifonun G. "«Man lebt nur einmal». Morphosyntax und Semantik des Pronomens man" // Deutsche Sprache Jg. 28 (2000), H. 3, S. 232-253, 2000.

© Червоный Александр Михайлович (ckutrik@yandex.ru), Мурашова Евгения Анатольевна (shenetschka@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ)

Шиянова Анастасия Антоновна

*К. филол. н., в. н. с., БУ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (г. Ханты-Мансийск)
syazia@mail.ru*

WORD-FORMING SUFFIXES OF KHANTY ADJECTIVE NAMES (SEMANTICS AND FUNCTIONING)

A. Shiyanova

Summary: The article considers the word-forming suffixes of the names of the adjectives of the Khanty language on the material of Western dialects. The material of our study is adjectives collected by the method of continuous selection from bilingual dictionaries, collections of texts, as well as speech samples of the author's field records in the Kazym, Shuryshkar and Ural dialects of the Khanty language. The word formation of the names of the adjectives of the Khanty language was not the subject of special research, which is why our interest in this topic is justified. We considered a significant layer of vocabulary, as a result, six word-forming suffixes were identified, and a semantic characteristic was given. The most productive word-forming suffix of the names of the adjectives of the Khanty language is defined.

Keywords: Khanty language, word formation, suffix, adjective name, dialect, lexico-semantic group.

Аннотация: В статье рассматриваются словообразовательные суффиксы имен прилагательных хантыйского языка на материале западных диалектов. Материалом нашего исследования являются прилагательные собран методом сплошной выборки из двуязычных словарей, сборников текстов, а также образцы речи полевых записей автора на казымском, шурьшкарском и приуральском диалектах хантыйского языка. Словообразование имен прилагательных хантыйского языка не было предметом специального исследования, чем и обоснован наш интерес к данной теме. Нами рассмотрен значительный пласт лексики, в результате выявлено шесть словообразовательных суффиксов, дана семантическая характеристика. Определен наиболее продуктивный словообразовательный суффикс имен прилагательных хантыйского языка.

Ключевые слова: хантыйский язык, словообразование, суффикс, имя прилагательное, диалект, лексико-семантическая группа.

В хантыйском языке основным способом словообразования является суффиксация, имена прилагательные не являются исключением, чем и обусловлено выбранное направление нашего исследования.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью словообразовательных суффиксов имен прилагательных хантыйского языка. Комплексный анализ словообразовательных суффиксов трех западных диалектов хантыйского языка – казымского (каз.), шурьшкарского (шур.) и приуральского (приур.) не проводился, чем и обусловлена научная новизна исследования.

Цель исследования: выявить все словообразовательные суффиксы хантыйского языка и описать их семантику и функционирование.

Задачи: собрать фактический материал; провести анализ собранной картотеки; выявить словообразовательные суффиксы; определить их семантику и описать лексико-семантические группы прилагательных, образованных данными суффиксами.

Исходя из общей цели и задач работы и особенно-

стей изучаемого объекта, в исследовании использовались методы: наблюдения, лингвистического описания, сравнительный метод, а также метод сплошной выборки и структурно-семантического анализа.

Теоретической и методологической базой послужил ряд работ, посвящённых словообразованию имен прилагательных в разных языках: Н.Э. Купчинаус [10] определила семантико-деривационный потенциал прилагательных на -ский как единиц лексико-семантической системы русского языка XVIII века; Г.А. Азам [1] рассматривала аффиксальное словообразование имен прилагательных в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси; В.Т. Садченко [13] в статье рассмотрела адъективные суффиксы русского языка с точки зрения их продуктивности. Выделила и описала модели имен прилагательных с суффиксом -ист- на практически не изученном в словообразовательном аспекте диалектном материале – русских говорах Приамурья; Д.А. Иванова [6] исследовала словообразовательную паронимию в русском и немецком языках (на материале имен прилагательных) и др. На материале финно-угорских языков исследованию имен прилагательных посвящены работы: О.А. Шитц [18] исследовала «прилагательные» на материале финского, венгерского, удмуртского, коми и мордовских языков;

Д.А. Ефремов [4] рассматривал имя прилагательное в удмуртском языке, автор выявил морфологические, синтаксические и словообразовательные свойства; Д.В. Цыганкин [17] выявил потенциальные возможности финно-угорского (уральского) словообразовательного суффикса -η в мордовских, хантыйском и мансийском языках; Т.П. Арискина [2] исследует образование имен прилагательных на материале эрзянского языка и др.

Словообразование имен прилагательных хантыйского языка не было предметом специального исследования, отдельные грамматические категории давались лишь в кратких описаниях о языке. В имеющихся изданиях по грамматике хантыйского языка перечислены следующие словообразовательные суффиксы: П.К. Животиков в очерках грамматики хантыйского языка на материале средне-обского диалекта имена прилагательные разделены на две группы: 1) Имена прилагательные, выраженные основным падежом имени существительного, временно выполняющие роль прилагательных (определение), находясь впереди другого существительного и определяя один из признаков данного существительного. Например: вош – город, вош хот – городской дом, унт – лес, унт ёх – лесные люди и т.д.; 2) Слова, обозначающие самостоятельно какие-либо признаки предметов: уны (ун) – большой, йитып – новый, вась – тонкий и т.д. К этой же группе автор относит прилагательные, образованные от основ существительных с помощью суффиксов -ынг, -и, -ып, -пи, -ты [5, с. 61–62].

Н.И. Терешкин пишет, что имя прилагательное в хантыйском языке относится к числу неизменяемых частей речи. По своей семантике все непроизводные прилагательные являются качественными. Производные прилагательные образуются с помощью следующих суффиксов: а) -ыу – образует от существительных прилагательные со значением обладания данным признаком, например: юр 'сила' – юрыу 'сильный', кев 'камень' – кевәу 'каменистый'; б) -ты – образует от существительных прилагательные со значением необладания данным признаком, например: юр 'сила' – юрты 'бессильный', 'слабый', кур 'нога' – курты 'безногий' [15, с. 327].

В учебнике хантыйского языка для педагогических училищ словообразованию имен прилагательных посвящен отдельный параграф, в котором указано 5 словообразовательных суффиксов: -анг, -янг, -нг, -енг – образуют признак, содержащийся в существительных, от которых они образованы; -лы – обозначает признак, которым предмет не обладает или которого он лишен; -уп, -пи – обозначают конкретизированный признак предмета; -и, -ы – обозначают обладание предметом или признаком данного предмета; -ум – причастия прошедшего времени перешедшие в разряд прилагательных [16, с. 82–83].

А.Д. Каксин в монографии казымский диалект хантыйского языка выделяет две группы словообразовательных суффиксов: 1) деноминальные суффиксы: -i; -ə p (-up), -pi; -ə η (-aη), -eη; - t; -šək (-šak); также отмечены редкие суффиксы, представленные единичными или несколькими примерами: -ti, -lat, -səp, -tək; 2) девербальные суффиксы: -ə m (-um) и редкие суффиксы -a, -i, -am [7, с. 59–60].

Н.Б. Кошкарева одним из критериев на основании которых она выделяет имя прилагательное, как самостоятельную часть речи в хантыйском языке является наряду с семантическим, морфологическим, синтаксическим, также словообразовательный, где выделяет наличие характерных для относительных прилагательных суффиксов, не присоединяющихся ни к каким другим частям речи, отыменные суффиксы =əу, =əп, =пи, =и, =лы, отглагольный суффикс =əм [8, с. 7].

Материалом нашего исследования послужили примеры из казымского (каз.), шурышкарского (шур.) и приуральского (приур.) диалектов, которые были выявлены из двуязычных словарей [9; 11; 12; 14 и др.], фольклорных сборников [3; 19] и полевых материалов, записанных у информантов методом анкетирования.

Прилагательные хантыйского языка делятся на отыменные – имеющие производную основу, образованную от основы существительного и отглагольные – образованные от глагольной основы.

Рассмотрим словообразовательные суффиксы имен прилагательных хантыйского языка на материале трех западных диалектов.

1) Суффикс каз. =əу/=ау/=əу, шур. =əу/=ау, приур. =əу/=ау/=əу образует отыменные прилагательные, обозначающие признак или свойство, названной основы, например:

каз. *Хәтәл лүүта Ай моц хө йиуц=əу пеләк, вөнт=əу пеләк керәтәл* 'В течение дня Ай мощ хо **водную** сторону, **лесную** сторону обходит', *йиуц=əу* образовано от существительного *йиуц* 'вода', *вөнт=əу* от существительного *вөнт* 'лес'; *Лүв вүл=əу өхәлән йәүхәл* 'Он ездит на **оленьей** упряжке' *вүл=əу* образовано от существительного *вүл* 'олень';

шур. *Һаврэм һәх=əу венш вантман ма амтәтльәләм* 'Смотря на **смеющееся** лицо ребенка, я радуюсь', *һәх=əу* образовано от существительного *һәх* 'смех'; *Кәщ=ау хойат муй веритәл?* '**Больной** человек что может?'; *кәш=ау* образовано от существительного *кәши* 'боль';

приур. *Кәс=ау һаврэм* 'больной ребенок', *кәс=ау* от существительного *касы* 'боль'; *Луухаңщәп=əу ухәл йил, савл=əу сыйәл щәщәл* 'С колокольчиками нарта едет, звон слышен (букв.: *савләу* – звон=имеющий)', *луухаңщәп=əу* образовано от существительного *луухаңщәп* 'колокольчик'.

В приуральском диалекте суффикс =эу/=ау образует отглагольные прилагательные, например: *савл=эу* образовано от глагольной основы *савл-* 'звенеть'; *Тимош ци нымт=ау* 'Тимош такой **изобретательный**' образован от глагольной основы *нымт-* 'видать'.

Анализируя практический материал можно сделать вывод, что при помощи данного словообразовательного суффикса образуются лексические единицы, которые формируют следующие лексико-семантические группы обозначающие погодные и природные явления, характеристику предмета, растений, животных, характер и физические свойства человека, характеристику звука, пространства, времени, вкусовые качества и др.

2) Суффикс каз., шур., приур. =лы образует отыменные прилагательные с семантикой отсутствия признака или свойства названной основы, например:

каз. *Па ци щяха тухэлт пела ин сем=лы утуэнэн щартлаймэн щяха* 'Опять потом туда нас эти **слепые** доставят (букв.: колдуют)' *сем=лы* образовано от существительного *сем* 'глаз'; *Уш=лы-вө=лы сотәу тащ тайлэт, уш=лы-вө=лы шурсәу тащ тайлэт* 'У них есть **бесчисленное** (букв.: неведомое-незнакомое) стадо в сто оленей, бесчисленное стадо в тысячу оленей';

шур. *Вай=лы хоты сәхат улыйн рупәтла* 'Без кисов как работать в оленеводстве', *вай=лы* от существительного *вай* 'кисы (обувь, сшитая из выделанных камусов мехом наружу)'; *Кашәу хәтәл щом=лы йиләм* 'С каждым днём **бессильным** становлюсь', *щом=лы* от существительного *щом* 'сила';

приур. *Олуна вул нәңхуй йиук йицты верал ул, әл ки йиук=лы нурәмна хыцлән* 'В начале старший человек должен воду попить, иначе **без воды** в тундре останешься', *йиук=лы* образовано от существительного *йиук* 'вода'.

Прилагательные, образованные при помощи суффикса =лы формируют лексико-семантические группы, характеризующие родственные и свойственные признаки, характер человека, физические особенности, пространство, отсутствие звука, вкуса, и т.д.

3) суффикс каз., шур., приур. =у/=ы образует отыменные прилагательные, обозначающие обладание предметом или признаком, например:

каз. *Йеук=и щорс пела мәнты кема йис* 'Он старый (букв.: возраст, когда к **ледяному** морю пора идти)', *йеук=и* от существительного *йеук* 'лед'; *Воьцәмут=ы күншән төтләллэ* 'Она приносит горсть ягод' (букв.: с **ягодами** гость приносит), *воьцәмут=ы* образовано от существительного *воьцәмут* 'ягода';

шур. *Лант=ы путән нык тәхәнты* 'Котел с супом повесь к костру', *лант=ы* образовано от существительного *лант* 'мука, бельон заправленный мукой, суп'; *Луьщ=и йиук* 'Тёплая вода', *луьщ=и* от существительного *луьщ* 'сляна';

приур. *Йиук=и сопекна щиты ци йәңхэл* 'В **мокрых** сапогах так и ходит' *йиук=и* образовано от существительного *йиук* 'вода'; *Лоьщ=и пүт йохы ләңәлты* 'Ведро **со снегом** домой занеси', *лоьщи* от существительного *лоьщ* 'снег'; *Ащэм хүй=ы хыр лутәс* 'Отец с **рыбой** мешок купил', *хүй=ы* от существительного *хүй* 'рыба'.

4) суффикс каз. =әп/=ап, шур. =әп/=ап приур. =әп образует отыменные имена прилагательные, обозначающие обладающий признаком, названным именной основой (обязательно в сочетании с другим качественным прилагательным), например:

каз. *Йеук хурас=әп имәән-иксәән вәлләән* 'Седые (букв.: на лед похожие) муж с женой живут', слово *йеук* в значении 'белый'; *Күл олма=әп* 'С крепким сном (букв.: толстым)'; *Хәләм хот=әп вән көрт йохәм* 'Бор большого стойбища с **тремя домами**' (букв.: *хәләм хот=әп* три дома=имеющий); *Йивл=ап-әсл=ап, тәм сорьәу вэйәп ләпәт сәрәмән вера па ант холәмләм* 'Безродный, неужели я не достану это седьмой золотой лопатой' от парного существительного *йив-әс* 'отец-мать'

шур. *Экур=әп* *әхшәмәм понылыләм* 'Памятный плавок надену ненадолго';

приур. *Щит экур=әп пормас* 'Это памятный предмет'.

5) Суффикс каз. =ни, шур. =ни приур. =ни образует отыменные имена прилагательные, со значением обладания признаком, названным именной основы, например:

каз. *вәнш=ни* 'красивый, прекрасный' от существительного *вәнш* 'лицо';

шур. *хүй күр=ни* 'длинноногий' от существительного *күр* 'нога', *сәх=ни* 'в шубе' от существительного *сәх* 'шуба (ягушка)';

приур. *Укцәм вәс=ни* 'Некрасивое лицо имеющий'; *Лон хор=ни нәңхуй, әл нисәл* 'Похожий на жилы человек, просто тянется'.

6) Суффикс каз. =әм/=ам, шур. =әм/=ам, приур. =әм/=ам образует отглагольные имена прилагательные, обозначающие обладающий свойством, возникшим в результате действия или процесса, например:

каз. *Лүв кавр=әм йиукән мәнса* 'Он облился **горячей** водой' *кавр=әм* от глагольной основы *кавр-* 'варить'; *Көрән хош=әм рүв тайәл* 'В печке есть жар' (букв.: Печь=твоя **тёплый** жар имеет), *хошәм* от глагольной основы *хош-* 'греть'; *Пәтл=ам хот сүңән вух лүйәу не йонтәсәл (хәтәл йош)* 'В **темном** углу дома женщина с серебряным пальцем занимается шитьем (луч солнца); *пәтл=ам* от глагольной основы *пәтл-* 'темнеть'; *Сыст=ам йиук* 'Чистая вода'

шур. *Мәна сор=әм йүх әкта* 'Иди **сухих** дров себе-ри' *сор=әм* от глагольной основы *сор-* 'сохнуть, высохнуть'; *Ма эвт=әм вай йонтләм* 'Я кисы с **узорами** шью', *эвт=әм* от глагольной основы *эвт-* 'резать, нарезать, обрезать, обстричь'; *Сыст=ам йиук* 'Чистая вода'

приур. **Эпт=эм** йохан хопна туп вусты щирэл ул '**Вышедшую из берегов** реку только на лодке можно переплыть'; от глагольной основы эпт- 'литься через край'; Йоханэв ньур **сор=эм**, кур ломп туп лән питла 'Река наша совсем **мелкая**, по щиколотку'; сор=эм от глагольной основы сор- 'сохнуть, высохнуть'; **Пот=эм** йиук ал йиьща 'Холодную воду не пей' от глагольной основы пот- 'остыть, остывать, застыть, застывать, замерзать, замерзнуть'; **Пәтл=ам** ат '**Темная** ночь', **Сыст=ам** йиук тўва '**Чистую** воду принеси';

Таким образом мы рассмотрели словообразовательные суффиксы имен прилагательных хантыйского языка на материале трех западных диалектов, нами проанализировано шесть суффиксов, которые функционируют в исследуемых диалектах практически в равной степени,

за исключением некоторых, например суффикс =пи в большей степени функционирует в приуральском диалекте, тогда как в казымском и шурышкарском диалекте больше суффикс =әп/=ап.

Анализируя собранный практический материал методом сплошной выборки, можно сделать вывод, что наиболее продуктивным словообразовательным суффиксом является суффикс каз. =әп/=ап/=әп, шур. =әп/=ап, приур. =әп/=ап/=әп, с помощью него образуются около значительный корпус прилагательных.

Полученные результаты исследования найдут применение в написании грамматики хантыйского языка, а практический материал будет использован при составлении диалектологического словаря хантыйского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азам Г.А. Аффиксальное словообразование имен прилагательных в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, – 2013. – 27 с.
2. Арискина Т.П. Суффиксальное образование имён прилагательных в эрзянском языке в сравнении с венгерским // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 407–416.
3. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С.И. Вальгамова, Н.Б. Кошкарева, С.В. Онина, А.А. Шиянова. – Екатеринбург: Баско. – 2011. – 208 с.
4. Ефремов Д.А. Имя прилагательное в удмуртском языке. – Ижевск: Удмуртский университет, – 2009. – 124 с.
5. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка. – п. Ханты-Мансийск. – 1942. – 120 с.
6. Иванова Д.А. Словообразовательная паронимия в русском и немецком языках (на материале имен прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, – 2016. – 24 с.
7. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ. – 2010. – 176 с.
8. Кошкарева Н.Б. Имя прилагательное в хантыйском языке (на материале западных диалектов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Т. 11, вып. 1. – 2013. – С. 5–11.
9. Образцы текстов на шурышкарском диалекте хантыйского языка. / Н.Б. Кошкарева, Е.В. Ковган, Ф.Г. Тарасова, А.А. Шиянова, Ю.Г. Милыхова // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995-2012 гг.). – Новосибирск: Открытый квадрат, – 2012. – 261–291.
10. Купчинаус Н.Э. Прилагательные с формантом -ский в языке М.В. Ломоносова (функционально-семантический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, – 2008. – 26 с.
11. Лельхова Ф.М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. – 207 с.
12. Рандымова З.И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). – Салехард: Красный Север, – 2011. – 96 с.
13. Садченко, В.Т. О словообразовательной активности адъективных суффиксов в русских говорах Приамурья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3-1(33). – С. 156-159.
14. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Новосибирск: Издательство СО РАН. – 2020. – 689 с.
15. Терешкин Н.И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т.3. М. – 1966. – С. 319–342.
16. Хантыйский язык: Учебн. для уч-ся пед. уч-щ. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, –1988. –224 с.
17. Цыганкин Д.В. Словообразовательный потенциал прафинно-угорского суффикса -п в мордовских, хантыйском и мансийском языках // Труды Карельского научного центра РАН. – 2014. – № 3. – С. 83–89.
18. Шитц О.А. «Прилагательные» в уральских языках (на материале финского, венгерского, удмуртского, коми и мордовских языков) // Вестник ТГПУ. – 2006. Вып. 9 (60). – С. 67–70.
19. Шмидт Е., Пятникова Т.Р. Арәң моньщәт (Моньщ-Арәт). Песни-сказки. – Томск: Том. ун-т, – 2006. – 164 с.

© Шиянова Анастасия Антоновна (syazia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Our authors

Abazova L. – Candidate of Philology, Associate Professor, FSBEI HE "Kabardino-Balkarian state University named after H.M. Berbekov"

Akhmedov V. – PhD, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS

Anisimova E. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Krasnodar Higher Military Flight School

Badmaeva V. – senior lecturer, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Bagaev I. – North Ossetian State University (Vladikavkaz); Chief Specialist-Expert, Ministry of Education and Science of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz)

Baranova N. – Candidate of Philological Sciences, Docent, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Bolotova E. – Docent, Don State Technical University, Rostov-on-Don

Borisov E. – Senior Lecturer, North-Eastern Federal University (Yakutsk)

Bulycheva V. – Post-graduate student, Armavir State Pedagogical University

Burdukovskaya A. – Ph.D. of physical and mathematical sciences, Associate Professor, Irkutsk State University

Chervony A. – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Taganrog Institute named after A.P. Chekov (a branch of) Rostov State University of Economics

Chesukhina V. – Senior Lecturer, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino

Chudnova O. – Stavropol State Agrarian University

Chukhina A. – Associate professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Chvalun R. – Stavropol State Agrarian University

Dineikina E. – University lecturer, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute branch of the Volgograd State Medical University

Dmitriev V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhnevartovsk State University"

Filippova N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ryazan State Medical University after academician I. P. Pavlov

Golikova T. – Candidate of Philology, assistant professor in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration – RANEP, Moscow

Grekhovodov V. – Belgorod State National Research University Belgorod

Grishanova Ya. – Senior Lecturer, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino

Gurova I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education

Gutaeva Zh. – Candidate of Philology, Associate Professor, FSBEI HE "Kabardino-Balkarian state University named after H.M. Berbekov"

Ignatova E. – Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University (Moscow)

Ivanova E. – Ph.D. in pedagogical sciences, Associate Professor, Irkutsk State University

Khilchenko M. – Teacher, Peoples Friendship University of Russia, Moscow

Kitlyaeva S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Kizilova N. – Stavropol State Agrarian University

Klyueva Yu. – Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Food Technology and Design, Branch of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics", Nizhny Novgorod

Kochesokova M. – Candidate of Philology, Associate Professor, FSBEI HE "Kabardino-Balkarian state University named after H.M. Berbekov"

Korchagina A. – music director of MADOU DS No. 37; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhnevartovsk State University"

Kuzminov V. – Ph.D., Associate Professor, Institute of Food Technology and Design, branch of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics", Nizhny Novgorod

Lebedeva A. – Dr. Sc. (Philology), Professor, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (Moscow)

Likhacheva E. – Postgraduate student of the Moscow State Regional University; teacher at the College of Telecommunications of the Moscow Technical University of Communications and Informatics.

Meier L. – PhD in Sociology, Assistant Professor, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute branch of the Volgograd State Medical University

Murashova E. – Candidate of Philological Sciences, Docent, Taganrog Institute named after A.P. Chekov (a branch of) Rostov State University of Economics

Nikitina I. – candidate of science (philology), associate professor, Samara State University of Economics

Novgorodtseva T. – Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor, Irkutsk State University

Novikova M. – Dr. Sc. (Philology), assistant Professor, Russian State University of Justice (Moscow)

Ostrovskaya K. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Don State Agrarian University, Rostov region, Persianovsky settlement

Pankova T. – Associate professor, Voronezh State University

Pegasova N. – Ph.D. in pedagogical sciences, Associate Professor, Irkutsk State University

Peng Yunyu – Guangdong University of Foreign Studies and International Trade, Guangzhou, China; trainee of Peoples' Friendship University of Russia Moscow

Pishkova N. – Senior lecturer, Pacific National University

Pivovarova E. – Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University (Moscow)

Rusyaeva M. – Candidate of Philological Sciences, Docent, All-Russian State University of Justice, Middle-Volga Branch (Saransk)

Sabelnikova E. – Ph.D. of Pedagogical Sciences, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow)

Sadovnikova I. – Candidate of Sciences (Philology), junior researcher, Institute of Human Research and of Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Sagiryants E. – Senior Lecturer, Don State Technical University, Rostov-on-Don

Sanzharova I. – Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University (Moscow)

Sarkisyan M. – Candidate of Philology, Teacher, Kuban State University, Krasnodar

Savenko E. – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, State Public Science and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Shisharina A. – Teacher, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino

Shiyanova A. – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Shvetsov A. – Senior Lecturer, Institute of Food Technology and Design, branch of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics", Nizhny Novgorod

Shvetsova O. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Nizhnevartovsk State University"

Snegirev D. – Senior Lecturer, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Stepanova N. – Cand. Sci. (Phylol.) Associate Professor, St. Petersburg University of Management and Economics

Stroykov S. – candidate of science (philology), associate professor, Samara State University of Social Sciences and Education

Tatarova R. – Candidate of Philology, Associate Professor, FSBEI HE "Kabardino-Balkarian state University named after H.M. Berbekov"

Tinina Z. – candidate of Historical Sciences, associate Professor, Volgograd State Institute of Arts and Culture

Tkach E. – Candidate of Psychological Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Tkach R. – Candidate of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Tsarapkin I. – Teacher, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Tsaturyan M. – Doctor of Philology, Full professor, Kuban State University, Krasnodar

Tsopanova R. – Doctor of Philology, Professor, North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov

Wang Lina – PhD in Philology, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

Wu Haotian – Nango Institute of Business Guangdong University of Foreign Studies and International Trade, Guangzhou, China

Yang Xuejiao – Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University, Moscow

Zakharova I. – PhD student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Zvyagina G. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).